ВЕСТНИК

АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ ГОРОДА МОСКВЫ

ВЫПУСК № 2
[170] 2026

ВЕСТНИК

Адвокатской палаты города Москвы

Выпуск № 2 (170) 2026

Москва
2026

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 119 28 мая 2026 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и иные поступившие в Адвокатскую палату города Москвы документы, руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Борисова Людмила Анатольевна
2. Буянкин Юрий Анатольевич
3. Васильева Елена Сергеевна
4. Заболотная Светлана Николаевна
5. Зверева Юлия Сергеевна
6. Кекешкеев Арсланг Александрович
7. Князев Сергей Викторович
8. Лютая Ирина Леонидовна
9. Мартынов Александр Витальевич
10. Медведев Сергей Александрович
11. Радченко Екатерина Александровна
12. Саргсян Сурен Арамаисович
13. Сидоренко Наталья Анатольевна
14. Счастливый Георгий Викторович
15. Чикнайкина Екатерина Александровна
16. Чистяков Павел Дмитриевич
17. Чуйченко Наталья Ивановна

2. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановил** статус адвоката

Смирнов Павел Львович, регистрационный номер 77/10525 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.

3. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановила** статус адвоката

Седова Татьяна Алексеевна, регистрационный номер 77/5753 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.

4. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановил** статус адвоката

Скрехин Сергей Викторович, регистрационный номер 77/14058 в Едином государственном реестре адвокатов, с 22 мая 2026 года.

5. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили** статус адвоката:

1. Булатова Вероника Викторовна, регистрационный номер 77/17215 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2026 года.
2. Гаврилов Вячеслав Сергеевич, регистрационный номер 77/4780 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.
3. Грошев Игорь Александрович, регистрационный номер 77/11423 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2026 года.
4. Дробченко Анастасия Викторовна, регистрационный номер 77/14826 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.
5. Евдокимова Алена Николаевна, регистрационный номер 77/17673 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.
6. Зыкин Вадим Владимирович, регистрационный номер 77/17700 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.
7. Кулебякин Юрий Георгиевич, регистрационный номер 77/6464 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2026 года.
8. Лаптев Олег Николаевич, регистрационный номер 77/17848 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.
9. Разумова Наталья Николаевна, регистрационный номер 77/11110 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.
10. Романов Николай Юрьевич, регистрационный номер 77/13352 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.
11. Симонова Анастасия Васильевна, регистрационный номер 77/17375 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.
12. Шикина Анна Евгеньевна, регистрационный номер 77/17841 в Едином государственном реестре адвокатов, с 10 июня 2026 года.

6. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили** статус адвоката:

1. Агафонова Ирина Петровна, регистрационный номер 77/8080 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.
2. Александрова Ирина Юрьевна, регистрационный номер 77/6482 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.
3. Бекишева Наталья Сергеевна, регистрационный номер 77/13983 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2026 года.
4. Бессонов Борис Викторович, регистрационный номер 77/4376 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.

5. Захаров Вадим Александрович, регистрационный номер 77/3712 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.

6. Кабалинова Елена Евгеньевна, регистрационный номер 77/5750 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2026 года.

7. Леонов Константин Юрьевич, регистрационный номер 77/4967 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 мая 2026 года.

8. Любимов Сергей Дмитриевич, регистрационный номер 77/873 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.

9. Маклаков Олег Иванович, регистрационный номер 77/3851 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 мая 2026 года.

10. Сосунова Гюльнара Асафовна, регистрационный номер 77/7880 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.

11. Сулла Линина Яковлевна, регистрационный номер 77/5682 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.

7. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен** статус адвокатов:

1. Амфитеатрова Сергея Ивановича, регистрационный номер 77/3991 в Едином государственном реестре адвокатов, с 03 мая 2026 года.

2. Баранова Андрея Сергеевича, регистрационный номер 77/16373 в Едином государственном реестре адвокатов, с 08 апреля 2026 года.

3. Дергачева Михаила Викторовича, регистрационный номер 77/1950 в Едином государственном реестре адвокатов, с 17 мая 2026 года.

8. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен** статус адвоката

Шмелева Дмитрия Борисовича, регистрационный номер 77/3645 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.

9. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили** статус адвоката:

1. Молчанова Галина Александровна, регистрационный номер 77/13333 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2026 года.

2. Яблонских Любовь Николаевна, регистрационный номер 77/12469 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 мая 2026 года.

10. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» уведомить Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве об изменении адвокатом членства в Адвокатской палате города Москвы:

Газгиреев Бетербек Эльбекович, регистрационный номер 77/17133 в Едином государственном реестре адвокатов, в связи с принятием им решения об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате Астраханской области.

11. Изменить с 28 мая 2026 года основание приостановления статуса адвоката Сатыренко Виктора Михайловича, регистрационный номер 77/14330 в Едином го-

сударственном реестре адвокатов (статус приостановлен с 15 августа 2019 года по решению Совета Адвокатской палаты города Москвы от 15 августа 2019 года № 152 (подпункт 12 пункта 3) по пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; с 17 октября 2024 года по решению Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 октября 2025 года № 273 (пункт 10) основание приостановления статуса адвоката изменено на пп. 3 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), на пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

12. Внести следующие изменение и дополнение в Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 сентября 2022 г. № 267 «Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2022. Выпуск № 3 (158). С. 83–88):

11.1) в пункте 2 подпункт 6 исключить;

11.2) дополнить Решение пунктом 2.1 следующего содержания:

«В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановил** статус адвоката:

Жаринов Виктор Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13049, с 29 сентября 2022 года.».

13. Внести следующие изменения в Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 26 марта 2026 года № 78 ‘‘Об изменении основания приостановления статуса адвоката’’ (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 апреля 2026 года № 102):

13.1) в абзаце пятом преамбулы слова «473 адвоката» заменить словами «472 адвоката»;

13.2) в пункте 1 подпункт 123 исключить.

14. Внести следующие изменения в Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 26 марта 2026 года № 77 «Об изменении основания приостановления статуса адвоката»:

в пункте 1 исключить подпункты 292 и 460.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 120 28 мая 2026 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Абрамова Наталья Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5569, с 22 мая 2026 года.
2. Алексеева Светлана Валерьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5565, с 01 мая 2026 года.
3. Гавриченкова Наталия Станиславовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5572, с 27 мая 2026 года.
4. Коридзе Михаил Тенгизович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5567, с 21 мая 2026 года.
5. Лукьянчиков Сергей Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5571, с 19 мая 2026 года.
6. Настина Любовь Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–3505, с 18 мая 2026 года.
7. Пиягин Юрий Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5564, с 30 апреля 2026 года.
8. Федорчук Евгения Валерьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5568, с 21 мая 2026 года.
9. Филонова Ольга Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5570, с 21 мая 2026 года.
10. Щепанов Максим Аркадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5566, с 05 мая 2026 года.

2. Прекращена деятельность адвокатских кабинетов (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Дергачев Михаил Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5330, с 17 мая 2026 года (статус адвоката прекращен).

2. Желновод Павел Павлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–4614, с 29 апреля 2026 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

3. Кулешов Алексей Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–4407, с 12 мая 2026 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

4. Пермяков Олег Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–2111, с 20 мая 2026 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

5. Полушин Вячеслав Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–4694, с 18 мая 2026 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

6. Эстрин Андрей Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–2539, с 12 мая 2026 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

3. Временно приостановлена профессиональная деятельность адвокатского кабинета (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Разумова Наталья Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–4258, с 28 мая 2026 года (приостановление статуса адвоката, учредившего адвокатский кабинет).

4. Учреждены адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское бюро города Москвы «Парето право», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2–567, с 23 марта 2026 года.

2. Адвокатское бюро г. Москвы «Центр», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2–568, с 23 марта 2026 года.

3. Адвокатское бюро города Москвы «Севен Хиллс Лигал (Семь холмов права)», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2–569, с 30 марта 2026 года.

4. Адвокатское бюро города Москвы «Технологии Защиты», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2–570, с 20 апреля 2026 года.

5. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Коллегия адвокатов города Москвы «К5», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–1127, с 27 апреля 2026 года.

6. Временно приостановлена профессиональная деятельность коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московский филиал Коллегии адвокатов Санкт-Петербурга «Лигал Форт», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–1053, с 23 марта 2026 года (отсутствие в составе адвокатского образования адвокатов по причине избрания иной формы адвокатского образования для дальнейшего осуществления профессиональной деятельности).

2. Коллегия адвокатов «Шаргородская и Ко» г. Москва, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–747, с 28 мая 2026 года (прекращение статуса всех адвокатов, осуществлявших профессиональную деятельность в адвокатском образовании).

7. Изменены наименования адвокатских образований:

Московская городская коллегия адвокатов «Сокальский, Филиппов и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–590, изменила наименование на Московская городская коллегия адвокатов «Сокальский и партнеры» с 25 мая 2026 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 121 28 мая 2026 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив ходатайства о награждении, поступившие из адвокатских образований, одобренные Комиссией Совета Адвокатской палаты города Москвы по награждениям, решил:

наградить Почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы

Аманлиева Марата Ильича, регистрационный номер 77/12189 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Адвокатского бюро «Райт Сайд» («Верная сторона») города Москвы,

присвоить звание «Ветеран московской адвокатуры»
с вручением удостоверения и нагрудного знака

Крупенину Андрею Евгеньевичу, регистрационный номер 77/6192 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов города Москвы «Совет столичных адвокатов»,

наградить почетным дипломом
Адвокатской палаты города Москвы

Адвокатское бюро города Москвы «Сословие», регистрационный номер 77/2–298 в реестре адвокатских образований города Москвы.

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы решил обратиться с ходатайством о награждении наградой Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. К награждению представлены:

почетной грамотой
Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации:

Охрименко Дмитрий Александрович, регистрационный номер 77/14102 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита»;

Романов Алексей Андреевич, регистрационный номер 77/14533 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Ромашов, Романов и партнеры»;

Томилин Владимир Александрович, регистрационный номер 77/8872 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва),

медалью
Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации
«За заслуги в защите прав и свобод граждан» I степени

Соколова Нина Федоровна, регистрационный номер 77/5778 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва).

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 147 30 июня 2026 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

(извлечение)

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и иные поступившие в Адвокатскую палату города Москвы документы, руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Андреев Андрей Анатольевич
2. Бабичев Александр Игоревич
3. Буйновская Злата Геннадьевна
4. Бутузов Дмитрий Сергеевич
5. Вовк Вадим Евгеньевич
6. Дудниченко Михаил Михайлович
7. Исакова Милана Бесланович
8. Лагода Елена Васильевна
9. Лепшоков Руслан Арсенович
10. Маматов Андрей Шухратбекович
11. Марущак Павел Олегович
12. Медведев Демид Иванович
13. Моторин Дмитрий Евгеньевич
14. Муджиков Хонгор Николаевич
15. Садковой Алексей Викторович

2. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановил** статус адвоката:

Ключник Михаил Александрович, регистрационный номер 77/2225 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

3. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили** статус адвоката:

1. Бутенко Роман Николаевич, регистрационный номер 77/15225 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

2. Власова Елена Валерьевна, регистрационный номер 77/4811 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2026 года.

3. Горбулина Ольга Викторовна, регистрационный номер 77/284 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

4. Денисов Евгений Анатольевич, регистрационный номер 77/11843 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

5. Исаева Наталья Георгиевна, регистрационный номер 77/16843 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2026 года.

6. Исаков Игорь Николаевич, регистрационный номер 77/17470 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

7. Мазуркевич Андрей Константинович, регистрационный номер 77/16140 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

8. Околотина Елена Юрьевна, регистрационный номер 77/6477 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2026 года.

9. Скузоватов Михаил Иванович, регистрационный номер 77/15972 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

10. Созинова Анастасия Александровна, регистрационный номер 77/9279 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2026 года.

11. Степанов Владимир Вячеславович, регистрационный номер 77/11919 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

12. Шуба Татьяна Витальевна, регистрационный номер 77/9159 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

4. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили** статус адвоката:

1. Алешина Наталия Семеновна, регистрационный номер 77/2121 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2026 года.

2. Баев Анатолий Андреевич, регистрационный номер 77/1575 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

3. Башкатова Надежда Лаврентьевна, регистрационный номер 77/2801 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

4. Билоконь Анатолий Григорьевич, регистрационный номер 77/2766 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

5. Вихарев Анатолий Александрович, регистрационный номер 77/6912 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2026 года.

6. Григорьев Виктор Сергеевич, регистрационный номер 77/1244 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

7. Зиатдинов Эльдар Шамильевич, регистрационный номер 77/10524 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

8. Корнаев Асланбек Алексеевич, регистрационный номер 77/13568 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

9. Крапивина Инна Валерьевна, регистрационный номер 77/8851 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

10. Ланчава Ольга Геннадьевна, регистрационный номер 77/5928 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2026 года.

11. Маясов Сергей Викторович, регистрационный номер 77/15473 в Едином государственном реестре адвокатов, с 22 июня 2026 года.

12. Меркушева Людмила Васильевна, регистрационный номер 77/7030 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

13. Минаков Александр Иванович, регистрационный номер 77/335 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

14. Паюшин Константин Иванович, регистрационный номер 77/1348 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

15. Скопкарева Вера Александровна, регистрационный номер 77/8180 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

16. Спиранов Игорь Анатольевич, регистрационный номер 77/632 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

17. Сулейманов Вагид Бейбала оглы, регистрационный номер 77/589 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

18. Трофимов Владимир Николаевич, регистрационный номер 77/5126 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

19. Черников Алексей Иванович, регистрационный номер 77/11260 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

5. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен** статус адвокатов:

1. Играева Николая Владимировича, регистрационный номер 77/564 в Едином государственном реестре адвокатов, с 05 июня 2026 года.

2. Маковийчук Ольги Владимировны, регистрационный номер 77/6653 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 июня 2026 года.

3. Мартынова Владимира Александровича, регистрационный номер 77/2367 в Едином государственном реестре адвокатов, с 12 июня 2026 года.

4. Чернохвостова Сергея Александровича, регистрационный номер 77/4866 в Едином государственном реестре адвокатов, с 24 мая 2026 года.

5. Шебзуховой Валентины Николаевны, регистрационный номер 77/15673 в Едином государственном реестре адвокатов, с 23 мая 2026 года.

6. Шеварнадзе Галии Нагмановны, регистрационный номер 77/6567 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 мая 2026 года.

6. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен** статус адвокатов:

1. Кима Юрия Алексеевича, регистрационный номер 77/10591 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

2. Киреева Сергея Владимировича, регистрационный номер 77/16453 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

3. Морозова Артура Сергеевича, регистрационный номер 77/12020 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

7. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили** статус адвоката:

1. Байчорова Фатима Исмаиловна, регистрационный номер 77/12149 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2026 года.

2. Михеенкова Татьяна Сергеевна, регистрационный номер 77/9806 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2026 года.

8. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» уведомить Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве об изменении адвокатами членства в Адвокатской палате города Москвы:

1. Постников Николай Ильич, регистрационный номер 77/13893 в Едином государственном реестре адвокатов, в связи с принятием им решения об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате Рязанской области.

2. Сармин Сергей Павлович, регистрационный номер 77/16946 в Едином государственном реестре адвокатов, в связи с принятием им решения об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате Саратовской области.

9. В соответствии с п. 20 Решения Двадцать четвертой ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 3 апреля 2026 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы 1 адвоката … с 10 января 2026 года по 29 мая 2026 года в связи с отпуском по беременности и родам.

10. Внести следующее изменение в Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 26 марта 2026 года № 77 «Об изменении основания приостановления статуса адвоката»:

в пункте 1 исключить подпункт 39.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 148 30 июня 2026 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Бордуков Дмитрий Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5581, с 10 июня 2026 года.

2. Гаджимурадов Азиз Альбертович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5574, с 01 июня 2026 года.

3. Заксон Анна Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5585, с 10 июня 2026 года.

4. Кальгина Татьяна Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5573, с 01 июня 2026 года.

5. Капитонов Андрей Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5586, с 26 июня 2026 года.

6. Кебальникова Наталья Петровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5575, с 04 июня 2026 года.

7. Кузнецова Зоя Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5577, с 05 июня 2026 года.

8. Медведев Сергей Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5584, с 19 июня 2026 года.

9. Москвитин Олег Андреевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5583, с 15 июня 2026 года.

10. Николаев Денис Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5580, с 11 июня 2026 года.

11. Полушин Вячеслав Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–4694, с 15 июня 2026 года.

12. Пополитова Лилия Харисовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5589, с 29 июня 2026 года.

13. Сатдарова Ландыш Минзагитовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5578, с 09 июня 2026 года.

14. Свидерский Станислав Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5587, с 17 июня 2026 года.

15. Суворов Евгений Дмитриевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–1432, с 04 июня 2026 года.

16. Татарникова Анна Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5576, с 02 июня 2026 года.

17. Тенчурина Виктория Нюруллаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5579, с 10 июня 2026 года.

18. Тер-Варданян Марина Джимшеровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5582, с 19 июня 2026 года.

19. Томас Дмитрий Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–3581, с 25 июня 2026 года.

20. Шпанов Константин Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5588, с 10 июня 2026 года.

2. Прекращена деятельность адвокатских кабинетов (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Калинин Владислав Павлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5030, с 29 июня 2026 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

2. Ким Юрий Алексеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–4017, с 30 июня 2026 года (статус адвоката прекращен).

3. Маковийчук Ольга Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–3603, с 19 июня 2026 года (статус адвоката прекращен).

4. Паюшин Константин Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–606, с 30 июня 2026 года (статус адвоката прекращен).

5. Самарин Михаил Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–3884, с 28 мая 2026 года (статус адвоката прекращен).

6. Черепков Матвей Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–4771, с 20 мая 2026 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

7. Шебзухова Валентина Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–4762, с 23 мая 2026 года (статус адвоката прекращен).

3. Временно приостановлена профессиональная деятельность адвокатских кабинетов (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Ключник Михаил Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–363, с 30 июня 2026 года (приостановление статуса адвоката, учредившего адвокатский кабинет).

2. Мазуркевич Андрей Константинович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–16140, с 30 июня 2026 года (приостановление статуса адвоката, учредившего адвокатский кабинет).

4. Учреждено адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро города Москвы «Дегтярева и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2–571, с 19 мая 2026 года.

5. Исключены сведения из реестра адвокатских образований города Москвы (адвокатские бюро) (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское бюро города Москвы «Суворов, Кузнецова и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2–541, с 01 июня 2026 года (ликвидация адвокатского образования).

2. Адвокатское бюро «Консилиум Юрис», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2–110, с 01 июня 2026 года (отсутствие в составе АБ адвокатов по причине избрания иной формы АО для осуществления адвокатской деятельности).

6. Учреждена коллегия адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Коллегия адвокатов города Москвы «Цибульский, Хлебникова и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–1128, с 12 мая 2026 года.

7. Исключены сведения из реестра адвокатских образований города Москвы (адвокатская коллегия) (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Коллегия адвокатов г. Москвы «Мартиросян и партнёры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–652, с 15 июня 2026 года (ликвидация адвокатского образования).

8. Временно приостановлена профессиональная деятельность коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Московская городская коллегия адвокатов «Гуров, Заксон и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–916, с 10 июня 2026 года (отсутствие в составе адвокатского образования адвокатов по причине избрания иной формы адвокатского образования для дальнейшего осуществления профессиональной деятельности).

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 150 30 июня 2026 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив ходатайства о награждении, поступившие из адвокатских образований, одобренные Комиссией Совета Адвокатской палаты города Москвы по награждениям, решил:

наградить почетной грамотой
Адвокатской палаты города Москвы:

Духанину Наталью Анатольевну, регистрационный номер 77/13519 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва),

Шкурко Леонида Генриховича, регистрационный номер 77/7042 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Коллегии адвокатов «Союз московских адвокатов».

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы решил обратиться с ходатайством о награждении наградой Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. К награждению представлен

медалью
Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации
«За заслуги в защите прав и свобод граждан» I степени

Рябцев Владимир Владимирович, регистрационный номер 77/1112 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва).

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 151 30 июня 2026 года

Об утверждении Положения об организации и осуществлении Адвокатской палатой города Москвы контроля в отношении адвокатов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения

Федеральным законом от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ) предусмотрено, что контроль (надзор) в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения в отношении адвокатов осуществляется адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации.

С целью организации и осуществления Адвокатской палатой города Москвы контроля в отношении адвокатов, готовящих или осуществляющих от имени или по поручению своего клиента операции с денежными средствами или иным имуществом в случаях, предусмотренных статьей 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ, Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь подпунктом 20 пункта 3 статьи 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

1. Утвердить Положение об организации и осуществлении Адвокатской палатой города Москвы контроля в отношении адвокатов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения и ввести его в действие с 01 июля 2026 года.

2. Опубликовать настоящее Решение в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» и на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

Утверждено
Решением Совета
Адвокатской палаты
города Москвы
от 30 июня 2026 года № 151

ПОЛОЖЕНИЕ
об организации и осуществлении Адвокатской палатой города Москвы контроля в отношении адвокатов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения

I. Общие положения

1. Настоящее Положение определяет порядок организации и осуществления Адвокатской палатой города Москвы (далее – Палата, контрольный орган) контроля в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения (далее – ПОД/ФТ/ФРОМУ) в отношении адвокатов, готовящих или осуществляющих от имени или по поручению своего клиента операции с денежными средствами или иным имуществом в случаях, предусмотренных статьей 7.1 Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ), а также устанавливает права и обязанности адвокатов, возникающие в связи с осуществлением такого контроля.

2. Настоящее Положение разработано на основе Федерального закона № 115-ФЗ, Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката, постановления Правительства Российской Федерации от 19 февраля 2022 года № 219 «Об утверждении Положения о контроле (надзоре) в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения», решений и разъяснений Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, а также методических документов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам организации контроля в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ.

3. Предметом контроля является соблюдение адвокатами требований законодательства о ПОД/ФТ/ФРОМУ при осуществлении видов юридической помощи, указанных в пункте 1 статьи 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ.

4. Контрольные мероприятия осуществляются в отношении адвокатов, в отношении которых имеются сведения об осуществлении либо признаках осуществления деятельности, подпадающей под действие статьи 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ. При отсутствии таких сведений применяются профилактические и уточняющие мероприятия.

5. Объектом контроля является деятельность адвоката по исполнению обязанностей в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ в пределах, установленных законодательством Российской Федерации.

6. Контроль осуществляется с соблюдением гарантий адвокатской тайны, принципов законности, соразмерности, риск-ориентированного подхода, добросовестности, недопустимости вмешательства в оказание юридической помощи и недопустимости истребования сведений, не относящихся к предмету контрольного мероприятия.

7. Истребование и исследование документов, содержащих сведения, составляющие адвокатскую тайну, допускаются только в случаях и пределах, прямо предусмотренных законодательством Российской Федерации. При проведении обычных контрольных мероприятий используются преимущественно организационные, учетные, обезличенные и иные документы, позволяющие оценить соблюдение требований законодательства без раскрытия содержания конкретных поручений доверителей.

8. Палата осуществляет контроль с применением риск-ориентированного подхода. Для целей применения риск-ориентированного подхода деятельность контролируемого лица относится к одному из следующих уровней риска несоблюдения требований законодательства: высокий, повышенный, умеренный, низкий.

9. Отнесение адвоката к определенному уровню риска, а равно изменение уровня риска осуществляются контрольным органом на основании модели оценки рисков, утверждаемой Советом Палаты на основе модели оценки рисков, рекомендованной Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации. Для целей реализации риск-ориентированного подхода Президентом Палаты назначаются ответственные лица, организуется их обучение и ведется документирование принятых решений по уровню риска.

II. Виды профилактических и контрольных мероприятий

10. Контроль осуществляется посредством проведения профилактических мероприятий и контрольных мероприятий.

11. К профилактическим мероприятиям относятся:

11.1) анкетирование (опрос) адвокатов;

11.2) обобщение правоприменительной и контрольной практики и доведение ее результатов до сведения адвокатов;

11.3) доведение до адвокатов информации об актуальных требованиях законодательства, рисках и типологиях ОД/ФТ/ФРОМУ, операциях (сделках), требующих повышенного внимания, а также об изменениях законодательства и нормативного регулирования;

11.4) проведение семинаров, вебинаров, конференций и иных обучающих мероприятий в целях повышения уровня осведомленности адвокатов и работников Палаты о требованиях законодательства в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ;

11.5) адресное консультирование и разъяснение типовых вопросов применения статьи 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ.

12. К контрольным мероприятиям относятся:

12.1) информирование адвоката о наличии признаков возможного несоблюдения обязательных требований и о необходимости принятия мер по их соблюдению;

12.2) проведение плановых, внеплановых и повторных (контрольных) проверок в документарной или выездной форме.

13. Информирование адвоката осуществляется при наличии у Палаты сведений о признаках нарушений, соответствующих умеренному уровню риска либо требующих пересмотра ранее присвоенного уровня риска. Палата направляет адвокату уведомление с указанием выявленных признаков нарушений, рекомендациями по их устранению и предложением представить информацию о принятых мерах (Приложение № 1).

14. Адвокат представляет информацию о принятых мерах в течение 5 рабочих дней со дня получения письма. С учетом объема запрашиваемых сведений Палата вправе установить более длительный срок, но не более 10 рабочих дней.

15. В целях ПОД/ФТ/ФРОМУ проводятся плановые, внеплановые и повторные (контрольные) проверки. Формы проверок: документарная и выездная.

16. Выбор вида контрольного мероприятия осуществляется на основании присвоенного адвокату уровня риска и характера имеющихся сведений:

16.1) высокий уровень риска – плановая документарная или выездная проверка, а при наличии оснований – внеплановая документарная или выездная проверка;

16.2) повышенный уровень риска – плановая документарная проверка, а при наличии оснований – внеплановая документарная или выездная проверка;

16.3) умеренный уровень риска – информирование, а при наличии оснований – внеплановая документарная проверка;

16.4) низкий уровень риска – профилактические мероприятия без проведения плановых и внеплановых проверок, если отсутствуют основания для пересмотра уровня риска.

17. Основаниями для проведения внеплановой проверки являются:

17.1) поступление информации из Росфинмониторинга, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, органов государственной власти или иных документально зафиксированных сведений, позволяющих предполагать наличие признаков несоблюдения адвокатом обязательных требований законодательства в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ;

17.2) непредставление адвокатом ответа на информирование в срок, установленный пунктом 14 настоящего Положения;

17.3) представление адвокатом ответа, свидетельствующего о неустранении выявленных признаков нарушений;

17.4) выявление признаков повторности нарушений;

17.5) неисполнение либо ненадлежащее исполнение ранее выданного предписания.

18. Повторная (контрольная) проверка проводится для контроля устранения ранее выявленных нарушений и исполнения выданного предписания.

19. Предметом проверки могут быть исключительно вопросы, относящиеся к исполнению адвокатом обязанностей, возникающих в силу статьи 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ, в том числе:

19.1) использование адвокатом личного кабинета на официальном сайте Росфинмониторинга и ознакомление с обязательной информацией, размещаемой в таком кабинете;

19.2) наличие и актуальность организационных решений по исполнению правил внутреннего контроля (далее также – ПВК), включая назначение специального должностного лица в случаях, когда такое назначение требуется, и прохождение необходимого обучения;

19.3) наличие и актуальность правил внутреннего контроля;

19.4) соблюдение процедур идентификации доверителей, их представителей, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев;

19.5) оценка степени (уровня) риска клиента и поручения;

19.6) выявление подозрительных операций, наличие мотивированных суждений и соблюдение порядка направления сведений в Росфинмониторинг в случаях, предусмотренных законодательством;

19.7) принятие мер по замораживанию (блокированию) активов, если такие меры подлежат применению;

19.8) фиксирование, хранение и защита сведений, полученных в результате реализации ПВК.

20. В случае выявления при проверке признаков неисполнения профессиональных обязанностей в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ, а равно уклонения от проведения проверки в отношении адвоката может быть инициировано дисциплинарное производство в порядке, установленном законодательством об адвокатуре и корпоративными актами адвокатуры.

III. Права и обязанности контрольного органа и контролируемого лица

21. Палата при осуществлении контроля обязана:

21.1) соблюдать законодательство Российской Федерации, права и законные интересы контролируемых лиц;

21.2) осуществлять предоставленные полномочия своевременно и в полном объеме в пределах предмета контрольного мероприятия;

21.3) знакомить контролируемых лиц с основаниями проведения контрольных мероприятий и их результатами в порядке, установленном настоящим Положением;

21.4) соблюдать установленные сроки проведения контрольных мероприятий;

21.5) не требовать от адвокатов документы и сведения, представление которых не предусмотрено законодательством Российской Федерации и настоящим Положением, либо которые не относятся к предмету проверки;

21.6) обеспечивать ограничение доступа к материалам проверки и соблюдение требований о защите информации.

22. Палата в пределах своих полномочий имеет право:

22.1) запрашивать документы, сведения, письменные объяснения, выписки, журналы, реестры, обезличенные копии и иные материалы, относящиеся к предмету проверки;

22.2) получать от адвоката пояснения по обстоятельствам, имеющим значение для проверки;

22.3) знакомиться с электронными базами данных и информационными системами контролируемого лица только в части, относящейся к предмету проверки, путем представления адвокатом необходимых выгрузок, реестров, журналов, скриншотов

или иных документов, без предоставления неограниченного доступа ко всей информационной системе;

22.4) проводить выездную проверку в случаях, предусмотренных настоящим Положением;

22.5) выдавать предписания об устранении выявленных нарушений.

23. Палата не вправе:

23.1) оценивать соблюдение требований законодательства, если такая оценка не относится к ее полномочиям;

23.2) проводить контрольные мероприятия, не предусмотренные решением о проверке;

23.3) требовать представления документов и сведений, не относящихся к предмету контрольного мероприятия;

23.4) изымать оригиналы документов, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом;

23.5) распространять сведения, полученные при осуществлении контроля, составляющие охраняемую законом тайну.

24. Контролируемое лицо вправе:

24.1) присутствовать при проведении контрольных мероприятий и давать пояснения по вопросам их проведения;

24.2) получать от Палаты информацию, относящуюся к предмету профилактического либо контрольного мероприятия;

24.3) знакомиться с документами, являющимися основанием проведения проверки;

24.4) ходатайствовать о продлении срока проведения проверки либо срока представления документов;

24.5) знакомиться с результатами проверки и представлять возражения на акт проверки;

24.6) обжаловать решения, принятые контрольным органом, в установленном порядке.

25. Контролируемое лицо обязано:

25.1) представить в установленные сроки документы и сведения, относящиеся к предмету проверки;

25.2) обеспечить возможность ознакомления с относящимися к предмету проверки материалами в форме, не нарушающей требования законодательства об адвокатской тайне;

25.3) исполнять законные требования, содержащиеся в предписании, в установленный срок.

IV. Порядок проведения контрольных мероприятий

26. Контрольные мероприятия в форме плановых и внеплановых проверок не проводятся в отношении адвокатов, отнесенных к низкому уровню риска, если отсутствуют основания для пересмотра уровня риска либо иные основания, указанные в пункте 17 настоящего Положения.

27. Плановые проверки проводятся на основании планов проведения проверок, утверждаемых Советом Палаты.

28. Основанием для проведения проверки является распоряжение Президента Палаты. Срок проведения документарной проверки не может превышать 20 рабочих дней, выездной проверки – 10 рабочих дней. Указанные сроки могут быть продлены Президентом Палаты однократно на срок не более 10 рабочих дней при наличии мотивированного представления руководителя проверки.

29. Распоряжение о проведении проверки должно содержать (Приложение № 2):

29.1) наименование контрольного органа;

29.2) фамилии, имена, отчества (при наличии) и должности инспектора (инспекторов);

29.3) фамилию, имя, отчество (при наличии) и должность руководителя проверки (уполномоченного лица), если назначается более одного инспектора;

29.4) фамилию, имя, отчество (при наличии) адвоката, в отношении которого проводится проверка, регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов, место фактического осуществления деятельности;

29.5) вид проверки, основания ее проведения, предмет проверки, срок проведения, перечень контрольных действий и проверяемый период;

29.6) адрес электронной почты, по которому контролируемое лицо может направлять документы и пояснения.

30. О проведении проверки адвокат уведомляется путем направления распоряжения по адресу электронной почты, сообщенному в Палату, либо через личный кабинет адвоката в автоматизированной информационной системе Палаты, а при отсутствии актуальных сведений об адресе электронной почты – почтовым отправлением по месту жительства либо месту осуществления адвокатской деятельности.

31. О проведении выездной проверки адвокат уведомляется не позднее чем за 48 часов до ее начала. Сокращенный срок уведомления допускается только при наличии документально зафиксированных обстоятельств, свидетельствующих о риске утраты, изменения или непредставления материалов, относящихся к предмету проверки, либо при проведении повторной проверки исполнения предписания.

32. Документарная проверка проводится по месту нахождения контрольного органа. Выездная проверка проводится по месту осуществления адвокатской деятельности либо по месту нахождения документов и материалов, относящихся к предмету проверки.

33. Выездная проверка проводится, если: представленные материалы недостаточны для завершения документарной проверки; адвокат не представил документы по документарному запросу; необходимо проверить фактическую организацию исполнения ПВК и хранения материалов; либо характер выявленных обстоятельств требует выездной формы контроля при соблюдении ограничений, установленных пунктами 6 и 7 настоящего Положения. Выездная проверка в отношении одного и того же адвоката не проводится чаще одного раза в календарный год, если иное не обусловлено исполнением предписания либо вновь возникшими основаниями для внеплановой проверки.

34. При проведении документарной проверки адвокату вместе с распоряжением направляется запрос о предоставлении документов и информации, который должен содержать дату составления, номер и дату распоряжения, перечень запрашиваемых документов и сведений, форму и срок их представления (Приложение № 3).

35. Срок представления документов исчисляется со следующего рабочего дня после получения адвокатом запроса. Установленный срок должен обеспечивать реальную возможность подготовки документов и сведений.

36. Адвокат вправе обратиться к руководителю проверки с письменным ходатайством о продлении срока представления документов с указанием причин невозможности их представления в установленный срок.

37. Руководитель проверки в течение одного рабочего дня со дня получения ходатайства рассматривает его и направляет адвокату уведомление о продлении срока либо об отказе в продлении срока с указанием мотивов.

38. Представляемые адвокатом копии документов заверяются надлежащим образом. При наличии технической возможности допускается представление электронных копий, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью либо удостоверенных иным способом, позволяющим установить их происхождение.

39. В случае возникновения объективных причин невозможности завершить проверку в установленный срок руководитель проверки вносит Президенту Палаты мотивированное представление о продлении срока проведения проверки.

40. Контролируемое лицо информируется о продлении срока проверки и об изменении состава группы инспекторов любым способом, обеспечивающим фиксацию факта и даты направления уведомления.

V. Оформление результатов проверки и меры реагирования

41. По результатам проверки составляется акт проверки в пределах срока ее проведения. Один экземпляр акта остается в Палате, другой в течение трех рабочих дней после его составления вручается адвокату либо направляется ему способом, обеспечивающим фиксацию факта и даты получения.

42. Акт проверки должен содержать (Приложение № 4):
42.1) дату и место составления;
42.2) наименование контрольного органа;
42.3) дату и номер распоряжения о проведении проверки;
42.4) сведения об инспекторах и руководителе проверки;
42.5) сведения об адвокате, в отношении которого проводилась проверка;
42.6) проверяемый период и срок проведения проверки;
42.7) перечень контрольных действий и документов, рассмотренных в ходе проверки;

42.8) установленные фактические обстоятельства и результаты проверки;

42.9) сведения о выявленных нарушениях с указанием нарушенных норм, доказательств нарушения и информации об исполнении либо неисполнении ранее выданных предписаний;

42.10) подписи инспекторов и руководителя проверки.

43. К акту проверки прилагаются копии документов, подтверждающих выводы проверки, а также иные относящиеся к результатам проверки материалы. Документы, содержащие сведения, составляющие адвокатскую тайну, прилагаются к акту только в случаях и пределах, прямо предусмотренных законодательством. В иных случаях используются обезличенные копии, выписки, реестры либо описания документов, достаточные для подтверждения выводов проверки.

44. В случае невозможности проведения или завершения проверки составляется акт о невозможности проведения проверки с указанием причин.

45. Адвокат вправе в течение 10 (десяти) рабочих дней со дня получения акта проверки представить письменные возражения на акт проверки.

46. На основании акта проверки и с учетом поступивших возражений Президентом Палаты выносится предписание об устранении выявленных нарушений либо принимается иное решение в пределах полномочий Палаты.

47. Предписание должно содержать дату вынесения, сведения об адвокате, реквизиты акта проверки, описание выявленных нарушений, нарушенные требования законодательства, срок их устранения и способы подтверждения устранения (Приложение № 5).

48. Срок устранения нарушений определяется с учетом характера нарушений и не может превышать 30 (тридцати) рабочих дней со дня получения предписания, если более длительный срок не вытекает из характера подлежащих исполнению действий.

49. Предписание направляется адвокату способом, обеспечивающим фиксацию факта и даты его направления либо получения.

50. В случае невозможности исполнения предписания в установленный срок по причинам, не зависящим от адвоката, адвокат вправе не позднее чем за 10 (десять) рабочих дней до истечения срока его исполнения обратиться с мотивированным ходатайством о продлении срока исполнения предписания.

51. По результатам рассмотрения ходатайства Президент Палаты принимает решение о продлении срока исполнения предписания либо об отказе в его продлении.

52. Неисполнение либо ненадлежащее исполнение предписания, а равно повторное выявление нарушений, может являться основанием для проведения повторной проверки и постановки вопроса о дисциплинарной ответственности адвоката.

VI. Обращение с материалами проверки и защита информации

53. Материалы проверок подлежат хранению в систематизированном виде в соответствии с номенклатурой дел Палаты и правилами делопроизводства.

54. Доступ к материалам проверок предоставляется только лицам, для которых такой доступ необходим в связи с исполнением служебных обязанностей. Палата обеспечивает учет лиц, получивших доступ к материалам проверки, с фиксацией основания, даты и объема предоставленного доступа.

55. При подготовке, хранении и использовании материалов проверки Палата обеспечивает обезличивание материалов проверки в случаях, когда это не препятствует целям проверки и последующего реагирования.

56. Копирование, воспроизведение и передача материалов проверки третьим лицам допускаются только в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

57. Оригиналы документов, содержащих сведения, составляющие адвокатскую тайну, не подлежат изъятию Палатой, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

VII. Оценка эффективности организации контроля

58. Палата документирует и анализирует результаты контрольной деятельности в целях оценки ее эффективности.

59. Текущий мониторинг результатов контрольной деятельности осуществляется ежеквартально и включает сведения о проведенных проверках, выявленных нарушениях, мерах реагирования, исполнении предписаний, повторных проверках, обучающих и профилактических мероприятиях.

60. Итоговая оценка эффективности организации контроля осуществляется ежегодно на основании изменения уровней риска адвокатов, сокращения количества типовых нарушений, исполнения предписаний, снижения повторности нарушений и иных значимых показателей.

61. Обобщенные результаты мониторинга и ежегодной оценки эффективности направляются в Федеральную палату адвокатов Российской Федерации в порядке и сроки, установленные решениями Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

62. Результаты мониторинга и ежегодной оценки используются для актуализации модели оценки рисков, планирования профилактических мероприятий и отбора объектов последующего контроля.

ПРИЛОЖЕНИЯ
к Положению об организации и осуществлении
Адвокатской палатой города Москвы
контроля в отношении адвокатов в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ

Приложение № 1

Форма уведомления
о наличии признаков возможного несоблюдения
обязательных требований в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ

Адвокатская палата города Москвы
_____
_____

Исх. № _____ от «___» _____ 20___ г.
Адвокату _____
регистрационный номер в ЕГРА _____
адрес электронной почты / адрес для корреспонденции: _____

УВЕДОМЛЕНИЕ
о наличии признаков возможного несоблюдения
обязательных требований в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ

Адвокатская палата города Москвы сообщает, что, по имеющимся сведениям, в Вашей деятельности выявлены признаки возможного несоблюдения требований, возникающих в силу статьи 7.1 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ.

Выявленные признаки / обстоятельства:
1) _____
2) _____
3) _____

В связи с изложенным Вам предлагается принять меры по устранению указанных признаков и представить в Палату информацию о принятых мерах с приложением подтверждающих материалов в срок до «___» _____ 20___ г.

Рекомендуется представить, в частности:
– письменные пояснения по существу выявленных обстоятельств;
– копии локальных и учетных документов, относящихся к предмету информирования;
– сведения о прохождении обучения, актуализации ПВК, формы оценки риска, сведения о надлежащей проверке клиента (далее – НПК) и иные подтверждающие материалы.

Непредставление ответа либо представление ответа, свидетельствующего о неустранении выявленных признаков, может являться основанием для проведения внеплановой проверки в порядке, установленном Положением.

Президент / уполномоченное лицо _____/_____

Приложение № 2

Форма распоряжения о проведении проверки

Адвокатская палата города Москвы

РАСПОРЯЖЕНИЕ
о проведении проверки

№ _____ «___» _____ 20___ г.

В соответствии с Положением об организации и осуществлении Адвокатской палатой города Москвы контроля в отношении адвокатов в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ

РАСПОРЯЖАЮСЬ:

Пункт	**Содержание распоряжения**
1	Провести _____ проверку (плановую / внеплановую / повторную; документарную / выездную) в отношении адвоката _____, регистрационный номер в ЕГРА _____.
2	Основание проведения проверки: _____.
3	Предмет проверки: _____.
4	Проверяемый период: с «___» _____ 20___ г. по «___» _____ 20___ г.
5	Срок проведения проверки: с «___» _____ 20___ г. по «___» _____ 20___ г.
6	Назначить инспектором(ами): _____.
7	Назначить руководителем проверки: _____.
8	Определить перечень контрольных действий: _____.
9	Установить адрес электронной почты для направления документов и пояснений: _____.

Президент Адвокатской палаты города Москвы _____/_____

С распоряжением ознакомлен(а): _____ /_____ «___» _____ 20___ г.

Приложение № 3

Форма запроса о предоставлении документов и информации

Адвокатская палата города Москвы

ЗАПРОС
о предоставлении документов и информации
(запрашиваемые документы и сведения представляются только в части, относящейся к предмету проверки и проверяемому периоду, без раскрытия содержания конкретных поручений доверителей, если такое раскрытие не предусмотрено законом)

№ _____ от «___» _____ 20___ г.

В связи с проведением _____ проверки на основании распоряжения от «___» _____ _____ 20___ г. № _____ просим представить следующие документы и сведения, относящиеся к предмету проверки:

№	Перечень документов и сведений
1	Документы, подтверждающие использование личного кабинета адвоката на официальном сайте Росфинмониторинга и ознакомление с обязательной информацией
2	Документы о назначении специального должностного лица (если назначение требуется) и документы о прохождении обучения
3	Актуальная редакция правил внутреннего контроля
4	Формы оценки риска клиента и поручения, формы НПК, журналы, реестры, мотивированные суждения и иные учетные материалы — в части, относящейся к предмету проверки
5	Пояснения по выявленным обстоятельствам и иные документы, указанные в приложении к запросу

Форма представления: бумажные копии / электронные копии / заверенные выписки / скриншоты / реестры / журналы.

Срок представления: до «___» _____ 20___ г.

Документы и сведения направляются по адресу электронной почты _____ либо иным способом, указанным в распоряжении о проведении проверки.

Уполномоченное лицо _____/_____

Приложение № 4

Форма акта проверки

Адвокатская палата города Москвы

АКТ ПРОВЕРКИ

№ _____ «___» _____ 20___ г.

Место составления: _____

Сведения о соблюдении ограничений, связанных с адвокатской тайной: _____.

На основании распоряжения о проведении проверки от «___» _____ 20___ г. № _____ проведена _____ проверка в отношении адвоката _____, регистрационный номер в ЕГРА _____.

№	Раздел акта	Содержание
1	Сведения об инспекторах и руководителе проверки	_____ _____
2	Проверяемый период	_____
3	Срок проведения проверки	_____
4	Перечень контрольных действий	_____
5	Перечень документов и материалов, рассмотренных в ходе проверки	_____
6	Установленные фактические обстоятельства	_____
7	Выявленные нарушения (с указанием нарушенных норм и доказательств)	_____
8	Сведения об исполнении / неисполнении ранее выданных предписаний	_____
9	Выводы по результатам проверки	_____

Приложения к акту: _____.

Документы, содержащие сведения, составляющие адвокатскую тайну, прилагаются только в случаях и пределах, прямо предусмотренных законом; в иных случаях используются обезличенные копии, выписки, реестры или описания документов.

Инспектор(ы): _____/_____

Руководитель проверки (Уполномоченное лицо): _____/_____

С актом ознакомлен(а): _____/_____

Приложение № 5

Форма предписания об устранении выявленных нарушений

Адвокатская палата города Москвы

ПРЕДПИСАНИЕ
об устранении выявленных нарушений

№ _____ «___» _____ 20___ г.

На основании акта проверки от «___» _____ 20___ г. № _____ в отношении адвоката _____, регистрационный номер в ЕГРА _____, Палата предписывает устранить следующие нарушения:

№	Выявленное нарушение	Нарушенная норма	Что необходимо сделать	Срок исполнения
1	_____	_____	_____	_____
2	_____	_____	_____	_____
3	_____	_____	_____	_____

Подтверждение устранения нарушений представляется в Палату с приложением подтверждающих документов не позднее истечения указанного срока.

Неисполнение либо ненадлежащее исполнение настоящего предписания может повлечь проведение повторной проверки и постановку вопроса о дисциплинарной ответственности.

Президент Адвокатской палаты города Москвы _____ /_____

Предписание получил(а): _____ /_____ «___» _____ 20___ г.

Приложение № 6

Чек-лист проверки соблюдения адвокатом требований в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ

№	Проверяемый вопрос	Да / Нет / Не применимо	Документ / источник	Примечание инспектора
1	Наличие сведений о том, что адвокат осуществляет либо имеет признаки осуществления деятельности, подпадающей под статью 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ			
2	Наличие за проверяемый период поручений, подпадающих под статью 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ			
3	Проверялись ли иностранный элемент, страновой риск, структура владения, участие представителей, посредников, публичное должностное лицо (ПДЛ) и цифровых активов при наличии таких факторов?			
4	Использование личного кабинета на официальном сайте Росфинмониторинга и ознакомление с обязательной информацией			
5	Наличие и актуальность ПВК			
6	Назначение специального должностного лица (СДЛ) (если требуется) и наличие подтверждающих документов			
7	Прохождение необходимого обучения в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ			
8	Наличие формы оценки риска клиента и поручения			
9	Наличие материалов по идентификации доверителя, представителя, выгодоприобретателя и бенефициарного владельца			
10	Наличие мотивированных суждений и фиксации признаков подозрительности			
11	Соблюдение порядка направления сведений в Росфинмониторинг в предусмотренных законом случаях			
12	Наличие процедур по замораживанию (блокированию) активов, если они подлежат применению			
13	Фиксирование, хранение и защита сведений, полученных в результате реализации ПВК			
14	Наличие ранее выданных предписаний и сведения об их исполнении			
15	Наличие признаков повторности нарушений			
16	Иные обстоятельства, имеющие значение для проверки			

По итогам заполнения чек-листа инспектор формирует выводы о наличии либо отсутствии признаков нарушений, необходимости выдачи предписания, проведения повторной проверки либо постановки вопроса о дисциплинарной ответственности.

Приложение № 7

Матрица уровня риска и рекомендуемых мер реагирования

Уровень риска	Типовые основания / признаки	Рекомендуемые меры	Возможный результат
Высокий	Регулярная релевантная практика в сочетании с повышающими факторами риска: иностранный элемент, сложная структура бенефициарного владения, ПДЛ, цифровая валюта, цифровые финансовые активы и иные цифровые инструменты, если они имеют значение для оценки риска, посредники, предшествующие нарушения, неисполнение предписания	Плановая документарная или выездная проверка; при наличии оснований – внеплановая документарная или выездная проверка	Акт проверки; предписание; повторная проверка; рассмотрение вопроса о дисциплинарной ответственности
Повышенный	Релевантная практика с отдельными повышающими факторами риска; неполная фиксация ПВК, НПК; отсутствие актуального обучения; сигналы о потенциальных недостатках (документально зафиксированные сведения о возможных недостатках ПВК, НПК, оценки риска, обучения, фиксации сведений или исполнения предписаний)	Плановая документарная проверка; при наличии оснований – внеплановая документарная или выездная проверка	Акт проверки; предписание; контроль устранения нарушений; при необходимости – повторная проверка
Умеренный	Отдельные признаки возможного нарушения; недостаточная полнота сведений; необходимость уточнения исполнения обязанностей; основания для пересмотра уровня риска	Информирование адвоката; при наличии оснований – внеплановая документарная проверка	Письмо-информирование; анализ ответа; при необходимости – акт проверки и предписание
Низкий	Отсутствие данных о нарушениях; отсутствие либо минимальный объем релевантной практики; положительные результаты предыдущего контроля	Профилактические мероприятия без плановых и внеплановых проверок, если отсутствуют основания для пересмотра уровня риска	Анкетирование; обучение; разъяснения; мониторинг

Примечание. Матрица носит ориентирующий характер и применяется совместно с моделью оценки рисков, утверждаемой Советом Палаты. Конкретное решение принимается с учетом совокупности обстоятельств, характера сведений и принципа соразмерности.

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 177 28 июля 2026 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

(извлечение)

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и иные поступившие в Адвокатскую палату города Москвы документы, руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Абрамович Павел Николаевич
2. Воскобойников Андрей Анатольевич
3. Галако Андрей Анатольевич
4. Голубь Андрей Владимирович
5. Дорошенко Марина Олеговна
6. Иванов Сергей Владимирович
7. Лобов Владислав Юрьевич
8. Лунёв Виталий Викторович
9. Макарова Елена Викторовна
10. Мартынович Татьяна Степановна
11. Меграбян Арсен Вардгесович
12. Мельников Александр Анатольевич
13. Осадчук Елена Валерьевна
14. Привознова Юлия Вадимовна
15. Семигузова Алана Владимировна
16. Серебренников Дмитрий Игоревич
17. Скопинцев Михаил Дмитриевич
18. Сорокин Алексей Петрович
19. Чекашев Евгений Иванович

2. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановил** статус адвоката

Надысев Михаил Николаевич, регистрационный номер 77/353 в Едином государственном реестре адвокатов, с 06 июля 2026 года.

3. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили** статус адвоката:

1. Артамонова Елена Павловна, регистрационный номер 77/1275 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 августа 2026 года.
2. Гайдук Галина Николаевна, регистрационный номер 77/4781 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июля 2026 года.
3. Иванова Анна Алексеевна, регистрационный номер 77/4246 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июля 2026 года.
4. Карандасов Станислав Ильич, регистрационный номер 77/11565 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 августа 2026 года.
5. Маршалко Евгений Борисович, регистрационный номер 77/1193 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июля 2026 года.
6. Рыкова Яна Владиславовна, регистрационный номер 77/16927 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июля 2026 года.
7. Соломенко Евгений Валерьевич, регистрационный номер 77/18051 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 августа 2026 года.
8. Фастенков Анатолий Акимович, регистрационный номер 77/2976 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июля 2026 года.
9. Фролов Алексей Васильевич, регистрационный номер 77/289 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 августа 2026 года.
10. Ягудаев Ренат Сергеевич, регистрационный номер 77/17032 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июля 2026 года.

4. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили** статус адвоката:

1. Борисова Александра Борисовна, регистрационный номер 77/9896 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 июля 2026 года.
2. Ефимов Владимир Анатольевич, регистрационный номер 77/5757 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июля 2026 года.
3. Михайличенко Ксения Алексеевна, регистрационный номер 77/14935 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июля 2026 года.
4. Новиков Василий Алексеевич, регистрационный номер 77/16864 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июля 2026 года.
5. Пичуев Вячеслав Геннадьевич, регистрационный номер 77/14529 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июля 2026 года.
6. Синяев Владимир Николаевич, регистрационный номер 77/7325 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 августа 2026 года.

5. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен** статус адвокатов:

1. Водопьяновой Татьяны Васильевны, регистрационный номер 77/4813 в Едином государственном реестре адвокатов, с 14 июля 2026 года.

2. Зубатова Анатолия Викторовича, регистрационный номер 77/9016 в Едином государственном реестре адвокатов, с 04 июля 2026 года.

6. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен** статус адвоката

Багмета Михаила Анатольевича, регистрационный номер 77/12770 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июля 2026 года.

7. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили** статус адвоката:

1. Егорова Яна Павловна, регистрационный номер 77/17227 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 августа 2026 года.
2. Ермолина Валентина Ивановна, регистрационный номер 77/9128 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июля 2026 года.
3. Прохоров Леонид Александрович, регистрационный номер 77/14562 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июля 2026 года.
4. Чиликова Александра Геннадьевна, регистрационный номер 77/13676 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июля 2026 года.
5. Яблочкина Наталья Леонидовна, регистрационный номер 77/13825 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 августа 2026 года.

8. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» уведомить Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве об изменении адвокатами членства в Адвокатской палате города Москвы:

1. Максимов Николай Николаевич, регистрационный номер 77/9925 в Едином государственном реестре адвокатов, в связи с принятием им решения об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате Ярославской области.
2. Манохин Станислав Вячеславович, регистрационный номер 77/13631 в Едином государственном реестре адвокатов, в связи с принятием им решения об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате Удмуртской Республики.

9. Внести следующее изменение в Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 26 марта 2026 года № 78 «Об изменении основания приостановления статуса адвоката» (в редакции решений Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 апреля 2026 года № 102 и от 28 мая 2026 года № 119):

в пункте 1 подпункты 5 и 20 исключить.

10. Изменить с 28 июня 2016 года основание приостановления статуса адвоката Шапаревой (Астафьевой) Натальи Сергеевны, регистрационный номер 77/4326 в Едином государственном реестре адвокатов (статус приостановлен с 01 апреля 2004 года по постановлению Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 мая 2004 года № 6 по пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), на пп. 1 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

11. В соответствии с п. 20 Решения Двадцать четвертой ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 3 апреля 2026 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы 1 адвоката… с 10 января 2026 года по 29 мая 2026 года в связи с отпуском по беременности и родам.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 178 28 июля 2026 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Гуриева Элина Георгиевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–3783, с 21 июля 2026 года.

2. Демидов Артём Андреевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5591, с 03 июля 2026 года.

3. Карташов Борис Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–2972, с 13 июля 2026 года.

4. Лобанов Сергей Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–4312, с 20 июля 2026 года.

5. Малашенко Артем Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5590, с 07 июня 2026 года.

6. Молчанова Галина Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–4895, с 24 июля 2026 года.

7. Оболенский Михаил Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5593, с 23 июня 2026 года.

8. Писарева Наталья Валериевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5595, с 13 июля 2026 года.

9. Погребняк Роман Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5592, с 09 июля 2026 года.

10. Сергеев Александр Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5594, с 15 июня 2026 года.

11. Шадрина Ольга Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5596, с 24 июля 2026 года.

12. Шатунов Александр Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–1665, с 27 июля 2026 года.

13. Шевченко Наталья Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–2921, с 17 июля 2026 года.

14. Яблонских Любовь Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–3714, с 21 июля 2026 года.

2. Прекращена деятельность адвокатских кабинетов (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Белоковыльский Максим Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5220, с 15 июля 2026 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

2. Борисова Александра Борисовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–2042, с 31 июля 2026 года (статус адвоката прекращен).

3. Жигатов Азамат Асланович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5400, с 06 июля 2026 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

4. Мамин Эльдар Русланович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–4035, с 30 июня 2026 года (статус адвоката прекращен).

5. Накохова Марина Ильясовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5311, с 21 июля 2026 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

6. Пичурин Александр Геннадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–2657, с 15 июля 2026 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

7. Синяев Владимир Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–730, с 01 августа 2026 года (статус адвоката прекращен).

3. Временно приостановлена профессиональная деятельность адвокатских кабинетов (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Маршалко Евгений Борисович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–3632, с 28 июля 2026 года (приостановление статуса адвоката, учредившего адвокатский кабинет).

2. Ягудаев Ренат Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5194, с 28 июля 2026 года (приостановление статуса адвоката, учредившего адвокатский кабинет).

4. Исключены сведения из реестра адвокатских образований города Москвы (адвокатские бюро) (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро города Москвы «Шель и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2–438, с 20 июля 2026 года (ликвидация адвокатского образования).

5. Учреждена коллегия адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Коллегия адвокатов г. Москвы «Леге Групп (Правовая Группа)», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–1129, с 22 июня 2026 года.

2. Московская коллегия адвокатов «Величковский и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–1130, с 15 мая 2026 года.

3. Московская коллегия адвокатов «Школьный и партнёры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–1131, с 02 июля 2026 года.

6. Временно приостановлена профессиональная деятельность коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Специализированная коллегия адвокатов «Ал-Лекс» г. Москвы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–473, с 30 июня 2026 года (прекращение или приостановление статуса всех адвокатов, осуществлявших профессиональную деятельность в КА).

7. Изменены наименования адвокатских образований:

1. Московская коллегия адвокатов «Абгарян, Мурадян и Партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–1088, изменила наименование на Московская коллегия адвокатов «Абгарян и Партнеры» с 10 июня 2026 года.

2. Адвокатское бюро г. Москвы «Цибульский, Перязев, Олейник и Партнёры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2–556, изменило наименование на Адвокатское бюро г. Москвы «Олейник, Перязев и Партнёры» с 02 июня 2026 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 179 28 июля 2026 года

О награждении адвокатов

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представления Президента Адвокатской палаты города Москвы Зубкова С.Б., вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., а также ходатайства о награждении, поступившие из адвокатских образований, одобренные Комиссией Совета Адвокатской палаты города Москвы по награждениям, решил:

наградить почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы

Гончарова Кирилла Анатольевича, регистрационный номер 77/5094 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Коллегии адвокатов города Москвы «Курганов и партнеры»,

Гривцова Андрея Андреевича, регистрационный номер 77/12191 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Адвокатского бюро города Москвы «Корвус»;

Кошечкину Ирину Борисовну, регистрационный номер 77/5557 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва),

обратиться с ходатайством о награждении наградой Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации – медалью Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «За заслуги в защите прав и свобод граждан» I степени

Абрамовой Марины Владимировны, регистрационный номер 77/6484 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Адвокатского бюро «Андрей Городисский и партнеры».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 180 28 июля 2026 года

Вопросы Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов

Совет Адвокатской палаты города Москвы, обсудив вопрос о персональном составе Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов и о представителях Адвокатской палаты города Москвы при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката, руководствуясь пп. 10, 13 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

1. Пункт 1 Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 апреля 2019 года № 46 «О Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов»[1] (в редакции, утвержденной Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 января 2025 года № 29)[2] изложить в следующей редакции:

«Утвердить персональный состав Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов:

1. Бобков Евгений Олегович – директор Адвокатской конторы № 14 Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (регистрационный номер 77/9989 в реестре адвокатов города Москвы), председатель Комиссии.

2. Зиновьев Роберт Юрьевич – председатель Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва) (регистрационный номер 77/192 в реестре адвокатов города Москвы), заместитель председателя Комиссии.

3. Вольвач Януара Валентиновна – заведующая Филиалом «Адвокатская консультация № 71» Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва) (регистрационный номер 77/1890 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

4. Гривцов Андрей Андреевич – адвокат Адвокатского бюро «Корвус» города Москвы (регистрационный номер 77/12191 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

5. Дякин Вячеслав Александрович – заведующий Филиалом «Адвокатская консультация № 4» Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва) (регистрационный номер 77/545 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

---

[1] См.: Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. № 2 (145). С. 11–12.

[2] См.: Там же. 2025. № 1 (166). С. 100–101.

6. Ильин Павел Валентинович – председатель Московской коллегии адвокатов «Ильин, Надысев и партнеры» (регистрационный номер 77/8248 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

7. Кожемякин Борис Аркадьевич – адвокат Коллегии адвокатов «Московский юридический центр» (регистрационный номер 77/157 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

8. Малова Наталия Аркадиевна – адвокат Адвокатского бюро города Москвы «Дубинин, Финкель и партнеры» (регистрационный номер 77/7560 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

9. Мове Лариса Абрамовна – адвокат Адвокатского бюро города Москвы «Дубинин, Финкель и партнеры» (регистрационный номер 77/5914 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

10. Моисеева Надежда Владимировна – адвокат Санкт-Петербургской коллегии адвокатов Pen&Paper, Филиал город Москва (регистрационный номер 77/14944 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

11. Нетета Валерий Николаевич – адвокат Адвокатской конторы № 14 Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (регистрационный номер 77/15502 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

12. Сорокина Елизавета Михайловна – адвокат Адвокатского бюро «Резник, Гагарин и партнеры» города Москвы (регистрационный номер 77/12121 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.».

2. В связи с принятием настоящего решения пункт 1 Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 января 2025 года № 29 «Вопросы Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов» признать утратившим силу.

3. Пункт 1 Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 26 сентября 2024 года № 254[3] «Об организационных вопросах деятельности Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов» (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 января 2025 года № 30 «Об организационных вопросах деятельности Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов»)[4] изложить в следующей редакции:

«1. Утвердить следующих адвокатов в качестве представителей, уполномоченных Президентом Адвокатской палаты города Москвы, для обеспечения требований части 1 статьи 450.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности, включая случаи, предусмотренные частью 5 статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации):

1. Бобков Евгений Олегович – директор Адвокатской конторы № 14 Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (регистрационный номер 77/9989 в реестре адвокатов города Москвы), Председатель Комиссии.

---

[3] См.: Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2024. № 3 (165). С. 15–17.

[4] См.: Там же. 2025. № 1 (166). С. 102–103.

2. Зиновьев Роберт Юрьевич – председатель Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва) (регистрационный номер 77/192 в реестре адвокатов города Москвы), заместитель председателя Комиссии.

3. Вольвач Януара Валентиновна – заведующая Филиалом «Адвокатская консультация № 71» Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва) (регистрационный номер 77/1890 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

4. Дякин Вячеслав Александрович – заведующий Филиалом «Адвокатская консультация № 4» Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва) (регистрационный номер 77/545 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

5. Ильин Павел Валентинович – председатель Московской коллегии адвокатов «Ильин, Надысев и партнеры» (регистрационный номер 77/8248 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

6. Кожемякин Борис Аркадьевич – адвокат Коллегии адвокатов «Московский юридический центр» (регистрационный номер 77/157 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

7. Малова Наталия Аркадиевна – адвокат Адвокатского бюро города Москвы «Дубинин, Финкель и партнеры» (регистрационный номер 77/7560 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

8. Мове Лариса Абрамовна – адвокат Адвокатского бюро города Москвы «Дубинин, Финкель и партнеры» (регистрационный номер 77/5914 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

9. Моисеева Надежда Владимировна – адвокат Санкт-Петербургской коллегии адвокатов Pen&Paper, Филиал город Москва (регистрационный номер 77/14944 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

10. Нетета Валерий Николаевич – адвокат Адвокатской конторы № 14 Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (регистрационный номер 77/15502 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.

11. Сорокина Елизавета Михайловна – адвокат Адвокатского бюро «Резник, Гагарин и партнеры» города Москвы (регистрационный номер 77/12121 в Едином государственном реестре адвокатов), член Комиссии.».

4. В связи с принятием настоящего решения пункт 1 Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 января 2025 года № 30 «Об организационных вопросах Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов» признать утратившим силу.

5. Настоящее решение вступает в силу с 28 июля 2026 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 204 18 августа 2026 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

(извлечение)

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и иные поступившие в Адвокатскую палату города Москвы документы, руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Благоразумов Александр Сергеевич
2. Борисов Сергей Владимирович
3. Джамалдинов Сайхан Шахмедович
4. Дзех Александр Петрович
5. Дзех Юлия Александровна
6. Жуков Астемир Асланович
7. Кутаев Сослан Ширванович
8. Ливенцов Владислав Борисович
9. Лукьянов Александр Владимирович
10. Мазур Валерия Андреевна
11. Марзиев Ибрагим Борисович
12. Никулин Юрий Сергеевич
13. Нургалеев Анатолий Олегович
14. Пержановская Евдокия Георгиевна
15. Перов Владимир Юрьевич
16. Петроченко Дарья Юрьевна
17. Прокудина Марина Александровна
18. Ракитина Юлия Викторовна
19. Родина Наталия Андреевна
20. Селезнева Светлана Вячеславовна

21. Терентьев Игорь Павлович
22. Титова Наталья Александровна
23. Шляхтин Дмитрий Александрович

2. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановил** статус адвоката Овчинников Максим Александрович, регистрационный номер 77/16192 в Едином государственном реестре адвокатов, с 23 июля 2026 года.

3. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили** статус адвоката:

1. Кожуховский Юрий Владиславович, регистрационный номер 77/13650 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 августа 2026 года.
2. Кручина Оксана Борисовна, регистрационный номер 77/15014 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 августа 2026 года.
3. Половников Владислав Михайлович, регистрационный номер 77/13310 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 августа 2026 года.
4. Хрящев Сергей Иванович, регистрационный номер 77/3264 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 августа 2026 года.

4. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен** статус адвокатов:

1. Антипова Александра Федоровича, регистрационный номер 77/3509 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 июля 2026 года.
2. Буланова Олега Юрьевича, регистрационный номер 77/1766 в Едином государственном реестре адвокатов, с 12 июля 2026 года.
3. Наурузовой Джульетты Анатольевны, регистрационный номер 77/13301 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 января 2023 года.
4. Тимошина Владимира Анатольевича, регистрационный номер 77/11430 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

5. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен** статус адвоката Алекперова Шахина Мамедовича, регистрационный номер 77/10193 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 августа 2026 года.

6. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили** статус адвоката:

1. Гайдук Галина Николаевна, регистрационный номер 77/4781 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 августа 2026 года.
2. Исмаилов Сейфула Кудратович, регистрационный номер 77/17642 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 августа 2026 года.
3. Рыбин Валентин Владимирович, регистрационный номер 77/17667 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 августа 2026 года.

7. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» уведомить Главное управление Мини-

стерства юстиции Российской Федерации по Москве об изменении адвокатом членства в Адвокатской палате города Москвы:

Гуно Жанна Магометовна, регистрационный номер 77/17762 в Едином государственном реестре адвокатов, в связи с принятием ею решения об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате Республики Ингушетия.

8. В соответствии с п. 20 Решения Двадцать четвертой ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 3 апреля 2026 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы адвокатов:

1. 1 адвокат с 18 августа 2026 года в связи с достижением 40-летнего стажа адвокатской деятельности.

2. 1 адвокат с 18 августа 2026 года в связи с достижением 40-летнего стажа адвокатской деятельности.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 205 18 августа 2026 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Горбачев Эдуард Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–2310, с 04 августа 2026 года.
2. Дронова Татьяна Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5602, с 12 августа 2026 года.
3. Жуков Сергей Леонидович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5598, с 30 июля 2026 года.
4. Зайнутдинова Альфия Рафаэлевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5597, с 30 июля 2026 года.
5. Привознова Юлия Вадимовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5603, с 13 августа 2026 года.
6. Смирнов Максим Борисович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–2528, с 06 августа 2026 года.
7. Сорокин Алексей Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5604, с 13 августа 2026 года.
8. Таламбуца Георгий Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5599, с 04 августа 2026 года.
9. Усачев Александр Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5601, с 12 августа 2026 года.
10. Чекашев Евгений Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5600, с 11 августа 2026 года.
11. Чурсин Вадим Валентинович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–1521, с 03 августа 2026 года.

2. Прекращена деятельность адвокатских кабинетов (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Калашникова Дарья Геннадьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5226, с 28 июля 2026 года (статус адвоката прекращен).

2. Мельчаев Александр Алексеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–2856, с 13 августа 2026 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

3. Пушкарева Гюзель Рауфовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5394, с 30 июня 2026 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

4. Упоров Евгений Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–4543, с 28 июля 2026 года (статус адвоката прекращен).

3. Временно приостановлена профессиональная деятельность адвокатских кабинетов (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Кожуховский Юрий Владиславович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–5494, с 18 августа 2026 года (приостановление статуса адвоката, учредившего адвокатский кабинет).

2. Кручина Оксана Борисовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–4761, с 18 августа 2026 года (приостановление статуса адвоката, учредившего адвокатский кабинет).

3. Овчинников Максим Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–4660, с 23 июля 2026 года (приостановление статуса адвоката, учредившего адвокатский кабинет).

4. Хрящев Сергей Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3–3964, с 18 августа 2026 года (приостановление статуса адвоката, учредившего адвокатский кабинет).

4. Исключены сведения из реестра адвокатских образований города Москвы (адвокатские бюро) (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро города Москвы «Инсайт (Восприятие)», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–414, с 24 июля 2026 года (отсутствие в составе Адвокатского бюро адвокатов по причине избрания иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

5. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московский филиал Межрегиональной коллегии адвокатов Красноярского края «Генеральная правовая группа», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–1132, с 13 июля 2026 года.

2. Московская коллегия адвокатов «Арапиев, Мельчаев и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–1133, с 21 июля 2026 года.

6. Временно приостановлена профессиональная деятельность коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Московская городская коллегия адвокатов «ЭсМэйн», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–907, с 04 августа 2026 года (отсутствие в составе адвокатского образования адвокатов по причине избрания иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

7. Изменены наименования адвокатских образований:

1. Московская коллегия адвокатов «Клинков, Пахомов и Партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–1018, изменила наименование на Московская коллегия адвокатов «Пахомов Лигал Групп (Юридическая группа)» с 27 июля 2026 года.

2. Адвокатское бюро «Жидков и Жарова», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2–173, изменило наименование на Адвокатское бюро «48» города Москвы с 03 августа 2026 года.

3. Межтерриториальная коллегия адвокатов «Клишин и Партнеры г. Москва», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1–218 изменило наименование на Межтерриториальная коллегия адвокатов «К и П г. Москва» с 24 июня 2026.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 206 18 августа 2026 года

О награждении адвокатов

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив ходатайства о награждении, поступившие из адвокатских образований, одобренные Комиссией Совета Адвокатской палаты города Москвы по награждениям, решил:

наградить почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы

Кищенко Виктора Владимировича, регистрационный номер 77/12251 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Коллегии адвокатов «Союз московских адвокатов»;

Сергеева Николая Николаевича, регистрационный номер 77/1144 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва),

присвоить звание «Заслуженный адвокат Адвокатской палаты города Москвы» с вручением Свидетельства о присвоении звания

Козыревой Ольге Юрьевне, регистрационный номер 77/5481 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»,

обратиться с ходатайством о награждении наградой Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации – медалью Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «За заслуги в защите прав и свобод граждан» I степени

Голышева Антона Борисовича, регистрационный номер 77/7844 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Коллегии адвокатов Московской области «Вячеслав Блинов и партнеры».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С. Б. Зубков

Утверждена Решением Совета
Адвокатской палаты города Москвы
от 28 мая 2026 года (протокол № 6)[5],
с изменениями и дополнениями,
внесенными Решением Совета
Адвокатской палаты города Москвы
от 18 августа 2026 года (протокол № 9)[6]

ПАМЯТКА
«О критериях допустимости размещаемой информации об адвокате и адвокатском образовании и минимизации профессиональных рисков в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”»

Проблема недобросовестной рекламы адвокатской деятельности в сети «Интернет» остается одной из самых актуальных в сообществе. Более того, в последние годы она усугубилась появлением новых форм псевдоадвокатских образований, использующих персональные данные адвокатов без их согласия; противоправных схем с применением технологий искусственного интеллекта (дипфейков); таргетированной рекламы в мессенджерах и социальных сетях с недобросовестными обещаниями.

Размещение в сети «Интернет» не соответствующих действительности сведений об адвокатах (адвокатских образованиях) влечет подрыв доверия как непосредственно к адвокату, распространившему недостоверную информацию о себе, так и к адвокатуре в целом.

Данная Памятка призвана:

- актуализировать профессионально-этические требования в сфере коммуникаций с учетом появления новых видов недобросовестной рекламы, которая в том числе приводит либо к нарушению прав адвокатов, либо к нарушению этических норм;
- способствовать защите профессиональных прав добросовестных адвокатов;
- предостеречь потенциальных доверителей от рисков, связанных с обращением к псевдоадвокатским структурам;

---

[5] Одновременно с утверждением Памятки «О критериях допустимости размещаемой информации об адвокате и адвокатском образовании и минимизации профессиональных рисков в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”» Совет Адвокатской палаты города Москвы решением от 28 мая 2026 года (Протокол № 6) признал утратившим силу Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 21 декабря 2021 года (Протокол № 20) об одобрении Памятки «Критерии допустимости размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети ‘‘Интернет’’ информации об адвокате и адвокатском образовании» и ее иллюстрированного примерами варианта (инфографика, файл в формате PDF), а также Приложение № 8 (Памятка «Критерии допустимости размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети ‘‘Интернет’’ информации об адвокате и адвокатском образовании») (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2021. № 4 (155). С. 13–14) и Приложение № 9 (Памятка «Критерии допустимости размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети ‘‘Интернет’’ информации об адвокате и адвокатском образовании» (инфографика – иллюстрированный примерами вариант)) (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2021. № 4 (155). С. 15–24) к Протоколу № 20 заседания Совета Адвокатской палаты города Москвы за 2021 год.

[6] Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 августа 2026 года (Протокол № 9) в Памятку внесены следующие изменения и дополнения: абзац шестой пункта 1.5 и абзац шестой пункта 2.1 изложены в новой редакции, а в абзаце третьем пункта 2.3.1 исключены слова «использовать для оказания правовой помощи ИИ-сервисы без информирования доверителей;».

• способствовать предупреждению правонарушений, совершаемых с незаконным использованием данных об адвокатах и адвокатских образованиях.

I. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К РАЗМЕЩЕНИЮ И СОДЕРЖАНИЮ ИНФОРМАЦИИ ОБ АДВОКАТЕ И АДВОКАТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры.

Пункт 1 статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката определяет содержание информации об адвокате и адвокатском образовании и **не допускает использования**:

- оценочных характеристик адвоката;
- отзывов других лиц о работе адвоката;
- сравнений с другими адвокатами и критики других адвокатов;
- заявлений, намеков, двусмысленностей, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей или вызывать у них безосновательные надежды.

Критерии допустимости содержания информации об адвокате и адвокатском образовании также определены в:

- Разъяснениях № 03/16 Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 января 2016 года;
- Правилах поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 сентября 2016 года;
- Разъяснениях № 01/19 Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу применения п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 17 апреля 2019 года;
- Разъяснениях Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 15 декабря 2022 года;
- Рекомендациях по ведению сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката, утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 15 сентября 2022 года;
- Примерном алгоритме действий адвокатов по удалению в сети «Интернет» сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, утвержденном Советом Адвокатской палаты города Москвы 29 октября 2020 года.

1.1. Обязательная информация

Информирование о деятельности адвоката и адвокатского образования допускается на официальных интернет-сайтах, а также на иных публичных ресурсах (страницах, группах, каналах, аккаунтах и т.п.) в социальных сетях, мессенджерах и на цифровых платформах.

Если информационные ресурсы используются для позиционирования адвоката или адвокатского образования в публичном пространстве и информирования об их деятельности, размещаемая на них информация **должна содержать**:

- фамилию, имя и отчество адвоката (полностью);
- наименование и контактные данные адвокатского образования, в котором он состоит;
- номер адвоката в Едином государственном реестре адвокатов Российской Федерации;
- наименование адвокатской палаты, в реестре которой состоит адвокат.

Недопустимо:

- размещение информации об адвокате и (или) адвокатском образовании без указания полных реквизитов или с указанием реквизитов, не соответствующих действительности;
- использование псевдонимов или сокращений, затрудняющих идентификацию адвоката.

1.2. Требования к фотографиям и иным изображениям

Адвокат (адвокатское образование) вправе использовать при информировании в сети «Интернет» о своей деятельности фотографии или иные изображения с соблюдением делового стиля и профессионально-этических требований. К недопустимым относятся, в частности, изображения, демонстрирующие агрессию, неприязнь, нетерпимость, роскошь, превосходство над окружающими, политические или сексуальные предпочтения, а также наличие неформальных отношений с должностными лицами.

1.3. Требования к содержанию высказываний (сведений)

Недопустимы:

1.3.1. Прямые или косвенные обещания положительного результата оказания юридической помощи, а также манипулятивные формулировки, например:

- «95% выигранных дел»;
- «Гарантия результата»;
- «Обязательно выиграем ваше дело»;
- «Нам важен только результат и только победа»;
- «90,9% побед в суде»;
- «215+ оправдательных приговоров»;
- «ВЫИГРЫВАЕМ СУДЫ ОБЯЗАТЕЛЬНО!»;
- «90% ваших проигранных дел – это ваша ошибка»;
- «Без нас Вы проиграете!».

Указание адвокатом сведений о наличии положительного профессионального опыта и информации о профессиональной специализации само по себе не противоречит Кодексу профессиональной этики адвоката. Однако такие сведения не должны выражаться в виде неверифицированных данных о количестве или доле «выигранных» дел, а также в виде обещаний (гарантий) положительного исхода.

1.3.2. Обещания денежной компенсации при проигрыше дела либо оплаты юридической помощи только при положительном результате, если заключаемые адвокатом соглашения об оказании юридической помощи доверителю не предусматривают ясно сформулированных обязательств выплаты такой компенсации или применения такой формы оплаты.

Примеры недопустимых сведений (высказываний):

- «Мы полностью компенсируем ваши затраты в случае проигрыша дела»;
- «Оплата только при положительном результате»;
- «Вернем деньги, если проиграем».

1.3.3. Сравнения с другими адвокатами (адвокатскими образованиями), негативные оценки их деятельности и оценочные характеристики, например:

- «Лучший адвокат Москвы»;
- «Самый опытный защитник»;
- «Первое место в рейтинге».

При этом допустимы верифицируемые ссылки на официальные рейтинги с указанием названия рейтинга (например, «Коммерсант», Chambers и т.п.), номинации и года, в котором рейтинг был присвоен, а также ссылки на первоисточник.

1.4. Требования к содержанию информации о предыдущем опыте работы адвоката

Ссылки на предшествующий профессиональный опыт адвокатов допустимы и уместны, если они не вводят в заблуждение относительно его особых возможностей. Вместе с тем недопустимо излишнее ассоциирование адвоката и его профессиональной деятельности с предыдущей работой в правоохранительных или иных государственных органах, особенно если такая информация содержит намеки на наличие у адвоката неформальных связей, которые он использует при оказании помощи доверителям.

Примеры недопустимых (в совокупности) формулировок:

«Бывший федеральный судья районного суда (2003–2015). Более 20 лет занимался рассмотрением гражданских дел. На моем счету более 550 успешно завершенных судебных процессов по наследственным делам. Занимаюсь защитой только по наследственным делам».

«Бывший следователь наркоконтроля, полковник в отставке. Более 20 лет занимался расследованием уголовных дел в сфере наркотиков. Занимаюсь защитой только по наркотическим делам».

1.5. Ответственность за содержание информации об адвокате (адвокатском образовании)

Адвокат (руководитель адвокатского образования) несет ответственность за любой контент, касающийся соответственно адвоката или адвокатского образования и размещенный от их имени на любых ресурсах адвоката (адвокатского образования) в сети «Интернет», независимо от того, кто его подготовил и разместил: маркетолог, администратор сайта, иной специалист или сам адвокат.

Требования Кодекса профессиональной этики адвоката и иных корпоративных актов в равной мере распространяются на таргетированную рекламу, размещаемую (используемую) адвокатом (адвокатским образованием). Адвокат отвечает за содер-

жание рекламных материалов, созданных третьими лицами, в том числе за недобросовестную таргетированную рекламу в соцсетях и мессенджерах.

Адвокату (руководителю адвокатского образования) следует самостоятельно контролировать:

- содержание информации и рекламных объявлений о своей деятельности и оказываемой им правовой помощи (в том числе текстов и визуальных материалов, баннеров, контекстной, таргетированной и иной рекламы);
- содержание публикуемых от его имени постов в социальных сетях и мессенджерах;
- достоверность и соответствие профессионально-этическим требованиям информации соответственно об адвокате (адвокатском образовании), размещаемой третьими лицами (в том числе на агрегаторах услуг, справочных сервисах, рейтинговых платформах).
  (абзац в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 августа 2026 года, протокол № 9)

II. РИСКИ НАРУШЕНИЙ ПРАВ АДВОКАТОВ И ДОВЕРИТЕЛЕЙ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

2.1. Псевдоадвокатские образования и агрегаторы услуг

В сети «Интернет» получили распространение сайты юридических компаний, имитирующих адвокатские образования (псевдоадвокатские образования). Они создают иллюзию принадлежности к адвокатскому сообществу и вводят в заблуждение потенциальных доверителей. **Такие действия нарушают требования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре (**ст. 5 ФЗ-63); о персональных данных (ст. 6, 7, 22 ФЗ-152); о недопустимости недобросовестной конкуренции (ст. 14.6 ФЗ-135).

Признаки псевдоадвокатских образований:

- наименование, имитирующее официальные названия адвокатских образований (например, «Коллегия адвокатов Москвы», «Адвокаты Москвы», «Московская коллегия адвокатов»);
- использование в доменных именах слов «*advokat*», «*advocat*», «адвокат»;
- размещение на сайте персональных данных адвокатов (Ф.И.О., регистрационные номера) без их ведома и согласия;
- заявления о принадлежности к адвокатскому сообществу в какой бы то ни было форме без указания названия конкретного адвокатского образования и его номера в соответствующем реестре;
  (абзац в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 августа 2026 года, протокол № 9)
- указание на «лидерство в рейтингах» без подтверждающих сведений.

Пример сайта псевдоадвокатского образования:

сайт «advocat-123.ru» (наименование изменено) позиционирует себя как сайт крупного адвокатского образования: использует наименования «Адвокаты Мо-

сквы – объединение профессиональных юристов» и термин «Коллегия адвокатов», содержит самовольно размещенные сведения о сотнях адвокатов Адвокатской палаты Москвы, заявляет о «первом месте в рейтинге» и обещает: «В случае проигрыша дела полностью компенсируем ваши затраты».

2.1.1. Агрегаторы услуг (*Avito*, *YouDo* и аналогичные)

Пример нарушения:

Объявление на *Avito*: «Опытный адвокат. Член Адвокатской палаты г. Москвы, регистрационный № 77/0000. ЧИТАЕМ ВНИМАТЕЛЬНО – ВЫИГРЫВАЕМ СУДЫ ОБЯЗАТЕЛЬНО! 90% Ваших проигранных дел – это неправильное формирование правовой позиции…».

2.2. Таргетированное информирование в социальных сетях и мессенджерах

Информация об адвокате (адвокатском образовании) на его сайте, в социальных сетях, а также в *Telegram*-каналах, ВКонтакте и иных мессенджерах не признается рекламой в смысле Закона о рекламе. Однако такая информация должна соответствовать всем требованиям профессиональной этики. Недопустимо размещение любой недостоверной информации, даже если она формально не является рекламой.

Особое внимание следует уделять рискам, связанным с распространением фейковых *Telegram*-каналов от имени адвокатов и адвокатских образований. При обнаружении такого аккаунта рекомендуется принять меры к его блокировке.

2.3. Искусственный интеллект (ИИ) и дипфейки

2.3.1. Чат-боты и ИИ-юристы

Различные чат-боты и сервисы на базе ИИ, предоставляющие юридические консультации, могут вводить пользователей в заблуждение, создавая впечатление, что консультацию дает адвокат.

Адвокату (адвокатскому образованию) не следует:

- предоставлять доверителю информационные продукты (консультации), созданные ИИ, в качестве собственной консультации (правовой помощи);
  (абзац в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 августа 2026 года, протокол № 9)
- без предварительного письменного согласия доверителей передавать в ИИ-сервисы любые сведения, составляющие адвокатскую тайну.

2.3.2. Дипфейки

Дипфейки – это поддельные видео-, аудио- и текстовые материалы с использованием изображения или голоса адвоката, в том числе:

- фейковые аккаунты в мессенджерах с фотографиями адвокатов;
- голосовые сообщения, сгенерированные ИИ, имитирующие голос адвоката;
- распространение от имени (но без ведома и согласия) адвоката недостоверной информации, запросов о переводе денег, просьб предоставить конфиденциальные данные.

2.4. Нарушения законодательства о персональных данных и недобросовестные рейтинги

2.4.1. Незаконное использование персональных данных адвокатов

Псевдоадвокатские структуры и иные недобросовестные лица в нарушение закона могут использовать сведения об адвокатах (Ф.И.О., номера в ЕГРА, контактные данные) без их ведома и согласия для:

- создания видимости легитимности своих услуг и привлечения доверителей под видом адвокатов;
- недобросовестной конкуренции путем формирования «рейтингов» и «баз данных», включая «черные списки».

2.4.2. «Черные списки» и «рейтинги» адвокатов

Адвокатам (адвокатским образованиям) следует воздерживаться от размещения информации о себе в составе рекламы организаций, оказывающих юридические услуги и не являющихся адвокатскими образованиями, а также:

- в «рейтингах», публикующих анонимные негативные отзывы о других адвокатах;
- в «черных» и «белых» списках адвокатов;
- на любых ресурсах, не обеспечивающих проверку достоверности информации и (или) являющихся анонимными.

III. АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ АДВОКАТА ПО ВЫЯВЛЕНИЮ, ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ НАРУШЕНИЙ

3.1. Превентивные меры

3.1.1. Адвокату (адвокатскому образованию) рекомендуется:

- регулярно проверять использование своих персональных данных в сети «Интернет» (поиск по Ф.И.О. и номеру в ЕГРА);
- осуществлять периодический мониторинг информации о себе в сети «Интернет», включая агрегаторы услуг (*Avito*, *YouDo* и др.) для выявления и фиксации случаев распространения дипфейков и иной недостоверной или недопустимой информации;
- лично проверять все публикации и рекламные материалы перед их размещением;
- не делегировать полностью управление информационными ресурсами SMM-менеджерам или иным специалистам без личного контроля;
- не размещать информацию о своей профессиональной деятельности на интернет-ресурсах, которые обещают гарантированный результат или используют недобросовестные методы привлечения клиентов.

3.1.2. Действия при обнаружении нарушений

Адвокату (адвокатскому образованию), которому стало известно о распространении без его ведома информации о его деятельности, которая не отвечает требованиям п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката и приведенных выше

корпоративных актов, или о незаконном использовании его персональных данных, рекомендуется **принять меры, направленные на удаление такой информации, в том числе**:

- направить требование о ее удалении администратору сайта или хостинг-провайдеру, при отказе в удалении – зафиксировать факт нарушения;
- разместить на своих официальных ресурсах предупреждение о противоправных действиях;
- обратиться в Совет Адвокатской палаты города Москвы за защитой своих профессиональных прав.

В зависимости от характера нарушения обратиться в государственные органы:

- в Роскомнадзор Российской Федерации – при нарушении законодательства о персональных данных;
- в Федеральную антимонопольную службу Российской Федерации – при наличии признаков недобросовестной конкуренции;
- в правоохранительные органы или в суд – при наличии признаков преступления или административного правонарушения (мошенничество, клевета, дипфейки, нарушение неприкосновенности частной жизни и др.).

IV. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

4.1. Следование данной Памятке и Примерному алгоритму действий адвокатов по удалению в сети «Интернет» сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, утвержденному Советом 29 октября 2020 года[7], позволит адвокатам своевременно выявлять и пресекать неправомерное использование их данных и иные нарушения профессиональных прав, а также поддерживать высокие стандарты профессии в цифровой среде и избежать дисциплинарных рисков.

4.2. Совет предлагает адвокатам и руководителям адвокатских образований информировать о собственной практике самозащиты профессиональных прав для ее обобщения и распространения.

[7] См.: Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2020. № 3 (150). С. 35–37.

Адвокатское сообщество

Приняли присягу и получили статус адвоката

28 мая 2026 года

1. Антонова Наталья Владиславовна
2. Квициния Константин Аполлонович
3. Князев Юрий Владимирович
4. Колмаков Никита Евгеньевич
5. Колычева Мария Андреевна
6. Литовченко Алексей Вячеславович
7. Нонуков Санал Романович
8. Сероштан Виктор Викторович
9. Флеглер Эмиль Рифатович

30 июня 2026 года

1. Ахундов Теймур Назимович
2. Бекетова Екатерина Федоровна
3. Белоус Александр Иванович
4. Брусенская Маргарита Сергеевна
5. Воронова Юлия Викторовна
6. Гаврилов Александр Дмитриевич
7. Звягинцева Злата Дмитриевна
8. Лебедко Юлия Константиновна
9. Плохова Полина Артемовна
10. Филимонов Александр Михайлович
11. Шегай Елизавета Игоревна

28 июля 2026 года

1. Ал-Курд Нидаль Зейнович
2. Астраханцева Светлана Николаевна
3. Беликов Александр Александрович
4. Горшенева Евгения Сергеевна
5. Григорьева Александра Дмитриевна
6. Еронин Александр Юрьевич
7. Завязкина Анастасия Романовна
8. Корнеева Ольга Николаевна
9. Левинсон Арсений Львович
10. Пушкарева Полина Сергеевна
11. Семенова Елена Викторовна
12. Терентьева Маргарита Артемовна
13. Фомина Светлана Васильевна
14. Харченко Екатерина Викторовна
15. Чехин Илья Викторович
16. Шакина Надежда Витальевна
17. Шпалянская Ульяна Николаевна.

Обзор дисциплинарной практики

1. Дисциплинарные производства по жалобам на ненадлежащее исполнение адвокатами обязанностей перед доверителями, а также по вопросам «двойной защиты» и вступления адвокатов в уголовные дела в качестве защитников по назначению в нарушение установленного порядка

1.1. Совет объявил адвокату предупреждение за участие в следственных действиях в качестве назначенного защитника до истечения 24 часов с момента фактического задержания доверителя и в отсутствие достоверного подтверждения невозможности явки защитника по соглашению. Совет отметил, что по общему правилу до истечения 24-часового срока назначенный защитник не вправе участвовать в процессуальных действиях.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката К. и представителя заявителя П. – адвоката Р. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П. в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 18 февраля 2026 г. вынесла Заключение:

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя; участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившемся в принятии им 22 и 23 ноября 2025 г. участия в качестве защитника по назначению по уголовному делу в условиях неистечения 24-часового срока с момента фактического задержания П. в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: допросе П. в качестве подозреваемого; предъявлении П. обвинения; его допросе в качестве обвиняемого; в проведении обыска в квартире, расположенной по адресу…

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе П., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель П., содержащийся под стражей, обеспечил явку в заседание Совета своего представителя – адвоката Р., который подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии, согласился с его выводами, оставил вопрос о мере дисциплинарной ответственности адвоката К. на усмотрение Совета.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии, согласился с его выводами, признал, что действительно

не имел права участвовать в следственных действиях до истечения 24-часового периода с момента фактического задержания П. При этом сообщил, что о наличии в тот момент у П. защитников по соглашению не знал.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В жалобе П. против адвоката К. выдвигаются дисциплинарные обвинения:

– во вступлении в уголовное дело в нарушение Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 с дополнениями, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 мая 2024 г. № 139 (далее – Правила);

– в непроведении с заявителем конфиденциального свидания до его первого допроса в качестве подозреваемого;

– в участии в производстве следственных и иных процессуальных действий до истечения 24 часов с момента фактического задержания П. и при наличии у него заключенных с адвокатами Г. и Р. соглашений на осуществление его защиты;

– в неосуществлении защиты интересов заявителя, «формальном присутствии» на следственных действиях, неотражении в протоколах процессуальных действий своей позиции и нереагировании на заявления и замечания, внесенные П. в протокол его допроса в качестве подозреваемого.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве …СО …УРОВД ГСУ СК РФ по г. Москве находилось уголовное дело, возбужденное 21 ноября 2025 г. в отношении Х. по признакам преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291 УК РФ, и в отношении И., З., Б. и П. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 291.1 УК РФ.

22 ноября 2025 г., в 16.20 час., П. был фактически задержан в аэропорту Шереметьево по прилету из г. Владивостока. Соответственно, предусмотренный ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часовой срок явки приглашенного защитника истекал 23 ноября 2025 г., в 16.20 час.

По заявке в АИС АПМ, размещенной следователем упомянутого следственного отдела М. в 13.02 час. 22 ноября 2025 г., защитником подозреваемого П. был назначен адвокат К., который в тот же день вступил в уголовное дело, представив ордер от 22 ноября 2025 г., в качестве основания выдачи которого было указано «ст. 51 УПК РФ».

В тот же день, с 20.00 по 23.39 час., П. был допрошен в качестве подозреваемого, к протоколу допроса приложены замечания заявителя, на которых имеется подпись адвоката К. 22 ноября 2025 г., в 23.45 час., П. был задержан в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, протокол задержания составлен с участием адвоката К., в качестве места задержания указан кабинет следователя. В тот же день с участием адвоката К. П. предъявлено обвинение, и он был допрошен в качестве обвиняемого. В протоколе допроса он указал: «…вину в инкриминируемом преступлении не признаю, от дачи показаний отказываюсь на основании ст. 51 Конституции РФ».

23 ноября 2025 г., с 16.10 до 16.50 час., с участием П. и адвоката К. был произведен обыск в жилище заявителя по адресу… В тот же день, с 20.15 по 21.07 час. с участием адвоката К. произведена очная ставка между П. и Б.

24 ноября 2025 г. З. районным судом г. Москвы П. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, его защиту в судебном заседании осуществлял адвокат Р.

Оценивая профессиональное поведение адвоката К. в части дисциплинарного обвинения в участии в производстве следственных и иных процессуальных действий до истечения 24 часов с момента фактического задержания П. и при наличии у него заключенных с адвокатами Г. и Р. соглашений на осуществление его защиты, Совет исходит из того, что согласно ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить несколько защитников.

В соответствии с ч. 4 ст. 50 УПК РФ если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов. При отказе подозреваемого, обвиняемого от назначенного защитника следственные действия с участием подозреваемого, обвиняемого могут быть произведены без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пп. 2–7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ.

Согласно подп. «а» и «в» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу; разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в Разъяснениях № 9 от 24 сентября 2015 г. по вопросам профессиональной этики адвоката «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» указал, что «24-часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу является особым – как в силу своей сжатости, так и более жестких правил назначения защитника (без предложения пригласить другого защитника взамен неявившегося). Ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания, полностью исключает злоупотребление правом с его стороны. <…> На основании изложенного Совет разъясняет: адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для явки приглашенного защитника, кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок. Невыполнение данного

разъяснения будет расцениваться как нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ", п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении».

Как отмечено выше, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в нарушение указанных обязательных требований адвокат К. до истечения 24-часового срока с момента фактического задержания П. принял участие в его допросе в качестве подозреваемого, предъявлении ему обвинения и допросе в качестве обвиняемого, обыске в жилище П.

Оценивая профессиональное поведение адвоката К., Совет учитывает, что П. от его помощи не отказывался, и у К. отсутствовала достоверная информация о наличии у П. защитников по соглашению, поскольку на момент участия адвоката К. в процессуальных действиях никто из адвокатов П. по соглашению в уголовное дело еще не вступил. Лица, связывавшиеся с адвокатом К. – «адвокат-женщина из Владивостока» и N. – документов, подтверждающих свой профессиональный статус, не представили, а сам К. не предпринял мер по его выяснению. Вместе с тем сам адвокат К. пояснил, что адвокат N. написал ему, что является защитником П. и вылетает в г. Москву для участия в его защите, а жена П. в телефонном разговоре не сообщила о невозможности явки адвокатов по соглашению. Каких-либо письменных подтверждений от П., из которых бы следовало, что он полагает явку защитника по соглашению в течение 24-часового срока с момента фактического задержания невозможной, в распоряжении адвоката К. также не имелось. При этом, поскольку о факте задержания П. стало известно его жене и третьим лицам, любое из этих лиц могло заключить соглашение на защиту П. с адвокатом, находящимся в г. Москве, который мог бы явиться к следователю в течение 24-часового срока с момента фактического задержания заявителя. Таким образом, адвокат К. не получил не вызывающих сомнений в своей достоверности подтверждений невозможности явки защитника П. по соглашению в течение 24 часов с момента фактического задержания последнего, в связи с чем был не вправе до истечения этого срока участвовать в процессуальных действиях в качестве защитника П. по назначению, за исключением участия в составлении протокола его задержания в порядке ст. 91, 92 УПК РФ.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката К. опровергнутой в части описанного дисциплинарного обвинения, а его вину в совершении этого дисциплинарного нарушения установленной.

Вместе с тем участие адвоката К. в составлении протокола задержания заявителя являлось обязательным в силу прямого указания ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ, а его участие в очной ставке между П. и Б. имело место после истечения 24 часов с момента фактического задержания, в связи с чем Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части.

Совет соглашается с мнением Квалификационной комиссии об отсутствии оснований для оценки действий адвоката К. как направленных к подрыву доверия к адвокатуре. Вопреки утверждению заявителя, ни законодательством об ад-

вокатской деятельности и адвокатуре, ни разъяснениями Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Совета Адвокатской палаты города Москвы не установлена обязанность адвоката в рассматриваемой ситуации связываться с представителем Совета Адвокатской палаты города Москвы «по вопросу замены защитника», а у следователя отсутствовала обязанность уведомлять о чем-либо адвокатов, не вступивших в уголовное дело в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 49 УПК РФ.

Факт неуказания адвокатом К. замечаний в протоколе задержания П. в порядке ст. 91, 92 УПК РФ относительно времени и места фактического задержания Совет оставляет без правовой оценки, поскольку соответствующих дисциплинарных обвинений заявителем не выдвигалось, однако считает необходимым указать адвокату К. на необходимость надлежащего процессуального реагирования на внесение следователем в протокол задержания недостоверных сведений по столь важному вопросу.

Дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом К. Правил при вступлении в уголовное дело Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает необоснованным. В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат К. вступил в уголовное дело в соответствии с п. 10 Правил, т. е. на основании заявки АИС АПМ, которая была размещена уполномоченным лицом – следователем, в производстве которого находилось уголовное дело, содержала полные и достоверные сведения о номере уголовного дела и лице, которому необходимо оказать юридическую помощь. В результате дисциплинарного разбирательства также установлено, что по состоянию на 22 и 23 ноября 2025 г. в момент участия адвоката К. в следственных действиях у П. не имелось иных защитников – адвокатов по соглашению, вступивших в уголовное дело в порядке ч. 4 ст. 49 УПК РФ, в связи с чем адвокат К. не должен был предпринимать какие-либо действия, обусловленные участием в уголовном деле защитников по соглашению.

Несмотря на то, что при вступлении в уголовное дело адвокат К. не указал в графе «Основания выдачи ордера» дату и номер заявки АИС АПМ, это формальное нарушение п. 17 Правил не могло каким-либо образом нарушить права и законные интересы П.

Дисциплинарное обвинение в непроведении с заявителем конфиденциального свидания до его первого допроса Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает недоказанным.

Согласно подп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалоба, представление, обращение признаются допустимыми поводами для возбуждения дисциплинарного производства, если в них указаны конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, представлением, обращением, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.

Вместе с тем доводы жалобы П. в названной части доказательствами не подтверждены, адвокат К. указанное дисциплинарное обвинение отрицает.

К такому же выводу Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит в отношении дисциплинарного обвинения в том, что адвокат К. не защищал интересы заявителя, лишь формально присутствовал на следственных действиях, не отразил в протоколах процессуальных действий своей позиции и никак не отреагировал на заявления

и замечания, внесенные П. в протокол его допроса в качестве подозреваемого.

Органы адвокатского самоуправления при осуществлении дисциплинарного производства последовательно исходят из того, что «…конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении» (Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 192–193).

Поскольку указанные доводы жалобы не конкретизированы, им невозможно дать оценку по существу. При этом Квалификационная комиссия правильно отметила в заключении, что в протоколе допроса подозреваемого П. в графе о наличии заявлений или замечаний содержится рукописная запись «не поступили», а в приложенном к протоколу письменном заявлении утверждается о частичном искажении показаний заявителя, что подтверждено подписями как самого П., так и адвоката К.

Таким образом, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. в части остальных дисциплинарных обвинений неопровергнутой, а дисциплинарное производство в данной части подлежащим прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый характер, свидетельствующий об умышленном игнорировании адвокатом профессиональных обязанностей и обязательных правил участия адвокатов в качестве защитников по назначению следователя, сопряженный с нарушением прав доверителя. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее адвокат К. к дисциплинарной ответственности не привлекался, признал допущенное нарушение, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет считает необходимым указать адвокату К. на необходимость неукоснительного исполнения следующих законодательно установленных обязанностей адвоката: а) исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката); б) постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адво-

ката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем П. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя; участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся в участии 22 и 23 ноября 2025 г. в качестве защитника по назначению по уголовному делу в условиях неистечения 24-часового срока с момента фактического задержания П. в следующих следственных и иных процессуальных действиях: в допросе П. в качестве подозреваемого; в предъявлении П. обвинения, в его допросе в качестве обвиняемого, в производстве обыска в квартире, расположенной по адресу…

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе П., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.2. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку довод заявителя о неподписании им соглашения с адвокатом о расторжении соглашения об оказании юридической помощи не нашел подтверждения. Однако Совет указал адвокату на недопустимость включения в соглашение об оказании юридической помощи условия о прекращении обязательств защитника до завершения стадии предварительного расследования, поскольку это противоречит разъяснениям Совета и нарушает право доверителя на защиту.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам Д. в отношении адвоката П.

Квалификационная комиссия 18 февраля 2026 г. вынесла Заключение:

о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобе, поданной от имени Д. без даты, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения;

о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобам Д. от 18 и 29 мая 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката П. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и в связи с надлежащим исполнением адвокатом своих профессиональных обязанностей.

Заявитель Д., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, содержится под стражей. Представитель заявителя Д. – И., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета также не явилась, устно уведомила Совет о по-

лучении Заключения Квалификационной комиссии и нежелании участвовать в заседании.

Адвокат П., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно уведомил Совет о получении Заключения Квалификационной комиссии и заявил ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства без его участия.

Учитывая эти обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве Л. МРСО СУ по … округу ГСУ СК России по г. Москве находилось уголовное дело по обвинению Д. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. 13 апреля 2024 г. следователем И.Е. в АИС АПМ была размещена заявка для обеспечения участия защитника в порядке ст. 50, 51 УПК РФ на стадии предварительного расследования. Указанная заявка распределена адвокату П. 15 апреля 2024 г. между Д. и адвокатом П. было заключено соглашение об оказании юридической помощи, предметом которого являлось участие адвоката в качестве защитника Д. на стадии предварительного следствия по уголовному делу последнего. Размер вознаграждения по соглашению составлял …руб. В тот же день И. внесла в кассу адвокатского образования …руб., что подтверждено квитанцией к приходному кассовому ордеру от 15 апреля 2024 г. 13 мая 2024 года Д. отказался от защитника – адвоката П., указав, что его защиту будет осуществлять адвокат Д. С. Постановлением следователя от 14 мая 2024 г. данный отказ был удовлетворен.

5 сентября 2024 г. между Д. и адвокатом П. было заключено новое соглашение об оказании юридической помощи, предусматривавшее защиту Д. на стадии предварительного расследования по тому же уголовному делу. Размер вознаграждения по данному соглашению составлял …руб. При этом 3 сентября 2024 г. И. перечислила адвокату П. …руб., которые в тот же день были внесены в кассу адвокатского образования. В квитанции к приходному кассовому ордеру от 3 сентября 2024 г. основанием платежа указана «оплата задолженности по соглашению от 15 апреля 2024 г. с Д. за фактически отработанные дни».

5 сентября 2024 г. Д. и адвокат П. были уведомлены об окончании следственных действий и в тот же день ознакомлены с материалами уголовного дела. Адвокат П. заявил ходатайство о прекращении уголовного преследования Д., изложив его собственноручно в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела. В удовлетворении указанного ходатайства следователем было отказано. В тот же день Д. выдал адвокату П. расписку об отсутствии претензий к нему по качеству и добросовестности оказанной юридической помощи.

Кроме того, 5 сентября 2024 г. между Д. и адвокатом П. было заключено соглашение об оказании юридической помощи в суде первой инстанции – Л. районном суде г. Москвы. Размер вознаграждения по соглашению составлял …руб.

9 сентября 2024 г. следователем И.Е. в АИС АПМ была размещена заявка для обеспечения участия защитника в поряд-

ке ст. 50, 51 УПК РФ в судебном заседании указанного суда, назначенном на 11 сентября 2024 г. Заявка была распределена адвокату М. 11 сентября 2024 года Д. подтвердил, что не возражает против участия адвоката М. в его защите в указанном судебном заседании. В тот же день постановлением судьи Л. районного суда был продлен срок содержания Д. под стражей. Адвокат П. в этом судебном заседании не участвовал.

30 сентября 2024 г. уголовное дело в отношении Д. было зарегистрировано в Л. районном суде г. Москвы.

10 октября 2024 г. Д. повторно выдал адвокату П. расписку об отсутствии претензий к нему. В тот же период в материалы дела поступили сведения о заявлении Д. по вопросу поступления на военную службу по контракту и о направлении военным комиссаром г. Москвы соответствующего обращения для проведения необходимых мероприятий.

18 ноября 2024 г. адвокат П. посещал Л. районный суд г. Москвы, куда Д. был доставлен из ФКУ СИЗО… ГУФСИН России по г. Москве. Вместе с тем судебное заседание было отложено на 5 декабря 2024 г. ввиду неявки участников. В этот же день адвокатом П. и Д. заключено соглашение о расторжении соглашения об оказании юридической помощи от 5 сентября 2024 г., представленное адвокатом П. в материалы дисциплинарного производства.

27 марта 2025 г. уголовное дело было возвращено прокурору, соответствующее постановление суда вступило в законную силу.

В настоящее время уголовное дело в отношении Д. вновь находится в производстве Л. районного суда г. Москвы, куда оно поступило 16 июня 2025 г. и рассматривается под другим номером.

Переходя к оценке дисциплинарных обвинений, выдвинутых заявителем в его жалобах, Совет отмечает следующее.

Жалоба без даты, поступившая от имени Д., не содержит подписи заявителя, в связи с чем обоснованно расценена Квалификационной комиссией как анонимная и не подлежащая рассмотрению в силу п. 6 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката. Дисциплинарное производство в этой части подлежит прекращению вследствие отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Дисциплинарное обвинение в отказе адвоката П. от осуществления защиты Д. после 18 ноября 2024 г. не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. Как указано выше, 18 ноября 2024 г. между Д. и адвокатом П. было заключено в письменной форме соглашение о расторжении соглашения об оказании юридической помощи от 5 сентября 2024 г., на основании которого адвокат П. осуществлял защиту Д. при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции. В названном соглашении о расторжении соглашения об оказании юридической помощи указано, что последнее расторгнуто по инициативе доверителя. После расторжения соглашения адвокат не имел правовых оснований для дальнейшего участия в деле в качестве защитника Д.

Довод Д. о том, что указанное соглашение о расторжении им не подписывалось, Совет отклоняет как несостоятельный и противоречащий установленным фактическим обстоятельствам. Соглашение выполнено на бланке, заполненном рукописным способом, что соответствует объяснениям адвоката П. об обстоятельствах его составления. Имеющаяся на нем подпись Д. с расшифровкой визуально соответствует его подписям и расшифровкам, содержащимся в иных документах, представленных в материалы дисциплинарного производства. Утверждение заявителя о невозможности подписания соглашения 18 ноября 2024 г., поскольку он в этот день не

встречался с адвокатом П., опровергается установленными фактами посещения адвокатом П. Л. районного суда г. Москвы в указанный день и доставления туда Д. То обстоятельство, что судебное заседание в этот день не состоялось, не опровергает совместного нахождения сторон соглашения в суде в указанный день.

Доводы заявителя, связанные с его возможными мотивами расторжения соглашения, в том числе с получением им письма военного комиссара г. Москвы и его ожиданиями относительно поступления на военную службу по контракту, не меняют правовой оценки профессионального поведения адвоката П., поскольку не опровергают факта подписания Д. соглашения о расторжении с адвокатом П. соглашения об оказании юридической помощи.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката П. в данной части неопровергнутой.

Как правильно установила Квалификационная комиссия, иных дисциплинарных обвинений в отношении адвоката П. заявителем не выдвигалось. В Заключении Квалификационной комиссии содержится исчерпывающее обоснование этого вывода, в том числе исчерпывающий анализ обстоятельств, связанных с неучастием адвоката П. в судебном заседании 11 сентября 2024 г., в котором рассматривался вопрос о продлении срока содержания Д. под стражей. Совет соглашается с этими выводами Квалификационной комиссии.

С учетом изложенного дисциплинарное производство подлежит прекращению в полном объеме.

Вместе с тем Совет считает необходимым указать адвокату П. на недопустимость включения в соглашение об оказании юридической помощи условий, не соответствующих обязательным для адвокатов разъяснениям органов адвокатского самоуправления и необоснованно ограничивающих права доверителей.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в Разъяснениях от 30 мая 2013 г. № 6 «О соглашении на уголовную защиту» и от 29 сентября 2014 г. № 7 «Об объеме оказания адвокатом-защитником юридической помощи в стадии предварительного расследования» прямо указал, что заключение соглашения в объеме, не предполагающем защиту доверителя на всем протяжении соответствующей стадии уголовного судопроизводства, противоречит существу права на квалифицированную юридическую помощь и не соответствует требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Условие, предусмотренное п. 8 заключенного адвокатом П. с Д. соглашения от 15 апреля 2024 г., согласно которому обязательства адвоката считаются выполненными в полном объеме после выполнения требований ст. 217–218 УПК РФ, указанным требованиям не соответствует, поскольку выполнение требований указанных статей не является моментом окончания стадии предварительного расследования. После ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела следователь разрешает заявленные ими ходатайства, в связи с чем может дополнять материалы дела и вновь предоставлять их для ознакомления. После этого следователь составляет обвинительное заключение и после его подписания направляет уголовное дело с обвинительным заключением прокурору для утверждения. Следовательно, стадия предварительного расследования завершается не выполнением требований ст. 217–218 УПК РФ, а утверждением прокурором обвинительного заключения и направлением уголовного дела в суд в порядке ст. 222 УПК РФ.

Включение адвокатом в соглашение об оказании юридической помощи условия о прекращении обязательств защитника до завершения стадии предварительного расследования противоречит указанным разъяснениям Совета и нарушает право доверителя адвоката на защиту. Применительно к обстоятельствам настоящего дисциплинарного производства это нарушение заключалось в том, что адвокат П., заявив после ознакомления с материалами дела ходатайство о прекращении уголовного преследования его доверителя Д., прекратил какие-либо действия по защите его прав и интересов.

Поскольку заявителем не выдвинуто дисциплинарное обвинение в отношении адвоката П. в связи с данным пороком соглашения, дисциплинарные органы адвокатского самоуправления в силу п. 4 ст. 23 и п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката не имеют возможности дать правовую оценку профессиональному поведению адвоката П. в данной части. Однако Совет считает необходимым указать адвокату П. на необходимость неукоснительного исполнения следующих законодательно установленных обязанностей адвоката: а) исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката); б) постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П.:

по жалобе без даты, поданной от имени Д., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения;

по жалобам Д. от 18 и 29 мая 2025 г. вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката П. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей.

1.3. Совет объявил предупреждение адвокату за ненадлежащее оформление отношений и расчетов с доверителем, но не признал «гонорар успеха» по алиментному спору дисциплинарным нарушением, поскольку такой запрет не установлен законодательством и требованиями профессиональной этики. При этом Совет подчеркнул, что «гонорар успеха» допустим, если при его установлении соблюдены требования разумности, добросовестности и соразмерности, а также учтены конкретные обстоятельства дела.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя Д. и адвоката П. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Д. без даты в отношении адвоката П.

Квалификационная комиссия 4 марта 2026 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Фе-

дерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 3 Правил включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. (Протокол № 12), исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Д., что выразилось во включении 26 ноября 2024 г. в Соглашение об оказании юридической помощи от 3 сентября 2024 г. условия об обязанности доверителя выплатить адвокату 10% от суммы удовлетворенных требований по гражданскому делу по иску Д. к М. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, которое противоречит публичному порядку и основным началам семейного законодательства, в то время как достижение положительного результата по заявленному иску предопределено законом;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 4 п. 1 ст. 7, п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, принятых на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 г., исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Д., выразившемся в том, что, заключив с доверителем Д. соглашения об оказании юридической помощи от 3 сентября 2024 г. и от 22 января 2025 г., адвокат П. не выдала доверителю экземпляры данных соглашений;

3) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Д., выразившемся в том, что, согласовав с доверителем Д. в устной форме вопрос об увеличении вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи от 22 января 2025 г. на …руб. за подготовку кассационной жалобы по гражданскому делу по иску Д. к М. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, она не оформила изменение условия данного соглашения о вознаграждении в надлежащей письменной форме, а в одностороннем порядке внесла в него дополнительное условие об увеличении вознаграждения за подготовку кассационной жалобы в размере …руб.;

4) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Д., что выразилось в том, что, получив от доверителя Д. 9 сентября 2025 г. наличные денежные средства в сумме …руб. в качестве вознаграждения за составление кассационной жалобы по гражданскому делу по иску Д. к М. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, адвокат П. не выдала доверителю финансовый документ по проведению операции с денежными средствами доверителя (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т. п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

5) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобе Д., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат П. представила письменные «Пояснения по заключению комиссии по жалобе Д.» от 28 апреля 2026 г., где указала, что, по ее мнению, Комиссия вышла за рамки обвинений, выдвинутых заявителем; по поводу включения в соглашение условия «гонорара успеха» ей не было предложено дать объяснения, он подразумевался от суммы алиментов за предыдущие три года в процентах; доверитель предлагала сделать «липовое» соглашение, на что она не согласилась. Оригинал квитанции по оплате она хотела передать Д. при личной встрече, но эта встреча не состоялась. Считает, что если в соглашении написано, что оно изготовлено в двух экземплярах, то это автоматически означает, что второй экземпляр доверителем получен. Составленные ею апелляционная и кассационная жалобы не идентичны. Второе соглашение подписывалось в присутствии Д. в переговорной комнате …банка, что может быть подтверждено видеозаписью при наличии запроса официального органа.

К указанным выше пояснениям приложена переписка заявителя с адвокатом П. на 45 листах.

В заседании Совета адвокат П. подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии частично не согласилась, поддержала доводы своих письменных возражений. Дополнительно сообщила, что делом Д. она занималась тщательно и только в интересах последней. В Разъяснении Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по поводу «гонорара успеха» она не нашла каких-то запретов или требований, которые она нарушила. Не считает, что результат по делу был предопределен, тем более что вышестоящие судебные инстанции ничего не присудили Д. Это означает, что все было далеко не бесспорно. «Гонорар успеха» касался размера «сверхалиментов». Понимает, что должна была безоговорочно выдать квитанцию Д., но такой возможности не было, и она ее ждала. Кассационную жалобу она составляла добросовестно. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснила, что они с Д. посчитали размер алиментов за период в предыдущие 3 года, который должен был составлять примерно …руб. После этого они договорились о включении в соглашение условия о «гонораре успеха», относящегося к этой ожидаемой сумме. В соглашении это условие было зафиксировано, но места там дописывать что-либо еще не было.

Заявитель Д. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласилась частично. Пояснила, что не просила адвоката составить иск на …руб. Она писала адвокату П., что конкретно хочет, но почему-то адвокат П. иск составила по-другому. Она жила с ответчиком вместе …лет и знала о его финансовом состоянии, поэтому ей ничего не надо было узнавать о нем якобы из соцсетей. Не согласна с выводом Комиссии о том, что в кассационной жалобе, составленной адвокатом П., не было ошибок. Адвокат отказалась созвониться вечером, чтобы обсудить необходимые правки в данной жалобе. После этого Д. заключила договор с другим адвокатом.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но с ее выводами

частично не соглашается ввиду нижеследующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 5 декабря 2020 г. между Д. и М. заключено нотариально не удостоверенное соглашение о содержании несовершеннолетнего ребенка – Д.М. …2008 г.р., путем перечисления Д. денежных средств. 24 мая 2024 г. Д. обратилась в Г. районный суд г. Москвы с иском к М. об установлении отцовства, который был принят к производству, и возбуждено гражданское дело. 30 июля 2024 г. заявитель обратилась к адвокату П. за правовой помощью во взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка Д.М., после чего 5 августа 2024 г. осуществила перевод …руб. на личный банковский счет адвоката П., а 13 августа 2024 г. выдала адвокату П. доверенность, удостоверенную нотариусом, на представление ее интересов во всех судах Российской Федерации. 1 сентября 2024 г. заявитель осуществила второй перевод в сумме …руб. на личный банковский счет адвоката П.

3 сентября 2024 г. между адвокатом П. и доверителем Д. заключено соглашение об оказании юридической помощи по гражданскому делу, согласно п. 1 которого адвокат П. приняла на себя обязательство составить исковое заявление Д. к М. «о взыскании алиментов в твердой денежной сумме в размере ранее добровольной выплаты алиментов при отсутствии нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов», предъявить это исковое заявление в упомянутый районный суд и представлять интересы Д. в суде по данному гражданскому делу. Пунктом 2 соглашения предусмотрено вознаграждение адвоката в размере …руб., из которых …руб. составляют стоимость консультации, изучения документов по делу, составление и предъявление иска, а …руб. – участие в суде, при этом указано, что «сумма оплаты по договору произведена на момент подписания настоящего соглашения».

20 сентября 2024 г. Д. подала в Г. районный суд г. исковое заявление к М. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего сына Д.М., на основании которого было возбуждено гражданское дело. 28 октября 2024 г. судом вынесено определение об объединении гражданских дел по спору об установлении отцовства и по спору о взыскании алиментов в одном производстве. 21 ноября 2024 г. истцом Д. уточнены исковые требования, и судом вынесено определение об изменении основания и предмета иска, а также об увеличении исковых требований.

26 ноября 2024 г. в ходе встречи заявителя и адвоката П. в соглашение об оказании юридической помощи рукописно внесено дополнительное условие (п. «а» 2.2.), согласно которому «Доверитель обязуется выплатить Адвокату 10% от суммы удовлетворенных требований в течение месяца со дня вступления в силу решения суда». Это дополнение стороны удостоверили своими подписями.

19 декабря 2024 г. истцом Д. вновь были уточнены исковые требования, и судом вынесено определение об изменении основания и предмета иска, а также увеличении исковых требований. 22 января 2025 г. судом вынесено решение, которым исковые требования были удовлетворены частично: с М. в пользу Д. взысканы алименты на содержание несовершеннолетнего сына Д.М. в твердой денежной сумме, а во взыскании алиментов в размере ¼ доли от дохода ответчика и о взыскании алиментов за трехлетний срок, предшествующий обращению в суд, отказано.

В тот же день, 22 января 2025 г., между адвокатом П. и доверителем Д. заключено соглашение об оказании юридической помощи по гражданскому делу,

предметом которого в соответствии с п. 1 являлось «составление жалобы в апелляционном, и при необходимости, в кассационном порядке в …КСОЮ» на указанное решение Г. районного суда г. Москвы от 22 января 2025 г. Стоимость юридической помощи по указанному соглашению, согласно пояснениям заявителя Д., составила …руб., она перевела на личный банковский счет адвоката П.

21 марта 2025 г. Д. подала апелляционную жалобу на решение Г. районного суда г. Москвы от 22 января 2025 г., которая 28 августа 2025 г. оставлена судом апелляционной инстанции без удовлетворения, а решение суда – без изменения.

9 сентября 2025 г. в ходе встречи заявителя и адвоката П. в Соглашение об оказании юридической помощи от 22 января 2025 г. были рукописно внесены дополнения, и абз. 1 п. 2 соглашения изложен в следующей редакции: «*размер вознаграждения за исполнение поручения определен сторонами в сумме 1) …рублей, из которых …рублей получены при подписании данного соглашения. на карту банка за апелляционное обжалование 2) …рублей получены 09.09.2025 года лично за составление кассационной жалобы*». Рядом с указанным дополнением стороны свои подписи не поставили, дата внесения изменений в соглашение также не указана. В этот же день заявитель передала …руб. наличными адвокату П. в счет оплаты юридической помощи за подготовку кассационной жалобы. 18 сентября 2025 г. адвокат П. в мессенджере *WhatsApp* направила заявителю фотографию квитанции к приходному кассовому ордеру от 9 сентября 2025 г. о получении от Д. …руб. по соглашению от 9 сентября 2025 г.

15 октября 2025 г. адвокат П. по электронной почте отправила заявителю кассационную жалобу на апелляционное определение М. городского суда от 28 августа 2025 г. и на решение Г. районного суда от 22 января 2025 г. После этого между заявителем и адвокатом П. велась переписка относительно внесения изменений в текст указанной кассационной жалобы. 19 октября 2025 г. заявитель в мессенджере *WhatsApp* сообщила адвокату П. о том, что работает с другим адвокатом, и попросила вернуть денежные средства в сумме …руб., оплаченные 9 сентября 2025 г. «за кассацию». 20 октября адвокат П. в мессенджере *WhatsApp* ответила заявителю, что «расторжение исполненного договора невозможно, обязательства сторон уже прекратились», и напомнила заявителю о ее обязательстве по выплате обусловленного вознаграждения («гонорара успеха»), предусмотренного соглашением от 3 сентября 2024 г. В тот же день Д. распоряжением, удостоверенным нотариусом г. Москвы Д.Е., отменила доверенность, выданную 13 августа 2024 г. адвокату П., и 21 октября 2025 г. уведомила об этом адвоката П.

27 октября 2025 г. заявитель в мессенджере *WhatsApp* задала вопрос адвокату П. о возврате денежных средств, ответа на который не последовало. 11 ноября 2025 г. заявитель в мессенджере *WhatsApp* снова задала вопрос адвокату П. о возврате денежных средств и сообщила о намерении обратиться по этому вопросу в суд и с жалобой в Адвокатскую палату города Москвы.

26 ноября 2025 г. Д. подала в Г. районный суд кассационную жалобу на судебные акты по гражданскому делу об установлении отцовства. 29 января 2026 г. определением Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции судебные акты нижестоящих судов были оставлены без изменения, кассационная жалоба – без удовлетворения.

Из поступившей в Адвокатскую палату города Москвы жалобы Д. следует,

что она выдвигает в отношении адвоката П. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в ненадлежащем исполнении адвокатом П. поручения по Соглашению от 3 сентября 2024 г., а именно:

– в небрежном и неправильном составлении искового заявления о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка не с теми исковыми требованиями, о которых она просила;

– в допущении «грубейших ошибок и нарушений», вследствие чего «постоянно приходилось что-то дорабатывать и исправлять»;

– в неознакомлении с материалами дела заранее, до судебного заседания, перепоручении заявителю ознакомления с материалами дела и направления их адвокату П.;

2) во включении 26 ноября 2024 г. в Соглашение от 3 сентября 2024 г. условия об оплате «гонорара успеха»;

3) в несвоевременной и непрофессиональной подготовке кассационной жалобы по делу, которая «не соответствовала нормам и правилам», в даче указаний заявителю «самой все убрать ненужное, добавить необходимое»;

4) в непередаче заявителю экземпляров соглашений об оказании юридической помощи от 3 сентября 2024 г., 22 января и 9 сентября 2025 г.;

5) в составлении соглашений «без соответствующих норм», написанных от руки, с многочисленными приписками;

6) в принуждении заявителя оплатить юридическую помощь по подготовке кассационной жалобы дважды и присвоении …руб.;

7) в невыдаче заявителю квитанции от 9 сентября 2025 г. об оплате денежных средств в сумме …руб.;

8) в необеспечении результата, для которого заключались соглашения об оказании юридической помощи.

Также в жалобе заявитель Д. указывает о невозврате ей адвокатом П. оплаченного вознаграждения в сумме …руб. за подготовку кассационной жалобы, о причинении ей морального вреда и материального ущерба, а также о заявлении адвокатом П. требований к заявителю об оплате вознаграждения за успешную работу.

При рассмотрении дисциплинарных обвинений, указанных в пп. 1 и 8 выше, Совет исходит из того, что в соответствии с подп. 6–7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно не только указать в жалобе на обстоятельства, подтверждающие доводы жалобы, но также и подтвердить их соответствующими доказательствами. Этим требованиям указанные дисциплинарные обвинения не соответствуют, поскольку они не конкретизированы и не подтверждены какими-либо доказательствами. Кроме того, сама по себе претензия доверителя к адвокату в недостижении желаемого результата по делу не может являться основанием дисциплинарной ответственности адвоката, при этом каких-либо доказательств того, что желаемый результат не был достигнут из-за ненадлежащего оказания адвокатом юридической помощи, в том числе игнорирования какой-либо существенной информации, полученной от заявителя, не представлено. Не конкретизированы и не подтверждены доказательствами и доводы заявителя о неознакомлении адвоката П. до судебного заседания с поданными по делу документами, в то время как адвокат П. утверждает, что с материалами дела знакомилась неоднократно, что подтверждается ее расписками в материалах дела, а также наличием в ее телефоне фотокопий документов. Не нашли подтверждения и доводы заявителя о даче

ей адвокатом П. поручений об ознакомлении с материалами дела. При этом адвокат П. пояснила, что заявитель знакомилась с материалами дела по своей инициативе. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката П. в этой части неопровергнутой.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в несвоевременной и непрофессиональной подготовке адвокатом П. кассационной жалобы, которое также сформулировано неконкретно. В Соглашении об оказании юридической помощи от 21 января 2025 г. срок подготовки кассационной жалобы не указан, апелляционное определение по делу было предоставлено заявителем только 29 сентября 2025 г. Утром 15 октября 2025 г. адвокат П. направила заявителю проект кассационной жалобы. В связи с полученными от заявителя претензиями адвокат П. вечером того же дня направила заявителю переработанный вариант жалобы, исключив положения, которые ранее оставляла на усмотрение доверителя. Однако заявитель сообщила, что содержание жалобы ее не устраивает, не конкретизировав свои претензии. После получения кассационной жалобы Д. заявила о намерении расторгнуть соглашение об оказании юридической помощи. Срок подачи кассационной жалобы истекал 28 ноября 2025 г. Поскольку кассационную жалобу адвокат П. подготовила и направила заявителю 15 октября 2025 г., сроки ее подготовки не были нарушены. Содержание кассационной жалобы соответствует требованиям ст. 378 ГПК РФ. Кроме того, решение о том, какие именно обстоятельства и доводы необходимо изложить в кассационной жалобе, относится к тактике ведения дела, которая определяется адвокатом самостоятельно в силу его законодательно установленного статуса независимого профессионального советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Сам по себе факт обсуждения с доверителем возможных дополнений и предложение заявителю внести в текст жалобы свои дополнения не могут расцениваться как ненадлежащее исполнение адвокатом профессиональных обязанностей, а, напротив, свидетельствуют о согласовании позиции по делу с доверителем.

При рассмотрении дисциплинарных обвинений, связанных с ненадлежащей формализацией адвокатом П. отношений с доверителем, Совет исходит из положений п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которой адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

Заявитель утверждает, что адвокат П. не передала ей экземпляры соглашений об оказании юридической помощи от 3 сентября 2024 г., 22 января и 9 сентября 2025 г. Адвокат П. эти дисциплинарные обвинения отрицает, указывая, что передавала заявителю копии заключенных между ними соглашений об оказании юридической помощи в бумажном виде в момент их подписания, а заявитель никогда не говорила ей, что у нее нет этих соглашений. Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, между адвокатом П. и заявителем были заключены два соглашения об оказании юридической помощи – от 3 сентября 2024 г. и 22 января 2025 года. 9 сентября 2025 г. новое соглашение между ними не заключалось, но были внесены дополнения в Соглашение от 22 января 2025 г. В указанных соглашениях отсутствует подпись заявителя в получении второго экземпляра названных соглашений. При этом из имеющейся в дисциплинарном

деле переписки видно, что заявитель неоднократно сообщает адвокату П. об отсутствии у нее соглашений об оказании юридической помощи. Довод адвоката П. о наличии в п. 5.1 соглашения указания на то, что оно составлено в двух экземплярах, что, по ее мнению, свидетельствует о передаче заявителю второго экземпляра документа, Совет отклоняет как несостоятельный и надуманный, а также противоречащий требованиям Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 сентября 2014 г. № 7, согласно которым получение, равно как и отказ в получении доверителем экземпляра соглашения должны быть подтверждены его подписью на экземпляре, остающемся у адвоката. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом П. профессиональных обязанностей перед доверителем Д., выразившемся в невыдаче ей экземпляров соглашений об оказании юридической помощи от 3 сентября 2024 г. и 22 января 2025 г.

Довод заявителя о составлении соглашений «без соответствующих норм» носит декларативный характер и не свидетельствует о нарушении адвокатом П. требований законодательства об адвокатской деятельности и профессиональной этики. В то же время согласно ч. 1 ст. 452 ГК РФ соглашение об изменении или о расторжении договора совершается в той же форме, что и договор, если из закона, иных правовых актов, договора или обычаев не вытекает иное. Таким образом, внесение изменений в соглашение об оказании юридической помощи должно быть сделано в письменной форме и заверено подписями сторон. Установлено, что в оба указанных соглашения были внесены изменения путем их дополнения новыми условиями. Однако внесенные в Соглашение от 3 сентября 2024 г. дополнительные условия заверены подписями адвоката П. и заявителя, а внесенные в Соглашение от 22 января 2025 г. изменения подписями сторон не заверены. Таким образом, в первом случае требования ст. 452 ГК РФ соблюдены, а во втором – нарушены.

По утверждению заявителя, при заключении 22 января 2025 г. между Д. и адвокатом П. указанного соглашения стоимость всей юридической помощи была согласована в сумме …руб., из которых …руб. – стоимость подготовки апелляционной жалобы и …руб. – стоимость подготовки кассационной жалобы.

22 января 2025 г. абз. 1 п. 2 соглашения об оказании юридической помощи был изложен в следующей редакции: *«Размер вознаграждения за исполнение поручения определен сторонами в сумме …рублей, из которых …рублей получены при подписании данного соглашения»*. Затем по результатам встречи заявителя и адвоката П. 9 сентября 2025 г., последней в указанное соглашение были рукописно внесены дополнения, и абз. 1 п. 2 изложен в следующей редакции: *«Размер вознаграждения за исполнение поручения определен сторонами в сумме 1) …рублей, из которых …рублей получены при подписании данного соглашения. на карту банка за апелляционное обжалование 2) …рублей получены 09.09.2025 года лично за составление кассационной жалобы»*. Рядом с указанным дополнением подписей сторон не имеется, дата внесения изменений в соглашение также не указана. О том, что первоначально условие абз. 1 п. 2 соглашения не содержало указаний на разделение размера вознаграждения на виды юридической помощи за составление апелляционной и кассационной жалоб, свидетельствует наличие точки после слов «*…из которых …рублей получены при подписании данного соглашения.*». Наличие точки в первоначальном тексте указывает на

завершенность смысловой конструкции предложения. В то же время 9 сентября 2025 г. заявитель передала адвокату П. денежные средства в размере …руб. Сам факт передачи денег при отсутствии письменного соглашения об изменении стоимости юридической помощи, а также последующее поведение сторон – отсутствие претензий заявителя по факту получения адвокатом этих денег вплоть до подачи жалобы – свидетельствуют о том, что между сторонами фактически была достигнута устная договоренность об увеличении вознаграждения адвоката. Доверитель, осознавая увеличение объема работы, добровольно доплатила адвокату …руб. Таким образом, не усматривается оснований для вывода, что адвокат П. ввела заявителя в заблуждение и дважды получила плату за одну и ту же юридическую помощь.

Вместе с тем согласно подп. 4 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», размер вознаграждения относится к существенным условиям соглашения об оказании юридической помощи. Изменение таких условий возможно только по обоюдному согласию сторон, оформленному в письменном виде и удостоверенному подписями каждой из сторон. Это обязательное требование адвокатом П. не исполнено, поскольку, несмотря на фактически достигнутую с доверителем устную договоренность об увеличении вознаграждения, она не оформила это изменение надлежащим образом, не получив удостоверяющую его подпись доверителя. Тем самым адвокат П. нарушила требования подп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 452 ГК РФ, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет далее отмечает, что согласно п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» денежные средства в счет уплаты вознаграждения и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на его расчетный счет. Как указано выше, 9 сентября 2025 г. заявитель передала адвокату П. наличные денежные средства в сумме …руб. за подготовку кассационной жалобы. 18 сентября 2025 г. адвокат П. направила заявителю в мессенджере *WhatsApp* фотографию квитанции к приходному кассовому ордеру без номера от 9 сентября 2025 г., согласно которой от Д. принято …руб. по Соглашению от 9 сентября 2025 г., а также написала заявителю: «*Надо не забыть живую бумажную тоже отдать*». Таким образом, адвокат П. знала о своей обязанности передать доверителю квитанцию и имела реальную возможность сделать это, однако не сделала, не исполнив профессиональную обязанность перед доверителем вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Доводы адвоката П. о том, что заявитель не просила выдать ей квитанцию об оплате …руб., и что фотография этой квитанции была отправлена заявителю в мессенджере через неделю после получения от нее денежных средств, оценки ее профессионального поведения не меняют, поскольку указанная обязанность адвоката является императивной.

Претензии заявителя Д., связанные с невозвратом ей адвокатом П. оплаченного вознаграждения в сумме …руб. за подготовку кассационной жалобы, а также с причинением ей, по ее мнению, морального вреда и материального ущерба

рассмотрению по существу не подлежат, поскольку споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи находятся за пределами компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления, как и споры о компенсации морального вреда и взыскании причиненного ущерба. Подобные споры разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Переходя к выдвинутому заявителем и поддержанному Квалификационной комиссией дисциплинарному обвинению во включении адвокатом П. в Соглашение об оказании юридической помощи от 3 сентября 2024 г. условия об обязанности доверителя выплатить адвокату 10% от суммы удовлетворенных требований по гражданскому делу о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, Совет в первую очередь обращает внимание на неверную трактовку заявителем «гонорара успеха» как шантажа с требованием дополнительного вознаграждения: *«П. требует от меня вознаграждения не понятно за что и исходя из чего, которое выплачивается не за выполненную работу по договору на оказание адвокатских услуг, а за достигнутый результат»* (дополнение к жалобе без даты).

В этой связи Совет отмечает, что «гонорар успеха», понимаемый как условие договора, согласно которому выплата (размер выплаты) вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, прямо предусмотрен в п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката. Такое условие договора поддерживается и судебной практикой: «Исходя из принципа диспозитивности стороны соглашения вправе определить цену договора любым наиболее приемлемым для них способом, если иное не предусмотрено законом для выбранного сторонами вида договора, в том числе включив в договор об оказании юридических услуг условие о “гонораре успеха”» (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 марта 2026 г. № 305-ЭС25–13450).

Особенности и условия включения рассматриваемого условия в соглашение об оказании юридической помощи предусмотрены Правилами включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи, утвержденными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 2 апреля 2020 г., Протокол № 12 (далее – Правила), согласно которым:

– положение об обусловленном вознаграждении может быть включено в соглашение для обеспечения конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи лиц, у которых на момент заключения соглашения отсутствует возможность выплачивать вознаграждение адвокату, и в иных случаях, когда это не противоречит законодательству и Правилам (п. 1);

– положение об обусловленном вознаграждении не может включаться в соглашение об оказании юридической помощи по уголовному делу или по делу об административном правонарушении (п. 2);

– поскольку при заключении соглашения стороны исходят из неопределенности достижения положительного результата, то условие об обусловленном вознаграждении предполагается разумным и обоснованным (п. 3);

– не допускается включение в соглашение положения о выплате обусловленного вознаграждения авансом (п. 8).

Иных запретов и (или) ограничений на включение в соглашение об оказании юридической помощи условия о выплате «гонорара успеха» (обусловленного вознаграждения) ни Правила, ни применимые нормы законодательства не содержат.

Квалификационная комиссия со ссылкой на п. 3 Правил пришла к выводу о том, что в рассматриваемом случае имеет место противоречие «публичному порядку и основным началам семейного законодательства, в то время как достижение положительного результата по заявленному иску предопределено законом». При этом Комиссия не сослалась на какие-либо конкретные нормы законодательства (в том числе устанавливающие общие принципы или гарантии), подтверждающие этот ее вывод.

Совет не может согласиться с этим ошибочным выводом Квалификационной комиссии в силу следующего.

Представляется очевидным, что утверждение о предопределенности законом положительного результата иска о взыскании алиментов в принципе неверно. Само по себе наличие у истца права на обращение с таким иском вовсе не предопределяет его удовлетворение, тем более в полном размере заявленных требований. Применительно же к данному гражданскому делу, в котором суду предстояло сначала исследовать наличие или отсутствие оснований для установления отцовства ответчика и лишь затем переходить к вопросу об алиментных выплатах и их размере, говорить о какой-либо предопределенности положительного результата и вовсе не приходится.

Категоричное и всеобъемлющее утверждение Квалификационной комиссии о том, что «включение в соглашение об оказании юридической помощи положения об обусловленном вознаграждении недопустимо применительно к периодическим платежам социального характера (алименты, пенсии, пособия), так как они обеспечивают базовые жизненные потребности гражданина, а не являются “выигрышем” или “экономической выгодой” доверителя», также не основано на требованиях законодательства и профессиональной этики.

Совет не подвергает сомнению ту очевидную истину, что при включении в соглашение об оказании юридической помощи условия о «гонораре успеха» адвокат должен руководствоваться принципами разумности и соразмерности (что, как указано выше, предусмотрено и Правилами), а также соблюдать требования п. 1 ст. 4 и п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката о сохранении при всех обстоятельствах чести и достоинства профессии и недопустимости совершения действий, направленных к подрыву доверия к адвокату или адвокатуре. Вместе с тем поддержание разумного баланса между обеспечением социальной защищенности отдельных категорий граждан и права адвоката на получение справедливого вознаграждения за оказание квалифицированной юридической помощи, в том числе по делам повышенной сложности, также является необходимым и справедливым. В целях поддержания такого баланса должна учитываться вся совокупность конкретных обстоятельств дела, в частности характер финансовых требований доверителя, на удовлетворение которых направлена оказываемая адвокатом юридическая помощь.

Применительно к обстоятельствам настоящего дисциплинарного дела Совет отмечает, что в случае полного удовлетворения исковых требований заявителя Д. ей, согласно ее собственным расчетам, предстояло получить с ответчика более …руб., причем за предшествующий период (см. дополнение к жалобе без даты). Именно применительно к этому результату судебного спора, который вовсе не был предопределен и не

наступил в действительности, и было предусмотрено условие о выплате адвокату П. «гонорара успеха». В таких условиях утверждение о нарушении этим условием соглашения публичного правопорядка, основных начал семейного законодательства, ущемлении интересов социально незащищенных граждан представляется безосновательным.

Одновременно Совет отмечает и добровольный характер достигнутой между заявителем Д. и адвокатом П. договоренности о внесении в соглашение условия о выплате последней «гонорара успеха», на что правильно указала и Квалификационная комиссия в своем Заключении. При этом с момента внесения соответствующих дополнений в соглашение (26 ноября 2024 г.) и до момента подачи жалобы в Адвокатскую палату города Москвы (21 января 2026 г.), т.е. в течение более чем года, претензий по указанному поводу Д. не предъявляла.

Завершая анализ данного дисциплинарного обвинения, Совет считает необходимым подчеркнуть, что дисциплинарным органам адвокатского самоуправления при разрешении конкретных дисциплинарных дел не предоставлено право устанавливать запреты и (или) ограничения, не установленные законодательством и корпоративными нормативными актами, а также расширять сферу их действия. Напротив, в условиях правовой неопределенности этим органам следует исходить из презумпции добросовестности адвоката, толкуя сомнения в его пользу. Иной подход противоречил бы принципу законности деятельности адвокатуры, установленному п. 2 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», требованиям объективности и справедливости дисциплинарного разбирательства, установленным п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также условию привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности только за виновное нарушение, установленному п. 1 ст. 18 того же кодекса. Между тем, как описано выше, рассматриваемое условие соглашения, заключенного адвокатом П. с доверителем Д., никаких нормативно установленных запретов и ограничений не нарушает.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката и правовой оценке деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарного обвинения во включении адвокатом П. в соглашение об оказании юридической помощи доверителю Д. условия о выплате адвокату 10% от суммы удовлетворенных требований по гражданскому делу по иску Д. к М. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка вследствие отсутствия в указанных действиях адвоката П. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката П. за совершенные ею дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их неоднократный и грубый характер. Подобное профессиональное поведение адвоката П. Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее адвокат П., имеющая значительный профессиональный стаж, к дисциплинарной ответственности не привлекалась. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как

в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет считает необходимым указать адвокату П. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленных обязанностей исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), а также постоянно совершенствовать профессиональные знания самостоятельно и повышать профессиональный уровень в установленном порядке (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 4 п. 1 ст. 7, п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом 29 сентября 2014 г., исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Д., выразившееся в том, что, заключив с ней соглашения об оказании юридической помощи от 3 сентября 2024 г. и 22 января 2025 г., она не выдала доверителю экземпляры данных соглашений;

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Д., выразившееся в том, что, согласовав с последней в устной форме вопрос об увеличении вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи от 22 января 2025 г. на … руб. за подготовку кассационной жалобы по гражданскому делу по иску Д. к М. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, она не оформила изменение условия соглашения о вознаграждении в надлежащей письменной форме, а в одностороннем порядке внесла в соглашение дополнительное условие об увеличении вознаграждения за подготовку кассационной жалобы в размере …руб.;

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Д., выразившееся в том, что, получив от последней 9 сентября 2025 г. наличные денежные средства в сумме …руб. в качестве вознаграждения за составление кассационной жалобы по гражданскому делу по иску Д. к М. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, она не выдала доверителю финансовый документ по проведению операции с денежными средствами доверителя (квитанцию о приеме денежных средств,

приходный кассовый ордер и т. п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. по жалобе Д. без даты, вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.4. Совет объявил адвокату предупреждение за выполнение функции «защитника-дублера», отметив, что назначенный защитник обязан активно добиваться обеспечения права доверителя на участие избранного им защитника по соглашению, а не ограничиваться пассивной фиксацией отказа. Совет вновь напомнил алгоритм действий назначенного защитника, предусмотренный корпоративными правилами.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ф. от 31 января 2026 г. в отношении адвоката У.

Квалификационная комиссия 8 апреля 2026 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» и Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 го. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнении адвокатом У. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ф., выразившемся в неправомерном выполнении функций «защитника-дублера» 29 января 2026 г. (участие в предъявлении Ф. обвинения и его допросе в качестве обвиняемого) при наличии у обвиняемого Ф. защитника по соглашению – адвоката Г.;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката У. по жалобе Ф., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката У. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель содержащегося под стражей заявителя Ф. – адвокат Г., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, в письменном заявлении просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие, подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, сообщила о своем и своего доверителя согласии с его выводами, оставила вопрос о мере дисциплинарной ответственности на усмотрение Совета.

Адвокат У., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, просил рассмотреть жалобу в его отсутствие, своего отношения к Заключению Квалификационной комиссии не выразил.

Учитывая изложенные обстоятельства и в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмо-

трел дисциплинарное дело в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Заявителем выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что адвокат У.:

– участвовал в следственных действиях по личной просьбе руководителя следственной группы;

– принял участие в предъявлении обвинения и допросе в качестве обвиняемого Ф., выполнив недопустимые функции «защитника-дублера» при наличии у заявителя защитника по соглашению – адвоката Г.;

– вступил в сговор со следствием и действовал в интересах стороны обвинения;

– совершил действия, приводящие к подрыву доверия к адвокатуре.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве ГСУ СК РФ находилось уголовное дело по обвинению Ф., А., М. и иных лиц в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 291.1, ч. 5 ст. 291, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 196 УК РФ, производство по которому осуществлялось следственной группой в составе 12 следователей, включая следователей Т., М.В. и под руководством следователя К.

27 января 2026 г. следователь К. вынес постановление о привлечении Ф. в качестве обвиняемого по указанному уголовному делу. По размещенной 28 января 2026 г., в 18.02 час., заявке АИС АПМ защитником Ф. был назначен адвокат У., который вступил в уголовное дело 29 января 2026 г. на основании ордера от 29 января 2026 г. В тот же день, 28 января 2026 г., следователь М.В. посредством мессенджера *Telegram* уведомил адвоката Г. о дне и времени предъявления обвинения Ф. – в 09.00 час. 29 января 2026 г. В ответ на это уведомление адвокат Г. сообщила следователю о своей профессиональной занятости в указанный день в судебном заседании М. гарнизонного военного суда, подтвердив эту информацию соответствующей справкой суда и «заявлением об обеспечении прав обвиняемого».

29 января 2026 г. следователь К. вынес постановление о назначении адвоката У. защитником Ф., в котором было указано, что от адвоката Г., уведомленной о дате предъявления обвинения – 29 января 2026 г., сведений о невозможности участия в следственных действиях по причине профессиональной занятости не поступало. В тот же день с участием адвоката У. в ФКУ СИЗО… ГУФСИН России по г. Москве Ф. предъявлено обвинение и он допрошен в качестве обвиняемого. В протоколе допроса указано, что он от дачи показаний отказался в связи с отсутствием защитника по соглашению – адвоката Г., а также о том, что поступили заявления обвиняемого Ф. и адвоката У. – «отказался от защитника».

30 января 2026 г. Ф. и адвокат Г. были уведомлены об окончании следственных действий по уголовному делу.

Оценивая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат У. принял участие в предъявлении обвинения Ф. и его допросе, выполнив тем самым недопустимую функцию «защитника-дублера» при наличии у заявителя защитника по соглашению – адвоката Г., Совет считает необходимым вновь отметить следующее. Назначенный защитник обязан уважать право доверителя на свободный выбор защитника, приглашенного им или с его согласия третьими лицами, в связи с чем обязан выяснить, надлежащим ли образом уведомлен приглашенный защитник о дне, времени и месте производства процессу-

ального действия. Для этого он должен обратиться к лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, а также к доверителю и в зависимости от характера полученной информации принять решение о возможности участия в процессуальном действии или о заявлении ходатайства о его отложении для обеспечения явки защитника по соглашению.

Согласно п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться.

Участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ (п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ). Отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда (ч. 2 ст. 52 УПК РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ «по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом».

Согласно ч. 2 ст. 248 УПК РФ при неявке защитника и невозможности его замены судебное разбирательство откладывается. Замена защитника производится в соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ, которой установлено, что в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов.

В п. 4 Рекомендаций Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.) указано: «Адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению, обязан явиться к инициатору заявки, представить ордер и предъявить удостоверение, после чего выяснить, имеется ли у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) защитник по назначению или соглашению. Если у обвиняемого имеется защитник по соглашению, то адвокат обязан удостовериться в его надлежащем уведомлении в установленный законом срок и потребовать копию процессуального решения, в котором надлежащим образом мотивировано назначение адвоката в порядке статей 50, 51 УПК РФ при наличии защитника по соглашению».

В п. 1 Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» (действует в редакции, утвержденной Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.) указано на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, т.е. при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же решением (абз. 1 п. 2.1) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц

против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивируют именно злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника своими правомочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение)…».

В пп. 2, 3 Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» указано на недопустимость осуществления адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случая, указанного в п. 3 данных разъяснений. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы подчеркивает, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Защитнику по назначению, отказ от которого, заявленный в установленном законом порядке, не принят дознавателем, следователем или судом с вынесением соответствующего процессуального решения, необходимо исходить из того, что само по себе наличие у указанных субъектов уголовного судопроизводства предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ права не принять отказ от защитника не означает, что они могут пользоваться этим правом произвольно либо в целях, не соответствующих конституционным требованиям и назначению уголовного судопроизводства. В соответствии с требованиями ст. 11, 16, 243 УПК РФ именно на орган или должностное лицо, осуществляющие от имени государства производство по уголовному делу, возложена обязанность обеспечить всем участникам судопроизводства реализацию их прав и законных интересов.

Основываясь на этих требованиях закона и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П, и Пленума Верховного Суда Российской Федерации – в постановлении от 30 июня 2015 г. № 29, Совет полагает, что дознаватель,

следователь или суд могут не принять отказ от защитника по назначению лишь в случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства, представляя собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, т. е. направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

В результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлено, что 29 января 2026 г. адвокат У. принял участие в предъявлении обвинения и допросе Ф. в качестве обвиняемого при наличии у Ф. защитника по соглашению – адвоката Г., уведомленной о дате предъявления обвинения лишь 28 января 2026 г., т. е. накануне проведения процессуальных действий. Кроме того, адвокат У. не ознакомился с материалами уголовного дела в объеме, предусмотренном п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, не выяснил, уведомлена ли адвокат Г. о дате производства процессуальных действий. Несмотря на то, что Ф. незамедлительно, до начала процессуальных действий, отказался от помощи адвоката У., тот не подал собственного заявления о невозможности осуществления защиты Ф. и не предпринял всех дальнейших действий, указанных в приведенных разъяснениях: не проявил настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения заявления дознавателем, следователем, а в случае отказа или уклонения последнего от принятия такого решения ему следовало покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Перечисленные действия не были предприняты адвокатом У. и после письменной фиксации отказа от него в постановлении о привлечении Ф. в качестве обвиняемого.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката У. опровергнутой в данной части, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Совет также отмечает, что обязанность адвоката, назначенного защитником, обеспечить реализацию права доверителя на свободный выбор защитника не предполагает «пассивного присутствия и фиксации отказа», как об этом заявил адвокат У. в качестве своей защитительной позиции в ходе дисциплинарного производства. Вопреки данному ошибочному мнению, исполнение этой обязанности предполагает активную и настойчивую помощь адвоката, назначенного защитником, доверителю в реализации данного права.

Помимо этого, адвокат У. пояснил, что собирался разово «подменить» защитника по соглашению, с которым, как он полагал, названный вопрос был согласован, и считает это нормальной адвокатской практикой. Таким образом, адвокат У., вопреки нормативно установленному принципу непрерывности защиты, считает допустимой ее фрагментарное осуществление. Совет считает необходимым указать на это адвокату У., однако не имеет возможности дать правовую оценку его профессиональному поведению в этой части, поскольку соответствующих дисциплинарных обвинений в отношении него не выдвигалось.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат У. прибыл для производства процессуальных действий по личной просьбе руководителя следственной группы, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает необоснованным. В результате дисциплинарного

разбирательства установлено, что он вступил в дело на основании принятой им заявки АИС АПМ, при этом нарушений при формировании и распределении указанной заявки не выявлено. Факт предшествующего знакомства адвоката У. с руководителем или членами следственной группы, который он последовательно опровергал, заявителем Ф. не доказан. Фраза адвоката У. об общении со следователем К. по телефону по вопросу о наличии согласия Ф. и защитника адвоката Г. на его участие в процессуальных действиях рассматриваемое дисциплинарное обвинение также не подтверждает, тем более что, как выяснилось впоследствии, следователь К. сообщил адвокату У. информацию, не соответствующую действительности.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в том, что адвокат У. вступил в сговор со следствием и действовал в интересах стороны обвинения. Описанные выше действия (бездействие) адвоката У. не свидетельствуют о наличии какого-либо сговора между ним и представителями стороны обвинения, сам адвокат У. последовательно отрицал его наличие, а заявителем доказательств такого сговора не представлено.

Совет также соглашается с мнением Квалификационной комиссии об отсутствии оснований для оценки действий адвоката У. как направленных к подрыву доверия к адвокатуре. Несмотря на допущенное им нарушение, оценка которого дана выше, он самостоятельно внес в постановление о привлечении Ф. в качестве обвиняемого запись «от защиты отказался», а в протоколе допроса заявителя в качестве обвиняемого указано, что как от заявителя, так и от адвоката У. поступили заявления «отказался от защитника». Эти обстоятельства подтверждают, что адвокатом У. были предприняты действия, направленные на фиксацию позиции заявителя в процессуальных документах. Иных доводов в подтверждение дисциплинарного обвинения в совершении адвокатом У. действий, направленных к подрыву доверия к адвокатуре, заявителем не приведено.

Таким образом, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката У. в части других дисциплинарных обвинений неопровергнутой, а дисциплинарное производство в данной части подлежащим прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката У. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый характер, свидетельствующий об умышленном игнорировании адвокатом обязательных правил осуществления защиты обвиняемого по назначению следователя, сопряженный с нарушением прав доверителя и наступлением для него негативных последствий, поскольку он не смог реализовать свое право на дачу показаний немедленно после предъявления обвинения, а совершение указанных процессуальных действий позволило следователю на следующий день уведомить Ф. и адвоката Г. об окончании следственных действий. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат У., имеющий значительный профессиональный стаж, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался.

При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату У. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую тре-

бованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет считает необходимым указать адвокату У. на необходимость неукоснительного исполнения следующих законодательно установленных обязанностей адвоката: а) исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката); б) постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату У. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» и Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ф., выразившееся в неправомерном выполнении функций «защитника-дублера» 29 января 2026 г. (участие в предъявлении Ф. обвинения и его допросе в качестве обвиняемого) при наличии у обвиняемого Ф. защитника по соглашению – адвоката Г.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката У. по жалобе Ф. от 31 января 2026 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката У. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.5. Совет объявил адвокату предупреждение за включение ряда недопустимых условий в соглашение об оказании юридической помощи и нарушение порядка приема денежных средств от доверителя. Совет учел системный характер нарушений и признал действия адвоката недопустимыми, но учел его длительный стаж, отсутствие дисциплинарных взысканий, признание нарушений и предоставил ему возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката В. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ф. от 16 февраля 2026 г. и представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… от 18 марта 2026 г. в отношении адвоката В.

Квалификационная комиссия 15 апреля 2026 г. вынесла Заключение:

1) о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом В. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ф.Е., что выразилось в том, что, получив от нее 28 ноября 2025 г. наличные денежные средства в сумме ...руб. в качестве вознаграждения по соглашению об оказании юридической помощи, заключенному 28 ноября 2025 г. (датированному 27 ноября 2025 г.) (далее – Соглашение), адвокат В. не выдал доверителю Ф.Е. финансовый документ по проведению операции с денежными средствами доверителя (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

2) о нарушении адвокатом В. положений подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в Соглашение с Ф.Е., предусматривающего защиту Ф.О. по уголовному делу в отношении Ф.О., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пп. «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, неясных, противоречивых условий, не позволяющих идентифицировать объем, предмет и содержание поручения, место оказания юридической помощи и стадии уголовного судопроизводства;

3) о нарушении адвокатом В. положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснением по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов, утвержденным Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 19 января 2007 г., Разъяснением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу оформления наличных денежных расчетов адвокатами, осуществляющими адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 17 апреля 2025 г., выразившемся во включении в п. 6 Соглашения с Ф.Е. условия о том, что оплата производится на открытый в Банке «…» счет адвоката, при полном отсутствии реквизитов счета, а также в п. 9 Соглашения условия о том, что внесение доверителем оплаты подтверждается отметкой на бланке Соглашения, а не квитанцией к приходному кассовому ордеру;

4) о нарушении адвокатом В. положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 г., выразившемся во включении в п. 10 Соглашения, заключенного с Ф.Е., условия о невозврате (удержании) адвокатом вознаграждения при досрочном расторжении Соглашения;

5) о нарушении адвокатом В. положений подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 7 ст. 14, ст. 21, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвока-

та, выразившемся в отсутствии в Соглашении, заключенном с Ф.Е., указаний на наименование и адрес адвокатского образования, в котором состоит адвокат В., сведений о регистрации данного соглашения в адвокатском образовании, контактных данных самого адвоката, а также указания регистрационного номера адвоката В. в реестре адвокатов города Москвы, а не в Едином государственном реестре адвокатов;

6) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката В. по жалобе Ф.Е. от 16 февраля 2026 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат В. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и сообщил, что согласен с выводами Квалификационной комиссии, кроме вывода по п. 1 дисциплинарных обвинений. Настаивал на том, что квитанция о приеме денежных средств доверителю была выдана. Пояснил, что, когда заявитель пожелала перевести ему денежные средства на его банковский счет, банк заблокировал эти переводы. После оплаты наличными он расписался на обратной стороне Соглашения в получении денежных средств и выдал Ф.Е. квитанцию к приходному кассовому ордеру. Утверждает, что по заключенному с Ф.Е. Соглашению принял на себя обязательства по защите Ф.О. и в полной мере осуществлял его защиту. Несмотря на наличие правильно указанных в Заключении Квалификационной комиссии ошибок в предмете Соглашения, между ним и заявителем Ф.Е. нет и не было спора относительно предмета соглашения. Денежные средства, полученные от заявителя, были им внесены на личный счет, открытый в Банке «…», в первый рабочий день после передачи ему наличных денежных средств. В настоящее время подтвердить их зачисление адвокат не может по причине закрытия счета в данном банке. Свою вину в нарушениях, выразившихся в существенных пороках Соглашения, признал полностью, обязался в дальнейшем подобных нарушений не допускать. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что отозвал свою апелляционную жалобу на постановление об избрании в отношении Ф.О. меры пресечения, посчитав, что актуальность обжалования отпала, поскольку уже было инициирование продление срока его содержания под стражей. С доверителем данное действие было согласовано. Использование порочного Соглашения с недопустимыми условиями объяснил тем, что не знал об обязательных требованиях, предъявляемых к соглашению.

Заявитель Ф.Е., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, заявила ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие, в котором также полностью согласилась с Заключением Квалификационной комиссии. Учитывая указанные обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившейся заявителя Ф.Е.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами соглашается частично и считает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений и правовую

квалификацию нарушений, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат В. принял в АИС заявку на осуществление защиты Ф.О., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пп. «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, на стадии предварительного расследования в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ. Адвокат вступил в уголовное дело в качестве защитника, принял участие в следственных и иных процессуальных действиях, произведенных 24 ноября 2025 г. с Ф.О. Постановлением З. районного суда г. Москвы от 25 ноября 2025 г. в отношении Ф.О. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на 23 суток, т.е. до 17 декабря 2025 года. 27 ноября 2025 г. на данное постановление поступила апелляционная жалоба адвоката В., осуществлявшего защиту Ф.О. в суде первой инстанции при рассмотрении вопроса о мере пресечения.

28 ноября 2025 г. в ходе личной встречи между адвокатом В. и Ф.Е. – супругой Ф.О. было заключено «Соглашение по уголовному делу», датированное 27 ноября 2025 г. В соответствии с пп. 1 и 2 Соглашения адвокат принял на себя обязательство оказать юридическую помощь «по уголовному делу супруга Клиента». В тот же день Ф.Е. была произведена оплата наличными денежными средствами в размере …руб., и адвокатским кабинетом адвоката В. выдан ему ордер на защиту.

12 декабря 2025 г. судом был продлен срок содержания Ф.О. под стражей сроком на 3 месяца, т.е. до 17 марта 2026 года 15 декабря 2025 г. защитником – адвокатом В. на указанное постановление была подана апелляционная жалоба, однако после участия 16 декабря 2025 г. в судебном заседании названная апелляционная жалоба адвокатом В. была отозвана.

26 декабря 2025 г. Ф.О. отказался от защитника В., а 12 января 2026 г. заявитель Ф.Е. в мессенджере направила адвокату В. сообщение с просьбой вернуть неотработанную сумму денежных средств по Соглашению, на что он ответил, что в соответствии с Соглашением в случае его досрочного расторжения оплаченные денежные средства не возвращаются.

В представлении вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… против адвоката В. выдвигаются дисциплинарные обвинения во включении в Соглашение с доверителем Ф.Е. целого ряда недопустимых, дискриминационных в отношении обоих доверителей и неясных условий.

Заявитель Ф.Е. в своей жалобе выдвинула в отношении адвоката В. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в невыдаче ей финансового документа, подтверждающего принятие от нее адвокатом В. вознаграждения в размере …руб. в наличной форме;

2) в указании в Соглашении даты его заключения – 27 ноября 2025 г., в то время как оно было заключено 28 ноября 2025 г.;

3) во введении в заблуждение («обманом инициировал выплату ему денежных средств в размере …руб.»);

4) в том, что он не принял на себя обязательства по защите Ф.О. на стадии предварительного расследования уголовного дела.

Рассматривая выдвинутое вице-президентом Адвокатской палаты города Москвы… дисциплинарное обвинение в указании адвокатом В. в Соглашении предмета поручения, который носит произвольный, неконкретный и противоречивый характер, Совет признает его обоснованным. Согласно п. 1 Соглашения его предметом указана «Работа по

уголовному делу супруга Клиента Ф.О. …связанная с оказанием ему юридической помощи». При этом во вводной части Соглашения в качестве «Клиента» указана Ф.Е., а не Ф.О. В п. 2 Соглашения говорится, что «Работа состоит из следующих частей: а) изучение документов по данному делу, представленных Клиентом; б) консультации Клиента по данному делу; в) участие в следственных действиях в роли защитника Клиента; д) изготовление и подача, если потребуется, заявлений, ходатайств и жалоб в защиту Клиента; е) участие в судебном следствии». Таким образом, из буквального толкования указанных выше условий следует, что перечисленную юридическую помощь адвокат В. должен оказать не Ф.О., а «Клиенту» – Ф.Е.

В Соглашении содержатся и иные пороки, не позволяющие должным образом определить объем обязательств, вытекающих из него, а также стадию, на которой оказывается юридическая помощь. Так, из п. 11 Соглашения усматривается, что «соглашение на участие в вышестоящих судебных инстанциях, при достижении договоренности, заключается отдельно». Однако не указано, какие именно «вышестоящие судебные инстанции» имеются в виду, а следовательно, не ясно и то, участие в каких судебных инстанциях охватывается данным Соглашением, и участие в каком именно «судебном следствии» имеется в виду в подп. «е» п. 2.

Неопределенность предмета принятого адвокатом поручения вводит доверителя в заблуждение, влечет для него риск неполучения ожидаемой юридической помощи и дополнительных финансовых затрат. Для адвоката подобная неопределенность также создает риск возникновения спора с доверителем об объеме принятого поручения.

Подпункт 2 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает, что предмет поручения является существенным условием соглашения об оказании юридической помощи. В связи с этим предмет поручения должен быть сформулирован четко, конкретно и однозначно, чтобы у сторон не возникало споров о том, какую именно помощь, в каком объеме и на каком этапе обязан оказать адвокат.

Являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам, адвокат обязан обеспечивать соответствие содержания соглашения всем требованиям закона и его полную ясность для доверителя. Эти обязательные требования адвокат В. в данной части не исполнил. Описанные пороки Соглашения вводят обоих его доверителей (Ф.Е. как лицо, заключившее Соглашение, и Ф.О. как получателя юридической помощи) в заблуждение относительно объема и содержания оказываемой адвокатом В. юридической помощи и создают правовую неопределенность в отношениях сторон Соглашения. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что адвокатом В. нарушены требования подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката. Вместе с тем Совет считает необходимым исключить из правовой квалификации данного нарушения указание на нарушение требований п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката как избыточное. Приходя к такому выводу, Совет исходит из того, что в Заключении Квалификационной комиссии и материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства того, что адвокат В., сформулировав подобным недопустимым образом в Соглашении предмет поручения,

именно этими действиями способствовал подрыву доверия как к нему, так и к адвокатуре. Совет также учитывает, что адвокат В. фактически оказывал юридическую помощь Ф.О., что соответствовало содержанию его договоренности с Ф.Е. относительно предмета поручения.

Переходя к рассмотрению выдвинутого вице-президентом Адвокатской палаты города Москвы… дисциплинарного обвинения о включении в п. 6 Соглашения условия о том, что «оплата производится на счет адвоката открытым в Банке "…" или наличными» в отсутствие в Соглашении реквизитов банковского счета, и в указании в п. 9 Соглашения условия о том, что внесение доверителем оплаты подтверждается «отметкой на бланке Соглашения» и подписями сторон, в то время как этот факт должен подтверждаться выдачей адвокатом соответствующего финансового документа, Совет отмечает следующее.

Подпункт 3 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает, что к существенным условиям соглашения относятся условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно. Согласно п. 6 Соглашения «Стоимость выполняемых работ составляет …рублей. Оплата производится на счет адвоката открытым в Банке "…" или наличными». Однако реквизиты банковского счета адвоката В. в Соглашении отсутствуют, что не позволяет доверителю воспользоваться безналичным способом оплаты. Кроме того, в п. 9 Соглашения вопреки установленному порядку предусмотрено, что «о внесении суммы оплаты и о выполнении каждой части Работы делается отметка на бланке Соглашения, который находится у сторон, в подтверждении чего обе стороны ставят свои подписи». Между тем факт оплаты доверителем денежных средств по соглашению должен подтверждаться не «отметкой на бланке соглашения», подтвержденной подписями сторон, а выдачей адвокатом доверителю соответствующего финансового документа, предусмотренного законодательством.

Так, согласно Разъяснению по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов, утвержденному Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 19 января 2007 г., для надлежащего оформления приема наличных денежных средств в счет оплаты услуг адвокатов в кассу адвокатского образования необходимо и достаточно заполнять приходно-кассовые ордера и выдавать квитанции к ним, подтверждающие прием денежных средств, вести кассовую книгу и журнал регистрации ордеров. Эти же требования содержатся в Разъяснении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу оформления наличных денежных расчетов адвокатами, осуществляющими адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, утвержденном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 17 апреля 2025 г. Эти решения приняты органами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в пределах их компетенции и обязательны для всех адвокатов в силу подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката. Однако адвокатом В., осуществляющим профессиональную деятельность в адвокатском кабинете, они проигнорированы.

«Отметка на бланке Соглашения», сделанная адвокатом В. о получении адвокатом денежных средств от доверителя, ни в коей мере не заменяет собой квитанцию к приходному кассовому ордеру и не освобождает адвоката от исполнения этой обязанности. Включение данного недопустимого условия в Соглашение нарушает права доверителя, создает состояние неопределенности в финансовых взаимоотношениях между ним и адвокатом и может повлечь отказ в компенсации доверителю судебных издержек, поскольку надлежащим подтверждением несения расходов при оплате вознаграждения наличными средствами является именно квитанция к приходному кассовому ордеру.

Учитывая вышеизложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом В. при описанных обстоятельствах требований подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, во взаимосвязи с Разъяснением по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов, утвержденным Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 19 января 2007 г., Разъяснением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу оформления наличных денежных расчетов адвокатами, осуществляющими адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 17 апреля 2025 г. Вместе с тем Совет считает необходимым исключить из правовой квалификации данного нарушения указание на нарушение требований п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката как избыточное. Приходя к такому выводу, Совет, как и в предыдущем случае, исходит из того, что в Заключении Квалификационной комиссии и материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства того, что адвокат В., сформулировав подобным недопустимым образом в Соглашении порядок внесения оплаты вознаграждения за оказываемую им юридическую помощь и документального подтверждения получения этой оплаты, именно этими действиями способствовал подрыву доверия как к нему, так и к адвокатуре. Совет также учитывает, что адвокат В. не скрывал и не отрицал получения от доверителя вознаграждения в сумме …руб.

Выдвинутое вице-президентом Адвокатской палаты города Москвы… дисциплинарное обвинение во включении адвокатом В. в п. 10 Соглашения условия о невозврате (удержании) адвокатом «оплаченной суммы» при досрочном расторжении Соглашения также нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства.

Право доверителя на расторжение соглашения об оказании юридической помощи в любой момент является выражением принципа свободы договора, его реализация не подлежит каким-либо ограничениям или санкциям. Согласно п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 г., при расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условие об обязанности доверителя в случае расторжения им соглашения выплатить адвокату какие-либо суммы в виде неустойки, пени и т.п.

либо об удержании адвокатом неотработанной части внесенного гонорара.

Указанные выше требования должны исполняться всеми адвокатами города Москвы в силу подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции. Однако рассматриваемое недопустимое условие, включенное адвокатом В. в п. 10 Соглашения, этим требованиям противоречит и безосновательно ограничивает право доверителя на свободный отказ от соглашения, что не может быть признано надлежащим исполнением адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем. Таким образом, адвокатом В. при описанных обстоятельствах нарушены требования подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 29 сентября 2014 г. «О соглашении на оказание юридической помощи».

При этом Совет отмечает, что именно со ссылкой на это недопустимое условие Соглашения адвокат В. отказался возвратить доверителю Ф.Е. неотработанную часть вознаграждения при расторжении ею Соглашения. По этой причине Совет полагает необходимым обязать адвоката В. исполнить свои обязанности перед доверителем Ф.Е., вытекающие из признания настоящим Решением условия Соглашения о невозврате выплаченного адвокату вознаграждения нарушающим нормы профессиональной этики адвоката.

Нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства и выдвинутое вице-президентом Адвокатской палаты города Москвы… дисциплинарное обвинение в неуказании адвокатом В. в Соглашении наименования и адреса адвокатского образования, в котором он состоит, сведений о регистрации Соглашения в адвокатском образовании, контактных данных самого адвоката, а также в указании регистрационного номера адвоката В. не в Едином государственном реестре адвокатов Российской Федерации, а в «реестре адвокатов города Москвы».

Согласно подп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» существенным условием соглашения об оказании юридической помощи является «указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате». Согласно п. 1 ст. 14 указанного федерального закона федеральный орган юстиции ведет Единый государственный реестр адвокатов, сведения в котором являются открытыми и общедоступными. Данные положения закона направлены на исключение неопределенности относительно личности и статуса адвоката, принимающего поручение по соглашению об оказании юридической помощи, путем доведения указанной информации до сведения лица, заключившего данное соглашение с адвокатом, а также лиц, в пользу которых оно может быть заключено. Информирование доверителей адвоката о личности адвоката, оказывающего им юридическую помощь, а также о его

принадлежности к адвокатскому образованию и адвокатской палате является важным условием реализации их прав.

Вопреки этим требованиям закона во вводной части Соглашения указано, что оно заключено В. с указанием на его номер в «реестре адвокатов города Москвы», а не в Едином государственном реестре адвокатов. В заключительной части Соглашения содержится только подпись адвоката без указания на наименование и адрес адвокатского образования, в котором состоит адвокат В., отсутствуют сведения о регистрации Соглашения в адвокатском образовании, не указаны контактные данные адвоката В.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокатом В. нарушены требования подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 7 ст. 14, ст. 21, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Рассматривая выдвинутое заявителем Ф.Е. дисциплинарное обвинение в невыдаче ей адвокатом В. финансового документа, подтверждающего получение от нее вознаграждения в размере …руб. в наличной форме, Совет отмечает следующее.

Пункт 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает, что денежные средства в счет уплаты вознаграждения и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на его расчетный счет. При этом, как указано выше, выдача квитанции к приходному кассовому ордеру (или иного документа строгой отчетности) является не правом, а обязанностью адвоката, обеспечивающей прозрачность расчетов и защиту прав доверителя. Эта обязанность прямо предусмотрена Разъяснениями по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов, утвержденными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 19 января 2007 г. Однако адвокатом В. эта обязанность не исполнена, что в значительной степени является следствием включения им в Соглашение недопустимого условия о подтверждении получения вознаграждения «отметкой на бланке Соглашения», подтвержденной подписями сторон.

Получив от доверителя Ф.Е. денежные средства по Соглашению, адвокат В. был обязан выдать ей квитанцию установленного образца, подтверждающую проведение операции с ее денежными средствами. Однако эту обязанность он также проигнорировал. Более того, из содержащейся в материалах дела переписки заявителя Ф.Е. с адвокатом В. следует, что она указала адвокату В. на отсутствие его подписи, подтверждающей получение денежных средств, что свидетельствует об отсутствии у нее какого-либо документального подтверждения адвокатом В. факта получения им вознаграждения. Такое профессиональное поведение адвоката не может быть признано надлежащим исполнением обязанностей перед доверителем.

Учитывая вышеизложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокатом В. при описанных обстоятельствах нарушены требования подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет признает презумпцию добросовестности адвоката В. в части описанных дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его вину в указанных дисциплинарных нарушениях установленной. В этой связи Совет считает необходимым вновь подчеркнуть следующее. Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката) распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на все вопросы формализации отношений адвоката с доверителем. При этом требования к формализации этих отношений (и, соответственно, их неисполнение) не могут рассматриваться как второстепенные и менее значимые, чем какие-либо иные профессиональные обязанности адвоката. Более того, «нарушение указанных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам, а как лица, которое, пользуясь своими связями и знакомствами в правоохранительной системе, оказывает различного рода услуги неясной правовой природы. Все это, будучи тем или иным образом обнаружено, в конечном итоге подрывает доверие граждан, общества и государства к адвокатам и адвокатуре как важнейшему правозащитному институту» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2004. Выпуск № 11–12 (13–14). С. 18).

Адвокат В., являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам, самостоятельно определяет условия заключаемых им соглашений об оказании юридической помощи. Включение им в Соглашение условий, прямо противоречащих закону и обязательным разъяснениям органов адвокатского самоуправления, с учетом его длительного профессионального стажа не может быть оправдано незнанием или ошибкой. Такие действия, тем более носящие системный характер, представляют собой сознательное пренебрежение профессиональными обязанностями и формируют в глазах доверителя образ адвоката, не связывающего себя требованиями закона, а действующего по своему усмотрению, в том числе в ущерб интересам доверителя.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией в оценке оставшихся дисциплинарных обвинений, выдвинутых заявителем в отношении адвоката В., как не подтвердившихся в результате дисциплинарного разбирательства.

Так, указание в соглашении об оказании юридической помощи датой его заключения 27 ноября 2025 г., в то время как фактически оно было заключено 28 ноября 2025 г., является обстоятельством технического характера, никак не нарушает права доверителя и в силу этого не может быть признано дисциплинарным проступком. К тому же из неопровергнутых заявителем пояснений адвоката В. следует, что текст Соглашения был подготовлен им 27 ноября 2025 г., однако подписано оно было сторонами при встрече 28 ноября 2025 г.

Дисциплинарные обвинения во введении адвокатом В. заявителя Ф.Е. в заблуждение, а также в том, что он «обманом инициировал выплату ему денежных

средств в размере …рублей» и не принял на себя обязательства по защите Ф.О., сформулированы неконкретно и не подтверждены доказательствами. Заявитель не конкретизировала, в чем именно выразился обман, а факт принятия и исполнения адвокатом В. поручения на защиту Ф.О. по уголовному делу на основании Соглашения подтвержден материалами дела. В соответствии с подп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно не только указать в жалобе на обстоятельства, подтверждающие доводы жалобы, но также и подтвердить их соответствующими доказательствами. Поскольку рассматриваемые дисциплинарные обвинения этим требованиям не соответствуют, дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката В. за допущенные нарушения, Совет учитывает их грубый и систематический характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом В. обязательных требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также профессиональной этики, сопряженный с нарушением прав доверителя. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недобросовестным, недопустимым и умаляющим авторитет адвокатуры. Одновременно с этим Совет учитывает, что адвокат В., имеющий длительный профессиональный стаж, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, вину признал, заверил Совет в том, что переработал текст Соглашения, и обязался не допускать подобных нарушений. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату В. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет также считает необходимым указать адвокату В. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленных профессиональных обязанностей постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать профессиональный уровень в установленном порядке, а также соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (подп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату В. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– нарушение требований подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся во включении в Соглашение об оказании юридической помощи от 27 ноября 2025 г., заключенное 28 ноября 2025 г. с Ф.Е. и предусматривающее защиту Ф.О. по уголовному

делу в отношении Ф.О., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пп. «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, неясных, противоречивых условий, не позволяющих идентифицировать объем, предмет и содержание поручения, место оказания юридической помощи и стадии уголовного судопроизводства;

– нарушение требований подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснением по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов, утвержденным Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 19 января 2007 г., Разъяснением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу оформления наличных денежных расчетов адвокатами, осуществляющими адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 17 апреля 2025 г., выразившееся во включении в п. 6 Соглашения условия о том, что оплата производится на открытый в Банке «…» счет адвоката при полном отсутствии реквизитов счета, а также в п. 9 Соглашения условия о том, что внесение доверителем оплаты подтверждается отметкой на бланке Соглашения, а не квитанцией к приходному кассовому ордеру;

– нарушение требований подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 г., выразившееся во включении в п. 10 Соглашения условия о невозврате (удержании) адвокатом вознаграждения при досрочном расторжении Соглашения;

– нарушение требований подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 7 ст. 14, ст. 21, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в неуказании в Соглашении наименования и адреса адвокатского образования, в котором состоит адвокат В., сведений о регистрации Соглашения в адвокатском образовании, контактных данных самого адвоката, а также в указании регистрационного номера адвоката В. в реестре адвокатов города Москвы, а не в Едином государственном реестре адвокатов;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ф.Е., выразившееся в том, что он, получив от доверителя Ф.Е. 28 ноября 2025 г. наличные денежные средства в сумме …руб. в качестве вознаграждения по Соглашению, не выдал доверителю Ф.Е. финансовый документ по проведению операции с денежными средствами доверителя (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката В. по жалобе Ф.Е., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения

норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Обязать адвоката В. исполнить свои обязанности перед доверителем Ф.Е., вытекающие из признания настоящим Решением условия Соглашения о невозврате выплаченного адвокату вознаграждения нарушающим нормы профессиональной этики адвоката.

1.6. Совет объявил адвокату предупреждение за перепоручение исполнения принятого поручения о судебном представительстве иному лицу, не являющемуся адвокатом, и оставление доверителя без квалифицированной юридической помощи. Совет подчеркнул недопустимость таких действий, поскольку принятое поручение об оказании квалифицированной юридической помощи должно исполняться адвокатом лично. Кроме того, Совет потребовал от адвоката привести содержание его сайта в соответствие с корпоративными требованиями, установив срок для этого.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя Ч. и адвоката Г. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ч. от 11 февраля 2026 г. в отношении адвоката Г.

Квалификационная комиссия 8 апреля 2026 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Г. профессиональных обязанностей перед доверителем Ч., выразившемся в том, что, приняв поручение Ч. по представлению его интересов в судебных заседаниях по гражданскому делу, рассматриваемому Г-м городским судом Владимирской области, она перепоручила оказание юридической помощи по представлению его интересов юристу А., не являющемуся адвокатом Адвокатского бюро г. Москвы «…», оставив тем самым доверителя Ч. без квалифицированной юридической помощи;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобе Ч., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

27 мая 2026 г. в Адвокатскую палату города Москвы от адвоката Г. поступила «Позиция к рассмотрению дисциплинарного дела в Совете Адвокатской палаты города Москвы», в которой она, не оспаривая по существу выводы Квалификационной комиссии, просила Совет ограничиться применением минимальной меры дисциплинарной ответственности – замечанием. В обоснование этой просьбы указала следующее: допущенное ею нарушение не связано с действиями, образующими грубое посягательство на профессию; юридическая помощь доверителю фактически и полноценно оказывалась; доверенность была выдана нескольким лицам и предусматривала право передоверия; у нее отсутствовал умысел на нарушение прав доверителя. Кроме того, просила соотнести характер нарушения с его последствиями, учесть совокупность обстоятельств настоящего дела, включая ее состояние здоровья в момент оказания Ч. юридической помощи, отсутствие у нее дисциплинарных взысканий, а также иные «личные

и социальные обстоятельства». К «Позиции» адвокат Г. приложила медицинские документы от 14 мая 2025 года на двух листах.

В заседании Совета адвокат Г. подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление и согласие с ним, поддержала доводы своей письменной позиции. Дополнительно пояснила, что все было сделано в интересах доверителя. При этом факт своего неучастия в судебных заседаниях по его делу она признает и согласна, что это является этическим нарушением. Полагает, что ее неучастие в судебных заседаниях было согласовано с доверителем в переписке, и возражений с его стороны не было. Просит учесть смягчающее обстоятельство, которое изложила в письменном виде.

Отвечая на вопросы членов Совета, пояснила, что задача, которую поставил перед ней заявитель Ч., – запросить в банках и налоговой инспекции данные об истце, что и было сделано, а также затянуть дело, поскольку деньги Ч. все равно возвратить не мог. Но суд дело тянуть не собирался и после получения ответов на запросы намеревался выносить решение. Это было доведено до доверителя, и, по ее мнению, невозможность тянуть дело явилась причиной возникшего конфликта. Ходатайство о назначении экспертизы было подготовлено по согласованию с доверителем, но заявлено не было. Ничего против воли доверителя сделано не было. Заявление Ч. о каких-либо подделках подписи или таких намерениях голословны, ей об этом ничего неизвестно. Полагает, что вследствие конфликта доверитель просто хочет ей навредить, делая такие заявления, и сожалеет об этом. Конкретно ею выполнена следующая работа по делу Ч.: подготовлены ходатайство о переходе с упрощенного на общий порядок рассмотрения дела и отзыв на исковое заявление; далее она ознакомилась с делом, дополнила отзыв, подготовила ходатайство о назначении почерковедческой экспертизы. Первое подготовленное ею соглашение об оказании юридической помощи с Ч. как физическим лицом тот не подписал и ей не вернул, хотя она его об этом неоднократно просила. Он подписал только второе соглашение – от имени юридического лица в качестве его руководителя. Она на это согласилась, поскольку часть работы к тому моменту уже была выполнена, однако в работе руководствовалась соглашением с Ч. как с физическим лицом. В соглашении с юридическим лицом конкретный предмет сформулирован не был, оно было нужно только как формальное основание для выплаты ей вознаграждения, чтобы доверитель мог обосновать расходы юридического лица. Другой возможности получить деньги от доверителя у нее не было. Признает упущение в том, что в обоих соглашениях содержится условие о наложении на доверителя «штрафа» в случае досрочного расторжения соглашения по его инициативе. Полагает, что сведения на ее сайте о количестве «выигранных дел» должны были быть удалены техническими специалистами, которым она дала такое поручение. Ей точно неизвестно, какие именно сведения, размещенные на ее сайте, являются недопустимыми, и как это нужно исправить.

Заявитель Ч. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласился. Указал, что получил письменную позицию адвоката Г., с которой полностью не согласен. Нарушение, допущенное ею, связано с грубым посягательством на профессию адвоката. Уже после отмены им доверенности от его лица было подано ходатайство об ознакомлении с материалами дела,

о чем он не был уведомлен. Мотивы ознакомления адвоката Г. с делом после отмены доверенности ему неизвестны, и по этому поводу он будет подавать отдельную жалобу. Полагает, что адвокат Г. и ее сотрудники подделали его подпись для ознакомления с делом. Полноценная юридическая помощь ему как доверителю не оказывалась, поскольку адвокат Г. передала его дело юристу А., который даже не является ее сотрудником, и за которого она не может поручиться как за профессионала. Личные обстоятельства адвоката не должны влиять на работу с доверителем. Аргументы адвоката Г. несостоятельны, она брала деньги за свою работу, поэтому он имел право на квалифицированную, качественную юридическую помощь именно от нее. Ссылка адвоката Г. на то, что избранная модель работы по делу была с ним согласована, не соответствует действительности. Если бы он хотел заключить соглашение с юристом в г. Гус., то он бы сделал это напрямую, а не через адвоката Г. Он не согласен с тем, что права его не нарушены, и их нарушение уже доказала Квалификационная комиссия в своем Заключении. Назначение экспертизы с ним не согласовывалось. При определении адвокату Г. меры дисциплинарной ответственности просит не принимать во внимание ее ссылки на личные обстоятельства. Он сам является многодетным отцом, но это адвокат Г. не учитывала. Она прежде всего адвокат, а уже потом мать троих детей.

Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что после поступления в суд искового заявления Н. он обратился к адвокату Г. и сообщил ей еще до заключения соглашения, что расписку действительно писал лично, но ему нужно время разобраться, поскольку эти деньги он даже в руки не брал. Адвокат Г. ему объяснила, что, поскольку его «подставили», они его дело смогут «выровнять»: запросят документы в налоговой инспекции, чтобы установить, действительно ли у истца были такие деньги, а не безденежная расписка, которую его, Ч., просто вынудили подписать. То есть перед адвокатом Г. ставилась задача оспорить расписку. При этих обстоятельствах, когда он подтвердил адвокату Г., что лично писал данную расписку, никакой экспертизы подписи назначать не нужно было, и он бы не дал согласие на заявление ходатайства о ее назначении, если бы его мнение спросили.

Проблема с подписанием им соглашения, представленного адвокатом Г., состояла в том, что на тот момент он не мог оплатить ее работу, а когда у него появились деньги, то он заплатил, и они соглашениями обменялись. Что касается первого соглашения, то он его подписал и, насколько помнит, вместе с доверенностью бросил в почтовый ящик для того, чтобы адвокат Г. эти документы получила. Поскольку у него не было денег для оплаты по соглашению с ним как с физическим лицом, он предложил второе соглашение с юридическим лицом, где является директором, и от этого юридического лица адвокату Г. и поступила оплата. Считает необходимым прекратить статус адвоката Г. за такое некорректное поведение.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

11 июля 2025 г. в И. районный суд г. Москвы подано исковое заявление Н. к Ч. о взыскании задолженности по договору займа и процентов за пользование денежными средствами. Определением

суда от 16 июля 2025 г. указанное исковое заявление возвращено истцу в связи с его неподсудностью данному суду. 17 июля 2025 г. Ч. направил адвокату Г. сообщение в мессенджере *WhatsApp*, где уведомил о поданном к нему иске о взыскании долга по расписке и спросил о возможности оказания ему юридической помощи. 28 июля 2025 г. адвокат Г. направила заявителю подписанное Соглашение № … об оказании юридической помощи от 25 июля 2025 г. между Адвокатским бюро «…» в лице управляющего партнера Г. («Поверенный») и Ч. («Доверитель»), согласно которому Поверенный обязался оказать Доверителю юридическую помощь по представлению интересов в суде первой инстанции.

Согласно пп. 3.1 и 3.6 указанного соглашения стоимость юридической помощи составляет …руб., которая включает в себя *«не более 2 (двух) судебных заседаний, начиная с третьего – каждое заседание оплачивается дополнительно»* в размере …руб. Оплата производится до назначенного судебного заседания. В случае непоступления оплаты за заседание Поверенный приостанавливает оказание юридической помощи.

2 сентября 2025 г. Н. подал в Г-й городской суд Владимирской области исковое заявление к Ч. о взыскании задолженности по договору займа от 26 января 2025 г. и процентов за пользование займом. 5 сентября 2025 г. данное исковое заявление было принято судом к производству и возбуждено гражданское дело, которое назначено к рассмотрению в порядке упрощенного производства с установлением срока предоставления возражений и доказательств по делу до 26 сентября 2026 г.

5 сентября 2025 г. заявитель в переписке с адвокатом Г. сообщил о своем намерении 9 или 10 сентября 2025 г. приехать в Москву и подписать указанное соглашение при личной встрече. 10 сентября 2025 г. адвокат Г. повторно направила заявителю подписанное со своей стороны упомянутое соглашение и сообщила о необходимости подачи в Г-й городской суд Владимирской области возражений на иск по указанному делу в срок до 24 сентября 2025 г. Заявитель не возвратил адвокату Г. подписанное им соглашение, хотя затем в ходе дисциплинарного разбирательства утверждал, что он его подписал, однако оплату по нему не произвел из-за финансовых затруднений.

20 сентября 2025 г. заявитель Ч. выдал доверенность на бланке, удостоверенную В.Д., врио нотариуса г. Москвы В.С., уполномочив адвоката Г., а также П., К.А., К.Г. и С. представлять его интересы во всех судах Российской Федерации.

23 сентября 2025 г. адвокатом Г. были подготовлены и поданы в Г-й городской суд Владимирской области возражения на исковое заявление Н. к Ч. о взыскании денежных средств по договору займа, а также ходатайство о переходе к рассмотрению упомянутого гражданского дела по общим правилам искового производства. 24 октября 2025 г. суд вынес определение о переходе к рассмотрению данного гражданского дела по общим правилам искового производства.

25 ноября 2025 г. между Адвокатском бюро «…» в лице управляющего партнера Г. («Поверенный») и ООО «П.» в лице генерального директора Ч. («Доверитель») заключено Соглашение № … об оказании юридической помощи, в соответствии с п. 1.1 которого Поверенный принимает на себя обязательство «оказать доверителю юридическую помощь по разработке правовой позиции по вопросу доверителя». Пунктом 3.1 Соглашения предусмотрено, что вознаграждение составляет …рублей. 28 ноября 2025 г. ООО «П.» платежным поручением оплатило на расчетный счет

указанного адвокатского бюро …руб., указав в назначении платежа *«Оплата за разработку прав. позиц. по Соглашению … от 25.11.2025 г. без НДС»*.

Согласно объяснениям адвоката Г. ею в интересах Ч. были подготовлены ходатайства о назначении почерковедческой экспертизы и о привлечении к участию в деле третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, – ФНС России, которые 20 декабря 2025 г. поданы в Г-й городской суд Владимирской области посредством ГАС «Правосудие». В заседании Совета адвокат Г., как указано выше, изменила свою позицию и стала утверждать, что ходатайство о назначении почерковедческой экспертизы ею в суд не подавалось.

По поручению адвоката Г. в судебных заседаниях, состоявшихся 10 и 22 декабря 2025 г., принимал участие в качестве представителя ответчика А., действующий на основании нотариально удостоверенной доверенности, выданной ему 1 декабря 2025 г. Г. (в порядке передоверия). В судебном заседании 22 декабря 2025 г. А. просил суд не рассматривать ходатайство о назначении почерковедческой экспертизы. Сама адвокат Г. в судебных заседаниях по делу не участвовала.

13 января 2026 г. операционный директор Адвокатского бюро «…» Т. направила заявителю сообщение о необходимости оплаты счета за представление его интересов в Г-м городском суде, в судебном заседании по гражданскому делу, назначенном на 19 января 2026 г. В ответ на это сообщение 14 января 2026 г. заявитель попросил Т. представить ему отчет о проделанной работе. 3 февраля 2026 г. Ч. распоряжением № … удостоверенным нотариусом г. Москвы В.С., отменил доверенность, выданную 20 сентября 2025 г. адвокату Г., а также П., К.А., К.С. и С., и 13 февраля 2026 г. в мессенджере *Telegram* уведомил об этом адвоката Г.

Из жалобы Ч. следует, что он выдвигает в отношении адвоката Г. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в подаче в судебном заседании 19 января 2026 г. ходатайства о назначении по указанному гражданскому делу почерковедческой экспертизы, которое не было согласовано с ним; в совершении действий по исполнению поручения, не согласованных с заявителем;

2) в предложении заявителю «учиться подделывать почерк» и «сфальсифицировать документы для производства экспертизы»;

3) в неучастии в судебных заседаниях по указанному гражданскому делу и перепоручении представления интересов заявителя в суде своим помощникам, в наличии квалификации которых заявитель не уверен;

4) в непредоставлении заявителю отчета о ведении дела и о расходовании оплаченных денежных средств в размере …руб.;

5) в размещении на своем сайте сведений, в которых «заявлен ее многолетний опыт и более 600 выигранных дел, что и явилось ключевым» для заявителя при выборе адвоката.

Рассматривая первое и второе дисциплинарные обвинения, Совет отмечает следующее. Адвокат Г. данные дисциплинарные обвинения не признала, утверждая, что позиция заявителя заключалась в том, что он не получал от истца денежные средства взаймы и расписку не писал. При построении правовой позиции с заявителем обсуждалась возможность подачи ходатайства о назначении почерковедческой экспертизы, которое, по мнению адвоката Г., являлось логичным способом защиты его интересов в данном споре. 20 декабря 2025 г. представитель заявителя С. через ГАС «Правосудие» подала в Г-й городской суд ходатайство адвоката Г. о назначении почерковедческой экспертизы. Однако

в судебном заседании 22 декабря 2025 г. это ходатайство не было поддержано представителем ответчика, поскольку тот просил в указанном судебном заседании ходатайствовать о приобщении к материалам дела копии листка его нетрудоспособности и об отложении рассмотрения дела.

Из представленного в материалы дисциплинарного производства ходатайства от 19 декабря 2025 г. следует, что представителем ответчика адвокатом Г. заявлено ходатайство о назначении по указанному делу почерковедческой экспертизы, проведение которой она просит поручить АНО «…». В обоснование данного ходатайства указано, что расписка от 26 января 2025 г. не подтверждает фактическую передачу денежных средств, и у ответчика Ч. имеются сомнения в подлинности спорной расписки. При этом в ходатайстве не приведены вопросы, которые следует поставить перед экспертами.

Из протокола судебного заседания от 22 декабря 2025 г. усматривается, что представитель ответчика Ч. – А. просил суд не рассматривать поданное ранее ходатайство о назначении почерковедческой экспертизы, поскольку Ч. не смог лично явиться в судебное заседание ввиду болезни. Также А. заявил ходатайство о приобщении к материалам дела документов о болезни ответчика и ходатайства о привлечении к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, ФНС России, которые судом были удовлетворены.

Согласно объяснениям адвоката Г. после указанного судебного заседания между ней и заявителем возник конфликт, и в судебном заседании 19 января 2026 г. ни она, ни ее помощники и коллеги интересы заявителя уже не представляли. Данные обстоятельства заявителем не оспаривались. Доказательств заявления или поддержки адвокатом Г. в судебном заседании 19 января 2026 г. ходатайства о назначении по делу почерковедческой экспертизы не представлено.

Соответственно, доводы Ч. о заявлении адвокатом Г. в судебном заседании 19 января 2026 г. ходатайства о назначении по указанному гражданскому делу экспертизы опровергаются материалами дисциплинарного производства, поскольку ходатайство адвоката Г. о назначении почерковедческой экспертизы было подано 20 декабря 2025 г. и не ей самой, а представителем заявителя С.

Как следует из переписки заявителя с адвокатом Г. в мессенджере *WhatsApp*, 20 сентября 2025 г. на просьбу Ч. прислать ему ходатайство о переходе к рассмотрению дела по общим правилам адвокат Г. ответила: *«Я все тексты пришлю после оплаты. Так мне было бы комфортнее*[8]». 8 декабря 2025 г. заявитель отправил адвокату Г. сообщение *«…день добрый. У нас в среду суд, как у вас дела?»*, на которое она ответила: *«Добрый день. Все написано и подано, представитель в Г… идет»*.

Вместе с тем адвокат Г. подтвердила, что письменный проект ходатайства о назначении почерковедческой экспертизы до подачи в суд заявителю не направлялся и с ним не согласовывался. Однако, по ее утверждению, вопрос о возможности заявления такого ходатайства обсуждался с доверителем, и, понимая, что в конце календарного года судья может поспешно вынести решение по делу, она видела свою задачу в том, чтобы 22 декабря 2025 г. решение не было вынесено. В связи с этим она подготовила ходатайство о назначении почерковедческой экспертизы, чтобы в крайнем случае у представителя за-

[8] Здесь и далее орфография и пунктуация, содержащиеся в переписке, сохранены (*примеч. ред.*)

явителя была возможность заявить ходатайство об отложении рассмотрения дела со ссылкой на него. Эти пояснения адвоката Г. не опровергнуты. Кроме того, в проекте ходатайства о переходе к рассмотрению дела в общем порядке искового производства, датированном 19 сентября 2025 г. и подготовленном супругой заявителя, помимо иных доводов указано, что необходимо осмотреть оригинал расписки, копия которой представлена истцом, после чего ответчик вправе заявить о подложности данной расписки, что повлечет необходимость назначения по делу судебной почерковедческой экспертизы. Указанный довод был сохранен в ходатайстве о переходе к рассмотрению гражданского дела по общим правилам искового производства от 19 сентября 2025 г., подготовленном и поданном в суд адвокатом Г.

Кроме того, согласно переписке в мессенджере *WhatsApp* Ч. 22 декабря 2025 г. написал адвокату Г. сообщение *«…день добрый! По большому вы ходательство написали? Сегодня в 14–30 кажется суд. От меня что-то требуется еще?»*. Затем на вопрос заявителя о том, как прошло судебное заседание, адвокат Г. ответила: *«Отложили на 19.01. Судья говорит, либо экспертиза или будет выносить»*. Получив это сообщение, Ч. сразу же спросил: *«А запрос сделали на наличие денег?»*, на что адвокат Г. сообщила, что суд привлек к участию в деле в качестве третьего лица ФНС России. Из указанной переписки следует, что с заявителем перед судом обсуждался в том числе и вопрос о возможности назначения почерковедческой экспертизы.

Доводы заявителя о том, что адвокат Г. предлагала ему *«учиться подделывать почерк»* и *«сфальсифицировать документы для производства экспертизы»*, доказательствами не подтверждены. Ссылки заявителя на переписку в мессенджере с директором Адвокатского бюро «…» Т. несостоятельны, поскольку на сообщение заявителя от 29 января 2025 г. *«Ваш предложенный вариант дальнейшего ведения дела, это подделать почерк, правильно я понял с ваших слов? Что такой вариант сработает?»* Т. написала в ответ: *«Я вам такого не предлагала. Мы говорили, что экспертиза – это способ получить дополнительное время»*. Иных доказательств в подтверждение рассматриваемых дисциплинарных обвинений заявителем не представлено.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что данные дисциплинарные обвинения не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства, в связи с чем дисциплинарное производство в этой части подлежит прекращению. Вместе с тем Совет считает необходимым указать адвокату Г. на то, что в описанной ситуации ей, действуя разумно и добросовестно, следовало избежать неопределенности в вопросе о назначении почерковедческой экспертизы, а для этого сначала прямо сообщить доверителю о намерении заявить такое ходатайство и представить ему проект этого ходатайства, а уже затем, получив ответ доверителя по существу этого вопроса, предпринимать действия, направленные на подачу ходатайства в суд.

Рассматривая четвертое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката установлена обязанность адвоката в случае отмены поручения незамедлительно и по собственной инициативе без каких-либо дополнительных требований об этом со стороны доверителя возвратить ему доверенность и все подлинные документы по делу, а также при отмене или по исполнении поручения представить доверителю по его просьбе отчет о проделанной работе.

Заявитель в жалобе указывает, что адвокат Г. не представила ему детальную информацию о том, за какую именно юридическую помощь, за какие действия ей были выплачены денежные средства в размере …руб. При этом заявитель подтвердил, что адвокат Г. представила ему отчет о проделанной работе, однако сделала это через неделю или полторы, и отчет был неполным: в нем не были указаны судебные заседания. Адвокат Г., со своей стороны, констатирует, что заявитель систематически информировался о ходе рассмотрения дела и о результатах каждого процессуального действия посредством телефонных звонков и переписки в мессенджере *WhatsApp*, что подтверждается материалами дисциплинарного производства.

Из представленной в материалы дисциплинарного производства переписки следует, что заявитель Ч. 14 и 29 января 2026 г. направил операционному директору Адвокатского бюро «…» Т. сообщения с просьбой предоставить отчет о проделанной работе и проинформировать, на что потрачены …руб. В ответ Т. дважды разъяснила заявителю, что соглашение об оказании юридической помощи предусматривало подготовку правовой позиции и участие в двух судебных заседаниях по указанному гражданскому делу, и стоимость этой юридической помощи составила …руб. Далее между ними велась переписка относительно ходатайства о назначении по делу почерковедческой экспертизы. 13 февраля 2026 г. заявитель направил адвокату Г. в мессенджере распоряжение об отмене доверенности, однако просьбу о представлении отчета не высказывал.

При таких обстоятельствах адвокат Г. не может быть в данной части признана нарушившей требования законодательства и профессиональной этики, в связи с чем дисциплинарное производство подлежит прекращению.

Рассматривая пятое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает следующее.

В жалобе заявитель Ч. указывает, что при выборе адвоката опирался на информацию, размещенную в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте адвоката Г., о ее многолетнем опыте и о более чем 600 выигранных ею делах, что стало для него решающим фактором. Однако при дальнейшем разбирательстве заявитель Ч. сообщил, что обратился к адвокату Г. по совету друга и перед заключением соглашения об оказании юридической помощи не исследовал информацию на ее интернет-сайте, а изучил его содержание и блоги адвоката Г. после судебного заседания, состоявшегося 22 декабря 2025 г., когда между ними возник конфликт.

Поскольку заявитель Ч. изменил свою позицию в отношении момента ознакомления со сведениями об адвокате Г., размещенными в сети «Интернет», дисциплинарное обвинение в том, что выбор адвоката Г. был сделан заявителем под воздействием сведений о ее многолетнем опыте и более 600 «выигранных делах», не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. По этой причине дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

В то же время Совет считает необходимым указать адвокату Г. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной обязанности соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката).

При этом согласно п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката информация об адвокате и адвокатском образовании допустима, если она не содержит: (1) оценочных характеристик адвоката; (2) отзывов других лиц о работе адвоката; (3) сравнений с другими адвокатами и критики других адвокатов; (4) заявлений, намеков, двусмысленностей, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей или вызывать у них безосновательные надежды.

Согласно абз. 6, 7, 8 Разъяснения № 01/19 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросу применения п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 17 апреля 2019 г. (Протокол № 7), «недопустимой является информация, вводящая потенциальных доверителей в заблуждение относительно характеристик адвоката и оказываемой им юридической помощи путем ложных заявлений, обещаний, искажения фактов. Недопустимо размещение в сети “Интернет” не соответствующих действительности сведений о количестве оправдательных приговоров, постановленных в отношении доверителей адвоката, о проценте ‘‘выигранных’’ дел. Размещение в сети “Интернет” не соответствующих действительности сведений влечет подрыв доверия как непосредственно к адвокату, распространившему недостоверную информацию о себе, так и к адвокатуре в целом. Такие действия являются прямым нарушением запрета привлечения потенциальных доверителей обещанием благополучного разрешения дела, установленного подпунктом 6 пункта 1 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, и нарушением требований к информации об адвокате, содержащихся в пункте 1 статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката» (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/interpretation-no-01–19/>).

Размещение адвокатом Г., являющейся управляющим партнером Адвокатского бюро «…», в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (в том числе на сайте указанного адвокатского бюро, партнерами которого, согласно объяснениям адвоката Г., являются только два адвоката, а также на ее личном адвокатском сайте https://…com/advokat) неверифицированных сведений о «более чем 600 выигранных дел», равно как и сведений «>…млрд. выиграно», а также неверифицированных (анонимных) отзывов благодарных доверителей является недопустимым, поскольку не соответствует приведенным выше обязательным требованиям и вводит в заблуждение потенциальных доверителей. В отсутствие документальных подтверждений и ссылок на конкретные дела судебные акты по ним подобные количественные характеристики «выигранности» с размытыми критериями объективно не могут быть проверены и создают иллюзию гарантированного успеха, тем самым напрямую нарушают приведенный выше запрет. Кроме того, Совет отмечает отсутствие на вышеуказанных сайтах обязательных сведений об адвокате и адвокатском образовании в виде их номеров в соответствующих реестрах, а на личном адвокатском сайте адвоката Г. о ее принадлежности к адвокатскому образованию. В связи с этим Совет считает необходимым обязать адвоката Г. в срок до 30 июня 2026 г. привести информацию, размещенную в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте Адвокатского бюро г. Москвы «Г. и партнеры», а также на ее личном адвокатском сайте, в соответствие с требованиями законодательства об адвокат-

ской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и решениями Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палаты города Москвы.

Наконец, рассматривая третье дисциплинарное обвинение – в неучастии адвоката Г. в судебных заседаниях по указанному гражданскому делу и перепоручении представления интересов заявителя в суде своим помощникам, Совет приходит к выводу о его обоснованности в силу следующего.

Заявитель указывает, что, заключая договор с адвокатом Г., он ожидал оказания ему юридической помощи непосредственно ею. Однако интересы заявителя в суде представляла не адвокат Г., а кто-то из ее помощников, в квалификации которых заявитель не уверен, и он не давал согласия на перепоручение адвокатом Г. представительства в суде его интересов иным лицам. Адвокат Г., в свою очередь, не отрицая своего неучастия в судебных заседаниях по делу Ч., указала, что заявитель знал о том, что его интересы в судебных заседаниях 10 и 22 декабря 2025 г. будет представлять юрист А., и возражений против этого не высказал. Также в письменных возражениях адвокат Г. отметила, что соглашение об оказании юридической помощи было заключено доверителем с Адвокатским бюро «…», и, соответственно, поверенным по этому соглашению является именно Адвокатское бюро, а не она или иной конкретный адвокат лично. В соглашении отсутствует указание на обязанность личного участия адвоката Г. в судебных заседаниях.

В результате дисциплинарного разбирательства также установлено, что А., участвовавший в судебных заседаниях в качестве представителя ответчика Ч., – это юрист из города Г-й Владимирской области, не являющийся ни адвокатом, ни иным сотрудником Адвокатского бюро «…».

Между тем в соответствии с требованиями законодательства (п. 5 ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») и вопреки утверждению адвоката Г., соглашение с заявителем Ч. заключено от имени всех адвокатов Адвокатского бюро «…», и, следовательно, обязательства поверенного являются общими обязательствами всех адвокатов указанного адвокатского бюро. При этом само адвокатское бюро юридическую помощь доверителям оказывать не вправе. То обстоятельство, что в соглашении об оказании юридической помощи отсутствует указание на то, кто именно из адвокатов бюро принял поручение доверителя Ч., является пороком соглашения, ответственность за который несет адвокат Г., заключившая это соглашение и являющаяся управляющим партнером адвокатского бюро, и ни в коей мере не освобождает ее от обязанности личного исполнения поручения доверителя. При этом предмет поручения – представление интересов доверителя при рассмотрении дела судом первой инстанции – вне разумных сомнений требовал личного участия адвоката Г. в судебных заседаниях по делу, и она была не вправе перепоручать это участие иному лицу, тем более не являющемуся не только адвокатом, но даже сотрудником адвокатского бюро. Другой представитель мог с согласия доверителя участвовать в судебных заседаниях наряду с адвокатом Г., но никак не вместо нее.

Заявитель, заключив с адвокатами Адвокатского бюро «…» в лице управляющего партнера Г. соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее обязанность поверенного представлять интересы доверителя в суде первой инстанции, и выдав адвокату Г. (а также иным лицам) нотариаль-

ную доверенность, которой предоставил в первую очередь адвокату Г. весь объем полномочий, предусмотренных ГПК РФ для судебного представительства, обоснованно полагал, что адвокат Г. не только подготовит процессуальные документы по делу, но также будет участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении спора судом. Включение иных юристов и сотрудников адвокатского бюро в доверенность, выданную Ч., также не освобождало адвоката Г., вопреки ее утверждениям, от личного исполнения поручения, принятого от доверителя. Что касается А., участвовавшего в судебном заседании в качестве единственного представителя Ч., то, как указано выше, доверенность ему была выдана не Ч., а самой адвокатом Г. даже без получения в явном виде согласия на это Ч.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Г. профессиональных обязанностей перед доверителем Ч., выразившемся в том, что она, приняв поручение Ч. по представлению его интересов в судебных заседаниях по указанному гражданскому делу, перепоручила оказание этой юридической помощи юристу А., не являющемуся адвокатом Адвокатского бюро г. Москвы «…», оставив тем самым доверителя Ч. без квалифицированной юридической помощи. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. в части данного дисциплинарного обвинения опровергнутой, а ее вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Совет отмечает, что обстоятельства, связанные с состоянием здоровья адвоката Г., на которые та ссылается, не препятствовали ей в организации надлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем, а в случае невозможности этого – от постановки перед ним вопроса о расторжении соглашения.

Совет обращает внимание адвоката Г. на недопустимость нарушений обязательных требований законодательства и профессиональной этики при заключении соглашения с доверителем об оказании ему юридической помощи. Проявленная ею неразборчивость в способах получения вознаграждения путем заключения двух соглашений, в каждом из которых при этом содержались недопустимые условия, свидетельствует об игнорировании основополагающих профессиональных требований в данной части. Однако в связи с тем, что соответствующие дисциплинарные обвинения заявителем не выдвинуты, дисциплинарные органы адвокатского самоуправления лишены возможности дать правовую оценку профессионального поведения адвоката Г. в данной части.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Г. за совершенное ею дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый и умышленный характер. Подобное профессиональное поведение адвоката Г., повлекшее существенное нарушение прав доверителя, Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее адвокат Г., имеющая значительный профессиональный стаж, к дисциплинарной ответственности не привлекалась. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3

ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет считает необходимым указать адвокату Г. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной обязанности постоянно совершенствовать профессиональные знания самостоятельно и повышать профессиональный уровень в установленном порядке (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ч., выразившееся в том, что она, приняв поручение Ч. по представлению его интересов в судебных заседаниях по гражданскому делу, рассматриваемому Г-м городским судом Владимирской области, перепоручила оказание юридической помощи по представлению его интересов в судебных заседаниях по указанному гражданскому делу юристу А., не являющемуся адвокатом Адвокатского бюро г. Москвы «…», оставив тем самым доверителя Ч. без квалифицированной юридической помощи.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобе Ч. от 11 февраля 2026 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Обязать адвоката Г. в срок до 30 июня 2026 г. привести информацию, размещенную в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте Адвокатского бюро г. Москвы «…», а также на ее личном адвокатском сайте, в соответствие с требованиями законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и решениями Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палаты города Москвы.

1.7. Совет объявил адвокату предупреждение за нарушение права доверителя на защиту при предъявлении обвинения, поскольку он как защитник по назначению ознакомился с постановлением о привлечении доверителя в качестве обвиняемого и подписал его без замечаний в отсутствие самого доверителя, не убедившись в наличии доказательств его надлежащего уведомления.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката П. и представителя заявителя Т. – адвоката К. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Т. от 4 марта 2026 г. в отношении адвоката П.

Квалификационная комиссия 15 апреля 2026 года вынесла Заключение о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона

«Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Т. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившемся в ознакомлении 2 июля 2025 г. в качестве защитника Т. по назначению по уголовному делу с постановлением следователя о привлечении Т. в качестве обвиняемого и его подписании в условиях неучастия самого Т. в предъявлении ему обвинения и в отсутствие доказательств надлежащего уведомления Т. о дате предъявления обвинения, чем допустил нарушение права Т. на защиту, включая право на свободный выбор защитника.

Адвокат П. в заседании Совета сообщил, что согласен с Заключением Квалификационной комиссии, указал на то, что совершил нарушение неумышленно, не разобравшись в направленных Т. уведомлениях, которые ему показал следователь. При этом подтвердил, что среди показанных ему следователем материалов не было никаких документальных подтверждений получения Т. направленных ему уведомлений, а также их отправки ему.

Заявитель Т., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, обеспечил участие представителя – адвоката К., который в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии его доверителем и им. Сообщил, что они согласны с Заключением Комиссии, указал на существенные последствия допущенного адвокатом П. нарушения, выразившиеся в том, что в результате незаконного предъявления адвокату П. постановления о привлечении Т. в качестве обвиняемого в отсутствие последнего заявитель был объявлен в международный розыск и лишился возможности реализовать ряд процессуальных прав, после чего в отношении него была заочно избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав доводы участников дисциплинарного производства, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 18 февраля 2025 г. следователем …отдела СЧ по РОПД СУ УВД по …ГУ МВД России по г. Москве Х. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, в отношении неустановленных лиц. По указанному делу следователем размещена в АИС АПМ заявка для обеспечения защиты Т., которая была распределена адвокату П. 2 июля 2025 года следователем вынесено постановление о назначении Т. защитника – адвоката П., который вступил в дело в качестве защитника Т. по назначению, предъявив следователю ордер.

В тот же день, 2 июля 2025 г., следователем вынесено постановление о привлечении Т. в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, которое последнему не объявлялось. Адвокат П., не убедившись в направлении в адрес Т. и в получении тем повесток о вызове на допрос и извещения о дате предъявления обвинения, поставил в отсутствие доверителя на каждом листе вышеука-

занного постановления подпись и сделал на нем собственноручную отметку об ознакомлении с постановлением.

После этого Т. был объявлен в международный розыск, а Б. районным судом г. Москвы в отношении него была заочно избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

В сложившейся ситуации адвокат П. при вступлении в уголовное дело должен был удостовериться в надлежащем уведомлении Т. следователем о дне предъявления обвинения, а в случае отсутствия в уголовном деле доказательств его надлежащего уведомления о дне предъявления обвинения устраниться от участия в деле и покинуть место производства следственного действия, обжаловав действия (бездействие) следователя, чего адвокатом сделано не было.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, противоречащем взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката исполнении адвокатом П. профессиональных обязанностей перед доверителем Т. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката П. опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката П. за совершенное нарушение, Совет учитывает его грубый характер, сопряженный с игнорированием основополагающих требований законодательства и профессиональной этики о порядке осуществления защиты по назначению по уголовным делам в отсутствие доверителя, а также негативные для доверителя последствия нарушения, выразившиеся в объявлении его в международный розыск и избрании в отношении него в его отсутствие меры пресечения в виде заключения под стражу. Такое профессиональное поведение адвоката П. Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет принимает во внимание незначительный стаж профессиональной деятельности адвоката П. и то обстоятельство, что ранее он к дисциплинарной ответственности не привлекался, вину признал. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет предоставляет адвокату П. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет также считает необходимым указать адвокату П. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленных профессиональных обязанностей постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать профессиональный уровень в установленном порядке, а также соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (подп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Т. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся в том, что он 2 июля 2025 г. ознакомился в качестве защитника Т. по назначению по уголовному делу с постановлением следователя о привлечении Т. в качестве обвиняемого и его подписании в условиях неучастия самого Т. в предъявлении ему обвинения и в отсутствие доказательств надлежащего уведомления Т. о дате предъявления обвинения, допустив тем самым нарушение права Т. на защиту, включая право на свободный выбор защитника.

1.8. Совет объявил адвокату предупреждение за оказание юридической помощи в условиях конфликта интересов. Совет подчеркнул, что такое поведение является недопустимым, поскольку нарушает фундаментальные профессиональные требования, предъявляемые к адвокату, и подрывает доверие к нему.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката К., представителя заявителя В.И. М. (доверенность от 18 апреля 2025 г., удостоверенная нотариусом О. нотариального округа Московской области Г.) рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе В. от 14 августа 2025 г. в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 8 апреля 2026 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям п. 2 ст. 5, подп. 1, 10 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему; адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя; оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката), исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей, выразившемся в том, что, оказывая доверителю В.Ю. юридическую помощь в условиях конфликта интересов В.Ю. и бывшего доверителя адвоката К. – В.И., адвокат К. 15 июля 2025 г. принял участие в качестве представителя ответчика В.Ю. в предварительном судебном заседании Арбитражного суда М. области по делу по иску В.И. к В.Ю. о признании недействительными сделок и восстановлении корпоративного контроля, в ходе которого совершил подрывающие доверие к нему действия, направленные против законных интересов его бывшего доверителя В.И., а именно:

– привел доводы в опровержение предъявленного В.И. иска (иск В.И. «совершенно необоснован»; «никаких угроз, никакого обмана» в отношении В.И. не было);

– заявил ходатайство о содействии в примирении сторон от 15 июля 2025 г., которое по своему существу таковым не являлось, а было направлено на опровержение доводов искового заявления В.И.;

– предоставил в материалы судебного дела протокол осмотра доказательств от 10 июня 2025 г., составленный Ш. – временно исполняющим обязанности нотариуса О. нотариального округа М. области В. по заявлению адвоката К., содержащий расшифровки голосовых сообщений В.И., направлявшихся адвокату К. посредством мессенджера *WhatsApp* в период оказания адвокатом К. юридической помощи доверителю В.И.;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе В.И. от 14 августа 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии получил, ознакомился с ним, с выводами Комиссии полностью согласен. Признал, что участие в указанном судебном заседании было его ошибкой, поддержал доводы своего письменного заявления в Совет от 14 мая 2026 г., в котором он, соглашаясь по существу с выводами Квалификационной комиссии, просил учесть сложность обстоятельств, в которых он действовал.

Заявитель В.И. в заседание Совета не явилась, воспользовалась правом на представление ее интересов представителем. Представитель В.И. – М. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии В.И. получено, она ознакомилась с ним, с выводами Комиссии согласна частично. Поддержал письменные объяснения (возражения) в отношении Заключения Квалификационной комиссии от 21 мая 2026 г., в которых он выражает несогласие с выводом Комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении дисциплинарного обвинения в разглашении адвокатом К. сведений, составляющих адвокатскую тайну. Полагает, что Комиссия пришла к противоречивому выводу, установив, что В.И. была доверителем адвоката К. и последний действовал в ущерб ее интересам, однако не признала факт разглашения им полученных от В.И. сведений, составляющих адвокатскую тайну. Просил направить дисциплинарное производство в данной части на новое разбирательство в Квалификационную комиссию. Кроме того, указал в своих возражениях, что при оглашении резолютивной части Заключения Квалификационной комиссии был устно объявлен только вывод о ненадлежащем исполнении адвокатом своих обязанностей перед доверителем, и ничего не было сообщено о необходимости прекращения дисциплинарного производства.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката К. и представителя заявителя В.И. – М., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела. По этой причине Совет не находит оснований для направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

26 ноября 2015 г. между адвокатом К. и доверителем В.Ю. заключен Договор

(соглашение) об оказании юридической помощи № … (абонентский договор), предусматривающий оказание юридической помощи В.Ю. «*и/или указанным им лицам*».

1 сентября 2018 г. между адвокатом К. и доверителем В.Ю. заключено дополнительное соглашение к Соглашению от 26 ноября 2015 г., в п. 1 которого предмет поручения, предусмотренный п. 1.1 указанного соглашения, изложен в следующей редакции: «*Доверитель поручает, а Адвокат принимает на себя обязанность оказывать юридическую помощь В.Ю. и/или указанным им лица, включая правовое обеспечение финансово-хозяйственной и иной предпринимательской деятельности Доверителя (как индивидуального предпринимателя) и/или указанных им лиц*».

В.Ю. и В.И. состояли в браке в период с 21 июня 1996 г. по 25 июля 2024 г.

Адвокат К. признал факт оказания юридической помощи В.И. по крайней мере начиная с 2021 г. на основании поручений В.Ю. как доверителя адвоката К. по Соглашению от 26 ноября 2015 г.

Для оказания ей юридической помощи В.И. выдавала адвокату К. следующие нотариально удостоверенные доверенности:

– доверенность от 3 августа 2017 г., выданная К., К.Е. и К.В. на представление интересов В.И. при приобретении квартир № 5 и № 6 по адресу…

– доверенность от 5 марта 2019 г., выданная К. на представление интересов В.И. в том числе в любых судах Российской Федерации (срок действия в доверенности не указан, в связи с чем он составляет один год со дня ее совершения);

– доверенность от 5 марта 2019 г., выданная М.А., Н. и К. на представление интересов В.И., в том числе в О. филиале АО «М-о», ПАО «М-т» и его территориальных отделениях по всем вопросам, связанным с оформлением подключения принадлежащих В.И. объектов недвижимости к электрическим сетям (срок действия доверенности три года);

– доверенность от 21 августа 2020 г., выданная К. на представление интересов В.И., в том числе в любых судах Российской Федерации (срок действия доверенности пять лет);

– доверенность от 16 февраля 2022 г., выданная адвокату К. на представление интересов В.И. при продаже за цену и на условиях по его усмотрению земельного участка, расположенного по адресу… а также помещения, расположенного по адресу… (срок действия доверенности три года).

23 мая 2024 г. мировому судье судебного участка № … района Б. … административного округа г. Москвы поступило исковое заявление В.И. к В.Ю. о расторжении брака от 22 мая 2024 г.

29 мая 2024 г. между В.И. и В.Ю. заключен ряд сделок, предусматривающих отчуждение имущества В.И. В.Ю., в том числе Договор дарения доли в уставном капитале ООО «…» от 29 мая 2024 г. Действительность указанных сделок В.И. оспорила в судебном порядке (дело, рассмотренное Арбитражным судом М. области). Адвокат К. в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства последовательно отрицал факт оказания юридической помощи В.И. при заключении этих сделок.

10 июня 2024 г. В.И. своим распоряжением от 10 июня 2024 г. отменила доверенность от 21 августа 2020 г., выданную адвокату К. на представление ее интересов, в том числе в любых судах Российской Федерации, как единственную доверенность из числа вышеперечисленных, срок действия которой не истек по состоянию на 10 июня 2024 г.

10 июня 2024 г. между адвокатом К. («Адвокат») и В.И. («Доверитель») оформлено Согласие на оказание юридической помощи и установление ее пределов от 10 июня 2024 г., которым предусмотрено следующее:

«1. С целью устранения потенциальной возможности конфликта интересов, Адвокат и Доверитель согласовали следующие условия и ограничения оказания юридической помощи:

1.1. Адвокат продолжает оказание юридической помощи Доверителю в рамках следующих судебных дел, в т.ч. в последующих судебных инстанциях:

1.1.1. По иску К.О.Н., К.О.С. о возмещении вреда, причиненного здоровью (дело № … П. районный суд г. Москвы, № … М. городской суд);

1.1.2. По иску Министерства имущественных отношений … о взыскании платы за изменение вида разрешенного использования земельного участка (дело № … Арбитражный суд …);

1.2. Адвокат оказывает юридическую помощь Доверителю в сопровождении сделок с недвижимым и иным имуществом и/или имущественными правами/долями и т.п. только по тем сделкам, которые подписаны Доверителем лично;

1.3. Адвокат не вправе от имени Доверителя самостоятельно заключать/изменять/прекращать какие-либо гражданско-правовые сделки, направленные на изменение состава имущества Доверителя.

2. Иная юридическая помощь, оказывается исключительно на основании отдельного соглашения Сторон.

3. Доверитель и Адвокат понимают и учитывают, что Мировым судьей … судебного участка г. Москвы в настоящее время рассматривается исковое заявление Доверителя к В.Ю. 1956 г.р.) о расторжении брака (дело № …).

Если в результате конкретных обстоятельств возникнет необходимость одновременного оказания юридической помощи Доверителю и В.Ю., то указанная юридическая помощь оказывается только по тем сделкам/основаниям, которые подписаны Доверителем лично. При возникновении у Доверителя с В.Ю. конфликта интересов Адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем обеих сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон».

Адвокат К. подтвердил оказание им юридической помощи доверителю В.И. и после 10 июня 2024 г., пояснив, что оказывал ее на основании Соглашения от 26 ноября 2015 г., заключенного с В.Ю., с подтверждением своих полномочий ордером адвоката (после отзыва В.И. выданной ему доверенности).

25 июля 2024 г. брак между В.Ю. и В.И. расторгнут.

24 октября 2024 г. вынесено определение судебной коллегии по гражданским делам …кассационного суда общей юрисдикции по гражданскому делу № по иску К.О.Н. и К.О.С. к В.И. о возмещении вреда, причиненного дорожно-транспортным происшествием. Из информации, опубликованной на официальном сайте данного кассационного суда, следует, что адвокат К. являлся представителем В.И. по указанному делу. Он признал этот факт, пояснив, что этим он завершал оказание доверителю В.И. той юридической помощи, поручения на оказание которой были им приняты «на момент прекращения брачных отношений» В.И. и В.Ю.

29 мая 2025 г. В.И. обратилась в Арбитражный суд М. области с исковым заявлением о признании недействительными нескольких связанных сделок, заключенных ею 29 мая 2024 г. с В.Ю., а именно договора дарения доли

в уставном капитале ООО «…» и соглашений об уступке прав требования. Исковое заявление было принято Арбитражным судом.

30 мая 2025 г. между адвокатом К. и доверителем В.Ю. заключено Соглашение о расторжении с 30 мая 2025 г. Соглашения от 26 ноября 2015 г.

2 июня 2025 г. адвокатом К. и доверителем – индивидуальным предпринимателем В.Ю. заключен Договор (соглашение) об оказании юридической помощи № … (абонентский договор) от 2 июня 2025 г., в п. 1.1 которого предусмотрен следующий предмет поручения: «Адвокат обязуется оказать юридическую помощь посредством дачи устных или письменных консультаций по правовым вопросам; составления договоров, соглашений, приказов, претензий, протоколов, писем и иных документов правового характера либо их правового анализа; правового сопровождения сделок с недвижимым имуществом и сопровождения государственной регистрации сделок, права собственности, перехода права собственности; участия в качестве представителя/адвоката/защитника Доверителя и/или указанных им лиц в переговорах, собраниях, судебных заседаниях гражданских и арбитражных судов, в государственных и/или правоохранительных органах, в т.ч. при проведении проверки поводов и оснований для возбуждения административного и/или уголовного дела, предварительного расследования в случае вовлечения Доверителя и/или указанных им лиц в сферу административного и/или уголовного судопроизводства; составления ходатайств, заявлений, соглашений, протоколов, писем и иных документов правового характера либо их правового анализа, а также оказания иной юридической помощи (Виды юридической помощи)». Согласно объяснениям адвоката К. расторжение Соглашения с В.Ю. от 26 ноября 2015 г. и последующее заключение с ним Соглашения от 2 июня 2025 г. связаны с изменением весной 2025 г. наименования адвокатского образования, в котором состоит адвокат К., с Московской городской коллегии адвокатов «…» на Московскую городскую коллегию адвокатов «…».

6 июня 2025 г. адвокат К. обратился в Совет Адвокатской палаты города Москвы с запросом о даче разъяснений в сложной этической ситуации в порядке, предусмотренном п. 4 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, в котором в числе прочего указал, что «в период 2015–2024 гг. на договорной постоянной основе оказывал юридическую помощь» В.Ю., а также указанным им лицам, в том числе членам его семьи: В.И. (супруга), В.Е. (дочь), И.В. (тесть). Ссылаясь на положения п. 1 ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат К. сделал вывод о том, что указанные лица являлись его доверителями как получатели юридической помощи на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом (с В.Ю.). Далее адвокат К. в указанном обращении отметил, что «в процессе прекращения семейных отношений между бывшими супругами и членами семьи было заключено несколько сделок, как в нотариальной (продажа, дарение долей в уставном капитале двух компаний), так и простой письменной форме (уступки прав денежных требований, дарение и купли-продажи объектов недвижимости)», а также что «поскольку при заключении гражданско-правовых сделок между сторонами отсутствовало противоречие интересов», то адвокат К. «как поверенный В.Ю. участвовал в юридическом сопровождении данных сделок». «При названных сделках сведений личного характера в целях оказания юридиче-

ской помощи, которые могли бы быть отнесены к адвокатской тайне, бывшими членами семьи В.Ю. (бывшими доверителями), не сообщалось». Затем адвокат К. сообщил об оспаривании заключенных сделок В.И. и ее родственниками с мая 2025 г., а также выразил мнение о том, что подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката «не содержат прямого запрета на представление интересов доверителя в случаях, когда другой стороной является бывший доверитель адвоката, представительство которого (юридическая помощь которому) осуществлялось по иным (напрямую не относящимся к спору) делам».

2 июля 2025 г. адвокату К. в ответ на указанный запрос письмом руководителя аппарата Адвокатской палаты города Москвы… сообщено, что ему как независимому профессиональному советнику по правовым вопросам следует самостоятельно принять решение о действиях в описанной им ситуации с учетом доведенных до его сведения Рекомендаций по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 30 ноября 2009 г. (Протокол № 3), с изменениями от 28 сентября 2016 г. (Протокол № 7) и от 5 октября 2017 г. (Протокол № 5), а также Разъяснений № 16 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О действиях адвокатов по предотвращению оказания юридической помощи в условиях конфликта интересов, а также при наличии риска его возникновения», утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 февраля 2025 г. (Протокол № 3, приложение № 3).

9 июня 2025 г. доверитель В.Ю. оформил Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны, в котором указал:

«Действуя по своей воле и в своих интересах, настоящим выражаю свое согласие на прекращение действия адвокатской тайны и использование любых сведений, связанных с оказанием мне юридической помощи адвокатом К. … для представления и защиты моих прав и законных интересов в О. городском суде М. области по делу № … по иску В.Е.; в Арбитражном суде М. области по делу № … по иску П. и по делу № … по иску В.И., а также в иных судах по предъявленным ко мне в настоящее время или в будущем имущественным искам членов и бывших членов моей семьи. Настоящее согласие дано мною в присутствии адвоката К. и наделяет его всеми полномочиями по использованию любых сведений, ставших ему известными в связи с оказанием мне юридической помощи, любым не запрещенным законом способом, в т. ч. путем дачи объяснений в суде, предоставления в суд предметов и документов, а также на передачу указанных сведений другим адвокатам или иным моим представителям и привлекаемым к участию в деле экспертам и специалистам»[9].

10 июня 2025 г. временно исполняющим обязанности нотариуса О. нотариального округа М. области В. – Ш. по заявлению адвоката К. составлен протокол осмотра доказательств от 10 июня 2025 г. о том, что нотариусом были осмотрены сообщения в приложении *WhatsApp* на мобильном телефоне, который, согласно заявлению адвоката К.,

[9] Здесь и далее стилистика, орфография и пунктуация оригиналов переписки и сообщений сохранены (*примеч. ред.*).

принадлежит ему. В указанном протоколе осмотра приводится переписка (содержание чата) адвоката К. с пользователем «В.И.» за период с 24 по 30 мая 2024 г., включая расшифровку следующих голосовых сообщений пользователя «В.И.»:

– 24 мая 2024 г., в 14.04 час.: «*К., я прошу прощения, Э ... К. со связью что то. …давайте так. Э … Мы немножко по <улице> вот это четырнадцатой, двенадцатой тормознемся. Вот. А то мы че то в горячке отдавать начали. Строить ему как он говорит не на что. Мы финансировать не будем. Э… ну просто вот это вот… вот это… Мы никуда не торопимся. Мы и живем с ним в одном доме. Поэтому все ровно. М-1 занимаемся как договорились. Вот. Как уговорились, М-1. А с этими таунами… я попробую, может быть еще клиентов на них привезу. Ну че за по <…> миллионов отдавать… Это смешно*»;

– 26 мая 2024 г., в 12.33 час.: «*…добрый день. Я прошу прощения, что в воскресенье. А… Смотрите значит. На В.Ю. переоформляем: М-1 точно, Цитадель точно, <улица> 8 точно. Под вопросом щас, О., вторая часть, которая не отделана. Вот… ну, если можно, готовьте документы, и вот… потихоньку. Там уже решим. Вот все. Вот так. Спасибо большое*»;

– 30 мая 2024 г., в 11.18 час.: «*К. доброе… э, добрый день. К. значит смотрите, О., делаем дарственную. То что вы вчера предложили схему. Вы предложили схему с отца моего переоформить дарственной на сына, а потом там через месяц, или ну… максимально короткий срок, возможный, э… переоформить с сына на В.Ю. Это первый вариант. И… а… таун <улица> 8. Все. На этом больше мы ничего не оформляем. Все остается в собственности ровно так, как это разделено по брачному договору. Вот… спасибо*».

15 июля 2025 г. адвокат К., действуя в качестве представителя В.Ю. на основании доверенности, принял участие в предварительном судебном заседании Арбитражного суда М. области по делу по иску В.И. к В.Ю. о признании недействительными сделок и восстановлении корпоративного контроля. Как следует из содержания протокола указанного судебного заседания, адвокат К. заявил письменное ходатайство о содействии в примирении сторон, в котором в числе прочего указал, что «исковые требования основаны на якобы имевшемся у В.И. пороке воли при заключении оспариваемых сделок. Вместе с тем, учитывая согласованный характер действий Сторон по заключению сделок, подтвержденный достоверными и убедительными доказательствами, наиболее целесообразным решением для Сторон будет являться их примирение». При этом в данном ходатайстве была выражена просьба «оказать содействие в примирении Сторон, предоставив возможность Сторонам провести соответствующие примирительные процедуры». Кроме того, из аудиозаписи указанного судебного заседания следует, что адвокат К.:

– сделал следующее заявление: «*Ну, вы знаете, мы, конечно, не хотим переходить в процесс основной, потому что в принципе у меня есть понимание того, что стороны могут примириться и даже, на ваше усмотрение, ходатайство об оказании содействия в примирении сторон. Я, если коротко дадите возможность, три минуты поясню. Я десять лет сопровождаю В.Ю. по различным сделкам, в том числе в предпринимательской деятельности, и, вот, те сделки, которые обжалуются в настоящее время, сопровождал я тоже, поэтому я, как никто, изнутри знаю, как все происходило. Соответственно у нас в обоснование заявлено*

три довода в обоснование иска – это угроза, обман и финансовая несостоятельность условий сделки. Причем основная часть – это нотариально удостоверенная сделка о дарении доли. По состоянию на май прошлого года, 2024 год, В-ы приняли решение развестись и довели эти сведения до тех лиц, которые обслуживают их бизнес – бухгалтерия, юристы и другие сопровождающие лица. Сообщено было о том, что, в общем-то, все остается как есть, только теперь карманы будут разные, и те доходы, которые поступали раньше в общий вал истице и ответчику, теперь будут оставаться у самих себя. Плюс было заявлено о том, что стороны договорятся и ведут переговоры о том, что будет переоформлено на каждого из них. И В.И., это истец, и ее сын В.Д., их показания приложены в тексте, отправили мне несколько аудиосообщений. Если есть возможность, они короткие, на WhatsApp, их прослушать и сразу станет понятно, что никаких угроз, никакого обмана не было. Иск собственно, совершенно необоснован и мне кажется, нам надо совершенно точно примириться. Телефон старый, памяти совсем нет, я не уверен, что к следующему заседанию все это сохранится»;

– заявил устное ходатайство о приобщении к материалам дела вышеуказанного протокола осмотра доказательств от 10 июня 2025 г., содержащего расшифровку голосовых сообщений В.И. адвокату К., а также оптического компакт-диска с аудиозаписями голосовых сообщений В.И.

Согласно объяснениям адвоката К. именно в связи с приобщением к материалам дела этого протокола осмотра доказательств истец В.И. в лице своего представителя – К.И. впоследствии заявила ходатайство об уточнении исковых требований (к судебному заседанию 14 августа 2025 г.), в котором заявила, что «исключает из оснований заявленных требований такое основание недействительности, как заключение сделки под влиянием угрозы (п. 1 ст. 179 ГК РФ)».

Решением Арбитражного суда М. области от …января 2026 г. (резолютивная часть решения объявлена …ноября 2025 г.) отказано в удовлетворении иска В.И. к В.Ю. В обоснование решения об отказе в удовлетворении иска В.И. к В.Ю. суд в числе прочего указал: «Так, из переговоров В.И. (Истец) и В.Д. (сын Истца) с представителем В.Ю. (Ответчик) посредством приложения “WhatsApp”, имевших место во время подготовки оспариваемых сделок, т.е. в мае 2024 г., и зафиксированных в протоколе осмотра доказательств от 10 июня 2025 г., составленном Ш., временно исполняющим обязанности нотариуса О. нотариального округа Московской области В., по результатам осмотра приложения “WhatsApp” на мобильном телефоне представителя Ответчика – К., следует, что оспариваемые сделки заключались путем добровольного согласования волеизъявления сторон без какого-либо насилия, угроз или обмана со стороны В.Ю. (Ответчик), при этом В.И. (Истец) прямо выражала свое добровольное волеизъявление относительно перераспределения нажитого в период брака имущества и согласовывала условия сделок по отчуждению отдельных объектов в пользу В.Ю., т.е. действовала по своей воле и в своих интересах». Указанное решение было обжаловано истцом в апелляционном порядке.

Из жалобы заявителя В.И. следует, что она обвиняет адвоката К. в том, что тот, действуя в качестве представителя процессуального оппонента В.И. – В.Ю. и в его интересах, в указанном с*удебном заседании 15 июля 2025 г. представил в материалы дела составленный по его*

заявлению протокол осмотра доказательств нотариусом с расшифровками направленных ему заявителем В.И. в мессенджере WhatsApp голосовых сообщений, содержащих сведения об условиях сделок с В.Ю. Тем самым адвокат К., по мнению В.И.:

– *разгласил* сведения, составляющие адвокатскую тайну и сообщенные ему доверителем В.И. при оказании ей юридической помощи в виде юридического сопровождения заключения сделок, связанных с разделом совместно нажитого имущества;

– оказывал юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей В.И. и В.Ю.;

– *совершил действия, направленные против законных интересов доверителя В.И.*

Рассматривая указанные дисциплинарные обвинения, Совет пришел к следующим выводам.

В силу подп. 5 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не вправе разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием тому юридической помощи, без согласия доверителя. Согласно п. 1 ст. 8 указанного закона адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю. В соответствии с положениями п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката правила сохранения профессиональной (адвокатской) тайны распространяются на факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей; все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; сведения, полученные адвокатом от доверителей; информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; все адвокатское производство по делу; условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем; любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи.

Адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц (п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката). Без согласия доверителя адвокат вправе использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу (п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката). Адвокат не вправе без согласия доверителя разглашать сведения, сообщенные им адвокату в связи с оказанием юридической помощи, и использовать такие сведения в своих интересах или в интересах третьих лиц (подп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката). Срок хранения адвокатской тайны не ограничен во времени (п. 2 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он «оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного

лица» (подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Нормы Кодекса профессиональной этики адвоката, раскрывая существо конфликта интересов, устанавливают следующие правила, которыми должен руководствоваться адвокат в своей деятельности:

– адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон (п. 1 ст. 11 Кодекса);

– адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного ст. 11 Кодекса (подп. 10 п. 1 ст. 9 Кодекса).

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе «действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне».

Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации приняты Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 30 ноября 2009 г. (Протокол № 3), действуют в редакции Решений Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 г. (Протокол № 7) и от 5 октября 2017 г. (Протокол № 5), опубликованы на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <https://fparf.ru/>)).

По вопросам соблюдения адвокатской тайны и предотвращения конфликта интересов доверителей в Рекомендациях указано следующее:

– сохранение адвокатом профессиональной тайны обеспечивает иммунитет доверителя (п. 1 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката). Иммунитет доверителя представляет собой особое правовое состояние неприкосновенности прав и интересов доверителя в связи с обращением к адвокату и получением квалифицированной юридической помощи. Соблюдение иммунитета доверителя является важнейшей гарантией реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь. Требования о недопустимости совершения адвокатом действий, направленных к подрыву доверия, недопустимости разглашения сведений, сообщенных адвокату доверителем, без согласия последнего установлены действующим законодательством именно в целях обеспечения иммунитета доверителя (п. 6);

– адвокат не вправе использовать информацию, составляющую предмет адвокатской тайны, при работе по делам других доверителей. Прекращение доверителем действия режима тайны не должно открывать возможности для причинения бывшем у доверителю какого-либо вреда, связанного с использованием информации, ранее составлявшей предмет адвокатской тайны (п. 7).

В Разъяснениях № 1 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 7 сентября 2003 г. «О поведении при выявившихся противоречиях в интересах подзащитных» указано: «В случаях, когда адвокат защищает двух подозреваемых или обвиняемых и в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства интересы одного из них вступают в противоре-

чие с интересами другого, адвокату, который не вправе согласно ч. 6 ст. 49 УПК РФ далее продолжать защищать обоих, следует выйти из дела. Предпочтение одного подзащитного другому будет профессионально неэтичным» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2003. Выпуск № 1. С. 30–31; 2004. Выпуск № 11–12 (13–14). С. 40–41; 2007. Выпуск № 1(39). С. 103–104; Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 108–109). Данный подход, сформулированный применительно к осуществлению защиты доверителя, адвокату следует учитывать и в иных ситуациях, если перед ним встает вопрос об оказании юридической помощи одному из нескольких доверителей, которым он ранее оказывал юридическую помощь.

Сведения, сообщенные адвокату одним доверителем, не могут служить для другого доверителя источником получения преимуществ, и адвокат не может представлять лицо, интересы которого противоположны интересам его доверителя или бывшего доверителя (см.: пункт 8 Обзора дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за первое полугодие 2022 года по вопросам, связанным с исполнением адвокатом профессиональных обязанностей, опубликованного для всеобщего сведения на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы <https://www.advokatymoscow.ru/>).

В Разъяснении № 16 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О действиях адвокатов по предотвращению оказания юридической помощи в условиях конфликта интересов, а также при наличии риска его возникновения», утвержденном Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 февраля 2025 г. (Протокол № 3, приложение № 3), исполнение которого обязательно для всех адвокатов города Москвы, указано:

«1. Одним из фундаментальных профессиональных правил адвокатской деятельности является недопустимость ее осуществления в условиях конфликта интересов или при наличии риска его возникновения.

Согласно подпункту 2 пункта 4 статьи 6 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

Кодекс профессиональной этики адвоката, раскрывая существо конфликта интересов, устанавливает следующие правила, которыми должен руководствоваться адвокат в своей деятельности:

– адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон (пункт 1 статьи 11);

– если в результате конкретных обстоятельств возникнет необходимость оказания юридической помощи лицам с различными интересами, а равно при потенциальной возможности конфликта интересов, адвокаты, оказывающие юридическую помощь совместно на основании партнерского договора, обязаны получить согласие всех сторон конфликтного отношения на продолжение исполнения поручения и обеспечить равные возможности для правовой защиты этих интересов (пункт 2 статьи 11);

– адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного статьей 11 Кодекса (подпункт 10 пункта 1 статьи 9);

– адвокат не вправе использовать информацию, составляющую предмет адвокатской тайны, при работе по делам других доверителей. Прекращение доверителем действия режима тайны не должно открывать возможности для причинения бывшему доверителю какого-либо вреда, связанного с использованием информации, ранее составлявшей предмет адвокатской тайны.

2. При определении наличия конфликта интересов или риска его возникновения адвокатам следует проявлять особую тщательность в установлении и анализе следующей совокупности обстоятельств:

– целей имеющегося или бывшего доверителя и лица, обратившегося за оказанием юридической помощи (потенциального доверителя);

– существа предмета спора, материально-правовых или процессуальных претензий потенциального доверителя;

– позиций по делу или формирования потенциально возможных позиций имеющегося или бывшего и потенциального доверителей;

– процессуального положения имеющегося или бывшего и потенциального доверителей;

– вида и содержания юридической помощи, оказываемой (оказанной) имеющемуся или бывшему доверителю и требуемой потенциальному доверителю;

– фактических обстоятельств, ранее установленных по делу(-ам) имеющегося или бывшего доверителя и подлежащих установлению и/или доказыванию в ходе оказания юридической помощи потенциальному доверителю;

– сведений, ставших известными от имеющегося или бывшего доверителя, которые потенциально могут быть использованы в интересах потенциального доверителя, но в ущерб интересам имеющегося или бывшего доверителя;

– содержания соглашений об оказании юридической помощи (действующих или прекративших действие), заключенных с имеющимся или бывшим доверителем;

– оснований и момента прекращения оказания юридической помощи бывшему доверителю;

– момента обращения потенциального доверителя за оказанием юридической помощи;

– характера и особенностей отношений, сформировавшихся между имеющимся или бывшим доверителем и потенциальным доверителем, возможности влияния этих факторов на возникновение конфликта интересов.

Только на основании результатов детального изучения всей совокупности указанных выше обстоятельств адвокатом(-ами) может и должно быть принято обоснованное решение о возможности заключения соглашения об оказании юридической помощи с потенциальным доверителем или о необходимости совершения дополнительных действий, предусмотренных Кодексом профессиональной этики адвоката, разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам и Совета Адвокатской палаты города Москвы.

Простое несовпадение предметов поручения, отраслей права, правовых вопросов, фактических обстоятельств дела, применительно к которым адвокатом(-ами) ранее оказывалась юридическая помощь и предполагается ее оказание потенциальному доверителю, само по себе не свидетельствует об отсутствии конфликта интересов дове-

рителей или риска его возникновения» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2025. № 1 (166). С. 110–115).

Совокупный анализ приведенных нормативных положений, Рекомендаций Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы позволяет сделать вывод о том, что для адвоката во всех случаях недопустимо совершать действия, которые ставят или могут поставить его в положение лица, оказывающего юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, в том числе тех, оказание юридической помощи которым прекращено. Соответствующий запрет установлен не только в целях предотвращения оказания адвокатом юридической помощи доверителям с противоположными интересами в рамках одного судебного разбирательства (дела, правовой ситуации). Он обусловлен необходимостью обеспечения иммунитета доверителя и создания условий для оказания ему квалифицированной юридической помощи адвокатом как независимым профессиональным советником по правовым вопросам, в том числе путем исключения возникновения ситуаций, в которых адвокат сталкивается с необходимостью использования для оказания юридической помощи одному из доверителей сведений, полученных в рамках оказания юридической помощи другому доверителю и составляющих в силу этого адвокатскую тайну последнего.

Адвокат не может принимать поручение об оказании кому-либо юридической помощи в случае, если исполнение такого поручения противоречит интересам другого доверителя адвоката (в том числе бывшего) и невозможно без использования сведений, ставших известными адвокату при оказании юридической помощи другому доверителю.

Кроме того, вышеуказанные требования направлены на предотвращение совершения адвокатом действий против законных интересов доверителя, в том числе и его бывшего доверителя.

В случае продолжения оказания адвокатом юридической помощи одному из доверителей, чьи интересы противоречат интересам доверителя, с которым адвокат прекратил отношения по оказанию юридической помощи, обязанность по сохранению адвокатской тайны, носящая бессрочный характер и возникшая, в том числе и перед доверителем, которому адвокат прекратил оказание юридической помощи, с высокой степенью вероятности вступит в конфликт с обязанностью активно защищать права, свободы и интересы доверителя, которому адвокат продолжает оказывать юридическую помощь. В такой ситуации ни один из доверителей адвоката не может быть уверен в неукоснительном соблюдении адвокатом положений п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 6, подп. 1, 4, 10 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката. При этом сам адвокат, оказывающий юридическую помощь доверителю по делу, в котором интересы последнего противоречат интересам другого (в том числе бывшего) его доверителя, может оказаться в условиях, неизбежно приводящих к нарушению одной из указанных норм, поскольку будет вынужден либо ограничить доступ одного из своих доверителей к информации, имеющей значение для защиты его прав и законных интересов, либо нарушить обязанность по сохранению адвокатской тайны, возникшей у него перед другим доверителем.

Как отмечено выше, на необходимость учета и соблюдения обозначенных выше норм и разъяснений адвокату К. было прямо указано в письменном ответе на его обращение в Совет Адвокатской палаты города Москвы, однако он про-

игнорировал соответствующие указания.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что заявитель В.И. в период 2015–2024 гг. являлась доверителем адвоката К. как лицо, которому он оказывал юридическую помощь на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом – В. Ю. Как указано выше, это признается и самим адвокатом К. В то же время адвокат К. оказывал доверителю В.И. юридическую помощь вплоть до 24 октября 2024 г., т. е. даже после расторжения брака между супругами В.И. и В.Ю.

При таких обстоятельствах адвокат К., являясь профессиональным советником по правовым вопросам и действуя разумно и добросовестно, был обязан исходить из того, что раздел имущества супругов В.И. и В.Ю. создает потенциальную возможность конфликта интересов указанных доверителей. По этой причине продолжение оказания им юридической помощи доверителю В.Ю., включая его участие в сопровождении оспариваемых сделок и последующее представление интересов В.Ю. как ответчика по иску В.И. о признании данных сделок недействительными, будет профессионально неэтичным.

Более того, о наличии конфликта интересов между супругами В.И. и В.Ю. адвокату К. стало, очевидно, известно в связи с уведомлением его В.И. об отмене ею 10 июня 2024 г. выданной ему доверенности.

Совет допускает, что в сложившейся ситуации адвокат К. и заявительница В.И. могли по-разному осознавать, кому именно оказывается адвокатом юридическая помощь по сделкам с недвижимостью, заключенным в 2024 г.: обоим супругам (позиция В.И.) или только В.Ю. (позиция адвоката К.). Однако, вне зависимости от этого, адвокат К., осознавая, что В.И. в течение длительного времени является его доверителем по ряду поручений, и руководствуясь вышеприведенными профессионально-этическими предписаниями, включая положения подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 10 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, уже в момент отмены В.И. выданной ему доверенности должен был прекратить оказание юридической помощи как В.Ю., так и В. И. Тем не менее адвокат К. этого не сделал. Более того, он, действуя в интересах В.Ю., при описанных обстоятельствах своего участия в судебном заседании по иску В.И. к В.Ю. совершил действия против законных интересов своего бывшего доверителя В.И., подрывающие доверие к нему как к адвокату.

В этой связи Совет считает необходимым подчеркнуть, что, вопреки утверждению адвоката К., рассматриваемая этическая ситуация не представляла особой сложности и не являлась неоднозначной при условии соблюдения перечисленных требований и разъяснений.

Совет отклоняет как несостоятельные доводы адвоката К. о том, что В.И. дала свое согласие на оказание ей юридической помощи в условиях конфликта интересов с В.Ю., подписав Согласие от 10 июня 2024 г. на оказание ей юридической помощи, поскольку в указанном согласии прямо говорится о том, что при возникновении у доверителя с В.Ю. конфликта интересов адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем обеих сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон. Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и указано выше,

адвокат К. в рассматриваемой ситуации действовал не в целях примирения сторон (несмотря на название поданного им в суд заявления), а в интересах В.Ю. и против интересов В.И.

При таких обстоятельствах Совет, согласившись с Квалификационной комиссией, пришел к выводу о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям п. 2 ст. 5, подп. 1, 10 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. профессиональных обязанностей при описанных обстоятельствах. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. в данной части опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Дисциплинарное обвинение в разглашении адвокатом К. сведений, составляющих адвокатскую тайну и сообщенных ему доверителем В.И., Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признал необоснованным ввиду следующего.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и подробно описано выше, В.И. и В.Ю. являлись контрагентами в спорных сделках. В изложенной выше переписке в мессенджере с адвокатом К. В.И. извещала его о том, на каких условиях она, а также ее родные (отец, сын) полагают возможным совершать с В.Ю. сделки по неформальному разделу имущества супругов. Доведенная до сведения В.И. в этих сообщениях информация вне разумных сомнений была адресована не только адвокату К., но и его доверителю В.Ю. как стороне этих сделок, а потому В.И. не имела оснований ожидать, что эта информация будет тайной для последнего.

Несмотря на то, что заявителю В.И. было предложено принять личное участие в заседании Квалификационной комиссии для дачи объяснений по доводам поданной ею жалобы, она в заседание Квалификационной комиссии не явилась, а ее представители – адвокат К.Д. и М. не смогли пояснить и подтвердить, какие конкретно сведения, сообщенные адвокату К. именно заявительницей В.И., а не В.Ю., тот разгласил.

При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в указанной части подлежит прекращению.

В связи с выдвинутым представителем заявительницы В.И. – М. в письменных возражениях и в заседании Совета доводом о том, что при оглашении в заседании Квалификационной комиссии резолютивной части ее заключения не было сообщено о необходимости прекращения дисциплинарного производства в данной части Совет отмечает, что в соответствии с п. 5.2.28 Регламента Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы (https://www.advokatymoscow.ru/about/qualification/) председатель Квалификационной комиссии оглашает резолютивную часть Заключения Квалификационной комиссии, содержащую одну из формулировок, предусмотренных п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката. Это означает, что при установлении Комиссией нарушения хотя бы по одному из выдвинутых в отношении адвоката дисциплинарных обвинений при оглашении резолютивной части Заключения Квалификационной комиссии указывается только на этот вывод. В то же время в полном тексте Заключения Квалификационной комиссией формулируются выводы по всем выдвинутым в отношении адвоката обвинениям.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К., Совет учитывает тяжесть совершенного им нарушения, посяга-

ющего на фундаментальные основы взаимоотношений адвоката и доверителя и *направленного к подрыву доверия*. Такое профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым. Однако учитывая длительный профессиональный стаж адвоката К. и отсутствие предыдущих дисциплинарных взысканий, Совет предоставляет адвокату К. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Совет полагает необходимым указать адвокату К. на необходимость неукоснительного исполнения законодательно установленных профессиональных обязанностей (подп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») постоянно совершенствовать свои знания и повышать свой профессиональный уровень в установленном порядке, а также соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям п. 2 ст. 5, подп. 1, 10 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей, выразившееся в том, что он, оказывая доверителю В.Ю. юридическую помощь в условиях конфликта интересов В.Ю. и своего бывшего доверителя – В.И., 15 июля 2025 г. принял участие в качестве представителя ответчика В.Ю. в предварительном судебном заседании А*рбитражного суда М. области по делу по иску В.И. к В.Ю. о признании недействительными сделок и восстановлении корпоративного контроля, в ходе которого совершил подрывающие доверие к нему действия, направленные против законных интересов его бывшего доверителя В.И., а именно:*

– *привел доводы в опровержение предъявленного В.И. иска* (иск В.И. «совершенно необоснован»; «никаких угроз, никакого обмана» в отношении В.И. не было);

– *заявил ходатайство* о содействии в примирении сторон от 15 июля 2025 г., которое по своему существу таковым не являлось, а было направлено на опровержение доводов искового заявления В.И.;

– представил в материалы судебного дела протокол осмотра доказательств от 10 июня 2025 г., составленный временно исполняющим обязанности нотариуса О. нотариального округа М. области В. – Ш. по его заявлению, содержащий расшифровки голосовых сообщений В.И., направлявшихся ему (адвокату К.) посредством мессенджера *WhatsApp* в период оказания им юридической помощи доверителю В.И.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство в отношении адвоката К. по жалобе В.И. от 14 августа 2025 г. вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.9. Совет объявил адвокату предупреждение за нарушения при приеме и оприходовании денежных средств доверителя, ненадлежащее оказание юридической помощи нескольким доверителям. Получив от доверителя средства на личный банковский счет, адвокат несвоевременно внесла их на счет адвокатского образования и не выдала доверителю финансовые документы. Кроме того, она самоустранилась от исполнения поручения об участии в судебном процессе, перепоручив его другому адвокату, а также формально отнеслась к ведению другого гражданского дела доверителя, не оказав ему квалифицированной юридической помощи.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя С. (ранее – Ст.Л.), действующей в личном качестве и в качестве генерального директора ООО «…», адвоката Т. и ее представителя – адвоката Г. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам С. (ранее – Ст.Л.) от 15 декабря 2025 г. и ООО «…» в лице генерального директора С. (ранее – Ст.Л.) от 15 декабря 2025 г. в отношении адвоката Т.

Квалификационная комиссия 8 апреля 2026 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей:

– перед доверителем С. (ранее – Ст.Л.), выразившемся в том, что, получив от доверителя 21 февраля, 6 и 7 марта 2025 г. на свой личный счет в банке вознаграждение за оказание ей юридической помощи в общей сумме …руб. по Соглашению № … от 24 декабря 2024 г., адвокат Т. внесла полученные денежные средства на расчетный счет адвокатского образования (МКА «…») 17 ноября 2025 г., т.е. после прекращения оказания юридической помощи, и не выдала доверителю С. (ранее – Ст.Л.) финансовые документы о совершении операций с ее денежными средствами в порядке, установленном действующим законодательством;

– перед доверителем ООО «…», выразившемся в том, что, получив от доверителя 30 января 2025 г. на свой личный счет в банке вознаграждение за оказание юридической помощи по Соглашениям № … от 24 декабря 2024 г., № 3 и № 4 от 28 декабря 2024 г. в общей сумме …руб., адвокат Т. внесла полученные денежные средства на расчетный счет адвокатского образования (МКА «…») 17 ноября 2025 г., т.е. после прекращения оказания юридической помощи, и не выдала Обществу финансовые документы о совершении операций с его денежными средствами в порядке, установленном действующим законодательством;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «…», выразившемся в том, что, заключив с доверителем Соглашение № 1 от 24 декабря 2024 г. об оказании юридической помощи по сопровождению деятельности Общества, адвокат Т. не оказала доверителю никакой юридической помощи, а также в том, что, заключив с доверителем 28 декабря 2024 г. Соглашение № 3 об

оказании юридической помощи в Арбитражном суде Московской области по делу об истребовании у Ст.П. документов Общества, адвокат Т. самоустранилась от оказания юридической помощи по соглашению, перепоручив ее оказание адвокату П.;

3) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства), исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителем С. (ранее – Ст.Л.), выразившемся в том, что при оказании доверителю юридической помощи на основании Соглашения № 2 от 28 декабря 2024 г. по гражданскому делу о разделе имущества супругов Ст., находившемуся в производстве Д. городского суда Московской области, адвокат Т. после отмены принятого судом заочного решения по делу по существу рассматриваемых судом требований истца Ст.П. ограничилась подготовкой в интересах доверителя одного процессуального письменного документа – заявления о пропуске истцом срока исковой давности, в котором не указала никаких сведений либо обстоятельств, относящихся к делу, в том числе не указала, с какой даты и по каким основаниям необходимо исчислять начало течения срока исковой давности, в нарушение требований п. 1 ст. 56 ГПК РФ не приложила к этому заявлению каких-либо доказательств, подтверждающих довод о пропуске срока исковой давности, а также не подготовила никаких иных процессуальных документов по существу спора в защиту интересов доверителя, что повлекло за собой для доверителя С. (ранее – Ст.Л.) фактическую невозможность отстаивания своих интересов в вышестоящих судебных инстанциях;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т. по жалобе С. (ранее – Ст.Л.) от 15 декабря 2025 г. и по жалобе ООО «…» в лице генерального директора С. (ранее – Ст.Л.) от 15 декабря 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Т. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии получила, ознакомилась с ним, с выводами Комиссии не согласна, поддержала доводы письменных возражений (Правового заключения по дисциплинарному производству от 17.05.2026), представленных ее представителем – адвокатом Г.

Представитель адвоката Т. – адвокат Г. в заседании Совета продублировал и поддержал доводы вышеуказанного правового заключения. Полагает, что неоприходование адвокатом Т. полученного гонорара в кассу адвокатского образования является формальным нарушением, которое не порочит честь адвоката и было устранено. Полагает также, что Квалификационная комиссия была не вправе оценивать действия адвоката Т. по ведению дела в Д. городском суде Московской области, считает это неправомерным и недопустимым вмешательством в тактику. В части установленного Комиссией бездействия по Соглашению № 1 (о сопровождении деятельности юрлица) полагает, что Комиссия неверно установила фактические обстоятельства, поскольку

юридическая помощь адвокатом Т. оказывалась. Просил Совет признать, что в действиях адвоката отсутствуют грубые или системные нарушения профессиональных обязанностей, и прекратить дисциплинарное производство вследствие малозначительности, а в случае несогласия с этим предложением ограничиться замечанием, учитывая отсутствие ущерба.

Заявитель С. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии ею получено, с выводами Комиссии согласна в полном объеме, поддержала свое письменное заявление от 24 мая 2026 г., в котором она, помимо согласия с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, также дала оценку приведенным выше письменным возражениям (Правовому заключению) представителя адвоката Т., охарактеризовав их как «бумагу с громкими регалиями», содержащую явные манипуляции. Просила прекратить статус адвоката Т., в результате действий которой она, по ее мнению, лишилась права на половину дома и земельного участка.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат Т. заключила с заявителем С. (ранее – Ст.Л.), действующей в личном качестве и в качестве генерального директора ООО «…», четыре соглашения об оказании юридической помощи, а именно:

– Соглашение от 24 декабря 2024 г. № 1 на «оказание юридических услуг по сопровождению фирмы ООО ‘‘…’’, размер вознаграждения по которому определен в …руб.;

– Соглашение от 28 декабря 2024 г. № 2 в интересах С. (ранее – Ст.Л.) на «участие в гражданском деле по разделу имущества в Д. райсуде Московской области», размер вознаграждения по которому определен в …руб.;

– Соглашение от 28 декабря 2024 г. № 3 на «подачу искового заявления и ведение гражданского дела по истребованию финансовых документов фирмы ООО ‘‘…’’ в Арбитражном суде Московской области», размер вознаграждения по которому определен в …руб.;

– Соглашение от 28 декабря 2024 г. № 4 в интересах ООО «…» на «подачу заявления и ведение уголовного дела», размер вознаграждения по которому определен в …руб.

Оплата по соглашениям была осуществлена в общем размере …руб. следующим образом:

– 25 декабря 2024 г. ООО «…» перевело на расчетный счет МКА «…» …руб. по Соглашению № 1;

– 28 декабря 2024 г. ООО «…» перевело на личный банковский счет адвоката Т. …руб. по Соглашению № 1;

– 30 января 2025 г. ООО «…» перевело на личный банковский счет адвоката Т. …руб. по Соглашению № 1 (двумя платежами);

– 30 января 2025 г. ООО «…» перевело на личный банковский счет адвоката Т. …руб. в качестве предоплаты по Соглашению № 4;

С. (ранее – Ст.Л.) перевела на личный банковский счет адвоката Т. по номеру телефона: 21 февраля 2025 г. – …руб.; 6 марта 2025 г. – …руб.; 7 марта 2025 г. – …руб.

Адвокат Т. приступила к оказанию юридической помощи и привлекла к ее оказанию адвоката П., которому ООО «…» 31 января 2025 г. выдало доверенность на представление интересов

Общества в арбитражных судах со всеми полномочиями, предусмотренными АПК РФ. При этом самой адвокату Т. ни С. (ранее – Ст.Л.), ни Общество доверенностей не выдавали, и она их об этом не просила.

С. (ранее – Ст.Л.) вела переписку с адвокатом Т. по вопросам оказания юридической помощи в мессенджере, в том числе в чате с названием «Ф.» с участием адвоката П.

После 6 июля 2025 г. никакой юридической помощи адвокатом Т. никому из заявителей не оказывалось.

28 августа 2025 г. С. (ранее – Ст.Л.) отправила адвокату Т. в мессенджере сообщение следующего содержания: «*Т., я обратилась к Вам с 2мя задачами: 1) вернуть мой бизнес, поставив на место пера; 2) вернуть мой дом. Вы сказали надо 3 дела (уголовное, Дом, документы) и что это будет стоить …млн. общей суммы. На сегодня 9 месяцев спустя часть дома я возможно уже потеряла, по документам и уголовному делу результатов от Вашей работы "0". Поэтому я вынуждена разорвать соглашения и прошу Вас вернуть оплаченный мною гонорар в размере 50% (…тысяч рублей) мне на карту, можно по номеру телефона на Сбербанк*»[10].

30 сентября 2025 г. С. (ранее – Ст.Л.) отправила адвокату Т. Почтой России претензию, в которой было указано на недостижение поставленных задач, неоказание квалифицированной юридической помощи, и содержалось требование о возврате …руб. вознаграждения. Указанное почтовое отправление вручено адресату 7 октября 2025 г.

Ответ от 10 октября 2025 г. на вышеуказанную претензию был отправлен адвокатом Т. 10 ноября 2025 года Почтой России вместе с актом от 1 октября 2025 г. выполненных работ по соглашениям. Указанное почтовое отправление вручено адресату 18 декабря 2025 г.

В жалобах в отношении адвоката Т. выдвинуты многочисленные дисциплинарные обвинения, а именно:

– в нарушении требований к формализации отношений с доверителем, в том числе в заключении соглашений путем заполнения бланков от руки, а также в невнесении полученного вознаграждения на расчетный счет или в кассу адвокатского образования;

– в ненадлежащем оказании юридической помощи по всем заключенным соглашениям;

– в неэтичном профессиональном поведении, выразившемся в том, что адвокат Т. давала С. (ранее – Ст.Л.) обещание положительного результата по гражданскому делу, находившемуся в производстве Д. городского суда Московской области, и предлагала ей «неформальное решение вопросов с использованием личных связей в ГСУ ГУ МВД по городу Москве».

Рассматривая дисциплинарные обвинения в нарушении адвокатом Т. требований к формализации отношений с доверителем, Совет пришел к следующим выводам.

В соответствии с пп. 1, 2 и 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, подлежит обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адво-

[10] Орфография оригинала сохранена (*примеч. ред.*).

катского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Совет и Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы ранее неоднократно указывали, что надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью (см. Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17; Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99).

Именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением, исполнением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принимать меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся как к процессу заключения соглашения об оказании юридической помощи, так и к надлежащему оформлению полученных от доверителя денежных средств, соответствовали требованиям законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя. Несоблюдение адвокатом этой обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может затруднить заявителю защиту его прав и охраняемых законом интересов в рамках указанных правоотношений, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний.

В п. 4 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем отмечается, что предусмотренная п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» публичная обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанностью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к вопросам формализации отношений с доверителями означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных в счет вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования (см. Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем (<https://www.advokatymoscow.ru/>)).

При этом в тех случаях, когда адвокатом были допущены нарушения порядка (формы) заключения соглашения с доверителем, порядка оприходования полученных от доверителя денежных средств, адвокат в период действия соглашения с доверителем имеет возможность устранить допущенные нарушения.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокатом Т. с С. (ранее – Ст.Л.), действующей в личном качестве и в качестве генерального директора ООО «…», были заключены в письменной форме четыре перечисленные выше соглашения об оказании юридической помощи. Экземпляры этих соглашений у заявителей имеются. Использование адвокатом при заключении соглашения с доверителем бланков и/или типовых форм с внесением недостающей информации в виде рукописных записей требованиям законодательства и профессиональной этики не противоречит, в связи с чем в этой части Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства.

Вместе с тем, как указано выше, в счет оплаты юридической помощи по заключенным соглашениям С. (ранее – Ст.Л.) перевела на личный банковский счет адвоката Т. в период с 21 февраля по 7 марта 2025 г. …руб., а ООО «…» 30 января 2025 г. перевело на личный банковский счет адвоката Т. …руб. Таким образом, всего на личный банковский счет адвоката Т. в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи по заключенным ею с заявителями соглашениям было перечислено …руб. На расчетный счет МКА «…» 25 декабря 2024 г. ООО «…» был совершен единственный платеж по Соглашению № 1 в размере …руб.

Адвокат Т. представила сведения о перечислении ею 17 ноября 2025 г. на расчетный счет МКА «…» суммы в размере …руб. «в оплату по соглашениям № 1, 2, 3, 4 от Ст.Л.». Документов, подтверждающих оформление и выдачу финансовых документов заявителям, адвокатом Т. не представлено.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу об обоснованности рассматриваемых дисциплинарных обвинений в ненадлежащем исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед заявителями С. (ранее – Ст.Л.) и ООО «…» при описанных обстоятельствах.

К такому же выводу Совет пришел и в отношении дисциплинарного обвинения в некачественном оказании адвокатом Т. юридической помощи заявителю С. по Соглашению № 2 от 28 декабря 2024 г. При этом Совет вновь отмечает, что дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не вмешиваются в тактику ведения конкретного дела, самостоятельно определяемую адвокатом как независимым профессиональным советником по правовым вопросам (абз. 1 п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Претензии заявителя в части, касающейся выбранной адвокатом тактики ведения дела, не могут служить основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности. Адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он вправе и обязан совершить в интересах доверителя на основании заключенного с последним соглашения об оказании юридической помощи. Общими ориентирами при этом для адвоката служат положения п. 2 ст. 2 и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также предписания соответствующего отраслевого законодательства. Самостоятельное и независимое толкование закона также является неотъемлемым правом адвоката как независимого советника по правовым вопросам.

Применительно к рассматриваемому дисциплинарному обвинению в жалобе заявителя указано не на тактические решения и действия адвоката Т., а на ее формальный и поверхностный подход к оказанию юридической помощи,

на отсутствие правовой позиции и аргументации в ее обоснование, в том числе каких-либо доводов в поддержку позиции доверителя, помимо довода об истечении срока исковой давности. По этой причине Совет отклоняет как несостоятельный довод представителя адвоката Т. о недопустимом вмешательстве Квалификационной комиссии в тактику ведения адвокатом дела доверителя.

Адвокат Т. последовательно утверждала, что ею было принято решение сфокусироваться на пропуске истцом Ст.П. срока исковой давности, поскольку данный аргумент является «бесспорным», а «привлечение второстепенных доказательств могло лишь ослабить эту позицию». Кроме того, адвокат Т. также указывала, что не знала о заключении супругами Ст. брачного договора, о его существовании ей стало известно уже в ходе рассмотрения дела судом в феврале 2025 г., в связи с чем ей пришлось менять тактику и позицию по делу.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что по данному делу адвокат Т. участвовала в судебных заседаниях 14, 21 и 26 февраля, 12 и 24 марта, 3 апреля 2025 г., ею были поданы заявления об отмене заочного решения и о пропуске срока исковой давности, а также краткая и мотивированная апелляционные жалобы. Однако сведений о том, что адвокат Т. подготовила и подала какие-либо иные процессуальные документы по существу спора, в материалах дисциплинарного производства не имеется.

С целью оценки профессионального поведения адвоката Т. по приведенным выше критериям Совет считает необходимым привести полный текст заявления о пропуске срока исковой давности, подготовленного и представленного суду адвокатом Т.

«*В производстве Д. городского суда Московской области находится гражданское дело… Согласно ст. 196 Гражданского кодекса Российской Федерации общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 Гражданского кодекса Российской Федерации. Истцом пропущен установленный законом срок. Согласно абз. 2 ч. 2 ст. 199 Гражданского кодекса Российской Федерации истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске. В связи с вышеизложенным и на основании ст. ст. 196, 199 Гражданского кодекса Российской Федерации, ПРОШУ СУД: применить последствия пропуска срока исковой давности и отказать в удовлетворении иска*».

Это заявление является чрезвычайно формальным, поскольку содержит лишь ссылки общего характера на нормы ст. 196 и 199 ГК РФ и не содержит никаких иных сведений, подтверждающих обоснованность данного заявления в конкретном деле заявителя, в том числе о том, с какого момента и по каким основаниям необходимо исчислять начало течения срока исковой давности по спору. В тексте заявления отсутствуют вообще какие-либо фактические данные по делу, за исключением его номера. По существу это заявление является лишь проформой соответствующего процессуального документа, которая может быть использована в любом ином гражданском деле. При этом к заявлению адвокатом Т. не было приложено никаких документов.

Вопреки утверждению адвоката Т. о корректировке позиции по делу после получения ею в феврале 2025 г. информации о наличии брачного договора, заключенного между супругами Ст., ею после отмены заочного решения по делу не представлено суду первой инстанции каких-либо иных процессуальных документов.

Вместе с тем адвокат Т. как профессиональный участник гражданского судопроизводства должна была знать, что сам по себе факт расторжения брака между супругами в определенную дату не может являться основанием для начала течения срока исковой давности с учетом положений п. 1 ст. 200 ГК РФ и правовой позиции, изложенной в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»: «Течение трехлетнего срока исковой давности для требований о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, брак которых расторгнут (п. 7 ст. 38 СК РФ), следует исчислять не со времени прекращения брака (дня государственной регистрации расторжения брака в книге регистрации актов гражданского состояния при расторжении брака в органах записи актов гражданского состояния, а при расторжении брака в суде – дня вступления в законную силу решения), а со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (п. 1 ст. 200 ГК РФ)». Таким образом, адвокат Т. была не вправе ограничиться лишь подачей формального заявления о пропуске истцом Ст.П. срока исковой давности без проработки и изложения в письменном виде полноценной правовой позиции в защиту доверителя С. (ранее – Ст.Л.) по существу спора.

Учитывая изложенные обстоятельства, а также требования к порядку и пределам рассмотрения гражданских дел судом апелляционной инстанции, установленные гл. 39 ГПК РФ, в том числе о невозможности представления дополнительных (новых) доказательств, если они могли быть представлены суду первой инстанции (ч. 1 ст. 327.1 ГПК РФ), Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что формальное и крайне небрежное отношение адвоката Т. к выполнению профессиональных обязанностей перед доверителем С. (ранее – Ст.Л.) привело к практической невозможности пересмотра решения суда первой инстанции вышестоящими судами ввиду отсутствия в материалах гражданского дела какой-либо доказательственной базы, подтверждающей доводы адвоката.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Т. в части дисциплинарного обвинения в некачественном оказании юридической помощи при представлении интересов заявителя по гражданскому делу о разделе имущества супругов Ст. опровергнутой, а ее вину в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем С. (ранее – Ст.Л.) установленной.

Иные доводы жалобы заявителя С. (ранее – Ст.Л.), связанные с ненадлежащим оказанием ей юридической помощи по Соглашению № 2 от 28 декабря 2024 г., а именно пассивная позиция по делу, несвоевременная подготовка к судебным заседаниям, необходимость для заявителя самостоятельно общаться с судом, неконкретны, голословны и не подтверждены доказательствами, в связи с чем Совет приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в данной части.

Рассматривая выдвинутые заявителем ООО «…» дисциплинарные обвинения в неоказании адвокатом Т. указанному Обществу юридической помощи по Соглашениям № 1, № 3 и № 4, Совет пришел к следующим выводам.

Возражая против обвинений в неоказании юридической помощи по Соглашению № 1, адвокат Т. последовательно отмечала, что оказывала Обществу консультационную юридическую помощь в форме устных переговоров с его руководителем С. (ранее – Ст.Л.) посредством переписки с ней в «рабочем чате» в мес-

сенджере, ссылаясь на сведения, приведенные ею в акте выполненных работ от 1 октября 2025 г., который заявителем не подписан.

Однако из содержания указанной переписки, имеющейся в материалах дисциплинарного производства, усматривается, что она велась С. (ранее – Ст.Л.) в чате под названием «Ф.» с адвокатом П. по вопросам обращения с исковым заявлением в Арбитражный суд Московской области. При этом информация в этой переписке в основном предоставлялась заявителем С. (ранее – Ст.Л.), а адвокат Т. давала лишь редкие, краткие и незначимые по содержанию комментарии. Отдельная переписка в мессенджере между С. (ранее – Ст.Л.) и адвокатом Т. в указанные даты не велась. Из акта от 1 октября 2025 г. также следует, что после 20 марта 2025 г. никакой юридической помощи по Соглашению № 1 не оказывалось вовсе.

Таким образом, доказательства оказания адвокатом Т. юридической помощи по Соглашению № 1 в материалах дисциплинарного производства не содержится, в связи с чем дисциплинарное обвинение Совет признает обоснованным.

К такому же выводу Совет пришел при рассмотрении дисциплинарного обвинения в неоказании адвокатом Т. юридической помощи Обществу по Соглашению № 3. Так, из переписки участников в чате под названием «Ф.» усматривается, что лишь адвокат П. консультировал С. (ранее – Ст.Л.) по вопросам оплаты государственной пошлины и подачи иска в Арбитражный суд Московской области, он же выложил в чате проект искового заявления по делу об истребовании документов Общества и обсуждал замечания Ст.Л. к его содержанию, а 22 февраля 2025 г. сообщил об отправке иска в Арбитражный суд Московской области. Указанное исковое заявление определением Арбитражного суда Московской области от 25 марта 2025 г. было оставлено без движения до 25 апреля 2025 г., а определением от 19 мая 2025 г. было возвращено истцу. 6 июля 2025 г. исковое заявление ООО «…» в Арбитражный суд Московской области было еще раз выложено адвокатом П. в чате с комментариями для С. (ранее – Ст.Л.). Молчаливое присутствие адвоката Т. в чате под названием «Ф.» не может рассматриваться как оказание юридической помощи заявителю ООО «…».

Кроме того, как указано выше, Обществом «…» не выдавалась доверенность адвокату Т. на представление интересов общества в Арбитражный суд Московской области, и она не просила об этом. Отсутствие доверенности делало невозможным подписание и подачу ею от имени Общества искового заявления, а также представление Общества в суде без подтверждения самим Обществом в судебном заседании ее полномочий с указанием на это в протоколе судебного заседания в порядке, установленном п. 4 ст. 61 АПК РФ.

Выдача ООО «…» доверенности на ведение арбитражного дела адвокату П. не освобождала адвоката Т. от личного участия в оказании юридической помощи по заключенному ею с Обществом Соглашению № 3 от 28 декабря 2024 г.

Вместе с тем дисциплинарное обвинение в неоказании адвокатом Т. юридической помощи ООО «…» по Соглашению № 4 не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства.

Так, адвокат Т. представила в материалы дисциплинарного производства заявление Ст.Л. начальнику ОМВД России по городскому округу Д. с талоном-уведомлением от 28 декабря 2024 г., письмо начальника ОМВД России по городскому округу Д. от 5 июня 2025 г.

о направлении заявления Ст.Л. по факту противоправных действий генерального директора Ст.П. Кроме того, из имеющейся в материалах дисциплинарного производства переписки в мессенджере усматривается, что адвокат Т. обсуждала с С. (ранее – Ст.Л.) поведение ее бывшего супруга – Ст.П. применительно к деятельности ООО «…», запрашивала документы и информацию, связанную с финансовым состоянием Общества, направляла проекты заявлений, рекомендовала совершить те или иные действия.

При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в этой части подлежит прекращению.

К такому же выводу Совет пришел и в части дисциплинарного обвинения в неэтичном профессиональном поведении адвоката Т., а именно в обещании доверителю положительного результата по гражданскому делу, находившемуся в производстве Д. городского суда Московской области, и в предложении заявителю «неформального решения вопросов с использованием личных связей в ГСУ ГУ МВД по городу Москве».

Заявитель С. (ранее – Ст.Л.) в жалобе указывает, что решение заключить соглашения с адвокатом Т. ею было принято под влиянием устных заверений последней в том, что «дело заявителя является простым, а правовая ситуация однозначно в пользу заявителя», что создало у нее убеждение в гарантированности положительного результата. Адвокат Т., в свою очередь, данное дисциплинарное обвинение категорически отвергала.

В соответствии с подп. 6 и 7 п. 2 и п. 3 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката в жалобе заявителя должны быть указаны конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, а также обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. Поскольку каких-либо доказательств рассматриваемого дисциплинарного обвинения заявителем не представлено, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Т. в рассматриваемой части неопровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Т. за совершенные нарушения, Совет учитывает их множественный и умышленный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом основополагающих требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем. Подобное профессиональное поведение не может быть признано формальным и малозначительным нарушением и требует пересмотра и принципиального изменения со стороны адвоката. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о применении к адвокату Т. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адво-

ката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей:

– перед доверителем С. (ранее – Ст.Л.), выразившееся в том, что, получив от доверителя 21 февраля, 6 и 7 марта 2025 г. на личный счет в банке вознаграждение за оказание ей юридической помощи в общей сумме …руб. по Соглашению от 24 декабря 2024 г. № 2, она внесла полученные денежные средства на расчетный счет адвокатского образования (МКА «…») лишь 17 ноября 2025 г., после прекращения оказания юридической помощи, и не выдала доверителю С. (ранее – Ст.Л.) финансовые документы о совершении операций с ее денежными средствами в порядке, установленном действующим законодательством;

– перед доверителем ООО «…», выразившееся в том, что, получив от доверителя 30 января 2025 г. на личный счет в банке вознаграждение за оказание юридической помощи по Соглашениям от 24 декабря 2024 г. № 1, от 28 декабря 2024 г. № 3 и № 4 в общей сумме …руб., она внесла полученные денежные средства на расчетный счет адвокатского образования (МКА «…») лишь 17 ноября 2025 г., после прекращения оказания юридической помощи, и не выдала Обществу финансовые документы о совершении операций с его денежными средствами в порядке, установленном действующим законодательством;

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «…», выразившемся в том, что, заключив с доверителем Соглашение от 24 декабря 2024 г. № 1 об оказании юридической помощи по сопровождению деятельности Общества, она не оказала доверителю никакой юридической помощи, а также в том, что, заключив с доверителем 28 декабря 2024 г. Соглашение № 3 об оказании юридической помощи в Арбитражном суде Московской области по делу об истребовании у Ст.П. документов общества, адвокат Т. самоустранилась от оказания юридической помощи по соглашению, перепоручив ее оказание адвокату П.;

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства), исполнение адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем С. (ранее – Ст.Л.), выразившееся в том что при оказании доверителю юридической помощи на основании Соглашения от 28 декабря 2024 г. № 2 по гражданскому делу о разделе имущества супругов Ст., находившемуся в производстве Д. городского суда Московской области, она после отмены принятого судом заочного решения по делу, по существу рассматриваемых судом требований истца Ст.П. ограничилась подготовкой в интересах доверителя одного процессуального письменного документа – заявле-

ния о пропуске истцом срока исковой давности, в котором не указала никаких сведений либо обстоятельств, относящихся к делу, в том числе не указала, с какой даты и по каким основаниям необходимо исчислять начало течения срока исковой давности, в нарушение требований п. 1 ст. 56 ГПК РФ не приложила к этому заявлению каких-либо доказательств, подтверждающих довод о пропуске срока исковой давности, а также не подготовила никаких иных процессуальных документов по существу спора в защиту интересов доверителя, в том числе возражений против иска с приложением доказательств в обоснование позиции, что повлекло за собой для доверителя С. (ранее – Ст.Л.) фактическую невозможность отстаивания своих интересов в вышестоящих судебных инстанциях.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство в отношении адвоката Т. по жалобам С. (ранее – Ст.Л.) от 15 декабря 2025 г. и ООО «…» в лице генерального директора С. (ранее – Ст.Л.) от 15 декабря 2025 г. вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.10. Совет прекратил статус адвоката за имитацию защиты по назначению, поскольку он, вступив в уголовное дело, не провел свидание с доверителем до первого допроса, не согласовал позицию защиты, не выяснил фактическое время задержания подзащитного, участвовал в следственных действиях в условиях нарушения права доверителя на свободный выбор защитника и не отреагировал на признаки телесных повреждений у подзащитного. Совет признал такое поведение адвоката нарушением базовых обязанностей защитника и его предназначения. При выборе меры дисциплинарной ответственности Совет учел множественность нарушений и тяжесть их последствий.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Ц. и представителя заявителя Ж. – К. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ж. от 19 февраля 2025 г. в отношении адвоката Ц.

Квалификационная комиссия 15 апреля 2026 г. вынесла Заключение:

1) о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему; адвокат обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства… следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции») во взаимосвязи с Разъяснениями № 2 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 2 марта 2004 г.

(«Об участии в делах по назначению»), Разъяснениями № 9 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению», принятыми на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 24 сентября 2015 г., и пп. 3–6, 8, 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., исполнении адвокатом Ц. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ж., выразившемся в том, что, вступив не позднее 01.45 час. 9 мая 2025 г. в уголовное дело, находящееся в производстве старшего следователя по особо важным делам следственной службы УФСБ России по г. Москве и Московской области А., в качестве защитника Ж. по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, адвокат Ц.:

– не провел конфиденциальное свидание наедине с доверителем Ж. до его первого допроса в качестве подозреваемого (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), тем самым не выполнив профессиональные обязанности, подлежащие выполнению адвокатом, осуществляющим защиту в уголовном судопроизводстве, в ходе такого свидания (выяснение наличия обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу; разъяснение Ж. права на приглашение защитника по соглашению; выяснение у Ж. обстоятельств задержания и уточнение, проводился ли его допрос в отсутствие адвоката и применялись ли к нему незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий; выяснение отношения Ж. к предъявленному обвинению или подозрению в совершении преступления; предварительное согласование позиции по делу; разъяснение Ж. правовых последствий признания вины и установление добровольного характера такого признания), а также не принял мер реагирования на нарушение права подзащитного Ж. на такое свидание (внесение в протокол следственного действия заявления о нарушении прав доверителя Ж., заявление письменного ходатайства об обеспечении права на свидание наедине и конфиденциально, а в случае отказа в его удовлетворении – заявление о невозможности осуществлять защиту и обжалование неправомерных действий следователя прокурору либо в суд);

– не выяснил точное время фактического задержания Ж. и не указал в замечаниях к протоколу задержания подозреваемого Ж. от 9 мая 2025 г., составленному старшим следователем по особо важным делам следственной службы УФСБ России по г. Москве и Московской области А., сведения о времени фактического задержания подозреваемого Ж. (8 мая 2025 г., не позднее 15.10 час.) в условиях отражения в нем недостоверного времени задержания подозреваемого Ж. (01.20 час. 09 мая 2025 г.);

– в условиях нарушения права Ж. на свободный выбор защитника (до истечения 24-часового срока с момента фактического задержания Ж.) принял участие в качестве защитника Ж. по назначению в проведении 9 мая 2025 г., в период с 01.55 час. до 04.35 час., следственных и иных процессуальных действий с участием Ж. (допрос Ж. в качестве подозреваемого, предъявление Ж. обвинения, допрос Ж. в качестве обвиняемого);

– не принял при участии в следственных и иных процессуальных действиях 9 мая 2025 г. мер к защите прав Ж. в связи с наличием признаков, указывающих на причинение Ж. телесных повреждений (выяснение в ходе конфиден-

циального общения с Ж. обстоятельств возникновения у него телесных повреждений, а также возможности его участия в следственных и иных процессуальных действиях 9 мая 2025 г. с учетом состояния его здоровья; отражение сведений о наличии у Ж. телесных повреждений и установленных по результатам конфиденциального общения с Ж. причинах их возникновения в протоколах следственных и иных процессуальных действий; обжалование бездействия следователя в связи с нереагированием на наличие у Ж. телесных повреждений; заявление ходатайств о вызове бригады скорой медицинской помощи и об отложении проведения следственных и иных процессуальных действий; обжалование действий (бездействия) следователя в случае отказа в удовлетворении заявленных ходатайств; обращение с заявлениями и жалобами в правоохранительные органы по факту выявления у Ж. телесных повреждений);

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ц. по жалобе Ж. от 19 февраля 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель заявителя Ж. – К. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, согласилась с его выводами, поддержала изложенную в жалобе заявителя просьбу о прекращении статуса адвоката Ц. Пояснила, что в настоящее время осуществляется подготовка ее сына – заявителя Ж. к операции вследствие побоев, причиненных сотрудниками правоохранительных органов. Подтвердила позицию заявителя о прекращении статуса адвоката Ц. за недобросовестное профессиональное поведение и неоказание помощи.

Адвокат Ц. в письменном заявлении сообщил, что полностью признает выводы Заключения Квалификационной комиссии и в содеянном раскаивается, в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, уточнил, что вину в установленных Комиссией нарушениях признает частично, поскольку не имел прямого умысла на совершение нарушений и причинение вреда интересам Ж. Считает, что оказывал ему юридическую помощь путем участия в следственных действиях, в заседании суда по избранию меры пресечения и посредством подготовки и подачи апелляционной жалобы на это решение суда.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Против адвоката Ц. заявителем Ж. выдвинуты дисциплинарные обвинения:

1) в участии 9 мая 2025 г. в следственных и иных процессуальных действиях с Ж. в качестве его защитника по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ:

без проведения с Ж. свидания наедине и конфиденциально;

без согласования с Ж. позиции по делу, без выяснения его отношения к подозрению и предъявленному обвинению, без разъяснения Ж. правовых последствий признания вины и без установления добровольного характера такого признания;

без выяснения времени фактического задержания Ж. и отражения его в протоколе задержания подозреваемого;

в условиях нарушения права Ж. на свободный выбор защитника, в том чис-

ле в условиях неистечения 24-часового срока явки приглашенного защитника с момента фактического задержания Ж., без разъяснения Ж. права на приглашение защитника и без получения согласия Ж. на осуществление его защиты;

без выяснения сведений о проведении допроса Ж. в отсутствие адвоката, а также без выяснения применения к нему незаконных методов при проведении следственных действий;

без заявления ходатайств об отложении производства следственных и иных процессуальных действий для обеспечения возможности оказания Ж. медицинской помощи;

без отражения в протоколе его допроса замечаний о наличии у Ж. телесных повреждений;

без реагирования на производство следственных и иных процессуальных действий с Ж. в ночное время;

без фактического участия в допросе Ж.;

2) в заявлении в ходе общения с матерью Ж. – К. о том, что Ж. является преступником;

3) в опоздании в судебное заседание М. районного суда г. Москвы 10 мая 2025 г. по рассмотрению постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства следователя об избрании в отношении Ж. меры пресечения в виде заключения под стражу;

4) в склонении Ж. к согласию с избранием в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу;

5) в постановке активности своей юридической помощи в зависимость от заключения с ним соглашения об оказании юридической помощи;

6) в неполучении согласия Ж. на осуществление его защиты на основании соглашения об оказании юридической помощи после заключения этого соглашения с матерью Ж. – К. 10 мая 2025 г.;

7) в подаче апелляционной жалобы на постановление М. районного суда г. Москвы от 10 мая 2025 г. об избрании в отношении Ж. меры пресечения в виде заключения под стражу после получения уведомления доверителя К. о расторжении заключенного с адвокатом соглашения об оказании юридической помощи;

8) в самоустранении от осуществления защиты после заключения соглашения об оказании юридической помощи с К., выразившемся в том числе в непосещении Ж. в следственном изоляторе, а также в неявке в судебное заседание суда апелляционной инстанции по рассмотрению апелляционной жалобы на постановление указанного районного суда от 10 мая 2025 г. об избрании в отношении Ж. меры пресечения в виде заключения под стражу.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 8 мая 2025 г., с 13.00 час. до 15.10 час., по уголовному делу на основании постановления старшего следователя по особо важным делам следственной службы УФСБ по г. Москве и Московской области А. в жилище Ж. проведен обыск, при производстве которого участвовали он и его мать К. По окончании обыска Ж. был фактически задержан сотрудниками правоохранительных органов и доставлен к следователю с использованием специальных средств ограничения подвижности – наручников и со следами телесных повреждений (побоев).

По заявке следователя от 8 мая 2026 г. АИС АПМ защитником Ж. был назначен адвокат Ц., который вступил в уголовное дело 9 мая 2025 г. на основании ордера от 9 мая 2025 г. В тот же день, в 00.10 час., следователем возбуждено уголовное дело в отношении Ж. и неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ.

9 мая 2025 г., в 01.45 час., с участием защитника – адвоката Ц. был составлен протокол задержания Ж. в порядке

ст. 91 УПК РФ, в котором указано, что он задержан 9 мая 2025 г., в 01.20 час., в служебном помещении № … следственного органа по адресу… по подозрению к приготовлению к совершению террористического акта в составе группы лиц по предварительному сговору, т.е. преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ. В протоколе задержания отражено заявление Ж.: «С данными подозрениями, а также со своим задержанием я согласен, свою вину признаю в полном объеме и раскаиваюсь в содеянном, а именно в том, что я, действуя совместно с представителями ГУР МОУ, совершил приготовление к террористическому акту путем подрыва автотранспортного средства на стоянке возле жилого дома по адресу… который был запланирован на 8 мая 2025 г. накануне проведения празднования ‘‘80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов’’». Согласно протоколу уведомить кого-либо из близких лиц Ж. не пожелал в связи с их осведомленностью об этом. Замечания к протоколу от Ж. и его защитника – адвоката Ц. не поступили.

В ходе допроса в качестве подозреваемого 9 мая 2025 г., с 01.55 час. до 03.00 час., Ж., отвечая на вопросы следователя, сообщил об отсутствии у него адвоката по соглашению и о желании, чтобы его защиту осуществлял адвокат Ц., с которым иметь свидание наедине и конфиденциально он не желает. Замечания к протоколу от Ж. и его защитника – адвоката Ц. также не поступили. В тот же день Ж. предъявлено обвинение, и с 04.10 час. до 04.35 час. он допрошен с участием защитника – адвоката Ц., после чего направлен в ИВС № … ГУ МВД России по г. Москве.

Позднее в этот же день в упомянутый ИВС для оказания Ж. медицинской помощи дважды, в 05.58 час. и 17.17 час., вызывалась бригада скорой медицинской помощи, он доставлялся в больницу, где ему был поставлен диагноз: «Т11.8. Ушиб мягких тканей области левого коленного сустава. Гемартроз».

10 мая 2025 г., с 12.41 час. до 12.59 час., М. районным судом г. Москвы проведено судебное заседание с участием Ж. и его защитника – адвоката Ц., по результатам которого судом принято решение об избрании Ж. меры пресечения в виде заключения под стражу на 2 месяца 00 суток до 9 июля 2025 г., против чего он не возражал, а его защитник поддержал указанную позицию доверителя. В постановлении суда в качестве даты задержания указано 9 мая 2025 г.

В тот же день между адвокатом Ц. и К. заключено Соглашение об оказании юридической помощи от 10 мая 2025 г. № … на осуществление защиты Ж. на стадии предварительного следствия, по которому адвокату Ц. выплачена часть вознаграждения в размере …руб. На основании этого соглашения адвокату Ц. выдан ордер от 10 мая 2025 г.

В тот же день Ж. был госпитализирован в хирургическое отделение Филиала «Больница» ФКУЗ МСЧ… ФСИН России, где он находился на стационарном лечении до 30 мая 2025 г. с заключительным клиническим диагнозом: «S80.0. Ушиб, кровоподтек мягких тканей области левого бедра, коленного сустава и голени. Гемартроз слева».

12 мая 2025 г. между доверителем К. и адвокатом У. заключено Соглашение об оказании юридической помощи от 12 мая 2025 г. на защиту Ж. на стадии предварительного следствия, а адвокатом Ц. подана апелляционная жалоба на постановление М. районного суда г. Москвы от 10 мая 2025 г. об избрании Ж. меры пресечения в виде заключения под стражу.

13 мая 2025 г. полученная адвокатом Ц. от К. авансом в наличной форме часть вознаграждения в размере …руб.

за оказание юридической помощи Ж. внесена в кассу Коллегии адвокатов «…» с оформлением приходного кассового ордера от 13 мая 2025 г.

Заявление об отказе от защитника – адвоката Ц. и об осуществлении защиты адвокатом У. подано Ж. следователю 19 мая 2025 г., а 28 мая 2025 г. К. уведомила Коллегию адвокатов «…» о расторжении Соглашения от 10 мая 2025 г. с адвокатом Ц. Уведомление было получено адвокатским образованием 3 июня 2025 г.

Апелляционным определением М. городского суда от 2 июля 2025 г. постановление М. районного суда г. Москвы об избрании Ж. меры пресечения в виде заключения под стражу оставлено без изменения, жалоба адвоката Ц. – без удовлетворения. В судебном заседании 2 июля 2025 г. Ж. заявил, что отказывается от защитника – адвоката Ц., его защиту будет осуществлять адвокат У., доводы апелляционной жалобы адвоката Ц. поддержал. Адвокат У. в том же судебном заседании также поддержал доводы указанной апелляционной жалобы и обратил внимание суда на то, что Ж. сотрудничает со следствием.

Квалификационная комиссия правильно указала в Заключении о необоснованности довода адвоката Ц. об отсутствии у К. полномочий на представление интересов Ж. в Адвокатской палате города Москвы, поскольку в самой жалобе в недвусмысленной форме выражено волеизъявление Ж. о допуске К. к дисциплинарному разбирательству в Совете и Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы в качестве его представителя.

Переходя к оценке группы дисциплинарных обвинений, связанных с участием адвоката Ц. 9 мая 2025 г. в следственных и иных процессуальных действиях с Ж., Совет отмечает следующее.

Необходимым и основополагающим условием оказания юридической помощи адвокатом-защитником (как по назначению, так и по соглашению) является установление фидуциарных (доверительных) отношений адвоката с доверителем. Именно они создают условия для согласования адвокатом позиции по делу, получения адвокатом от доверителя информации, необходимой для честного, разумного, добросовестного, активного и принципиального отстаивания его прав, свобод и законных интересов. Такие отношения не могут быть установлены без общения адвоката, принимающего поручение на осуществление защиты, и его доверителя наедине и конфиденциально. Признание особой значимости такого общения на законодательном уровне выразилось в закреплении:

– в п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ права подозреваемого пользоваться помощью защитника с момента, предусмотренного п. 2–3.1 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса подозреваемого;

– в п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ права обвиняемого иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса обвиняемого, без ограничения их числа и продолжительности;

– в п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ корреспондирующего права защитника иметь вышеуказанные свидания с подозреваемым, обвиняемым с момента вступления в уголовное дело.

В соответствии со Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятым VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. (далее – Стандарт), основа для дальнейшего оказания квалифицированной юридической помощи создается через реализацию защитником-адвокатом права на конфиденциальное свидание с подзащитным:

– «адвокат должен разъяснить подзащитному право иметь свидания с за-

щитником наедине и конфиденциально и принять меры к проведению такого свидания. В случае нарушения права подзащитного на свидание со стороны следователя, дознавателя или суда адвокат должен принять меры к внесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления об этом нарушении» (п. 3);

– «в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует: а) выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу; б) получить согласие на оказание ему юридической помощи по соглашению, заключенному адвокатом с иным лицом; в) разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению; г) выяснить обстоятельства задержания и уточнить, проводился ли допрос в отсутствие адвоката и применялись ли незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий; д) выяснить отношение к предъявленному обвинению или подозрению в совершении преступления» (п. 4);

– «адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат: а) принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться; б) в случае вынужденного определения позиции по делу в отсутствие возможности ее предварительного согласования с подзащитным исходит из принципа презумпции невиновности подзащитного и согласовывает с ним такую позицию при первой возможности» (п. 5). «В случае признания подзащитным вины защитнику следует разъяснить подзащитному правовые последствия такого признания, а также по возможности убедиться, что признание вины совершается добровольно и не является самооговором» (п. 6).

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 2 марта 2004 г. № 2 «Об участии в делах по назначению» указано, что «адвокатам, назначаемым для защиты по запросам судов, прокуроров и органов предварительного расследования, с момента вступления в уголовное судопроизводство надлежит требовать предоставления свидания наедине с подзащитным. При отказе в реализации такого права, какими бы обстоятельствами он не обосновывался, адвокату допустимо заявить о невозможности осуществлять защиту, обжаловав неправомерные действия следователя прокурору либо в суд, а судьи – в вышестоящий суд».

Вопреки этим обязательным требованиям адвокат Ц. не потребовал от следователя предоставления конфиденциального свидания с Ж., который не отказывался от конфиденциального свидания наедине с защитником. Ранее выдвигавшийся адвокатом Ц. довод об обратном обоснованно отвергнут Квалификационной комиссией. Несостоятельным является и довод адвоката Ц. о том, что он «беседовал наедине с доверителем Ж. сразу по прибытии в следственный орган». Эта «беседа наедине» представляла собой «монолог» адвоката, поскольку Ж. свою позицию не сообщил. Каких-либо заявлений от защитника Ж. – адвоката Ц. по поводу необеспечения его подзащитному права на конфиденциальное свидание с защитником протокол допроса не содержит. Более того, именно адвокат Ц., по его собственному признанию, являлся инициатором внесения в протокол допроса записи об отка-

зе Ж. от свидания с защитником наедине и конфиденциально.

Совет отмечает, что даже если бы Ж. действительно отказывался от свидания с защитником наедине и конфиденциально, формальная фиксация такого отказа в протоколе не могла быть достаточной для дальнейшего осуществления защиты, поскольку подобная позиция доверителя могла иметь протестный характер, а также указывать на применение в отношении него незаконных методов ведения следствия. В результате непроведения адвокатом Ц. конфиденциального общения с Ж. стало невозможным ни согласование с ним позиции по делу, ни разъяснение ему права на приглашение защитника, ни выяснение обстоятельств задержания и уточнение обстоятельств допроса в отсутствие адвоката, ни выяснение того, применялись ли к Ж. незаконные методы при проведении с ним следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, ни выяснение отношения к подозрению в совершении преступления.

В этой связи Совет подчеркивает, что никакие мотивы, в том числе ссылки на необходимость проведения следственных действий в неотложном порядке, «специфику дела и расследования», не могут оправдать отказ защитника от реализации фундаментальных прав подзащитного. Адвокат Ц. был обязан потребовать и добиться предоставления ему конфиденциального свидания наедине с Ж., а затем создать условия для реализации иных его прав, а не пытаться обосновать допустимость их ограничения под предлогом процессуальной необходимости, солидаризируясь тем самым с органами уголовного преследования и подрывая основу для установления доверительных отношений с подзащитным.

По этой причине адвокат Ц. в сложившейся ситуации был обязан установить причину указанной выше позиции Ж. и отреагировать на нее в соответствии с приведенными требованиями Разъяснения Совета и Стандарта путем внесения в протокол следственного действия заявления о нарушении прав доверителя, заявления собственного письменного ходатайства об обеспечении права на свидание наедине и конфиденциально, а в случае отказа в его удовлетворении – заявления о невозможности осуществлять защиту и обжалования неправомерных действий следователя прокурору либо в суд. Если бы Ж. в рамках конфиденциальной беседы наедине с адвокатом Ц. отказался обсуждать позицию по уголовному делу, то адвокату Ц. после выяснения причин такого отказа надлежало помочь подзащитному составить заявление об отказе от защитника либо самостоятельно заявить о невозможности осуществления защиты Ж.

Продолжение оказания юридической помощи в отсутствие фундаментальных условий для этого фактически исключило для адвоката Ц. возможность исполнения прочих профессиональных обязанностей перед доверителем при участии в следственных и иных процессуальных действиях. При этом адвокатом Ц. оставлено без какого-либо реагирования и то обстоятельство, что заявление Ж. о признании вины в полном объеме и раскаянии в содеянном имело место без конфиденциального общения наедине с защитником, без согласования с ним позиции по делу, без выяснения отношения доверителя к подозрению, без разъяснения ему правовых последствий признания вины, без установления добровольного характера признания, что указывает на фактическое оставление подзащитного Ж. без защиты в момент совершения с ним ключевых процессуальных действий.

Разъяснение адвокатом-защитником в присутствии следователя процессуальных прав подзащитному лишь дублиру-

ет обязанность самого следователя и не может создать условия для реализации этих прав доверителя, который может чувствовать угрозу от лиц, осуществляющих уголовное преследование, в связи с активным использованием своих процессуальных прав.

Совет также отмечает, что в соответствии с ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи не подлежит ограничению, в том числе и в условиях чрезвычайного положения. В силу этого отсутствуют законные причины и обстоятельства (в том числе связанные с характером преступления, в котором подозревается или обвиняется доверитель, личности доверителя, общественно-политической ситуации или обстановки, в которой проводятся следственные действия), позволяющие адвокату оставить доверителя без надлежащего оказания юридической помощи, прибегая вместо этого к имитации ее оказания и исполнения профессиональных обязанностей.

Кроме того, адвокат Ц., действуя с грубым нарушением профессионально-этических предписаний, не зафиксировал время фактического задержания своего доверителя Ж.

Согласно ч. 2 ст. 92 УПК РФ в протоколе задержания подозреваемого указываются в числе прочего «дата и время составления протокола, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого». Часть 3 ст. 128 УПК РФ предусматривает, что «при задержании срок исчисляется с момента фактического задержания». В соответствии с п. 15 ст. 5 УПК РФ под моментом фактического задержания понимается момент производимого в порядке, установленном данным кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

В соответствии с подп. «г» п. 4 Стандарта в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует в том числе «выяснить обстоятельства задержания и уточнить, проводился ли допрос в отсутствие адвоката и применялись ли незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий».

Кроме того, в Разъяснениях № 9 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом 24 сентября 2015 г., указано на обязанность адвоката, назначенного защитником задержанного или заключенного под стражу подозреваемого, обвиняемого «выяснить точное время фактического задержания».

В результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлено, что адвокат Ц. знал о фактическом задержании Ж. до момента составления 9 мая 2025 г. протокола в порядке ст. 91 УПК РФ, поскольку видел, что тот был доставлен к месту процессуальных действий в наручниках сотрудниками правоохранительных органов в масках, а заявка в АИС АПМ на защиту Ж. была размещена следователем 8 мая 2025 г., в 18.50 час. – значительно раньше возбуждения уголовного дела и составления протокола задержания. Несмотря на это, адвокат Ц. не отразил в протоколе задержания подозреваемого Ж. обстоятельства, касающиеся фактического времени и места его задержания (по месту жительства не позднее 15.10 час. 8 мая 2025 г.). Доводы адвоката Ц. о том, что «насильно Ж. никто не удерживал», и он «не хотел» отражения времени фактического задержания, правильно отвергнуты Квалификационной комиссией как явно несостоятельные.

Оценивая доводы жалобы Ж. о том, что адвокат Ц., будучи назначенным защитником, принял участие в осуществлении его защиты до истечения 24-ча-

сового срока с момента фактического задержания, Совет учитывает, что все следственные и процессуальные действия с Ж. были проведены до истечения этого срока, даже если исчислять его с 10.00 час. 8 мая 2025 г. (т.е. со времени, указанного адвокатом Ц. в его устных объяснениях в заседании Квалификационной комиссии 15 апреля 2026 г.). В течение этого срока назначенный защитником адвокат вправе лишь принять участие только в составлении протокола задержания, поскольку данное требование прямо предусмотрено ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ.

В Разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2015 г. № 9 «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» указано:

«24-часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу является особым – как в силу своей сжатости, так и более жестких правил назначения защитника (без предложения пригласить другого защитника взамен неявившегося). Ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания, полностью исключает злоупотребление правом с его стороны.

Уязвимость его положения усиливается крайней сложностью реализовать свое право на защиту адвокатом по своему выбору, для приглашения которого фактически отпущено время менее суток с учетом того, что статья 96 УПК РФ обязывает дознавателя, следователя уведомить кого-либо из родственников задержанного не позднее 12 часов. Сам подозреваемый не знает, кто будет приглашать адвоката – заключать соглашение на защиту в соответствии с частью 1 статьи 50 УПК может любое лицо. В аналогичном положении оказывается и заключенный под стражу подозреваемый, обвиняемый, не имеющие защитника по соглашению. Вот почему привлечение к участию в деле защитника по назначению ранее установленных УПК РФ 24 часов, по сути, будет означать ликвидацию права подозреваемого, обвиняемого на приглашение адвоката.

Рассогласованность между ч. 4 ст. 50 и ч. 2 ст. 46 УПК РФ, устанавливающей, что подозреваемый должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента фактического задержания, разрешается в пользу соблюдения прав лица, задержанного или заключенного под стражу, что подтверждается авторитетным доктринальным толкованием: “Право на защиту – большая ценность, чем соблюдение процессуального срока, тем более, что последний установлен, главным образом, с целью обеспечения права на защиту” (А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Под редакцией доктора юридических наук, профессора, советника Конституционного Суда Российской Федерации А. В. Смирнова. М., 2009, с. 206).

На основании изложенного, Совет разъясняет: адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу, и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для явки приглашенного защитника. Кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок. Невыполне-

ние данного разъяснения будет расцениваться как нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ", п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении».

Ссылка адвоката Ц. на то, что Ж. якобы не желал приглашать защитника, не влияет на оценку его профессионального поведения. Адвокат Ц. как профессиональный советник по правовым вопросам был обязан исходить из того, что такая позиция была высказана Ж. без конфиденциального общения с защитником, а также из того, что защитник может приглашаться не только самим подозреваемым (обвиняемым), но и другими лицами по его поручению или с его согласия. Адвокат Ц. знал об осведомленности близких родственников Ж. о его задержании. Более того, в результате дисциплинарного разбирательства установлено (в том числе аудиозаписью разговора адвоката Ц. с матерью доверителя Ж. – К.), что приглашенный К. адвокат вместе с ней ночью 9 мая 2025 г. прибыл к помещению следственного органа, но не смог пройти в него. Все эти обстоятельства бесспорно указывают на отсутствие у адвоката Ц. не вызывающих сомнений в своей достоверности подтверждений невозможности явки приглашенного адвоката в течение 24 часов с момента фактического задержания Ж.

При таких обстоятельствах адвокат Ц. был вправе принять участие только в составлении протокола задержания Ж. в порядке ст. 91 УПК РФ в целях обеспечения права доверителя на свободный выбор защитника, а от участия в иных процессуальных действиях был обязан воздержаться. Однако он, вопреки приведенным выше обязательным требованиям, 9 мая 2025 г. принял участие в следственных и иных процессуальных действиях в условиях нарушения права Ж. на свободный выбор защитника, а именно до истечения 24-часового срока явки приглашенного защитника.

Переходя к оценке доводов жалобы Ж. о бездействии адвоката Ц. в связи с причинением Ж. телесных повреждений, Совет отмечает, что факт причинения последнему телесных повреждений 8 мая 2025 г. после его фактического задержания и до начала следственных действий, а также факт осведомленности об этом адвоката Ц. достоверно установлены в результате дисциплинарного разбирательства (в том числе аудиозаписью разговора адвоката Ц. с К.). При этом адвокату Ц. с учетом описанных выше обстоятельств были очевидны и признаки, указывающие на возможное возникновение у Ж. телесных повреждений вследствие применения к нему незаконных методов при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

В силу взаимосвязанных предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката и подп. «г» п. 4 Стандарта адвокат Ц. как защитник Ж. был обязан выяснить в ходе конфиденциального общения, применялись ли к его доверителю незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий, и отреагировать на признаки, указывающие на причинение Ж. телесных повреждений, включая выяснение обстоятельств их возникновения, отражение этих сведений в протоколах процессу-

альных действий, обжалование бездействия (нереагирования) следователя на наличие у Ж. телесных повреждений, обращение с заявлениями и жалобами в правоохранительные органы, выяснение возможности участия Ж. в следственных и иных процессуальных действиях с учетом состояния его здоровья, заявление ходатайств о вызове скорой медицинской помощи и об отложении проведения процессуальных действий, обжалование действий (бездействия) и решения следователя в случае уклонения от рассмотрения таких ходатайств или отказа в их удовлетворении.

Действуя вопреки этим требованиям, адвокат Ц. никаких действий по данному факту не предпринял, в результате чего оказание медицинской помощи Ж. было организовано только после окончания следственных действий и помещения его в ИВС № … ГУ МВД России по г. Москве. Неотражение информации о телесных повреждениях в протоколах процессуальных действий лишило Ж. и его защитников возможности в будущем ссылаться на их наличие при оценке добровольности признания им вины в совершении преступления.

Таким образом, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Ц.:

1) не провел конфиденциальное свидание наедине с доверителем Ж. до его первого допроса в качестве подозреваемого, тем самым не исполнив обязанности:

по разъяснению Ж. права на приглашение защитника по соглашению;

выяснению наличия обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие в производстве по уголовному делу,

выяснению обстоятельств задержания Ж., проведения его допроса в отсутствие адвоката и применения к нему незаконных методов при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий;

выяснению отношения Ж. к подозрению в совершении преступления;

предварительному согласованию позиции по делу;

разъяснению Ж. правовых последствий признания вины и установлению добровольного характера такого признания,

а также

2) не принял мер реагирования на нарушение права подзащитного Ж. на такое свидание;

3) не выяснил точное время фактического задержания Ж. и не указал в замечаниях к протоколу его задержания сведения о времени фактического задержания подозреваемого Ж. (8 мая 2025 г., не позднее 15.10 час.) в условиях отражения в нем недостоверного времени задержания (01.20 час. 09 мая 2025 г.);

4) в условиях нарушения права Ж. на свободный выбор защитника (до истечения 24-часового срока с момента фактического задержания) принял участие в качестве защитника Ж. по назначению в проведении 9 мая 2025 г., с 01.55 час. до 04.35 час., следственных и иных процессуальных действий: допросе Ж. в качестве подозреваемого, предъявлении ему обвинения, допросе в качестве обвиняемого;

5) не принял мер к защите прав Ж. в связи с наличием признаков, указывающих на причинение ему телесных повреждений.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Ц. опровергнутой в части описанных дисциплинарных обвинений, а его вину в совершении этих дисциплинарных нарушений установленной. Кроме того, такое профессиональное поведение адвоката Ц. Совет признает подрывающим доверие к нему как к адвокату, т.е. нарушающим требо-

вания п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем прочие выдвинутые заявителем Ж. дисциплинарные обвинения не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства.

Рассматривая довод жалобы Ж. о нереагировании адвоката Ц. на производство следственных действий в ночное время 9 мая 2025 г., Совет отмечает, что принятие решения о неотложном характере следственных действий, позволяющем провести их в ночное время в соответствии с ч. 3 ст. 164 УПК РФ, находится в компетенции следователя, а проверка обоснованности такого решения осуществляется в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, и находится вне компетенции органов адвокатского самоуправления. Кроме того, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Ц. устно ходатайствовал об отложении следственных действий, сообщив следователю, что «они не хотят допрашиваться», однако следователь категорически отказался откладывать допрос, сославшись на его неотложный характер.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Ц. фактически не принимал участие в допросе Ж., сформулировано неконкретно. Заявителем не указано, к какому из допросов относится это обвинение, а адвокат Ц. настаивал на том, что принимал участие во всех следственных действиях. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в недопустимом заявлении адвоката Ц. в общении с К. о том, что Ж. является преступником, Совет признает, что оно также не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства, однако не соглашается с приведенным Квалификационной комиссией обоснованием этого вывода. Комиссия сослалась на п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому адвокат не может быть привлечен к ответственности за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение. Совет не может согласиться с таким обоснованием, поскольку оно может создать ложное впечатление о допустимости подобного поведения и о том, что любое высказывание адвоката при осуществлении профессиональной деятельности, в том числе и недопустимое с точки зрения профессиональной этики, исключает его ответственность.

Тем не менее недопустимое для адвоката, тем более в отсутствие вступившего в законную силу обвинительного приговора, высказывание адвоката Ц. «он преступник» в отношении своего доверителя Ж. было сделано в частной беседе адвоката с родственниками Ж. не в контексте обвинения последнего, а в контексте объяснения его матери К. вероятности осуждения ее сына к длительному сроку лишения свободы и необходимости приведения суду смягчающих его вину обстоятельств (в том числе факта сотрудничества со следствием) для смягчения наказания. Указанное высказывание адвоката Ц. в личном разговоре с родственниками доверителя, хотя и являлось крайне неудачной и недопустимой лексической конструкцией, но с учетом его направленности на защиту интересов доверителя не может расцениваться как виновное нарушение требований профессиональной этики.

Дисциплинарное обвинение в опоздании адвоката Ц. 10 мая 2025 г. в судебное заседание М. районного суда г. Москвы по рассмотрению ходатайства следователя об избрании Ж. меры пресечения в виде заключения под стражу не подтверждено доказательствами. В протоколе судебного заседания указано, что оно было открыто в 12.41 час. при явке Ж. и его защитника – адвоката Ц. без ссылки на опоздание последнего.

Не нашло подтверждения и дисциплинарное обвинение в склонении Ж. адвокатом Ц. к незаявлению возражений против избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. Доводы Ж. о том, что он не заявил таких возражений под влиянием сильной боли и подавленного состояния, опровергают его же первоначальные утверждения о том, что соответствующую позицию ему навязал адвокат Ц. Сам адвокат Ц. это обвинение последовательно отрицал.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении довода жалобы Ж. о том, что адвокат Ц. ставил активность оказания им юридической помощи в зависимость от заключения с ним соглашения об оказании юридической помощи, поскольку этот довод также не подтвержден доказательствами. Кроме того, соглашение об оказании юридической помощи с адвокатом Ц. было заключено не Ж., а его матерью К., от которой исходила инициатива его заключения.

Довод жалобы Ж. о неполучении адвокатом Ц. согласия Ж. на осуществление его защиты на основании соглашения об оказании юридической помощи после его заключения с К. также не доказан. Единственным процессуальным действием, совершенным адвокатом Ц. после заключения соглашения, являлась подача 12 мая 2025 г. апелляционной жалобы на постановление суда об избрании Ж. меры пресечения в виде заключения под стражу, которую он был обязан подать в силу предписаний п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката. При этом Ж. не только не возражал против подачи адвокатом Ц. этой жалобы, но и поддержал ее в заседании суда апелляционной инстанции. Отказ же от защитника – адвоката Ц. был заявлен Ж. позднее – 19 мая 2025 г.

Не нашел подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства и довод заявителя о подаче адвокатом Ц. указанной апелляционной жалобы после получения 3 июня 2025 г. адвокатским образованием уведомления К. от 28 мая 2025 г. о расторжении с ним соглашения. Факт регистрации апелляционной жалобы адвоката Ц. в М. районном суде г. Москвы 06 июня 2025 г. правильно оценен Квалификационной комиссией как не опровергающий позицию адвоката Ц. о подаче жалобы 12 мая 2025 г. через личный кабинет на официальном портале судов общей юрисдикции города Москвы. Это подтверждено представленным адвокатом скриншотом экрана и отметкой «эп» на жалобе, которая ставится на документы, поступившие в электронном виде в соответствии с п. 2.1.5 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36. Таким образом, данная жалоба подана не после, а *до* получения направленного К. уведомления о расторжении соглашения с адвокатом.

Дисциплинарное обвинение в самоустранении адвоката Ц. от осуществления защиты Ж. является необоснованным, поскольку после письменного отказа Ж. от защитника – адвоката Ц., подписанного 19 мая 2025 г., адвокат Ц. не имел оснований для продолжения оказания юридической помощи. Доказательств его неучастия в каких-либо следственных или иных процессуальных

действиях с Ж., а также наличия необходимости посещения Ж. в следственном изоляторе в период с 10 по 19 мая 2025 г. не представлено. Кроме того, адвокат Ц. пояснил, что не смог посетить Ж. в следственном изоляторе, поскольку он до 30 мая 2025 г. находился на стационарном лечении. Оснований для явки 2 июля 2025 г. в судебное заседание апелляционной инстанции М. городского суда по материалу № … у адвоката Ц., как указано выше, не имелось.

С учетом изложенных обстоятельств дисциплинарное производство в части перечисленных дисциплинарных обвинений подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ц. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет исходит из следующего. Достоверно установленные в результате дисциплинарного разбирательства и описанные выше обстоятельства свидетельствуют не просто о грубом и умышленном характере этих нарушений, но о фактическом оставлении адвокатом Ц. без защиты и какой-либо профессиональной помощи своего доверителя Ж., сопряженном с имитацией оказания такой помощи. Ссылки адвоката Ц. на «особенный» характер уголовного дела, расследуемого «особым органом», дополнительно усугубляют оценку его профессионального поведения. Совокупность описанных обстоятельств, в свою очередь, свидетельствует о том, что адвокат Ц. при осуществлении профессиональной деятельности преследует цели, чуждые как профессиональному назначению и профессиональному долгу адвоката, так и достоинству профессии, а также игнорирует профессиональные обязанности и обязательные требования к профессиональному поведению адвоката-защитника. Совет также учитывает, что в ходе дисциплинарного разбирательства адвокат Ц. занимал позицию полного непризнания каких-либо нарушений в своих действиях, что нашло отражение в его письменных возражениях на поданные заявителями жалобы, а также устном выступлении в заседании Квалификационной комиссии 15 апреля 2026 г. Признание вины во всех установленных Квалификационной комиссией нарушениях было сделано адвокатом Ц. только накануне заседания Совета и непосредственно в его заседании. При этом, декларируя полное согласие с выводами Квалификационной комиссии, свою вину в установленных нарушениях адвокат Ц. признал частично и с существенной оговоркой, сообщив, что не имел прямого умысла на совершение нарушений, не имел целью навредить Ж., а пытался ему «оперативно помочь». Подобную позицию адвоката Ц. Совет оценивает как неискреннюю, направленную лишь на избежание ответственности.

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Ц. недопустимым и несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных проступков.

То обстоятельство, что ранее адвокат Ц., имеющий профессиональный стаж с 2018 г., к дисциплинарной ответственности не привлекался, Совет также принимает во внимание, но не находит

возможным применение к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Ц. в составе адвокатского сообщества могло бы создать ложное представление о совместимости профессионального поведения, основанного на демонстративном игнорировании фундаментальных и обязательных профессионально-этических требований, со статусом адвоката.

Статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которого он является, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

При определении в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срока, по истечении которого Ц. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет учитывает всю совокупность установленных и описанных выше обстоятельств, включая данные о личности и профессиональной деятельности Ц., в том числе его возраст и профессиональный стаж, и считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ц. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему; адвокат обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства… следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции») во взаимосвязи с Разъяснениями № 2 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», Разъяснениями № 9 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» и пп. 3–6, 8, 9 Стандарта осуществле-

ния адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., профессиональных обязанностей перед доверителем Ж., выразившееся в том, что, вступив не позднее 01.45 час. 9 мая 2025 г. в уголовное дело, находящееся в производстве старшего следователя по особо важным делам следственной службы УФСБ России по городу Москве и Московской области А., в качестве защитника Ж. по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, он:

– не провел конфиденциальное свидание наедине с доверителем Ж. до его первого допроса в качестве подозреваемого (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), тем самым не исполнив профессиональные обязанности адвоката, осуществляющего защиту в уголовном судопроизводстве, подлежащие исполнению в ходе такого свидания (выяснение наличия обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу; разъяснение Ж. права на приглашение защитника по соглашению; выяснение у Ж. обстоятельств задержания и уточнение, проводился ли его допрос в отсутствие адвоката и применялись ли к нему незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий; выяснение отношения Ж. к предъявленному обвинению или подозрению в совершении преступления; предварительное согласование позиции по делу; разъяснение Ж. правовых последствий признания вины и установление добровольного характера такого признания), а также не принял мер реагирования на нарушение права подзащитного Ж. на такое свидание (внесение в протокол следственного действия заявления о нарушении прав доверителя Ж., заявление письменного ходатайства об обеспечении права на свидание наедине и конфиденциально, а в случае отказа в его удовлетворении – заявление о невозможности осуществлять защиту и обжалование неправомерных действий следователя прокурору либо в суд);

– не выяснил точное время фактического задержания Ж. и не указал в замечаниях к протоколу задержания подозреваемого Ж. от 9 мая 2025 г., составленному старшим следователем по особо важным делам следственной службы УФСБ России по городу Москве и Московской области А., сведения о времени фактического задержания подозреваемого Ж. (8 мая 2025 г., не позднее 15.10 час.) в условиях отражения в нем недостоверного времени задержания подозреваемого Ж. (01.20 час. 9 мая 2025 г.);

– в условиях нарушения права Ж. на свободный выбор защитника, до истечения 24-часового срока с момента фактического задержания Ж., принял участие в качестве защитника Ж. по назначению в проведении 9 мая 2025 г., с 01.55 час. до 04.35 час., следственных и иных процессуальных действий с участием Ж. (допрос Ж. в качестве подозреваемого, предъявление ему обвинения, допрос Ж. в качестве обвиняемого);

– не принял при участии в следственных и иных процессуальных действиях 9 мая 2025 г. мер к защите прав Ж. в связи с наличием признаков, указывающих на причинение последнему телесных повреждений (выяснение в ходе конфиденциального общения с Ж. обстоятельств возникновения у него телесных повреждений, а также возможности его участия в следственных и иных процессуальных действиях 9 мая 2025 г. с учетом состояния его здоровья; отражение сведений о наличии у Ж. телесных повреждений и установленных по результатам конфиденциального общения с Ж. причинах их возникновения в протоколах следственных и иных процессуальных действий;

обжалование бездействия следователя в связи с нереагированием на наличие у Ж. телесных повреждений; заявление ходатайств о вызове бригады скорой медицинской помощи и об отложении проведения следственных и иных процессуальных действий; обжалование действий (бездействия) следователя в случае отказа в удовлетворении заявленных ходатайств; обращение с заявлениями и жалобами в правоохранительные органы по факту выявления у Ж. телесных повреждений).

Установить срок, по истечении которого Ц. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, в 3 (три) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ц. по жалобе Ж. от 19 февраля 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.11. Совет прекратил дисциплинарное производство, признав, что направленные адвокатом доверителю акты и счет являлись не обязательным для доверителя требованием, а переговорной позицией, с которой доверитель не согласился. При этом Совет подчеркнул необходимость своевременной и надлежащей формализации адвокатом предмета поручения и финансовых условий его исполнения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката А., а также представителя заявителя Г. – адвоката Д. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Г. от 3 декабря 2025 г. в отношении адвоката А.

Квалификационная комиссия 15 апреля 2026 г. вынесла Заключение:

– о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом А. обязанностей перед доверителем Г., выразившемся в том, что она направила заявителю акты приемки-передачи от 29 июля 2025 г. и счет на оплату юридической помощи от 28 июля 2025 г. на общую сумму …руб., определив размер вознаграждения за оказанную заявителю юридическую помощь по представлению его интересов при рассмотрении дела № … в том числе в судах апелляционной и кассационной инстанций и при новом рассмотрении дела Арбитражным судом Московской области, в одностороннем порядке, в отсутствие заключенного соглашения с доверителем Г.;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по жалобе Г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат А. в заседании Совета подтвердила, что Заключение Квалификационной комиссии ею своевременно получено, она с ним ознакомлена и не согласна в части вывода о наличии в ее действиях дисциплинарного нарушения. Поддержала свои письменные возражения, в которых указала, что отсутствие подписанного сторонами соглашения в письменной форме не может являться безусловным подтверждением его

незаключенности, поскольку заключение соглашения может подтверждаться конклюдентными действиями сторон, что и имело место в данном случае при несоблюдении простой письменной формы. При этом заявитель не имеет претензий в части формализации отношений с адвокатом, что было отмечено Квалификационной комиссией в Заключении. Также указала, что между сторонами возник гражданско-правовой спор о составе и стоимости фактически оказанной юридической помощи, разрешение которого относится к компетенции суда. Представила скан-копию претензии от 28 апреля 2026 г., предъявленной ей адвокатом Д. в интересах заявителя Г., согласно которой последний требует вернуть все денежные средства, ранее полученные адвокатом А. за оказанную юридическую помощь, а также выплатить ему проценты в порядке ст. 395 ГК РФ. Просила прекратить дисциплинарное производство, поскольку в ее действиях нет нарушений требований законодательства и профессиональной этики.

Заявитель Г., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, обеспечил участие представителя. Руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося заявителя Г.

Представитель заявителя Г. – адвокат Д. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Г. Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним и согласие в части вывода о дисциплинарном нарушении, поддержал доводы жалобы. В то же время выразил несогласие Г. с выводом Квалификационной комиссии о незаключенности соглашения об оказании юридической помощи. По мнению заявителя, предметом заключенного соглашения охватывалось участие адвоката А. в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций. Таким образом, соглашение было заключено, но адвокат А. толкует его условия неверно. Отвечая на вопросы членов Совета, подтвердил, что, по мнению Г., адвокат А. обязана была без дополнительной оплаты оказать юридическую помощь в судах апелляционной и кассационной инстанций, а выплаченный ей ранее «гонорар успеха» мог быть зачтен в счет оплаты ее участия при новом рассмотрении дела. В связи с этим заявитель Г. не согласен с предложением адвоката А. по оплате ее юридической помощи, не подписал представленный ею акт сдачи-приемки оказанных услуг и отказался оплатить ее счет. После этого стороны, не договорившись об условиях оплаты, расторгли заключенное соглашение. Отказ адвоката А. от продолжения оказания помощи без дополнительной оплаты стал основанием требовать от адвоката возврата всех ранее выплаченных ей денежных средств и выплаты процентов в порядке ст. 395 ГК РФ.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами частично не соглашается и признает дисциплинарное производство подлежащим прекращению в полном объеме по причинам, описанным ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат А. в период с февраля 2023 г. по июль 2025 г. оказывала заявителю юридическую помощь, связанную с судебным представительством в судах общей юрисдикции и арбитражных судах,

заключив с Г. два соглашения об оказании юридической помощи:

– Соглашение от 8 февраля 2023 г. в связи с обращением ПАО «…» с иском к заявителю об оспаривании стоимости доли в уставном капитале ООО «…» и взыскании денежных средств;

– Соглашение от 3 декабря 2024 г. в связи с обращением заявителя с иском к ПАО «…» о взыскании денежных средств.

Указанные споры первоначально рассматривались в районных судах г. Москвы, затем были переданы по подсудности в Арбитражный суд г. Москвы, а окончательное рассмотрение с вынесением решения по существу спора осуществлялось Арбитражным судом Московской области (дела № … и № … соответственно, объединенные в одно производство определением Арбитражного суда Московской области от 1 сентября 2025 г. с присвоением объединенному делу номера…). Определением от 22 января 2026 г. производство по делу было прекращено.

Соглашением от 8 февраля 2023 г. было предусмотрено оказание юридической помощи заявителю в Х. районном суде г. Москвы. Размер вознаграждения был определен в сумме …руб. Кроме того, был установлен «гонорар успеха» в таком же размере, критерии успеха определены следующим образом: «*отказ в удовлетворении требований ПАО "…" в полном объеме либо удовлетворение иска с максимальным (на 90%) снижением от первоначально заявленной суммы, в том числе через урегулирование спора мирным путем на условиях Доверителя*».

Фиксированное вознаграждение и «гонорар успеха» по Соглашению от 8 февраля 2023 г. были оплачены. Полная оплата произведена после рассмотрения дела.

Адвокат А. приступила к оказанию юридической помощи заявителю: анализировала материалы и информацию, осуществляла сбор доказательств, формировала правовую позицию и согласовывала ее с заявителем, готовила процессуальные документы, вплоть до 16 июля 2025 г. включительно участвовала во всех судебных заседаниях арбитражных судов первой, апелляционной, кассационной инстанций при рассмотрении дела по иску ПАО «…» к заявителю, а также при рассмотрении иска заявителя в Арбитражном суде г. Москвы (дело № …) и в Арбитражном суде Московской области (дело № …).

Постановлением …арбитражного апелляционного суда от 10 февраля 2025 г. решение Арбитражного суда Московской области об отказе в удовлетворении требований ПАО «…» было оставлено без изменения и вступило в законную силу.

Соглашением от 3 декабря 2024 г. было предусмотрено оказание юридической помощи заявителю в Арбитражном суде г. Москвы (с возможной передачей дела на рассмотрение Арбитражного суда Московской области), размер вознаграждения был определен в сумме … руб. Кроме того, был установлен «гонорар успеха» в размере 5% от взысканной судом либо указанной в мировом соглашении суммы.

Фиксированное вознаграждение по Соглашению от 3 декабря 2024 г. было оплачено 27 декабря 2024 г.

По второму соглашению адвокат А. также приступила к оказанию квалифицированной юридической помощи доверителю.

Оплата вознаграждения во всех случаях осуществлялась не самим заявителем, а третьим лицом – ООО «Т.».

Как указано выше, по делу № … по иску ПАО «…» к заявителю в удовлетворении исковых требований судами первой и апелляционной инстанций было отказано, однако Арбитражный суд Московской области постановлением от

29 мая 2025 г. отменил судебные акты нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение.

Никаких претензий в связи с качеством оказанной адвокатом А. юридической помощи, равно как и в связи с ненадлежащей формализацией ею отношений с доверителем, от заявителя не поступало.

23 июля 2025 г. адвокат А. представила заявителю по электронной почте проект дополнительного соглашения к Соглашению от 8 февраля 2023 г., которым был предусмотрен зачет полученного ею «гонорара успеха» в счет юридической помощи, оказанной при рассмотрении иска ПАО «…» в судах апелляционной и кассационной инстанций, по дополнительно заявленным требованиям по векселям, а также по подготовке проекта решения по делу. Данным дополнительным соглашением были предусмотрены условия продолжения оказания юридической помощи при новом рассмотрении данного дела. Эти условия не были приняты Г., о чем он информировал адвоката А. сообщением в мессенджере 24 июля 2025 г. В ответ адвокат А. 25 июля 2025 г. написала ему сообщение следующего содержания: «*Добрый день… Я поняла ваше решение, в деле больше не участвую. Для возврата гонорара оснований нет, услуги по соглашению оказаны в полном объеме. Счет за дополнительные услуги я выставлю отдельно*».

29 июля 2025 г. адвокат А. направила заявителю по электронной почте три акта приема-передачи оказанной ею юридической помощи по делу № … счет на оплату и сопроводительное письмо, в котором содержалась ссылка на совершенный им 25 июля 2025 г. отказ от оказания юридической помощи по указанному делу при его новом рассмотрении. 18 сентября 2025 г. адвокат А. направила заявителю по электронной почте уведомление о расторжении Соглашения об оказании юридической помощи от 3 декабря 2024 г. в одностороннем порядке. В данном уведомлении содержался расчет стоимости оказанной юридической помощи и было указано следующее: «*Возникновение гражданско-правового спора с доверителем освобождает адвоката от сохранения конфиденциальности в защиту своих интересов*».

Ответным сообщением 22 сентября 2025 г. по электронной почте Г. уведомил адвоката А. о расторжении Соглашения от 8 февраля 2023 г. в одностороннем порядке и потребовал «полного возврата полученных денежных средств по двум соглашениям».

Как указано выше, оказание юридической помощи по делу по иску ПАО «…» к заявителю было прекращено по взаимному согласию участников, достигнутому в переписке 24 и 25 июля 2025 г.

Заявитель Г. в своей жалобе выдвинул в отношении адвоката А. следующие дисциплинарные обвинения:

– в произвольном определении стоимости юридической помощи в сумме … руб.;

– в необоснованном одностороннем отказе от оказания юридической помощи (расторжении соглашений);

– в отказе от сохранения адвокатской тайны и угрозе раскрыть сведения, составляющие адвокатскую тайну, ввиду отказа заявителя от осуществления дополнительной оплаты за юридическую помощь;

– в отказе возвратить полученное вознаграждение, включая «гонорар успеха».

Кроме того, в жалобе указано, что действия адвоката А., направленные на получение от заявителя дополнительного вознаграждения, имеют признаки вымогательства.

Адвокат А. все выдвинутые дисциплинарные обвинения категорически и последовательно отвергает по основаниям, приведенным в ее устных и пись-

менных объяснениях и возражениях на Заключение Квалификационной комиссии.

Дисциплинарное обвинение в необоснованном одностороннем отказе адвоката А. от оказания юридической помощи (расторжении соглашений) Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает необоснованным.

Как указано выше, Соглашением от 8 февраля 2023 г. предусмотрено оказание юридической помощи заявителю по иску к нему ПАО «…» в Х. районном суде г. Москвы, т.е. только в суде первой инстанции. Вопреки утверждению заявителя Г., каких-либо разумных сомнений в толковании этого условия, ясно сформулированного в п. 1.2 соглашения, не имеется. Довод заявителя о том, что это соглашение обязывало адвоката А. оказывать ему юридическую помощь в судах всех инстанций, отклоняется Советом как надуманный и несостоятельный, противоречащий правилам толкования договора, предусмотренным ст. 431 ГК РФ.

При этом в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что заявитель был достоверно и своевременно осведомлен о ходе и результатах рассмотрения данного дела, в том числе и об участии адвоката А. в его рассмотрении судами апелляционной и кассационной инстанций, а также при новом рассмотрении дела, и никаких возражений по этому поводу не заявлял.

Таким образом, поручение, предусмотренное Соглашением от 8 февраля 2023 г., было исполнено адвокатом А., и она не отказывалась от исполнения обязательств по этому соглашению. Оказание же адвокатом А. юридической помощи Г. по делу № … в судах апелляционной и кассационной инстанций осуществлялось с согласия заявителя, т.е. на основании устной договоренности между ним и адвокатом А.

После передачи дела на новое рассмотрение постановлением Арбитражного суда Московского округа адвокат А. предложила Г. зачесть полученный ею «гонорар успеха» в качестве оплаты за дополнительно оказанную юридическую помощь, не предусмотренную условиями соглашения от 8 февраля 2023 г., представив заявителю проект соответствующего дополнительного соглашения. Однако поскольку стороны не пришли к соглашению об условиях продолжения оказания адвокатом А. юридической помощи по указанному арбитражному делу, ее оказание было прекращено, и адвокат А. направила заявителю акты приема-передачи и счет за дополнительно оказанную юридическую помощь, с которыми заявитель не согласился.

Соглашением от 3 декабря 2024 г. применительно к объему поручения предусмотрено аналогичное условие – оказание юридической помощи в суде первой инстанции, Арбитражном суде г. Москвы или Арбитражном суде Московской области в случае передачи дела на рассмотрение этого суда, на условии фиксированного вознаграждения в размере …руб. Данным соглашением также был предусмотрен «гонорар успеха» в размере 5% от взысканной судом либо указанной в мировом соглашении суммы.

От исполнения второго соглашения адвокат А. отказалась в одностороннем порядке, направив заявителю 18 сентября 2025 г. соответствующее уведомление. Такое право адвоката прямо предусмотрено п. 4.2 Соглашения от 3 декабря 2024 г., согласно которому любая сторона вправе в одностороннем порядке расторгнуть соглашение, предупредив об этом другую сторону в письменном виде не менее чем за пять рабочих дней. Данное условие адвокатом А. соблюдено. По этой причине несогласие заявителя с решением адвоката А. отказаться от дальнейшего исполнения соглашения не влияет на оценку

ее профессионального поведения. Кроме того, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что на момент направления адвокатом А. заявителю уведомления о расторжении Соглашения от 3 декабря 2024 г. у него уже имелся другой представитель, участвовавший в судебном разбирательстве.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката А. в данной части дисциплинарных обвинений неопровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению.

К такому же выводу Совет приходит в части дисциплинарного обвинения в отказе адвоката от сохранения адвокатской тайны и угрозе раскрыть сведения, составляющие адвокатскую тайну, ввиду отказа заявителя от осуществления дополнительной оплаты. Содержащаяся в уведомлении от 18 сентября 2025 г. фраза «Возникновение гражданско-правового спора с доверителем, освобождает адвоката от сохранения конфиденциальности, в защиту своих интересов» по существу воспроизводит положения п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката («Без согласия доверителя адвокат вправе использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу») и приведена адвокатом А. в целях предупреждения Г. о возникновении между участниками гражданско-правового спора.

Дисциплинарные обвинения в отказе адвоката А. возвратить полученное вознаграждение, включая «гонорар успеха», а также в наличии, по мнению заявителя, в ее действиях признаков вымогательства не подлежат рассмотрению по существу в дисциплинарном производстве, поскольку установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния возможно лишь в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством. Рассмотрение споров о размере вознаграждения адвоката и требований о его возвращении также находится за пределами компетенции органов адвокатского самоуправления. По этим причинам дисциплинарное производство в соответствующей части подлежит прекращению вследствие отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Оценивая дисциплинарное обвинение в произвольном определении адвокатом А. стоимости юридической помощи в сумме …руб., Совет отмечает следующее.

В соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. К существенным условиям соглашения на оказание юридической помощи среди прочего относятся условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь, а также порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения. При этом согласно п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки,

степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства.

Как подчеркнуто выше, стоимость оказанной адвокатом А. заявителю юридической помощи в размере …руб., указанная ею в счете от 28 июля 2025 г., исчислена за оказание юридической помощи по делу № … в апелляционной и кассационной инстанциях, а также при новом рассмотрении данного дела. Это ясно следует из направленных ею заявителю одновременно со счетом актов приема-передачи юридических услуг от 29 июля 2025 г. Оказание адвокатом А. заявителю указанной юридической помощи последним под сомнение не ставится, претензий в отношении ее качества не выдвигается. Как замечено выше, оказание адвокатом А. этой юридической помощи вплоть до 16 июля 2025 г. осуществлялось с согласия заявителя, при этом Соглашением от 8 февраля 2023 г. данные виды юридической помощи, а соответственно размер и порядок их оплаты, не предусмотрены. Заявителем не выдвигаются претензии в ненадлежащей формализации отношений между ним и адвокатом в данной части. По этим причинам и в соответствии с п. 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката у Квалификационной комиссии отсутствовали основания как для вывода об оказании адвокатом А. описанной юридической помощи в отсутствие заключенного соглашения, так и для вывода о ее оказании в отсутствие соглашения, заключенного в простой письменной форме.

Вместе с тем Совет считает необходимым указать адвокату А. на необходимость неукоснительного исполнения профессиональной обязанности по надлежащей формализации отношений с доверителем. Надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью. Совет в этой связи отмечает, что у адвоката А. не имелось каких-либо препятствий к тому, чтобы согласовать с заявителем как предмет поручения, так и финансовые условия продолжения оказания юридической помощи по делу № … сразу после вынесения решения судом первой инстанции, т.е. сразу после выполнения поручения по Соглашению от 8 февраля 2023 г.

Совет далее отмечает, что оказание указанных выше видов юридической помощи, связанных с рассмотрением арбитражного дела № … осуществлялось адвокатом А. более полугода (с января по июль 2025 г.). В проекте дополнительного Соглашения от 23 июля 2025 г. адвокат А. предлагала заявителю произвести зачет оплаченного ей «гонорара успеха» в размере …руб. в счет уже оказанной ею дополнительно юридической помощи. После отказа заявителя от предложенных адвокатом А. условий она представила заявителю указанные выше акты приема-передачи и счет, в которых был указан иной, более высокий размер вознаграждения за оказание юридической помощи в общем размере …руб. (с учетом оказания юридической помощи в судах апелляционной, кассационной инстанций и при новом рассмотрении дела). При выполнении этого расчета адвокат А. использовала не согласованные с заявителем критерии: почасовую ставку в размере …руб., стоимость участия в заседаниях судов апелляционной и кассационной инстанций в размере …руб. за одно заседание и в заседаниях суда первой инстанции в размере …руб. за одно заседание.

Вместе с тем в результате дисциплинарного разбирательства не установле-

но и в Заключении Квалификационной комиссии не приведено доказательств того, что адвокат А. требовала от заявителя оплаты оказанной ей юридической помощи в произвольно установленной ею сумме. Адвокат направила доверителю для согласования соответствующие акты, являющиеся двухсторонними документами, точно так же, как до этого предлагала ему согласовать иные условия оплаты своей юридической помощи. Иными словами, адвокат А. представила доверителю проекты документов, содержащие ее позицию по вопросу, подлежащему согласованию с доверителем. Поскольку доверителем эти документы согласованы и подписаны не были, то и содержащиеся в них условия не могут считаться согласованными и обязывающими для сторон, в том числе и для доверителя. С учетом этого обстоятельства представленный адвокатом А. счет на оплату не имеет самостоятельного значения, поскольку является документом технического характера, дублирует информацию, содержащуюся в актах, требующих подписания обеими сторонами, и содержит банковские реквизиты для оплаты в том случае, если стороны согласовали ее условия. Этот счет также не являлся обязывающим для заявителя Г. и фактически не был им оплачен. Более того, вместо оплаты этого счета он предъявил к адвокату А. требование о возврате всей суммы полученного ею вознаграждения и процентов за пользование чужими денежными средствами несмотря на то, что юридическая помощь, оплата которой предусматривалась актами и приложенным к ним счетом, была ему оказана в полном объеме, и данное обстоятельство им не оспаривается, претензии к качеству этой помощи не предъявляются.

Совет ранее неоднократно подчеркивал, что «…расчет адвокатом размера отработанного и неотработанного вознаграждения носит предварительный характер, является переговорной позицией и, следовательно, не имеет обязательного значения для доверителя, который вправе не согласиться с подходом адвоката. Иными словами, вопрос о размере отработанного (или неотработанного и подлежащего возвращению доверителю) вознаграждения не может решаться адвокатом императивно. Тем не менее адвокат может в отчете об оказанной юридической помощи использовать справочные (расчетные) параметры для определения размера отработанного вознаграждения, которые также не носят обязательного для доверителя характера и могут быть скорректированы адвокатом добровольно в ходе переговоров с доверителем либо подвергнуты оценке судом» (см., например, Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 26 июня 2025 г. № 158 // https://www.advokatymoscow.ru/doc/2025.06.26% 20Реш.%20 САПМ_предупр.%20№ 158.pdf).

С учетом изложенного Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката, признает презумпцию добросовестности адвоката А. по данному дисциплинарному обвинению неопровергнутой, а дисциплинарное производство в этой части подлежащим прекращению вследствие отсутствия в ее действиях (бездействии) нарушения требований законодательства и профессиональной этики.

При таких обстоятельствах дисциплинарное производство подлежит прекращению в полном объеме.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессио-

нальной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по жалобе Г. от 3 декабря 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения ею профессиональных обязанностей.

1.12. Адвокат получил предупреждение за многочисленные и системные нарушения при заключении соглашения об оказании юридической помощи. Совет признал недопустимыми противоречивые и неопределенные условия о предмете и объеме поручения, ограничение защиты лишь ознакомлением с материалом об избрании меры пресечения, заключение в интересах третьего лица соглашения без согласия самого обвиняемого по соображениям собственной выгоды, а также условие об удержании неотработанного гонорара при досрочном расторжении соглашения доверителем.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Г. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… от 31 марта 2026 г. в отношении адвоката Г.

Квалификационная комиссия 13 мая 2026 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Г. подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся:

– во включении в Соглашение об оказании юридической помощи № 20250609–01/ГЯВ от 9 июня 2025 г. (далее также – Соглашение) неконкретных, противоречивых условий, содержащихся в пп. 1.1–1.3 Соглашения (предмет Соглашения), п. 2.1 (обязанности адвоката) и п. 6.2 (срок действия Соглашения), порождающих неопределенность относительно предмета и объема принятого адвокатом поручения;

– во включении в Соглашение, заключенное с Б., противоречивых данных о доверителе Е. и его процессуальном статусе, а именно: указание в п. 1.1 Соглашения процессуального статуса «потерпевший» наряду с «обвиняемый» и указание в п. 3.4 Соглашения «П.А.» вместо «Е.»;

2) о нарушении адвокатом Г. подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы № 6 по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 30 мая 2013 г., выразившемся в заключении с доверителем Б. упомянутого соглашения, предусматривающего только ознакомление адвоката Г. в П. районном суде г. Москвы с материалом по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде заключения под стражу, а не на осуществление защиты Е. на всей стадии предварительного расследования в обособленной судебной процедуре, предусмотренной ст. 108 УПК РФ (включая подачу всех видов жалоб в вышестоящие судебные инстанции);

3) о нарушении адвокатом Г. подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 1, п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 г., выразившемся в заключении с доверителем Б. по соображениям собственной выгоды упомянутого соглашения, предусматривающего ознакомление адвоката Г. в интересах Б. в П. районном суде г. Москвы с материалом № … по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде заключения под стражу, а также в совершении действий, направленных на его исполнение, без получения согласия Е.;

4) о нарушении адвокатом Г. подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 г., выразившемся во включении в п. 6.4 упомянутого соглашения условий, в соответствии с которыми «при отказе “Доверителя” от услуг “Адвоката” в течение пяти календарных дней с момента заключения настоящего Соглашения, возврату подлежат 50% полученных “Адвокатом” от “Доверителя” денежных средств, указанных в разделе 3 настоящего соглашения. При отказе от услуг “Адвоката” по истечению указанного срока, все полученное “Адвокатом” вознаграждение возврату не подлежит»[11].

Адвокат Г. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии он ознакомлен и согласен. Полностью признает допущенные им нарушения, выразившиеся в заключении соглашения об оказании юридической помощи с недопустимыми условиями, противоречащими требованиям закона и профессиональной этики. Пояснил, что пересмотрел подход к осуществлению профессиональной деятельности и оформлению соглашений с доверителями, в связи с чем просит не применять к нему наиболее строгую меру дисциплинарной ответственности.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

1 июня 2025 г. СО ОМВД России по району П. г. Москвы в отношении неустановленных лиц было возбуждено уголовное дело № 1 по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. С этим уголовным делом в одном производстве соединено уголовное дело № 2. Соединенному уголовному делу присвоен № 2. 4 июня 2025 г. по подозрению в совершении преступления в порядке ст. 91, 92 УПК РФ задержан Е.

4 июня 2025 года, в 15.30 час., следователем указанного следственного органа Б. в АИС АПМ размещена заявка для обеспечения участия защитника в уголовном деле № 2 для осуществле-

[11] Здесь и далее орфография и пунктуация оригинала Соглашения сохранены (*примеч. ред.*).

ния защиты Е. В тот же день заявка распределена адвокату Л.

В дальнейшем Е. было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных чч. 3 и 4 ст. 159 УК РФ, и он был допрошен по существу предъявленного обвинения с участием защитника по назначению – адвоката Л.

Постановлением П. районного суда г. Москвы от 6 июня 2025 г. отказано в удовлетворении ходатайства следственного органа об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде заключения под стражу, ходатайство защитника об избрании иной, более мягкой меры пресечения удовлетворено, избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий с возложением обязанности своевременно являться по вызовам следователя, прокурора и суда, а также соблюдать возлагаемые судом запреты.

9 июня 2025 г. между адвокатом Г., осуществляющим свою деятельность в Московской коллегии адвокатов «…», и Б. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи, в соответствии с п. 1.1 которого адвокат Г. обязался «осуществлять защиту интересов потерпевшего Е., …года рождения, являющегося обвиняемым по уголовному делу предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ на стадии ознакомления с материалом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в П. районном суде». Согласно п. 1.3 Соглашения «в предмет настоящего соглашения включены следующие виды и формы оказания юридической помощи – ознакомления с материалом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в П. районном суде – …рублей». 9 июня 2025 г. данное соглашение зарегистрировано в журнале регистрации соглашений Московской коллегии адвокатов «…».

В материалах дисциплинарного производства также имеется заявление Б. следующего содержания: «Прошу Вас заключить со мной соглашение на оказание юридической помощи, в частности ознакомление с материалом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу Е. в П. районном суде, к также сделать фотокопии всего материала об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу Е. Указанный материал прошу выслать по мессенджеру *WhatsApp* на номер телефона тел. +7(983)308-**-**».

9 июня 2025 г. Московской коллегией адвокатов «...» адвокату Г. выдан ордер, в котором указано: «Поручается с 09.06.2025 года осуществлять защиту прав и законных интересов: ознакомление с материалом уголовного дела № … Е. П. районный суд». 10 июня 2025 г. адвокат Г. совместно с указанным ордером представил в П. районный суд ходатайство, в котором указал: «Прошу дать возможность ознакомиться с материалом уголовного дела № … и сделать фотокопии всего материала. Получить постановление об отказе в удовлетворении ходатайства». В тот же день адвокат Г. ознакомился в суде с указанным материалом и получил копию постановления суда от 6 июня 2025 г.

18 февраля 2026 г. Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы по результатам рассмотрения дисциплинарного производства, возбужденного 23 января 2026 г. по жалобе Е. от 20 января 2026 г., вынесла заключение о нарушении адвокатом Г. взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2, 3 ст. 5, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в его ознакомлении, в отсутствие предусмотренных законом оснований, без намерения осуществлять защиту Е., 10 июня 2025 г. в П. районном суде г. Москвы с материалом № …

по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде заключения под стражу и получении заверенной копии постановления этого суда от 6 июня 2025 г. об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде запрета определенных действий в целях их последующей передачи третьему лицу.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 26 марта 2026 г. № … к адвокату Г. применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката. При этом Совет Адвокатской палаты города Москвы исключил из квалификации действий адвоката Г. ссылку на нарушение п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В представлении вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… от 31 марта 2026 г. № … против адвоката Г. выдвинуты дисциплинарные обвинения во включении им по соображениям собственной выгоды в соглашение с доверителем Б. положений, которые противоречат решениям органов адвокатского самоуправления, принятым в пределах их компетенции, а также неясных и неконкретных условий, допускающих неоднозначное толкование, создающих состояние неопределенности у доверителя и способствующих возникновению у него недоверия как к конкретному адвокату, так и к адвокатуре в целом.

В ходе дисциплинарного разбирательства адвокат Г. пояснил, что в начале июня 2025 г. он заключил Соглашение с Б., которого коллега И. представил как лицо, действующее в интересах семьи Е. Он ознакомился с судебным материалом и обнаружил, что у Е. имеется защитник – адвокат Л., после чего принял решение прекратить дальнейшее участие, чтобы не создавать конфликта интересов и не вводить в заблуждение участников процесса. Пороки указанного Соглашения признал в полном объеме. Упоминание «потерпевшего» вместо «обвиняемого» и указание на защиту П.А. в разделе 3.4 Соглашения объяснил техническими ошибками. Включение в предмет соглашения только ознакомления с материалом № … при одновременном перечислении в п. 2.1 обширных обязательств (проведение беседы, изучение обстоятельств, подготовка процессуальных документов и т.д.) объяснил намерением в дальнейшем полноценно участвовать в защите Е. Относительно условия п. 6.4 Соглашения о возврате 50% гонорара при отказе от «услуг» в течение пяти календарных дней указал, что оно является «пережитком» старой редакции типового бланка. Все выявленные нарушения он полностью признает, обязуется пересмотреть свой подход к осуществлению профессиональной деятельности.

Как указано выше, основанием для заключения указанного соглашения явилось письменное обращение Б. к адвокату Г., содержащее просьбу заключить с ним соглашение об оказании юридической помощи и далее «ознакомиться с материалами об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу Е. в П. районном суде, а также сделать фотокопии всего материала об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу Е. Указанный материал прошу выслать по мессенджеру… на номер телефона…».

Названная просьба Б. трансформировалась в пп. 1.1–1.3 предмета упомянутого соглашения, в соответствии с которыми: «1.1. В рамках настоящего Соглашения “Адвокат” обязуется за счет “Доверителя” осуществлять защиту интересов потерпевшего Е., …года

рождения, являющегося обвиняемым по уголовному делу предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ на стадии ознакомления с материалами об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в П. районном суде. 1.2. "Адвокат" оказывает юридическую помощь в соответствии с требованиями УПК РФ, УК РФ. 1.3. В предмет настоящего соглашения включены следующие виды и формы оказания юридической помощи: – ознакомление с материалами об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в П. районном суде – 20 000 рублей». При этом в п. 3.4 Соглашения указано, что: «невнесение оплаты "Доверителем" согласно п. 3.1 является отказом "Адвоката" от защиты "Доверителя" и влечет расторжение соглашения по инициативе "Адвоката" и прекращает права и обязанности "Адвоката" по защите "П.А." [здесь и далее выделено Советом. – *Прим. Совета*]».

Из анализа условий Соглашения усматривается, что его предмет, сформулированный в пп. 1.1–1.3, не согласуется с остальными условиями, в частности с п. 2.1, в котором установлены обязанности адвоката («2.1.1. Провести беседу с лицом, указанным в п. 1.1 по существу проблемы. Изучить обстоятельства дела, проанализировать проблему и выбрать тактику поведения лица, указанного в п. 1.1 относительно его положения в правовом поле, в котором он оказался в результате расследования уголовного дела, указанного в п. 1.1 настоящего Соглашения. 2.1.2. Изучить представленные "Доверителем" документы, относящиеся к существу дела и информировать о возможной тактике поведения. 2.1.3. Готовить необходимые процессуальные документы в правоохранительные органы, осуществлять защиту интересов лица, указанного в п. 1.1, являющегося подозреваемым на стадии предварительного расследования уголовного дела, указанного в п. 1.1. 2.1.4 Заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на действия (бездействия) и решение следователя, прокурора и участвовать в их рассмотрении судом, использовать иные, не запрещенные УПК РФ, УК РФ средства и способы защиты. 2.1.5 Встречаться с "Доверителем" по его просьбе»), и с п. 6.2, в котором указано, что соглашение действует «до окончания предварительного следствия; либо до расторжения его сторонами по обоюдному согласию; либо по требованию одной из сторон в суде в установленном действующим законодательством порядке; за исключением случаев, предусмотренных п. 3.4 настоящего Соглашения».

Таким образом, предмет поручения, являющийся существенным условием Соглашения, и приведенные выше иные условия Соглашения, регламентирующие обязанности адвоката и срок его действия, носят произвольный, неконкретный, противоречивый и в целом недопустимый характер, порождают правовую неопределенность в отношениях между адвокатом, лицом, с которым заключено соглашение, и лицом, в чьих интересах оно заключено, вводят указанных доверителей в заблуждение относительно объема оказываемой адвокатом Г. юридической помощи, то есть явно не соответствуют требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

При этом включенные в пп. 1.1 и 3.4 Соглашения данные о доверителе, являющемся получателем юридической помощи, также содержат как некорректные сведения о его процессуальном статусе, так и противоречивые сведения о его персональных данных (фамилия, имя, отчество), что дополнительно порождает правовую неопределенность во взаимоотношениях между адвокатом и доверителями.

Учитывая изложенное и соглашаясь с Квалификационной комиссией, Совет

приходит к выводу о нарушении адвокатом Г. положений подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся:

– во включении в Соглашение об оказании юридической помощи № … от 9 июня 2025 г. неконкретных, противоречивых условий, содержащихся в пп. 1.1–1.3 Соглашения (предмет Соглашения), п. 2.1 (обязанности адвоката) и п. 6.2 (срок действия Соглашения), порождающих неопределенность относительно предмета и объема принятого адвокатом поручения;

– во включении в указанное соглашение, заключенное с Б., противоречивых данных о доверителе Е. и его процессуальном статусе, а именно: указание в п. 1.1 Соглашения процессуального статуса «потерпевший» наряду с «обвиняемый» и указание в п. 3.4 Соглашения «П.А.» вместо «Е.».

Рассматривая доводы представления о заключении адвокатом Г. указанного соглашения только на «стадию» ознакомления им в П. районном суде г. Москвы с материалом № … по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде заключения под стражу, а не на всю стадию предварительного расследования, Совет исходит из положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которым адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Из содержания пп. 1.1–1.3 Соглашения следует, что адвокат Г. принял на себя обязанность только по ознакомлению в П. районном суде г. Москвы с материалом по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде заключения под стражу. О намерении адвоката Г. осуществлять защиту Е. на всей стадии предварительного расследования либо в какой-либо обособленной судебной процедуре в Соглашении ничего не говорится, а к доводам адвоката Г. в указанной части Совет относится критически, так как они противоречат его позиции в ходе рассмотрения предыдущего дисциплинарного производства, возбужденного по жалобе Е., и представленным в ее подтверждение документам, включая описанное выше заявление Б. Кроме того, даже наличие у адвоката Г. такого намерения не освобождало его от выполнения обязанности по надлежащей формализации отношений с доверителем с соблюдением всех требований законодательства и профессиональной этики, в том числе содержащихся в разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы.

Между тем согласно Разъяснениям Совета Адвокатской палаты города Москвы № 6 по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», утвержденным Советом 30 мая 2013 г., «круг полномочий защитника в уголовном судопроизводстве в отличие от полномочий представителя в гражданском и арбитражном судопроизводстве (ст. 54 ГПК РФ, ст. 62 АПК РФ) определяется непосредственно уголовно-процессуальным законом (ст. 53, 248 и др. УПК РФ) и не может быть произвольно ограничен гражданско-правовым соглашением между доверителем и адвокатом. Сама возможность для адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, стратегия и тактика профессиональной защиты предопреде-

ляются логикой стадийного построения уголовного судопроизводства. Заключение соглашения в объеме, не предполагающем защиту подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на всем протяжении конкретной стадии уголовного судопроизводства, противоречит самой сути права каждого подвергнутого уголовному преследованию лица на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ст. 48 Конституции РФ, является нарушением Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката». Данные Разъяснения даны Советом в пределах его компетенции, доведены до сведения членов адвокатского сообщества (см. Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2013. Выпуск № 6–7 (116–117). С. 14–15; Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 126–128) и подлежат исполнению всеми членами Адвокатской палаты города Москвы.

Согласно п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., «адвокат участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых им на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации».

Исключением может являться случай, когда предмет соглашения включает лишь участие адвоката в заседании суда первой инстанции при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения и не включает защиту доверителя на стадии предварительного расследования в целом.

Таким образом, адвокат Г. был не вправе принимать поручение, предусматривающее только ознакомление с материалом по рассмотрению судом ходатайства следственного органа об избрании меры пресечения.

Учитывая изложенное и соглашаясь с Квалификационной комиссией, Совет приходит к выводу о нарушении адвокатом Г. положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы № 6 по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», утвержденными Решением Совета 30 мая 2013 г., выразившемся в заключении с доверителем Б. Соглашения об оказании юридической помощи № … от 9 июня 2025 г., предусматривающего только ознакомление адвоката Г. в П. районном суде г. Москвы с материалом № … по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде заключения под стражу, а не осуществление защиты Е. на всей стадии предварительного расследования либо в обособленной судебной процедуре, предусмотренной ст. 108 УПК РФ (включая подачу всех видов жалоб в вышестоящие судебные инстанции).

Рассматривая доводы представления о несоблюдении адвокатом Г. при заключении и исполнении упомянутого соглашения Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании

юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», Совет отмечает, что в силу положений пп. 1, 2 ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица.

В Разъяснениях № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета от 27 июня 2019 г., Протокол № 8) указано:

«Соглашение об оказании юридической помощи в интересах третьего лица могут заключить физическое лицо, юридическое лицо (например, в интересах своего работника), общественное объединение (например, в интересах лиц, для защиты которых оно создано) и другие субъекты гражданских правоотношений.

В целях соблюдения прав обвиняемых (подозреваемых) – получателей юридической помощи (защиты по уголовному делу) при заключении соглашений о ее оказании в пользу третьего лица адвокатам следует быть осмотрительными, обращая особое внимание на личность доверителей, обратившихся к адвокату в интересах таких лиц, заключающих и подписывающих соглашение об оказании юридической помощи. Как правило, не вызывает сомнений ситуация, когда соглашение с адвокатом на защиту подозреваемого или обвиняемого заключает его близкий родственник (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки). Родственные или свойственные отношения сами по себе являются достаточным основанием для вывода о законном интересе, который эти лица преследуют, заключая соглашение с адвокатом.

Между тем в ситуации, когда отношения между лицом, заключающим соглашение на защиту третьего лица, и самим обвиняемым (подозреваемым) с очевидностью не прослеживаются, адвокатам следует, проявляя разумную осмотрительность, более детально и осторожно подходить к вопросу о принятии поручения и фиксации сведений о лице, заключающем соглашение об оказании юридической помощи. Выяснение законной мотивации и интереса лица, заключающего соглашение об оказании юридической помощи, должно быть предметом тщательного интервьюирования такого лица со стороны адвоката.

По общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Приведенные выше нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем Совет отмечает, что требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к этому вопросу, исключая разумные сомнения

в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Эта фиксация может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе или иным образом, позволяющим верифицировать лицо, дающее согласие (например, с использованием электронного ресурса службы отправки электронных сообщений в учреждениях ФСИН России "ФСИН-ПИСЬМО" <www.fsin-pismo.ru>). Также согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь, может быть получено в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его защиту на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту…

В целях сохранения адвокатской тайны адвокат, действуя разумно, добросовестно и квалифицированно, до получения согласия обвиняемого (подозреваемого) на его участие в уголовном деле не вправе передавать кому-либо, в том числе и лицу, заключившему с ним соглашение об оказании юридической помощи, сведения, полученные в ходе оказания юридической помощи (материалы уголовного дела и иные сведения). После получения согласия обвиняемого (подозреваемого) на участие адвоката в уголовном деле коммуникация адвоката с третьими лицами и передача им какой-либо информации осуществляются по общим правилам адвокатской этики, не допускающим разглашения адвокатской тайны без согласия лица, которому оказывается юридическая помощь (за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности, включая Кодекс профессиональной этики адвоката)» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2013. Выпуск № 6–7 (116–117). С. 14–15; Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 126–128).

Как достоверно установлено Советом, адвокат Г. не только заключил указанное соглашение с Б., не приняв мер для выяснения наличия у него законного интереса, который преследовал Б., заключая соглашение, но и фактически при заключении соглашения руководствовался интересами не Е., а Б. в целях обеспечения тому доступа к документам, содержащимся в судебном материале по рассмотрению ходатайства следственного органа об избрании в отношении Е. меры пресечения, и получения заверенной копии постановления суда. Именно по этой причине адвокат Г. ни до, ни после заключения соглашения не только не встретился (не вступил в коммуникацию иным способом) с Е. и не получил его согласия на ознакомление в суде с указанным материалом, но даже не уведомил о заключении Соглашения его защитника, сведения о котором имелись в судебном материале, с которым ознакомился адвокат Г.

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне.

В соответствии с п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвокат должен избегать действий (без-

действия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.

Заключение адвокатом Г. соглашения об оказании юридической помощи Е., с помощью которого он в отсутствие правовых оснований, действуя из соображений собственной выгоды и в интересах третьего лица, получил доступ к указанному судебному материалу и получил заверенную копию постановления суда, способствует возникновению недоверия Е. как к конкретному адвокату, так и к адвокатуре в целом.

Учитывая изложенное и соглашаясь с Квалификационной комиссией, Совет приходит к выводу о нарушении адвокатом Г. при описанных обстоятельствах положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, подп. 1 п. 1 ст. 9, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», утвержденными Решением Совета 27 июня 2019 г., выразившемся в заключении с доверителем Б. по соображениям собственной выгоды Соглашения об оказании юридической помощи № … от 9 июня 2025 г., предусматривающего ознакомление адвоката Г. в интересах Б. в П. районном суде г. Москвы с материалом № … по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде заключения под стражу, а также в совершении действий, направленных на его исполнение, без получения согласия Е.

Рассматривая довод представления о неправомерном включении адвокатом Г. в текст указанного соглашения условий о невозврате (удержании) адвокатом вознаграждения при расторжении соглашения по инициативе доверителя (п. 6.4 Соглашения), Совет отмечает, что согласно п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 г., доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесенного гонорара (см. Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2014. Выпуск № 4 (125). С. 10–11).

Данные разъяснения даны Советом в пределах его компетенции и подлежат обязательному исполнению адвокатами города Москвы в силу подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката. В свою очередь, игнорирование данных разъяснений адвокатом исключает исполнение общего требования подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» о честном, разумном и добросовестном отстаивании прав и законных интересов доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Учитывая изложенное и соглашаясь с Квалификационной комиссией, Совет

приходит к выводу о нарушении адвокатом Г. положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 г., выразившемся во включении в п. 6.4 Соглашения об оказании юридической помощи № … от 9 июня 2025 г. условий, в соответствии с которыми «при отказе “Доверителя” от услуг “Адвоката” в течение пяти календарных дней с момента заключения настоящего Соглашения, возврату подлежат 50% полученных ‘‘Адвокатом’’ от “Доверителя” денежных средств, указанных в разделе 3 настоящего соглашения. При отказе от услуг “Адвоката” по истечению указанного срока все полученное “Адвокатом” вознаграждение возврату не подлежит».

Таким образом, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. в отношении всех перечисленных дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарных нарушений установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Г. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их грубый и системный характер, свидетельствующий об умышленном игнорировании им основополагающих норм профессиональной этики и принципов адвокатской деятельности. Такое профессиональное поведение Совет признает недопустимым и наносящим ущерб авторитету адвокатуры. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что адвокат Г. полностью признал вину, обязался пересмотреть свой подход к исполнению обязательств перед доверителями, оформлению соглашений и соблюдению профессионально-этических требований. Совет также учитывает, что предыдущая мера дисциплинарной ответственности была применена к адвокату Г. за действия, совершенные во исполнение Соглашения, являющегося предметом настоящего дисциплинарного производства. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Г. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет считает необходимым вновь указать адвокату Г. на законодательно установленную профессиональную обязанность постоянно совершенствовать свои знания и повышать профессиональный уровень самостоятельно, а также в установленном органами адвокатского самоуправления порядке (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

1) нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся:

– во включении в Соглашение об оказании юридической помощи № … от 9 июня 2025 г., заключенное с Б., неконкретных, противоречивых условий, содержащихся в пп. 1.1–1.3 Соглашения (предмет Соглашения), п. 2.1 (обязанности адвоката) и п. 6.2 (срок действия соглашения), порождающих неопределенность относительно предмета и объема принятого адвокатом поручения;

– во включении в упомянутое соглашение противоречивых данных о доверителе Е. и его процессуальном статусе, а именно: указание в п. 1.1 Соглашения процессуального статуса «потерпевший» наряду с «обвиняемый» и указание в п. 3.4 Соглашения «П.А.» вместо «Е.»;

2) нарушение подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы № 6 по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», утвержденными Решением Совета от 30 мая 2013 г., выразившееся в заключении с доверителем Б. указанного соглашения, предусматривающего только ознакомление адвоката Г. в П. районном суде г. Москвы с материалом № … по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде заключения под стражу, а не на осуществление защиты Е. на всей стадии предварительного расследования либо в обособленной судебной процедуре, предусмотренной ст. 108 УПК РФ (включая подачу всех видов жалоб в вышестоящие судебные инстанции);

3) нарушение подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, подп. 1 п. 1 ст. 9, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», утвержденными Решением Совета от 27 июня 2019 г., выразившееся в заключении с доверителем Б. по соображениям собственной выгоды указанного соглашения, а также в совершении действий, направленных на его исполнение, без получения согласия Е.;

4) нарушение подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 г., выразившееся во включении в п. 6.4 упомянутого соглашения условий, в соответствии с которыми «при отказе “Доверителя” от услуг “Адвоката: в течение пяти календарных дней с момента заключения настоящего Соглашения, возврату подлежат 50% полученных “Адвокатом” от “Доверителя” денежных средств, указанных в разделе 3 настоящего соглашения. При отказе от услуг “Адвоката” по истечению указанного срока, все полученное “Адвокатом” вознаграждение возврату не подлежит».

1.13. Адвокат получил предупреждение за несвоевременное ознакомление с протоколом и аудиозаписью судебного заседания. Совет отметил, что защитник обязан самостоятельно и своевременно использовать процессуальные возможности для проверки полноты и достоверности фиксации заседания. Попытка сделать это после истечения установленного законом срока и вступления приговора в силу лишила адвоката возможности принести замечания и ограничила возможности доверителя при обжаловании судебного решения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Л. и его представителя – адвоката П. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К.В. от 16 марта 2026 г. в отношении адвоката Л.

Квалификационная комиссия 20 мая 2026 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве… адвокат должен… следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции») во взаимосвязи с п. 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., исполнении адвокатом Л. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К.В., выразившемся в том, что, осуществляя защиту К.В. в уголовном судопроизводстве, адвокат Л. не ознакомился своевременно с протоколом и аудиозаписью судебного заседания К. районного суда Волгоградской области по уголовному делу, рассмотренному с участием подсудимого К.В. и его защитника – адвоката Л., подав ходатайство об ознакомлении с ними после истечения процессуального срока, предусмотренного ч. 7 ст. 259 УПК РФ, лишь 15 октября 2025 г., после вступления 18 сентября 2025 г. приговора указанного суда от 10 июля 2025 г., вынесенного по упомянутому уголовному делу, в законную силу, что лишило адвоката Л. возможности принести на протокол и аудиозапись судебного заседания замечания в связи с их неполнотой и ограничило возможности осужденного К.В. по отстаиванию его прав, свобод и законных интересов в уголовном судопроизводстве;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по жалобе К.В., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Л. и его представитель – адвокат П. в заседании Совета подтвердили своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, полностью согласились с ним. Пояснили, что ходатайство о назначении судебной экспертизы в письменном виде адвокат Л. заявлял в заседании К. районного суда Волгоградской области 14 апреля 2025 г.,

полагая, что протокол и аудиозапись судебного заседания ведутся надлежащим образом. Однако впоследствии, при подаче 15 октября 2025 г. заявления об ознакомлении с протоколом и аудиозаписью судебного заседания от 14 апреля 2025 г., выяснилось, что аудиозапись данного судебного заседания не сохранилась по техническим причинам. Поскольку до этого сомнений в надлежащем ведении аудиозаписи, а также в полноте и правильности протокола судебного заседания не было, адвокат Л. не видел необходимости в ознакомлении с протоколом и аудиозаписью судебного заседания. Поводом для его обращения в суд за получением копий протокола и аудиозаписи судебных заседаний послужило обращение подзащитного К.В. Представитель адвоката Л. адвокат П. просил учесть отсутствие у адвоката Л. действующих дисциплинарных взысканий и признание им нарушения.

Заявитель К.В., извещенный надлежащим образом и вовремя получивший копию Заключения Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, участие представителя не обеспечил, просил рассмотреть дисциплинарное дело без его участия и учесть, что адвокат Л. в своей апелляционной жалобе указал, что суд отказал в удовлетворении ходатайства о назначении технической экспертизы, которого нет в материалах дела. Учитывая указанные обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося заявителя К.В.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, заслушав адвоката Л. и его представителя П., Совет признает фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией и соглашается с ее Заключением в полном объеме.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

18 сентября 2024 г. между адвокатом Л. и доверителем К.В. заключено соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее осуществление защиты К.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ, по уголовному делу, находящемуся в производстве К. межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградской области на стадии предварительного расследования, а также в ходе судебного разбирательства в К. районном суде Волгоградской области. Не позднее 24 ноября 2024 г. адвокат Л. вступил в указанное уголовное дело в качестве защитника К.В.

24 ноября 2024 г. защитником К.В. – адвокатом Л. заявлено письменное ходатайство («Заявление») о назначении комплексной строительной тактико-технической экспертизы. В тот же день постановлением следователя в удовлетворении этого ходатайства отказано.

Согласно доводам адвоката Л. в судебном заседании 14 апреля 2025 г. им в письменной форме было заявлено аналогичное ходатайство, в удовлетворении которого судом было отказано. Однако какие-либо подтверждения факта заявления этого ходатайства как в материалах уголовного дела, так и в материалах дисциплинарного производства отсутствуют. Согласно доводам заявителя К.В. адвокат Л. указанное ходатайство в ходе судебного разбирательства не заявил или «заявил ненадлежащим образом».

Приговором упомянутого суда от 10 июля 2025 г. К.В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ, и ему назначено наказание в виде исправительных работ на срок 6 месяцев с удержанием 5% из заработной платы осужденного в доход государства. От назначенного наказания он освобожден в связи с истечением срока давности уголовного преследования. 22 июля 2025 г. этот приговор был обжалован защитником осужденного К.В. – адвокатом Л. в апелляционном порядке. В обоснование своей апелляционной жалобы адвокат Л. в числе прочего указал: «Приговор основан только на предположениях. При этом суд не учел доводы защиты и не дал им оценки. Суд необоснованно отказал назначить техническую экспертизу <…> Суд, не обладая специальными познаниями в технических устройствах, указал в приговоре, что К.В. мог использовать насос и другую технику и устранить аварийную ситуацию. Фактически суд высказал предположение, не основывая такие выводы объективными доказательствами».

Апелляционным постановлением Волгоградского областного суда от 18 сентября 2025 г. указанный приговор оставлен без изменения, а апелляционная жалоба адвоката Л. – без удовлетворения. В апелляционном постановлении в числе прочего указано, что «судом апелляционной инстанции не установлено каких-либо данных, свидетельствующих… об отказе сторонам в исследовании доказательств, которые могли бы иметь существенное значение для правильного решения дела», а также что «судебное заседание проводилось на основе принципов состязательности и равноправия сторон. Стороны не были ограничены в праве предоставления доказательств и в заявлении ходатайств. Необоснованных отказов в удовлетворении заявленных сторонами ходатайств, которые повлияли или могли повлиять на правильность принятого судом решения, допущено не было».

15 октября 2025 г. адвокат Л. обратился в К. районный суд Волгоградской области с письменным заявлением о предоставлении ему возможности ознакомиться с протоколом судебного заседания по указанному уголовному делу и о выдаче копии аудиозаписи протокола судебного заседания. В ответ на это заявление судья данного суда А. письменно сообщила о направлении копий аудиозаписей судебных заседаний по уголовному делу в отношении К.В., одновременно сообщив, что «14 апреля 2025 года после окончания судебного заседания было установлено, что аудиозапись не сохранилась». К указанному письму была приложена в том числе копия акта об отсутствии аудиозаписи протокола судебного заседания от 14 апреля 2025 г., составленного судьей А., секретарем судебного заседания Н., ответственным за техническое обеспечение аудиопротоколирования К.Н., согласно которому «в ходе судебного заседания по уголовному делу № … по обвинению К.В. 14 апреля 2025 года в 14 часов 30 минут производилась аудиозапись протокола судебного заседания, однако в связи со сбоем в работе записывающего устройства цифрового диктофона Ritmix RR-920, после окончания судебного заседания было установлено, что запись не сохранилась».

29 января 2026 г. кассационным постановлением …кассационного суда общей юрисдикции указанные приговор и апелляционное постановление оставлены без изменения, а кассационная жалоба и дополнения к ней, поданные осужденным К.В., – без удовлетворения. В кассационном постановлении судом в числе прочего говорится: «…как следует из протокола судебного заседания, суд исследовал все представленные сторона-

ми доказательства, все заявленные ходатайства разрешил по существу в соответствии с требованиями ст. 271 УПК РФ. Необоснованного отклонения ходатайств сторон, других нарушений процедуры уголовного судопроизводства, прав его участников, которые повлияли или могли повлиять на законность, обоснованность и справедливость приговора, судом первой инстанции при рассмотрении дела не допущено».

Заявителем К.В. выдвинуты следующие дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Л.:

1) в «незаявлении или ненадлежащем заявлении» в ходе судебного разбирательства ходатайства о назначении судебной экспертизы, которое повлияло на вынесение судом обвинительного приговора;

2) в неознакомлении с протоколом и аудиозаписью судебного заседания и непринесении на него замечаний в связи с неотражением в нем факта заявления 14 апреля 2025 г. адвокатом Л. ходатайства о назначении судебной экспертизы, а также в связи с отсутствием аудиозаписи судебного заседания от 14 апреля 2025 г.;

3) во введении доверителя К.В. в заблуждение «относительно перспектив защиты» и намерений по принятию мер к установлению и подтверждению факта заявления адвокатом Л. ходатайства от 14 апреля 2025 г. о назначении судебной экспертизы;

4) в попытке принять участие в судебном заседании суда кассационной инстанции при рассмотрении кассационной жалобы К.В. в качестве защитника К.В. без его на то согласия.

Рассматривая первое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает следующее. В подтверждение довода о фактическом заявлении адвокатом Л. ходатайства о назначении судебной экспертизы 14 апреля 2025 г. адвокат представил в материалы дисциплинарного производства аудиозапись своей речи в защиту К.В., произнесенной в судебном заседании, с собственного записывающего устройства. В ней зафиксированы высказывания адвоката Л., хотя и не содержащие конкретных сведений об обстоятельствах заявления им ходатайства о назначении судебной экспертизы и результатах его рассмотрения, но дающие основания полагать, что такое ходатайство было им заявлено по крайней мере в устной форме. Кроме того, сам заявитель К.В. не исключает возможности заявления адвокатом Л. указанного ходатайства «ненадлежащим образом», что также не исключает его заявления в устной форме. Подобная форма заявления ходатайства не запрещена уголовно-процессуальным законодательством. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о недоказанности дисциплинарного обвинения в «незаявлении или ненадлежащем заявлении» адвокатом Л. в ходе судебного разбирательства ходатайства о назначении судебной экспертизы.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения во введении адвокатом Л. доверителя К.В. в заблуждение «относительно перспектив защиты», а также намерений по принятию мер к установлению и подтверждению факта заявления им ходатайства от 14 апреля 2025 г. о назначении судебной экспертизы. Заявитель выдвинул указанные дисциплинарные претензии в связи с неисполнением адвокатом Л. данного им в ходе переписки с супругой заявителя К.В., не являющейся его доверителем, обещания найти заявленное ходатайство о назначении судебной экспертизы в материалах уголовного дела, а также подать замечания на акт об отсутствии аудиозаписи от 14 апреля 2025 г., если указанное ходатайство в материалах уголовного дела не

будет обнаружено. Однако поскольку эта переписка велась адвокатом Л. не с доверителем К.В., она не может рассматриваться как доказательство намеренного введения того в заблуждение.

Дисциплинарное обвинение в попытке адвоката Л. принять участие в судебном заседании суда кассационной инстанции также не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства, поскольку из материалов дисциплинарного производства не усматривается доказательств совершения адвокатом Л. каких-либо умышленных действий, связанных с участием в этом заседании, направленных против воли и интересов доверителя К.В.

По этим причинам дисциплинарное производство в части описанных дисциплинарных обвинений подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях адвоката Л. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

К иному выводу Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит в отношении дисциплинарного обвинения в неознакомлении с протоколом и аудиозаписью судебного заседания К. районного суда Волгоградской области и непринесении на него замечаний в связи с неотражением в нем факта заявления 14 апреля 2025 г. адвокатом Л. ходатайства о назначении судебной экспертизы, а также в связи с отсутствием аудиозаписи судебного заседания от 14 апреля 2025 г.

В соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности перед доверителем, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, то есть реализовывать полномочия защитника, предусмотренные ст. 53 УПК РФ, в частности, на ознакомление с протоколом и аудиозаписью судебного заседания и принесение письменных замечаний по поводу правильности и полноты записей в протоколе.

В силу ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении.

Согласно п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с п. 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. и содержащего минимальные требования к деятельности адвоката – защитника по уголовному делу, «защитник должен знакомиться с протоколами процессуальных действий, проводимых с его участием, на всех стадиях уголовного процесса и при необходимости приносить на них замечания».

Адвокат Л. нарушил указанные обязательные профессионально-этические предписания, уклонившись от своевременного ознакомления с протоколом и аудиозаписью указанного судебного за-

седания и подав ходатайство об ознакомлении с ними лишь 15 октября 2025 г., после истечения процессуального срока, предусмотренного ч. 7 ст. 259 УПК РФ и вступления обвинительного приговора в законную силу, причем не по своей инициативе, а по инициативе доверителя. Это лишило адвоката Л. возможности принести замечания на протокол и аудиозапись судебного заседания в связи с их неполнотой и ограничило возможности К.В. по отстаиванию его прав и интересов при дальнейшем обжаловании приговора.

Таким образом, Совет приходит к выводу о том, что адвокат Л. при описанных обстоятельствах нарушил требования подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве. Совет признает презумпцию адвоката Л. в данной части опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Л. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый характер, связанный с недобросовестным исполнением адвокатом профессиональных обязанностей, повлекшем негативные последствия для доверителя. Вместе с тем Совет учитывает признание адвокатом Л. нарушения и отсутствие у него неснятых и непогашенных дисциплинарных взысканий. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Л. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени соответствующую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет также считает необходимым указать адвокату Л. на обязательность соблюдения законодательно установленных профессиональных обязанностей исполнять решения органов адвокатской корпорации, принятые в пределах их компетенции, а также постоянно совершенствовать свои знания и повышать профессиональный уровень (подп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Л. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве… адвокат должен… следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвока-

тов, принятые в пределах их компетенции») во взаимосвязи с п. 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем К.В., выразившееся в том, что он, осуществляя защиту К.В. в уголовном судопроизводстве, не ознакомился своевременно с протоколом и аудиозаписью судебного заседания К. районного суда Волгоградской области по уголовному делу, рассмотренному с участием подсудимого К.В. и его защитника – адвоката Л., подав ходатайство об ознакомлении с ними лишь 15 октября 2025 г., после истечения процессуального срока, предусмотренного ч. 7 ст. 259 УПК РФ, и после вступления 18 сентября 2025 г. приговора упомянутого суда от 10 июля 2025 г. по указанному уголовному делу в законную силу, что лишило его возможности принести на протокол и аудиозапись судебного заседания замечания в связи с их неполнотой и ограничило возможности осужденного К.В. по отстаиванию его прав, свобод и законных интересов в уголовном судопроизводстве.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. по жалобе К.В., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.14. Статус адвоката прекращен за длительное и умышленное уклонение от исполнения принятого перед доверителем обязательства по возврату нескольких миллионов рублей неотработанного вознаграждения и злоупотребление его доверием. Совет признал такое поведение адвоката умышленным и злостным нарушением фундаментальных требований честности и добросовестности, несовместимым со статусом адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя заявителя К. – адвоката К.С. и адвоката М. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К. от 22 января 2026 г. в отношении адвоката М.

Квалификационная комиссия 20 мая 2026 г. вынесла Заключение:

1) о неисполнении адвокатом М., вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно и добросовестно отстаивать права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившемся в том, что, добровольно приняв на себя 2 декабря 2025 г. на основании Дополнительного соглашения № 1 от 2 декабря 2025 г. к Соглашению об оказании квалифицированной юридической помощи № … от 27 сентября 2025 г. письменное обязательство о возврате доверителю К. в течение двух дней с момента подписания указанного дополнительного соглашения …руб. неотработанного вознаграждения (полученного авансом на основании указанного соглашения, а также по устной договоренности), адвокат М., не имея намерения исполнить это обязательство

в полном объеме и злоупотребляя доверием, сформировавшимся к нему как к адвокату у доверителя К., уклонился от исполнения этого обязательства в части суммы в размере …руб. вплоть до настоящего времени (по крайней мере, до 20 мая 2026 г. включительно);

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе К., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель К., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии, просил рассмотреть свою жалобу в его отсутствие, обеспечил участие в заседании Совета своего представителя К.С., который также подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление и согласие с ним и от имени своего доверителя К. высказал мнение о необходимости применения к адвокату М. меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката в связи с его крайне недобросовестным поведением. С учетом этих обстоятельств и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося заявителя К.

Адвокат М. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии согласен частично. Он не оспаривает факт неисполнения обязательства по возврату денежных средств, однако не согласен с выводом о злоупотреблении доверием К. Поддержал доводы своих письменных возражений, в которых указал, что не вернул долг доверителю в силу стечения обстоятельств, просил не прекращать его статус адвоката, обязался возвратить долг «при первой возможности», а впредь быть «более осмотрительным». Отвечая на вопросы членов Совета, подтвердил, что до настоящего времени денежные средства К. не возвратил ни полностью, ни в какой-либо части, за исключением возвращенных в декабре 2025 г. …тыс. руб. Отметил, что, возможно, недостаточно точно выразил свою позицию о намерении пересмотреть сумму неисполненного обязательства. В действительности он это свое обязательство не оспаривает. Вместе с тем он считает, что в результате дисциплинарного разбирательства был опровергнут довод о том, что соглашение от 27 сентября 2025 г. было заключено им не в целях оказания юридической помощи, а для получения денежных средств доверителя. На протяжении двух месяцев он оказывал К. квалифицированную юридическую помощь и намерен отстаивать эту позицию в судебном порядке, поскольку соответствующий довод приведен доверителем в исковом заявлении.

До 20 января 2026 г. он предпринимал попытки урегулировать вопрос о возврате задолженности путем переговоров с К. Но после того, как в последнем разговоре доверитель сообщил ему, что более не намерен ожидать возврата денежных средств и в случае их невозврата до 20 января 2026 г. прекратит переговоры, обратившись с иском в суд и с жалобой в Адвокатскую палату, он пришел к выводу о невозможности дальнейших переговоров, поскольку ранее уже неоднократно просил доверителя предоставить отсрочку возврата долга. Полагает, что переоценил свои возможности возвратить денежные средства в столь короткий срок, как это предусмотрено

дополнительным соглашением. Он пытался изыскать необходимые средства, в том числе обращался к знакомым с просьбой предоставить денежные средства в долг, собирался продать мебель, однако положительных результатов не получил. Полагает, что его поведение не свидетельствует о злоупотреблении доверием К., поскольку свой долг он не отрицает и постарается вернуть его при первой возможности. Выразил сожаление в связи с тем, что его недостаточно обдуманные действия повлекли нарушение корпоративных норм. В связи с этим принес извинения адвокатскому сообществу в лице Совета, а также доверителю К. и пообещал впредь не допускать подобного. Кроме того, просил учесть, что адвокатская деятельность является его единственным источником дохода, на его иждивении находится несовершеннолетний сын 14 лет, проживающий с бывшей супругой в городе… а его профессиональная специализация связана с уголовным правом.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 27 сентября 2025 г. между К. и адвокатом М. было заключено соглашение об оказании квалифицированной юридической помощи. Предметом соглашения являлось представление интересов К. в правоохранительных и судебных органах по факту совершения в отношении него мошеннических действий, выразившихся в незаконном завладении …руб. По условиям соглашения адвокат М. обязался, в числе прочего, провести юридический анализ представленных материалов, согласовать с доверителем стратегию и тактику ведения дела, подготовить и согласовать текст заявления о преступлении и при необходимости направить его в правоохранительные органы.

29 сентября 2025 г. К. перечислил адвокату М. …руб. в счет оплаты вознаграждения по соглашению. 31 октября 2025 г. К. дополнительно перечислил адвокату М. …рублей с назначением платежа по тому же соглашению. Получение денежных средств адвокат подтвердил в переписке. Таким образом, общая сумма денежных средств, перечисленных К. адвокату М. в связи с исполнением Соглашения от 27 сентября 2025 г., составила …руб.

Адвокат М. приступил к исполнению поручения: консультировал доверителя и 6 ноября 2025 г. представил ему проект заявления о преступлении. 7 ноября 2025 г. К. возвратил адвокату указанный проект с внесенными изменениями.

13 ноября 2025 г. адвокат М. направил К. проект дополнительного соглашения, предусматривавшего расширение предмета поручения и увеличение размера вознаграждения адвоката до …рублей. Вместе с тем доказательств подписания указанного дополнительного соглашения либо согласования доверителем увеличенного размера вознаграждения материалы дисциплинарного производства не содержат.

2 декабря 2025 г. стороны заключили Дополнительное соглашение о расторжении Соглашения от 27 сентября 2025 г. В нем стороны согласовали, что размер вознаграждения адвоката составляет …руб., а оставшаяся сумма подлежит возврату доверителю. В тот же день адвокат М. принял на себя письменное обязательство в течение двух дней возвратить К. …руб. из суммы, перечисленной 29 сентября 2025 г., а также …руб., перечисленные 31 октября 2025 г. Общая сумма денежных средств, подлежащих возврату доверителю, составила …руб.

5 декабря 2025 г. К. направил адвокату М. письменную претензию с требованием возвратить неотработанное вознаграждение в сумме …рублей. 15 декабря 2025 г. адвокат М. возвратил К. …руб. Оставшаяся сумма в размере …рублей не возвращена до настоящего времени, в том числе на момент рассмотрения дисциплинарного производства Советом.

23 декабря 2025 г. адвокат М. направил К. проект дополнительного соглашения, предусматривавший уплату процентов на сумму невозвращенных денежных средств в размере …руб. до момента фактического возврата. К. с этим предложением не согласился.

Материалы дисциплинарного производства не содержат доказательств того, что после частичного возврата 15 декабря 2025 г. …руб. адвокат М. предпринимал какие-либо действия, направленные на реальное исполнение принятого им письменного обязательства перед доверителем по возврату оставшейся суммы. Более того, в объяснениях от 19 мая 2026 г. адвокат М. указал, что намерен определить стоимость оказанной юридической помощи в судебном порядке в рамках возможного гражданско-правового спора с К., а задолженность перед доверителем будет погашена после принятия судом итогового решения. Эту позицию адвоката М. Совет, вопреки его последующим пояснениям в заседании Совета, расценивает как уклонение от исполнения принятого на себя обязательства перед доверителем К. о возвращении неотработанного вознаграждения.

Оценивая дисциплинарное обвинение в уклонении адвоката М. от исполнения добровольно принятого письменного обязательства о возврате доверителю К. неотработанной части вознаграждения и в злоупотреблении тем самым доверием К., обусловленным профессиональными отношениями адвоката и доверителя, Совет приходит к следующим выводам.

Согласно ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему (п. 1). Адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре (п. 2). Злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката (п. 3).

В соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Аналогичная профессиональная обязанность закреплена в п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, согласно подп. 2 п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 г., доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи; при расторжении соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы; удержание неотработанной части внесенного гонорара является недопустимым.

Указанные положения имеют значение не только для оценки действий адвоката при принятии и исполнении поручения, но и для оценки его поведения при прекращении соглашения, определении отработанной части вознаграждения и возврате доверителю денежных средств, подлежащих возврату.

В рассматриваемом случае адвокат М., заключая с К. Дополнительное

соглашение от 2 декабря 2025 г., действовал не как частное лицо, а именно как адвокат, состоявший с доверителем в правоотношениях по оказанию юридической помощи на основании Соглашения от 27 сентября 2025 г.

Дополнительным соглашением от 2 декабря 2025 г. адвокат М. признал, что из полученных им от доверителя денежных средств в общей сумме …руб. отработанным является вознаграждение только в размере …руб., а остальные полученные им денежные средства в сумме …руб. подлежат возврату доверителю в течение двух дней после подписания указанного дополнительного соглашения. Адвокат М. в письменной форме обязался произвести возврат этих денежных средств в названный срок.

Каких-либо условий, позволяющих адвокату М. в одностороннем порядке пересмотреть согласованный размер отработанного и неотработанного вознаграждения, изменить срок возврата неотработанного вознаграждения либо поставить этот возврат в зависимость от хода и результатов будущего судебного спора, Дополнительное соглашение от 2 декабря 2025 г. не содержит. Каких-либо изменений в условия этого дополнительного соглашения стороны не согласовывали и не вносили.

При таких обстоятельствах К. имел разумные основания рассчитывать на добровольное и своевременное исполнение адвокатом М. принятого им письменного обязательства, а тот был обязан это обязательство перед доверителем исполнить надлежащим образом. Доверие К. к адвокату М. основывалось не только на факте наличия подписанного соглашения и его содержании, но и на профессиональном статусе адвоката, предполагающем соблюдение повышенных стандартов честности, разумности и добросовестности в отношениях с доверителем.

Однако адвокат М. обязательство не исполнил не только в установленный срок, но и до настоящего времени, т. е. в течение более чем полугода после его истечения. Он возвратил доверителю К. только …руб., причем лишь после получения его письменной претензии от 5 декабря 2025 г. Оставшаяся сумма в размере …руб. не возвращена, при этом адвокат М. и на момент рассмотрения дисциплинарного производства Советом не выразил безусловного намерения возвратить ее в какой-либо разумный и конкретный срок и не просит о согласовании К. такого срока, а лишь говорит о намерении возвратить долг «при первой возможности». Не представил адвокат М. и доказательств наличия каких-либо объективных препятствий к исполнению добровольно принятого обязательства. Ссылки на тяжелое материальное положение и смерть близкого родственника таким доказательствами не являются, поскольку рассматриваемое обязательство адвокат М. принял уже после наступления указанных обстоятельств и сделал это добровольно. Кроме того, приняв обязательство о двухдневном сроке возврата, адвокат М., как указано выше, не исполняет его в течение более чем полугода.

Совокупность установленных в результате дисциплинарного разбирательства обстоятельств вне разумных сомнений свидетельствует об уклонении адвоката М. от исполнения принятых им на основании Дополнительного соглашения от 2 декабря 2025 г. обязательств перед доверителем К.

Так, после частичного возврата …руб. в декабре 2025 г. адвокат М. неоднократно сообщал доверителю о намерении вернуть оставшуюся сумму «в ближайшее время», «сегодня», «как только поступят на счет», «до понедельника», «на этой неделе». Указанные обещания адвоката М. объективно поддерживали у его

доверителя К. ожидание возврата денежных средств. Однако ни одно из этих обещаний адвокатом М. исполнено не было ни полностью, ни в какой-либо части, а денежные средства в размере …руб., подлежащие возврату, продолжали им удерживаться.

Последующее же выражение адвокатом М. намерения пересмотреть эти обязательства перед доверителем, как указано выше, свидетельствует о его фактическом уклонении от исполнения добровольно принятого письменного обязательства перед доверителем.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат М., добровольно приняв на себя письменное обязательство возвратить доверителю неотработанную часть вознаграждения, фактически уклонился от исполнения этого обязательства в основной его части. При этом он, используя доверие К. к нему как к адвокату, поддерживал у последнего ожидание скорого возврата денежных средств и одновременно не предпринимал никаких реальных действий к этому.

Совет неоднократно отмечал, что надлежащее исполнение адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и строгое выполнение адвокатом требований закона о порядке оформления правоотношений с доверителем, поскольку именно адвокат как профессиональный участник отношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы соответствующие процедуры не нарушали права и законные интересы доверителя (см., например, п. 2 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем // https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/discipline/reviews/11313/).

Однако описанное поведение адвоката М. не может рассматриваться лишь как неисполнение гражданско-правового обязательства и профессиональной обязанности по надлежащей формализации отношений с доверителем. В рассматриваемой ситуации адвокат М. использовал свой адвокатский статус и доверие К., обусловленное этим статусом и ранее сложившимися между ними отношениями адвоката с доверителем, т. е. злоупотреблял доверием К. в недобросовестных целях.

По этой причине Совет отклоняет как несостоятельный и надуманный довод адвоката М. об отсутствии в его поведении злоупотребления доверием К. Ссылки же адвоката М. на то, что он оказывал юридическую помощь доверителю, не меняют оценки его профессионального поведения в рассматриваемой части.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат М., добровольно приняв на себя 2 декабря 2025 г. письменное обязательство о возврате доверителю К. …руб. неотработанного вознаграждения, уклонился от исполнения указанного обязательства в части возврата …руб., злоупотребив доверием К., обусловленным его профессиональным статусом и отношениями с доверителем. Указанными действиями адвокат М. нарушил взаимосвязанные требования подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 5 и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката М. в данной части опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что дисциплинарное обвинение в заключении адвокатом М. Соглашения с К. об оказании юридической помощи от 27 сентября 2025 г. при отсутствии намерения оказывать доверителю юридическую помощь не нашло подтверждения. Как указано выше, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что после заключения этого соглашения адвокат М. приступил к исполнению поручения: взаимодействовал с доверителем и его супругой, консультировал доверителя, анализировал представленные материалы, а также подготовил и представил доверителю проект заявления о преступлении. Последующий спор сторон об объеме и качестве оказанной юридической помощи и причинах расторжения соглашения не свидетельствует об изначальном отсутствии у адвоката намерения его исполнять. В связи с этим дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению. Однако Совет вновь подчеркивает, что данное обстоятельство не устраняет и не умаляет обязанности адвоката исполнить добровольно принятое им письменное обязательство перед доверителем о возврате неотработанной части вознаграждения после расторжения соглашения.

Совет также соглашается с выводом Квалификационной комиссии об отсутствии в действиях адвоката М. признаков нарушения п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому адвокат не должен ставить себя в долговую зависимость от доверителя. Денежные средства были получены адвокатом М. от К. не в качестве займа или иной личной финансовой помощи, а в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи, что не может рассматриваться как постановка адвоката в долговую зависимость перед доверителем. Действиям адвоката М. по удержанию денежных средств, полученных в качестве вознаграждения за юридическую помощь, и неисполнению обязательства по их возврату уже дана правовая оценка выше. В связи с изложенным дисциплинарное производство в данной части также подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката М. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет учитывает его тяжесть, умышленный и злостный характер, сопряженный с длительным удержанием денежных средств доверителя в сочетании со злоупотреблением его доверием, что в силу императивного характера предписания п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката несовместимо со статусом адвоката. Совет оценивает профессиональное поведение адвоката М. как умышленное нарушение фундаментальных профессионально-этических требований честности и добросовестности, подрывающее доверие и наносящее ущерб авторитету адвокатуры. Совет также принимает во внимание, что Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 декабря 2025 г. № … к адвокату М. уже была применена мера дисциплинарной ответственности в виде замечания. Однако ранее примененная мера дисциплинарной ответственности не побудила адвоката М. к безупречному профессиональному поведению. Более того, после ее применения он совершил значительно более тяжкое дисциплинарное нарушение. При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката М. недопустимым и несовместимым с пребыванием в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Поведение адвоката М. свидетельствует

о том, что он не обладает необходимыми профессиональными и личными качествами для осуществления адвокатской деятельности, а при ее осуществлении руководствуется мотивами, чуждыми профессиональному назначению адвоката, самой сущности профессии и ее достоинству.

Совет принимает во внимание принесенные адвокатом М. извинения, его ссылки на семейные обстоятельства и имущественное положение. Вместе с тем указанные обстоятельства не могут быть признаны достаточными для применения более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку это не отвечало бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также дало бы основания полагать, что подобное профессиональное поведение совместимо со статусом адвоката.

В соответствии с подп. 1 и 2 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он является, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей, а также при нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого М. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет с учетом всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности адвоката М., его профессиональном стаже, семейном и имущественном положении, считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1, 2 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно и добросовестно отстаивать права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившееся в том, что он, добровольно приняв на себя на основании Дополнительного соглашения от 2 декабря 2025 г. № 1 к Соглашению № … об оказании квалифицированной юридической помощи от 27 сентября 2025 г. письменное обязательство о возврате в течение двух дней с момента подписания указанного дополнительного соглашения доверителю К. …руб. неотработанного вознаграждения (полученного авансом на основании указанного соглашения, а также по устной договоренности), не имея намерения исполнить это обязательство в полном объеме и зло-

употребляя доверием, сформировавшимся к нему как к адвокату у доверителя К., уклонился от исполнения этого обязательства в части суммы в размере …руб. вплоть до настоящего времени.

Установить срок, по истечении которого М. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, в 2 (два) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по жалобе К. от 22 января 2026 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.15. Адвокат получил предупреждение за несвоевременное и неквалифицированное исполнение поручения доверителя в деле о банкротстве. Совет счел, что адвокат как профессиональный советник обязан был обеспечить соответствие заявления о банкротстве требованиям закона и надлежащим образом оформить полномочия. Совет отметил, что ненадлежащее исполнение поручения привело сначала к возврату заявления, а затем к его оставлению без движения, что создало для доверителя существенные правовые и имущественные риски.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката М. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе А. от 19 января 2026 г. в отношении адвоката М.

Квалификационная комиссия 13 мая 2026 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами), исполнении адвокатом М. своих профессиональных обязанностей перед доверителем А., выразившемся в том, что, приняв не позднее 24 августа 2023 г. поручение А. на подачу заявления о признании ее банкротом и оказание ей юридической помощи в ходе производства по делу о ее банкротстве, адвокат М. не обеспечил своевременное и активное исполнение указанного поручения доверителя А. вплоть до 29 августа 2024 г., сначала подав в Арбитражный суд Б. области подписанное им как представителем должника А. заявление о признании ее банкротом с нарушением требований ст. 126 АПК РФ, ст. 213.4 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», что привело к возвращению заявления указанным судом 7 ноября 2023 г. без его принятия к производству, а затем подав лишь 2 августа 2024 г. заявление о признании А. банкротом в Арбитражный суд Московской области, которое также было оставлено без движения в связи с нарушением требований ст. 126 АПК РФ при его подаче и было принято указанным судом к производству только 9 октября 2024 г. лишь после устранения 29 августа 2024 г. адвокатом М. выявленных судом недостатков;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе А., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарно-

го производства в части доводов А. о совершении адвокатом М. противоправных действий, содержащих признаки мошенничества и подделки документов;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе А., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель А., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, письменно сообщила о невозможности принять участие в заседании Совета. Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося заявителя А.

Адвокат М. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним в полном объеме, с выводами Комиссии согласился. Указал при этом, что «затяжной характер дела» произошел не по его вине. Отвечая на вопросы членов Совета относительно выдачи доверенности от 31 октября 2022 г., адвокат М. пояснил, что взял на работу помощника Л., юриста с высшим образованием, у которого была своя клиентская база. Л. имел дела с А., и доверенность оформлялась без его (адвоката М.) ведома. Впоследствии Л. сообщил ему об оформлении и выдаче этой доверенности и сказал, что его клиент А. нуждается в списании долгов. Относительно оставления без движения заявлений доверителя А. о признании ее банкротом сначала в Арбитражном суде Б. области, а затем в Арбитражном суде Московской области пояснил, что полностью доверился Л. По сути, А. была клиентом его помощника, и только когда стало понятно, что он с делом не справляется, адвокат М., заключил с ней соглашение «как положено».

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката М., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Заявителем А. представлен Договор об оказании юридической помощи физическому или юридическому лицу от 31 октября 2022 г. (далее также – Договор), в качестве сторон которого указаны доверитель А. и поверенные М. и Л. В качестве предмета Договора указаны «Подготовка документов и их подача в арбитражный суд о возбуждении дела о банкротстве физического лица, окончание настоящего договора является признание лица Арбитражным судом – Банкротом»[12]. Договор содержит подписи от имени «Доверенных лиц» Л., М. и «Доверителя» А. В то же время адвокат М. подписание им Договора и свою осведомленность о его заключении отрицает, настаивая, что впервые встретился с доверителем А. лишь в июне 2023 г.

Также установлено, что 31 октября 2022 г. А. выдала на Л. и М. доверенность на бланке, удостоверенную нотариусом …нотариального округа Московской области С., зарегистрированную в реестре (далее также – Доверенность), предусматривавшую полномочия доверенных лиц, в том числе на ведение дел А. «во всех судебных учреждениях».

7 июня 2023 г. между адвокатом М. и доверителем А. заключено Соглаше-

[12] Орфография и пунктуация оригинала сохранены (*прим. ред.*).

ние об оказании юридической помощи в гражданском (уголовном) судопроизводстве от 7 июня 2023 г. (далее – Соглашение от 7 июня 2023 г.), предусматривающее в качестве предмета поручения подготовку и сбор документов к суду, подачу искового заявления в суд, получение решения. Пункт 2.1 Соглашения от 7 июня 2023 г. оговаривает вознаграждение за оказание юридической помощи в размере …руб. В качестве «дополнительного условия» в Соглашении от 7 июня 2023 г. указано: «Аванс получен в размере …рублей». Согласно пояснениям заявителя А. указанное соглашение не имеет отношения к оказанию ей юридической помощи по делу о банкротстве, а заключено с адвокатом М. для оказания иной юридической помощи – по вопросам наследственного права. Напротив, адвокат М. настаивал на том, что Соглашение от 7 июня 2023 г. являлось единственным основанием для оказания юридической помощи А. по делу о ее банкротстве. При этом данное соглашение зарегистрировано в документации адвокатского образования – Ассоциации Коллегии адвокатов города Москвы «…» 7 июня 2023 г.

8 июня 2023 г. адвокат М. внес в кассу упомянутой коллегии адвокатов …руб. в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи на основании Соглашения от 7 июня 2023 г. с оформлением приходного кассового ордера от 8 июня 2023 г.

24 августа 2023 г. в Арбитражный суд Б. области поступило заявление о признании А. банкротом, подписанное адвокатом М. как представителем должника А. по доверенности. Определением от 31 августа 2023 г. указанное заявление оставлено судом без движения в связи с тем, что к нему не приложены документы, предусмотренные п. 3 ст. 213.4 Закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а в доверенности адвоката М. отсутствуют полномочия на ведение дела о банкротстве. При этом согласно п. 44 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» «полномочия на ведение дела о банкротстве должны быть специально оговорены в доверенности; доверенность на ведение дел в арбитражных судах, не содержащая такого специального указания, не предоставляет упомянутых полномочий».

10 октября 2023 г. определением Арбитражного суда Б. области удовлетворено ходатайство А. о продлении срока оставления заявления без движения до 30 октября 2023 года. 7 ноября 2023 г определением того же суда заявление А. о признании ее несостоятельным должником (банкротом) возвращено в связи с неустранением недостатков, послуживших основанием для оставления заявления без движения.

10 ноября 2023 г. А. выдала Л. и адвокату М. доверенность на бланке, удостоверенную нотариусом О. нотариального округа Московской области С. и зарегистрированную в реестре, предусматривавшую полномочия, в том числе на представление интересов А. при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве (далее также – доверенность от 10 ноября 2023 г.).

29 июля 2024 г. адвокат М. внес на депозитный счет Арбитражного суда Московской области … руб. с назначением платежа «Вознаграждение (расходы) фин. управл. при процедуре банкротства физ. лица А. …г.р.». 2 августа 2024 г. адвокат М. направил в Арбитражный суд Московской области заявление А. о признании гражданина банкротом. 9 августа 2024 г. данным арбитражным судом вынесено определение, которым заявление А. о ее признании банкротом

оставлено без движения до 9 сентября 2024 г., а 9 октября 2024 г. – о принятии заявления А. к производству с возбуждением производства по делу о банкротстве.

11 февраля 2025 г. упомянутым нотариусом С. удостоверено распоряжение А. на бланке об отмене доверенности от 10 ноября 2023 г., выданной Л. и М.

18 марта 2025 г. Арбитражным судом Московской области вынесено решение о признании А. несостоятельной (банкротом). 15 октября 2025 г. определением данного арбитражного суда завершена процедура реализации имущества А.

Заявитель А. выдвигает против адвоката М. следующие дисциплинарные обвинения:

– в бездействии, выразившемся в неисполнении принятого поручения на подачу заявления о признании А. банкротом и оказание ей юридической помощи в ходе производства по делу о ее банкротстве;

– в сообщении А. с 25 ноября 2022 г. по июль 2024 г. заведомо ложных сведений об осуществлении в отношении нее процедуры банкротства, в том числе и путем передачи ей поддельного судебного решения Арбитражного суда Московской области по делу о признании ее банкротом от 25 ноября 2022 г.

При этом заявитель А. указывает на уклонение адвоката М. от возврата ей …руб., фактически выплаченных «за фиктивные услуги», и отмечает, что в поведении адвоката М. усматриваются признаки мошенничества и подделки документов.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в бездействии, Совет в первую очередь учитывает существенное расхождение позиций заявителя А. и адвоката М. относительно правовых оснований возникновения правоотношений по оказанию юридической помощи. Так, заявитель А. в качестве основания возникновения правоотношений с адвокатом М. указала Договор от 31 октября 2022 г. и настаивала на том, что он подписан в ее присутствии Л. и адвокатом М. 30 или 31 октября 2022 г. Однако адвокат М., как указано выше, категорически отрицает подписание им указанного договора, ссылаясь на неосведомленность о факте его заключения между его помощником Л. и А. и на то, что в дальнейшем, в телефонном разговоре с Л., тот сообщил ему, что его данные он «вставил для статуса», а подпись от имени адвоката М. не ставил, а ставил только свою подпись. При этом Л. предположил, что подпись в договоре от имени адвоката М. А. поставила сама. Л. он уволил еще в 2024 г. «за утерю доверия», поскольку «все жалобы» на адвоката М. были из-за него. Квалификационная комиссия также указала в Заключении на визуальное отличие подписи от имени адвоката М. в Договоре от 31 октября 2022 г. от его подписей в других документах, имеющихся в материалах дисциплинарного производства. Кроме того, адвокатом М. было представлено заключение специалиста Т. от 5 февраля 2026 г., согласно которому подпись от имени М. в копии указанного договора выполнена не им, а иным лицом.

При таких обстоятельствах факт заключения адвокатом М. с А. Договора от 31 октября 2022 г. нельзя признать доказанным. Вместе с тем в результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлено, что адвокат М. в дальнейшем был осведомлен о факте подписания этого договора, поскольку в доверенности на бланке от 31 октября 2022 г., выданной А. ему и Л. в том числе на ведение дел во всех судебных учреждениях, приведены реквизиты удостоверения адвоката М. Эта доверенность была им использована при подписании и подаче заявления А. о ее признании банкротом, поступившего 24 августа

2023 г. в Арбитражный суд Б. области. Используя эту доверенность, адвокат М. не мог не понимать, что за оказанием юридической помощи А. обратилась, по крайней мере, к Л. задолго до заключения с адвокатом М. Соглашения от 7 июня 2023 г. Поэтому даже если бы Л. действительно действовал без ведома адвоката М., последний должен был узнать об этом не позднее 24 августа 2023 г.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката М. о том, что юридическую помощь по вопросам, связанным с банкротством А., он оказывал на основании Соглашения от 07 июня 2023 г., поскольку оно не содержит поручения на подачу от имени А. заявления о ее банкротстве и на представление ее интересов по делу о банкротстве, а предусматривает лишь неконкретное поручение на подготовку и сбор документов к суду, подачу искового заявления и получение решения при том, что дело о банкротстве вообще не предполагает подачу каких-либо исковых заявлений. Эти обстоятельства подтверждают довод заявителя А. о том, что Соглашение от 7 июня 2023 г. было заключено с адвокатом М. для оказания иной юридической помощи.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что ни Договор от 31 октября 2022 г., ни Соглашение от 7 июня 2023 г. не могут рассматриваться как надлежащее правовое основание для оказания адвокатом М. юридической помощи доверителю А. в виде подачи заявления о признании ее банкротом и оказания ей юридической помощи по делу о ее банкротстве. Между тем претензий к порядку формализации отношений с доверителем заявитель А. не заявляет, в связи с чем правовая оценка профессионального поведения адвоката М. в данной части не может быть дана. При этом, вопреки доводам адвоката М., для оценки выдвинутых против него дисциплинарных обвинений правовое значение имеет не заключение или незаключение им Договора от 31 октября 2022 г., а достоверно установленный факт принятия им поручения на подачу заявления о признании А. банкротом и оказание ей юридической помощи по делу о ее банкротстве. Разрешая вопрос о моменте принятия адвокатом М. такого поручения, Совет, учитывая описанные выше обстоятельства, приходит к выводу о том, что оно было принято адвокатом М. не позднее 24 августа 2023 г., когда в Арбитражный суд Б. области поступило поданное им как представителем должника А. по доверенности заявление о признании А. банкротом.

При этом подача в данный суд заявления о признании А. банкротом с нарушением требований закона и последующее неустранение недостатков этого заявления, повлекшее его возвращение, опровергают доводы адвоката М. об исполнении принятого им поручения А. Совет в этой связи вновь подчеркивает, что именно на адвоката как на профессионального советника по правовым вопросам были возложены обязанности обеспечить соответствие поданного заявления предъявляемым к нему требованиям, а также надлежащим образом подтвердить свои полномочия представителя.

Более того, даже после выдачи адвокату М. новой доверенности от 10 ноября 2023 г., предусматривающей необходимые полномочия, он обратился в Арбитражный суд Московской области с заявлением о банкротстве А. лишь 2 августа 2024 г. Однако и это заявление, как указано выше, было оставлено без движения судом. Как следует из определения суда, основанием такого решения послужило нарушение требований ст. 126 АПК РФ, а именно то, что к заявлению не были приложены: копии паспорта гражданина-

заявителя и свидетельства о рождении ребенка; документы, подтверждающие наличие или отсутствие у гражданина статуса индивидуального предпринимателя; справка об отсутствии (наличии) судимости; копии документов о совершавшихся гражданином в течение трех лет до даты подачи заявления сделках с недвижимым имуществом, ценными бумагами, долями в уставном капитале, транспортными средствами и сделках на сумму свыше 300 тыс. руб. (либо пояснения об их отсутствии); сведения из налогового органа об открытых банковских счетах физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем, по форме 9ф. Только 4 сентября 2024 г. в Арбитражный суд Московской области поступили документы во исполнение указанного определения об оставлении заявления без движения, которые согласно скриншотам страниц личного кабинета системы «Мой Арбитр ru» (<guard.arbitr.ru>) были направлены в указанный суд 29 августа 2024 г. Лишь после этого 9 октября 2024 г. данное заявление было принято этим судом к производству. Описанные обстоятельства подтверждаются и объяснениями заявителя А. о том, что в 2023 г. вторую доверенность она выдала в связи с тем, что, по словам адвоката М., «что-то изменилось и в доверенности нужно указать, что он может вести дело, связанное с банкротством», а также о том, что сведения о подаче адвокатом М. заявления о признании ее банкротом поступили ей лишь после того, как в 2024 г. она позвонила ему и высказала претензии, что дело о банкротстве должно слушаться быстрее. При этом А. пояснила, что была вынуждена собирать «всякие справки», поскольку к заявлению были приложены не все необходимые документы.

Тем самым опровергаются доводы адвоката М. о том, что возвращение заявления Арбитражным судом Б. области было связано «с уточнением подсудности и необходимостью подачи заявления А. по месту ее жительства в Арбитражный суд Московской области», а также о том, что он «незамедлительно» повторно подал заявление А. о ее банкротстве в Арбитражный суд Московской области. Таким образом, подачу адвокатом М. 2 августа 2024 г. в Арбитражный суд Московской области заявления о банкротстве А., которое вновь было оставлено без движения, нет оснований признать ни активным и своевременным, ни добросовестным и профессиональным исполнением поручения доверителя.

Совет отклоняет как несостоятельные и надуманные доводы адвоката М. о том, что А. не согласилась с предложенной адвокатом М. кандидатурой финансового управляющего К. и тем самым «затянула свой процесс». Согласно п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», «пункт 4 статьи 213.4 и пункт 3 статьи 213.5 Закона о банкротстве предусматривают, что в заявлении о признании должника банкротом указывается только саморегулируемая организация, из числа членов которой должен быть утвержден финансовый управляющий. Конкурсный кредитор, уполномоченный орган, должник при подаче заявления о признании гражданина банкротом не наделены правом выбора конкретной кандидатуры финансового управляющего. Заявление, в котором указана конкретная кандидатура финансового управляющего и не указаны наименование и адрес саморегулируемой организации, в силу статьи 44 Закона о банкротстве, подлежит оставлению без движения. Если в заявлении одновременно указаны кандидатура финансового управляющего, а также наименование и адрес саморегулируемой

организации, суд принимает заявление к производству и запрашивает у данной саморегулируемой организации кандидатуру финансового управляющего для утверждения в деле о банкротстве должника» (см. также п. 12 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г.). С учетом изложенного пожелания А. и адвоката М. о предпочтительной кандидатуре финансового управляющего не могли влиять на возможность подачи адвокатом М. и разрешение судом заявления о признании А. банкротом.

Довод адвоката М. о том, что вплоть до вынесения определения Арбитражного суда Московской области от 15 октября 2025 г. он являлся представителем А., опровергается распоряжением А. от 11 февраля 2025 г. об отмене выданной адвокату М. и Л. доверенности от 10 ноября 2023 г., означающим отмену поручения А. с этого момента.

Своевременность и активность, равно как и квалифицированность и добросовестность при исполнении адвокатом поручения на оказание юридической помощи в деле о банкротстве имеют особое значение, поскольку промедление в реализации прав доверителя (в том числе возникшее из-за недобросовестных или неквалифицированных действий) может повлечь для такого доверителя негативные правовые и имущественные последствия. Именно на это и указала заявитель А., представив в материалы дисциплинарного производства копии постановлений о возбуждении в отношении нее исполнительных производств, вынесенных 16 января и 2 ноября 2024 г.

Вместе с тем взаимосвязанные требования подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката заключаются именно в своевременном и активном, а также честном, разумном, добросовестном, квалифицированном и принципиальном исполнении адвокатом своих обязанностей.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает названные взаимосвязанные предписания исполненными адвокатом М. ненадлежащим образом, поэтому также признает опровергнутой презумпцию его добросовестности в указанной части, а вину в дисциплинарном нарушении установленной.

В остальной части доводы заявителя не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. К числу таких доводов относятся дисциплинарные обвинения в полном уклонении адвоката М. от исполнения принятого им поручения и в сообщении заявителю А. заведомо ложной информации. В Заключении Квалификационной комиссии приведены подробные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

В отношении доводов жалобы о том, что в действиях адвоката М. содержатся признаки мошенничества и подделки документов, Совет отмечает, что компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката призна-

ков уголовно наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, определенном УПК РФ. При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Довод заявителя А. об уклонении адвоката М. от возврата фактически выплаченного «в счет его услуг» вознаграждения в размере …руб. также не может быть рассмотрен по существу в настоящем дисциплинарном производстве, поскольку рассмотрение требований о возврате вознаграждения, уплаченного за оказание юридической помощи, а также определение размера фактически отработанного адвокатом вознаграждения к компетенции органов адвокатского самоуправления не относятся. Споры и разногласия между адвокатом и доверителем по этим вопросам разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката М. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый, умышленный и неоднократный характер, сопряженный с игнорированием адвокатом основополагающих профессиональных требований и наступлением существенных негативных последствий для интересов доверителя. Подобное профессиональное поведение адвоката М. Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее адвокат М. к дисциплинарной ответственности не привлекался. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет считает необходимым указать адвокату М. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной обязанности постоянно совершенствовать профессиональные знания самостоятельно и повышать профессиональный уровень в установленном порядке (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 6 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем А., выразившееся в том, что он, приняв не позднее 24 августа 2023 г. поручение А. на подачу заявления о признании ее банкротом и оказание ей юридической помощи по делу о ее банкротстве, не обеспечил надлежащего исполнения указанного поруче-

ния вплоть до 29 августа 2024 г., сначала подав в Арбитражный суд Б. области подписанное им как представителем должника А. заявление о признании ее банкротом с нарушением требований ст. 126 АПК РФ, ст. 213.4 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», что привело к его возвращению указанным судом 7 ноября 2023 г. без принятия к производству, а затем, подав лишь 2 августа 2024 г. заявление о признании А. банкротом в Арбитражный суд Московской области, которое также было оставлено без движения в связи с нарушением требований ст. 126 АПК РФ при его подаче, и было принято указанным судом к производству только 9 октября 2024 г. лишь после устранения 29 августа 2024 г. адвокатом М. выявленных судом недостатков.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по жалобе А.:

в части доводов о совершении адвокатом М. противоправных действий, содержащих признаки мошенничества и подделки документов, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.16. Адвокат получил предупреждение за выполнение функций «защитника-дублера» и ненадлежащее оформление ордера. Совет подчеркнул приоритет свободного выбора обвиняемым защитника и обязанность назначенного защитником адвоката выяснить наличие защитников по соглашению и наличие законных оснований своего участия в деле. Осуществление защиты по назначению в отсутствие мотивированного процессуального решения о злоупотреблении правом на защиту признано умышленным нарушением, ограничивающим права доверителя, а отсутствие в ордере реквизитов заявки АИС АПМ – самостоятельным нарушением правил его оформления.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя – адвоката П.Е. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката П.Е. от 3 февраля 2026 г. в отношении адвоката П.А.

Квалификационная комиссия 13 мая 2026 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом П.А. подп. 6 п. 5, п. 7 Требований к заполнению и оформлению ордера, утвержденных приказом Министерства юстиции РФ от 23 сентября 2024 г. № 282 «Об утверждении формы ордера, требований к его заполнению и оформлению» во взаимосвязи с п. 17 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовное судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, выразившемся в неуказании в ордере от 20 января 2026 г. даты и номера заявки АИС АПМ от 20 января 2026 г., оформленной старшим следователем Т. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по г. Москве старшим

лейтенантом юстиции К.Д. для обеспечения участия защитника в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования по уголовному делу для осуществления защиты К.Н. в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» и Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнении адвокатом П.А. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К.Н., выразившемся в неправомерном выполнении функций «защитника-дублера» 21 января 2026 г. в ходе рассмотрения Т. районным судом г. Москвы ходатайства следователя об установлении определенного срока для ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемой К.Н. и ее защитнику – адвокату П.Е. при наличии у обвиняемой К.Н. защитников по соглашению – адвокатов С., Ж. и П.Е.;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П.А. по жалобе адвоката П.Е., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель – адвокат П.Е. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним и согласие с его выводами. Сообщил, что при подаче жалобы руководствовался своим непримиримым отношением к выполнению адвокатами функций «защитника-дублера», выразил убежденность, что адвокаты не должны «служить дежурными адвокатами у следователя», просил прекратить статус адвоката П.А. Свою неявку в судебное заседание 21 января 2026 г. объяснил ненадлежащим извещением о нем и необходимостью выезда в служебную поездку в Узбекистан ночью после этого заседания. Целью поездки было проведение встреч и переговоров, связанных с предпринимательской деятельностью другого доверителя.

Адвокат П.А., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, по телефону сообщил о своем нежелании принимать участие в заседании Совета, «поскольку у него есть более важные дела, чем участвовать в этом мероприятии». Свое отношение к Заключению Квалификационной комиссии не выразил, сославшись на отсутствие у него желания знакомиться с ним в полном объеме. Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства и с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката П.А.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Против адвоката П.А. заявителем выдвинуты дисциплинарные обвинения:

– в нарушениях, допущенных при оформлении ордера от 20 января 2026 г.

на осуществление защиты обвиняемой К.Н. в Т. районном суде г. Москвы при рассмотрении ходатайства следователя об установлении ей и ее защитнику – адвокату П.Е. определенного срока для ознакомления с материалами уголовного дела;

– в осуществлении защиты К.Н. 21 января 2026 г. в упомянутом суде при рассмотрении указанного ходатайства вопреки воле доверителя и при наличии у нее трех защитников по соглашению;

– в формальном осуществлении защиты К.Н. в этом судебном заседании;

– в осуществлении защиты К.Н. в данном судебном заседании в условиях сокрытия обстоятельств, исключающих его участие в деле в качестве защитника К.Н., а именно: обстоятельств осуществления им 12 марта 2025 г. защиты обвиняемого Е., интересы которого противоречат интересам обвиняемой К.Н.;

– во вступлении 12 марта 2025 г. в уголовное дело в качестве защитника обвиняемого Е. в нарушение установленного порядка.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 3 марта 2025 г. по заявлению К.Н. о краже ее автомобиля ОМВД России по району П-С. г. Москвы возбуждено уголовное дело № 1 по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, которое 6 марта 2025 года передано в производство СО ОМВД России по району Т. г. Москвы.

11 марта 2025 г., с 00.20 час. по 00.35 час., по делу проведена очная ставка между свидетелем Е. и потерпевшей К.Н., в ходе которой К.Н. сообщила, что знакома с Е., а он вспомнить знакомство с ней затруднился, сославшись на то, что его знает много людей, возможно, знает и она.

В тот же день Е. был задержан в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, ему предъявлено обвинение в совершении кражи автомобиля К.Н., и он допрошен в качестве обвиняемого, вину в совершении кражи не признал. Его защиту по назначению осуществлял адвокат Г. Позднее в тот же день по заявке следователя в АИС АПМ от 11 марта 2025 г. защитником обвиняемого Е. был назначен адвокат П.А., вступивший в уголовное дело по ордеру от 11 марта 2025 года. 12 марта 2025 г. Т. районным судом г. Москвы в отношении Е. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, его защиту в судебном заседании осуществлял адвокат П.А.

18 сентября 2025 г. из уголовного дела № 1 выделено уголовное дело № 2 в отношении неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159.5 УК РФ. Уголовное дело № 1 прекращено 2 октября 2025 г. по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, а уголовное дело № 2 передано 6 октября 2025 г. в производство Т. МРСО СУ по ...ГСУ СК РФ по г. Москве.

13 ноября 2025 г. руководителем ГСУ СК РФ по г. Москве в отношении К.Н. возбуждено уголовное дело № 3 по признакам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159.5 УК РФ и ч. 1 ст. 306 УК РФ. Организация предварительного следствия поручена Т. МРСО СУ по ...ГСУ СК РФ по г. Москве. В тот же день уголовные дела № 2 и № 3 соединены в одном производстве.

22 декабря 2025 г. из уголовного дела № 2 выделено уголовное дело № 4 в отношении Е. по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 162, ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159.5 УК РФ. В этот же день К.Н. предъявлено обвинение в окончательной редакции в совершении в соучастии с Е. покушения на мошенничество в сфере страхования. В своих показаниях она сообщила, что Е., который ранее помогал ей с обслуживанием автомобилей и мотоциклов, попросил

ее по-дружески оформить на себя автомобиль, она выполнила эту просьбу и оформила полис КАСКО в АО «…». Следуя плану Е. по инсценировке кражи этого автомобиля для получения страховой выплаты, К.Н. оставила автомобиль около своего дома, а после обнаружения его пропажи подала заявления о краже автомобиля в полицию и страховую компанию. Страховую премию в размере …руб. она должна была передать Е. Узнав, что Е. и М. задержаны, К.Н. решила отказаться от получения страховой премии, для чего подала соответствующее заявление в страховую компанию. Показания в качестве потерпевшей по уголовному делу № 1 не являются правдивыми и даны ею по указанию Е., чтобы помочь ему получить денежные средства в виде страховой выплаты.

Сведения об участии адвоката П.А. в защите Е. при проведении иных процессуальных действий по уголовным делам № 1 и № 2, включая продление срока его содержания под стражей, в материалах дисциплинарного производства отсутствуют. Из приведенных в обвинительном заключении показаний К.Н. следует, что защиту Е. на предварительном следствии осуществлял адвокат М.Н., который подавал следователю ходатайство о приобщении расписки от 18 апреля 2025 г. от имени К.Н. в получении ею от Е. денежных средств в размере …руб. в счет погашения ущерба по уголовному делу и отсутствии претензий.

На завершающей стадии предварительного следствия защиту обвиняемой К.Н. на основании соглашений осуществляли адвокаты Ж., П.Е. и С.

По заявке следователя Т. МРСО СУ по ...ГСУ СК РФ по г. Москве в АИС АПМ от 20 января 2026 г. об обеспечении участия защитника К.Н. 21 января 2026 г. был назначен адвокат П.А., который в указанный день осуществлял ее защиту в Т. районном суде г. Москвы на основании ордера от 20 января 2026 г. при рассмотрении ходатайства следователя об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела ей и ее защитнику – адвокату П.Е. В графе «Основание выдачи ордера» было указано «ст. 51 УПК РФ».

В судебном заседании К.Н. возражала против ее защиты адвокатом П.А., поскольку у нее имеются «три платных адвоката» Ж., П.Е. и С., с которыми заключены соглашения, и они должны быть уведомлены за 5 суток. После предъявления следователем К.Д. документов, подтверждающих факт уведомления защитников и дачи суду пояснений об обстоятельствах их уведомления о предстоящем судебном заседании в ходе телефонных разговоров 16 января 2026 г., защитник – адвокат П.А. заявил: «*Поддерживаю позицию обвиняемой, отсутствуют надлежащим образом адреса, с которых было получено, телефоны, на которые были осуществлены звонки, документы не имеют надлежащего оформления*»[13]. Также он поддержал заявленный К.Н. отказ от него как от защитника, просил отложить судебное заседание, в удовлетворении чего судом было отказано. После заявления К.Н. ходатайства об отложении судебного заседания до явки ее защитника – адвоката П.Е. и возражений против «постороннего человека в процессе» адвокат П.А. поддержал его, но судом в его удовлетворении также было отказано. Адвокат П.А. продолжил участие в судебном заседании.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в нарушениях, допущенных адвокатом П.А. при оформлении ордера от 20 января 2026 г., Совет отмечает следующее. В соответствии с подп. 6 п. 5, п. 7 Требований к заполнению и оформ-

[13] Орфография и пунктуация оригинала сохранены (*прим. ред.*).

лению ордера, утвержденных приказом Министерства юстиции РФ от 23 сентября 2024 г. № 282 «Об утверждении формы ордера, требований к его заполнению и оформлению», в ордере и корешке к нему заполняются основание выдачи ордера (реквизиты соглашения об оказании юридической помощи или документа о назначении адвоката).

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Решением от 15 марта 2019 г. утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (далее – Порядок), п. 2.1 которого установлено: «В целях организации исполнения настоящего Порядка советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подпунктом 5 пункта 3 статьи 31 Федерального закона ‘‘Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации’’, принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей».

Согласно п. 17 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, согласованных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. и утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176, с дополнениями, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 мая 2024 г., участие адвоката в делах по назначению осуществляется на основании ордера, выдаваемого адвокатским образованием, в котором состоит адвокат. Дата и номер заявки, присвоенные уведомлению АИС АПМ, вносятся адвокатом в графу «Основания выдачи ордера».

Эти решения приняты органами адвокатского самоуправления в пределах их компетенции и подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

При этом в соответствии с абз. 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам ответственность за полное и правильное заполнение ордеров и корешков к ним несет адвокат, которому выдан ордер.

Ордер от 20 января 2026 г., выданный адвокату П.А., не соответствует приведенным требованиям к его заполнению и оформлению, поскольку не содержит реквизитов документа о назначении адвоката (дату и номер заявки, присвоенные уведомлению АИС АПМ), а содержит лишь ссылку на ст. 51 УПК РФ. Указание номера и даты заявки АИС АПМ в ордере позволяет при вступлении в дело следующего адвоката, в том числе на дальнейших стадиях уголовного судопроизводства, когда в заявке может не иметься информации о предыдущих защитниках в связи с изменением номера уголовного дела, в кратчайший срок выяснить правовые основания участия предыдущих защитников и основания их замен.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом П.А. установленных требова-

ний к заполнению и оформлению ордера адвоката.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения о недопустимом выполнении адвокатом П.А. функций «защитника-дублера», Совет, прежде всего, отмечает, что адвокат, назначенный защитником, обязан уважать право доверителя на свободный выбор защитника, приглашенного им или с его согласия третьими лицами. В связи с этим адвокат, назначенный защитником, обязан выяснить, надлежащим ли образом уведомлен приглашенный защитник о дне, времени и месте производства процессуального действия. Для этого он должен обратиться к лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, а также к доверителю и в зависимости от характера полученной информации принять решение о возможности участия в процессуальном действии или о заявлении ходатайства о его отложении для обеспечения явки защитника по соглашению.

Согласно п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда. В соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом.

Частью 3 ст. 50 УПК РФ установлено, что в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов.

В п. 4 Рекомендаций Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.) указано: «Адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению, обязан явиться к инициатору заявки, представить ордер и предъявить удостоверение, после чего выяснить, имеется ли у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) защитник по назначению или соглашению. Если у обвиняемого имеется защитник по соглашению, то адвокат обязан удостовериться в его надлежащем уведомлении в установленный законом срок и потребовать копию процессуального решения, в котором надлежащим образом мотивировано назначение адвоката в порядке статей 50, 51 УПК РФ при наличии защитника по соглашению».

В п. 1 Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 года «О “двойной защите”» (действует в редакции, утвержденной Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.) указано на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначен-

ных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, т.е. при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же решением (абз. 1 п. 2.1) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивируют именно злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника своими правомочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение)…».

В пп. 2, 3 Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» указано на недопустимость осуществления адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случая, указанного в п. 3 этих разъяснений. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и указанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы подчеркивает, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Защитнику по назначению, отказ от которого, заявленный в установленном законом порядке, не принят дознавателем, следователем или судом с вынесением соответствующего процессуального решения, необходимо исходить из того, что само по себе наличие у указанных субъектов уголовного судопроизводства предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ права не принять отказ от защитника не означает, что они могут пользоваться этим правом произвольно либо в целях, не соответствующих конституционным требованиям и назначению уголовного судопроизводства. В соответствии с требованиями ст. 11, 16, 243 УПК РФ именно на орган или должностное лицо,

осуществляющие от имени государства производство по уголовному делу, возложена обязанность обеспечить всем участникам судопроизводства реализацию их прав и законных интересов.

Основываясь на этих требованиях закона и правовых позициях Конституционного Суда РФ, сформулированных в постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П, и Пленума Верховного Суда РФ – в постановлении от 30 июня 2015 г. № 29, Совет полагает, что дознаватель, следователь или суд могут не принять отказ от защитника по назначению лишь в случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства, представляя собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, т. е. направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что уведомление защитников обвиняемой К.Н. по соглашению – адвокатов Ж., П.Е. и С. о судебном заседании, назначенном на 15.00 час. 21 января 2026 г., имело место после 18.00 час. 16 января 2026 г., т. е. менее чем за 5 суток. При этом само ходатайство следователя было датировано и поступило в суд лишь 21 января 2026 г. – в день судебного заседания, что само по себе исключало возможность надлежащего извещения о нем. Из представленной следователем в суд переписки в мессенджере усматривается, что она являлась неверифицированной. При этом адвокат С. сообщил о профессиональной занятости 21 января 2026 г. в судебном заседании Московского городского суда, адвокат Ж. указал, что находится в служебной командировке в г. К., и оба адвоката просили перенести судебное заседание на другую дату.

Как указано выше, адвокат П.Е. в заседании Совета пояснил, что не явился в судебное заседание 21 января 2026 г., поскольку в ночь с 21 на 22 января 2026 г. вылетал в деловую поездку в Узбекистан для проведения встреч и переговоров по делам другого доверителя и в случае участия в судебном заседании не успел бы вовремя прибыть в аэропорт. Совет в этой связи обращает внимание адвоката П.Е. на неверно выбранные им приоритеты в профессиональном поведении и необходимость неукоснительного соблюдения требований Разъяснения № 01/18 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью», утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 16 февраля 2018 г. Согласно этим Разъяснениям адвокат всегда должен отдавать приоритет участию в качестве защитника, представителя в уголовном административном, гражданском и арбитражном процессе. При этом участие в судебных заседаниях имеет приоритет перед участием в следственных действиях и исполнении иных поручений. Вместе с тем Совет отмечает, что данное обстоятельство не влияет на оценку профессионального поведения адвоката П.А. в силу следующего.

Сопоставив профессиональное поведение адвоката П.А. в описанной ситуации с приведенными выше обязательными требованиями к защитнику по назначению и соглашаясь с Квалификационной комиссией, Совет приходит к выводу о том, что адвокат П.А. в судебном заседании 21 января 2026 г. во-

преки указанным правовым положениям не покинул судебное заседание, а выполнил недопустимые функции «защитника-дублера». Это выразилось в его участии в судебном заседании в отсутствие постановления суда, содержащего вывод о наличии со стороны обвиняемой К.Н. и (или) ее защитников по соглашению злоупотребления правом на защиту, подтвержденный указанием на конкретные фактические обстоятельства.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката П.А. в отношении описанных дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарных нарушений установленной.

Вместе с тем другие выдвинутые в отношении адвоката П.А. дисциплинарные обвинения правильно признаны Квалификационной комиссией необоснованными.

Так, дисциплинарное обвинение в формальном осуществлении адвокатом П.А. защиты К.Н. не конкретизировано и не подтверждено доказательствами. При этом адвокат П.А. пояснил, что по ходатайству К.Н. совместно с ней ознакомился с судебным материалом, по ее просьбе скопировал материал и направил его адвокату С. Дисциплинарное обвинение в осуществлении адвокатом П.А. защиты К.Н. при наличии основания для его отвода также не нашло подтверждения, поскольку доказательств осведомленности адвоката П.А. о наличии у него по состоянию на 21 января 2026 г. оснований для отвода, предусмотренных ч. 1 ст. 62, п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, заявителем не представлено. Ознакомиться с материалами уголовного дела адвокат П.А. не имел возможности, участвуя лишь в обособленной судебной процедуре. В судебном же материале, к которому адвокат П.А. имел доступ, отсутствовали процессуальные документы, отражающие актуальную позицию обвиняемых К.Н. и Е. и свидетельствующие о наличии противоречий между их интересами. В судебном материале об избрании меры пресечения обвиняемому Е. содержались протоколы допроса потерпевшей К.Н. от 4 марта 2025 г., очной ставки между ней (в качестве потерпевшей) и свидетелем Е., допросов подозреваемого и обвиняемого Е. от 11 марта 2025 г., составленные по уголовному делу № 1, которое было впоследствии прекращено по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Сам факт признанного К.Н. знакомства с Е., который тем также допускался, не является доказательством наличия противоречий в их интересах, влекущих отвод защитника.

Адвокату П.А. при исполнении обязанности защитника во всех случаях следовало выяснить у К.Н. ее защитительную позицию, ознакомиться с протоколами ее допросов в качестве обвиняемой, чего им сделано не было. Однако это обстоятельство не влияет на оценку его профессионального поведения применительно к рассматриваемому дисциплинарному обвинению.

Не нашло подтверждения и дисциплинарное обвинение во вступлении адвоката П.А. в уголовное дело в качестве защитника в нарушение установленного порядка. Его назначение защитником осуществлено в соответствии с Порядком и Правилами, посредством АИС АПМ и на основании заявки следователя от 11 марта 2025 г.

С учетом приведенных обстоятельств дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката П.А. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их грубый характер, свидетель-

ствующий об умышленном игнорировании адвокатом обязательных правил осуществления защиты по назначению следователя и сопряженный с нарушением прав доверителя К.Н., которая в отсутствие избранных ею защитников была ограничена в реализации своего права на беспрепятственное ознакомление с материалами уголовного дела. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым и наносящим вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат П.А., имеющий длительный, с 2003 г., профессиональный стаж, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался.

При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату П.А. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет считает необходимым указать адвокату П.А. на необходимость неукоснительного исполнения законодательно установленных обязанностей адвоката исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции, постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката). С учетом продемонстрированного адвокатом П.А. неуважения к деятельности органов адвокатского самоуправления Совет также считает необходимым указать ему на необходимость исполнения требований п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8, п. 5 ст. 9, п. 1 и 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым адвокат в любой ситуации должен сохранять профессиональное достоинство, проявлять уважение к коллегам и следовать деловой манере общения.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату П.А. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– нарушение подп. 6 п. 5, п. 7 Требований к заполнению и оформлению ордера, утвержденных приказом Министерства юстиции РФ от 23 сентября 2024 года № 282 «Об утверждении формы ордера, требований к его заполнению и оформлению» во взаимосвязи с п. 17 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовное судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, выразившемся в неуказании в ордере от 20 января 2026 г. даты и номера заявки АИС АПМ от 20 января 2026 г., оформленной старшим следователем Т. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по г. Москве старшим лейтенантом юстиции К.Д. для обеспечения участия защитника в уголовном судо-

производстве на стадии предварительного расследования по уголовному делу № 2 для осуществления защиты К.Н. в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О "двойной защите"» и Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем К.Н., выразившееся в неправомерном выполнении функций «защитника-дублера» 21 января 2026 г. в ходе рассмотрения Т. районным судом г. Москвы ходатайства следователя об установлении определенного срока для ознакомления с материалами уголовного дела № 2 обвиняемой К.Н. и ее защитнику – адвокату П.Е. при наличии у обвиняемой К.Н. защитников по соглашению – адвокатов Ж., П.Е. и С.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П.А. по жалобе адвоката П.Е., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.17. Совет прекратил статус адвоката за совершение ряда умышленных и злостных нарушений при формализации отношений с доверителем, в том числе обращении с его денежными средствами. Совет усмотрел грубое игнорирование профессиональных правил, финансовую недобросовестность и поведение, несовместимое с доверием к адвокату и достоинством профессии. Отдельно Совет обратил внимание на осуществление адвокатом уголовной защиты без надлежащего письменного соглашения, невнесение полученного вознаграждения в кассу или на счет адвокатского образования и получение от доверителя N долларов взаймы на личные нужды вопреки прямому запрету долговой зависимости адвоката от доверителя.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя Т. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Т. без даты в отношении адвоката П.

Квалификационная комиссия 15 апреля 2026 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, во взаимосвязи с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2013 г. № 6 «О соглашении на уголовную защиту» и Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 29 сентября 2014 г. № 7 «Об объеме оказания адвокатом-защитником юридической помощи в стадии предварительного расследования» исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившемся в осуществлении защиты Т. 7 и 8 ноября 2025 г. по уголовному делу, находящемуся в производстве отдела по расследованию особо важных дел

СУ по …ГСУ СК России по г. Москве, в отсутствие соглашения, заключенного в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения, предусматривающего участие адвоката П. в деле в качестве защитника Т. лишь 7 и 8 ноября 2025 г.;

2) о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившемся в невнесении полученных в ноябре 2025 г. денежных средств в размере …руб. за юридическую помощь, оказанную Т. 7 и 8 ноября 2025 г., в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и в невыдаче Т. финансового документа по проведению операций со средствами доверителя (квитанции о приеме денежных средств, приходного кассового ордера и т. п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

3) о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившемся в невнесении полученных от доверителя Т. в ноябре 2025 г. денежных средств в размере …руб. в счет оплаты работы по заключенному Соглашению № … от 10 ноября 2025 г. об оказании юридической помощи в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и в невыдаче Т. финансового документа по проведению операций со средствами доверителя (квитанции о приеме денежных средств, приходного кассового ордера и т. п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

4) о нарушении адвокатом П. п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не должен ставить себя в долговую зависимость от доверителя), что выразилось в получении адвокатом П. 7 декабря 2025 г. от доверителя Т. на личные нужды …*USDT*;

5) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобе Т., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Т. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлен и согласен. За период, прошедший после предыдущего заседания Совета, когда рассмотрение дисциплинарного производства было отложено с предоставлением его участникам возможности мирного урегулирования, адвокат П. с ним не связывался. Лишь накануне данного заседания Совета адвокат П. сообщил Т., что постарается вернуть денежные средства в первых числах июля 2026 г. Считает, что с учетом тяжести совершенных адвокатом П. нарушений, а также невозвращения им в течение длительного времени всей суммы полученных денежных средств к нему необходимо применить меру дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката. До заседания Совета Т. представил письменные пояснения с приложенными к ним снимками экрана, подтверждающими переводы …*USDT* и …*USDT*, в которых просил Совет учесть, что им осуществлялись переводы на предоставленный адвокатом П. личный криптовалютный кошелек в рамках достигнутых между ними договоренностей, что подтверждается их перепиской, ранее направленной в материалы дисциплинарного производства.

Адвокат П., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, участие представителя не обеспечил, отношения к Заключению Квалификационной комиссии не выразил, сообщил посредством смс-сообщения о том, что в заседании участвовать не будет, что подтверждается служебной запиской от 30 июня 2026 г. Учитывая эти обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося адвоката П.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым изменить основание прекращения дисциплинарного производства в части одного из дисциплинарных обвинений, как описано ниже. С остальными выводами Квалификационной комиссии Совет соглашается.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

7 ноября 2025 г. старшим следователем отдела по расследованию особо важных дел СУ по …ГСУ СК России по городу Москве майором юстиции И. в отношении Ж. и неустановленных лиц было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ. В этот же день, в 16.30 час., Т. был задержан по подозрению в совершении указанного преступления в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, о чем следователем по особо важным делам отдела по расследованию особо важных дел СУ по …ГСУ СК России по г. Москве майором юстиции Г. 7 ноября 2025 г., в 16.35 час., был составлен протокол задержания. Задержание Т. произведено с участием защитника – адвоката П., который вступил в уголовное дело, предъявив удостоверение и ордер от 7 ноября 2025 г., выданный Московской коллегией адвокатов «…». В соответствии с указанным ордером адвокату П. поручается защита Т. «в СК СУ по …г. Москвы ГСУ СК РФ». В качестве основания выдачи ордера указано: «соглашение». При этом соглашение на защиту Т. адвокатом П. в письменной форме не заключалось, а 8 ноября 2025 г. он получил от жены доверителя – Т.А. …руб. наличными в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи. Данные денежные средства адвокат П. в кассу или на расчетный счет адвокатского образования не внес и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операций с его средствами.

7 ноября 2025 г., с 17.02 час. по 17.23 час., Т. был допрошен в качестве подозреваемого, затем, с 17.30 час. по 18.15 час., между подозреваемым Т. и обвиняемой Ж. была проведена очная ставка, после чего Т. было предъявлено обвинение, и с 18.38 час. по 18.45 час. он был допрошен в качестве обвиняемого. При проведении 7 ноября 2025 г. перечисленных следственных и иных процессуальных действий защиту Т. осуществлял адвокат П.

8 ноября 2025 г., с 13.09 час. по 13.52 час., состоялось судебное заседание О. районного суда г. Москвы по рассмотрению ходатайства следственного органа об избрании в отношении обвиняемого Т. меры пресечения в виде домашнего ареста. Ходатайство было удовлетворено судом. Защиту обвиняемого Т. в суде осуществлял адвокат П.

После проведения 7 и 8 ноября 2025 г. указанных процессуальных действий между Т. и адвокатом П. было подписано Соглашение № … от 10 ноября 2025 г. об оказании юридической помощи (далее – Соглашение), в соответствии с которым

адвокат П. принял на себя обязательства по осуществлению защиты Т. на стадии предварительного расследования уголовного дела.

24 ноября 2025 П. получил от Т. …*USDT* (*USDT* – обозначение криптовалютного токена компании *Tether*. – *Прим. Совета*), а 26 ноября 2025 г. – …*USDT* путем осуществления переводов на его счет.

7 декабря 2025 г. адвокат П. также получил от Т. …*USDT* под предлогом необходимости оказания помощи своему другу, находящемуся за границей, т. е. на личные нужды.

22 декабря 2025 г. Т. на имя следователя И. подал собственноручное ходатайство от 22 ноября 2025 г. (такой месяц указан в ходатайстве. – *Прим. Совета*) об отказе от защитника – адвоката П. После этого адвокат П. защиту Т. не осуществлял.

Заявитель Т. выдвигает против адвоката П. следующие дисциплинарные обвинения:

1) во вступлении 7 ноября 2025 г. в вышеуказанное уголовное дело в качестве защитника Т. и осуществлении его защиты два дня – 7 и 8 ноября 2025 г. за …руб. в отсутствие заключенного письменного соглашения, а лишь на основании устной договоренности;

2) в невыдаче финансовых документов, подтверждающих получение …руб. за юридическую помощь, оказанную Т. 7 и 8 ноября 2025 г.;

3) в невыдаче финансовых документов о получении …руб. в счет оплаты работы по Соглашению;

4) в уклонении от оказания юридической помощи и в неявке 22 декабря 2025 г. в СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве для участия в допросе Т. в качестве обвиняемого;

5) в похищении у Т. путем обмана и злоупотребления доверием, с использованием полномочий адвоката, денежных средств в сумме более …руб., а также в получении от Т. на личные нужды …*USDT* для помощи другу.

Адвокат П. в ходе дисциплинарного разбирательства все выдвинутые дисциплинарные обвинения отрицал. Указывал, что 7 ноября 2025 г. принял поручение на осуществление защиты Т. от его жены. В этот день с участием П. были проведены следственные действия, Т. был задержан на 48 часов, а 8 ноября 2025 г. судом в отношении Т. с участием адвоката П. была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. За указанные выше действия по осуществлению защиты Т. он 8 ноября 2025 г. получил оплату в размере …руб. от жены Т. – Т.А., с которой у него «была договоренность». Указал, что 10 ноября 2025 г. было подготовлено соглашение на осуществление защиты Т., которое тем подписано. Гонорар по данному соглашению наличными в размере …руб. он не получал. Получение от Т. переводов в криптовалюте 24 ноября 2025 г. на сумму …*USDT* и от 26 ноября 2025 г. на сумму …*USDT* не отрицал, однако утверждал, что эти платежи не имели никакого отношения к заключенному соглашению об оказании юридической помощи. Перевод 7 декабря 2025 г. в размере …*USDT* на его счет был связан с необходимостью оказания помощи другу, находящемуся за границей. 22 декабря 2025 г. Т. отказался от его услуг в качестве защитника, более никаких следственных действий с его участием не проводилось, об их проведении следователь его не уведомлял. Считает, что нарушений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката им допущено не было.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в ненадлежащей формализации адвокатом П. отношений с доверителем, Совет отмечает следующее. Согласно

но ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем (п. 1), которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу (п. 2); к числу существенных условий соглашения об оказании юридической помощи относятся (п. 4): указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате (подп. 1); предмет поручения (подп. 2); условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно (подп. 3); порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения, за исключением случаев, когда юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно (подп. 4); размер и характер ответственности адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения (подп. 5).

Ранее Совет неоднократно указывал, что надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью (см., например, Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17).

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем (см., например, Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99).

Требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены и, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение указанных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), а как лица, которое, пользуясь своими связями и знакомствами в правоохранительной системе, оказывает различного рода услуги неясной правовой

природы. Все это, будучи тем или иным образом обнаружено, в конечном счете подрывает доверие граждан, общества и государства к адвокатам и адвокатуре как важнейшему правозащитному институту (см. Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2004. Выпуск № 11–12 (13–14). Москва. С. 18).

В соответствии с требованиями п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, подлежит обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением, исполнением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принимать меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся как к процессу заключения соглашения об оказании юридической помощи, так и к надлежащему оформлению полученных от доверителя денежных средств, соответствовали требованиям законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя. Несоблюдение адвокатом этой обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может затруднить заявителю защиту его прав и охраняемых законом интересов в рамках указанных правоотношений, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний.

В п. 1 Обзора дисциплинарной практики за 2019 г. и первое полугодие 2020 г. по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем, указывается, что бездействие адвоката, выразившееся в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, и другие подобные нарушения подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации. В п. 4 указанного обзора отмечается, что предусмотренная п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» публичная обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанностью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к вопросам формализации отношений с доверителями означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных в счет вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования (см. Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2019 г. и первое полугодие 2020 г. по вопросам, связанным с испол-

нением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем. С. 17 // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы (<https://www.advokatymoscow.ru/>).

При этом в тех случаях, когда адвокатом были допущены нарушения порядка (формы) заключения соглашения с доверителем, порядка оприходования полученных от доверителя денежных средств (вознаграждения за юридическую помощь или компенсации расходов), адвокат в период действия соглашения с доверителем имеет возможность устранить допущенные нарушения.

Кроме того, в Разъяснениях № 6 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2013 г. «О соглашении на уголовную защиту», опубликованных в Вестнике Адвокатской палаты города Москвы и на ее официальном сайте (http://www.advokatymoscow.ru), указано: «Сама возможность для адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, стратегия и тактика профессиональной защиты предопределяются логикой стадийного построения уголовного судопроизводства. Заключение соглашения в объеме, не предполагающем защиту подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на всем протяжении конкретной стадии уголовного судопроизводства, противоречит самой сути права каждого подвергнутого уголовному преследованию лица на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ст. 48 Конституции РФ, является нарушением Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2013. Выпуск № 6–7 (116–117). С. 14–15; Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 126–128).

Аналогичная позиция содержится и в Разъяснении № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 29 сентября 2014 г. «Об объеме оказания адвокатом-защитником юридической помощи в стадии предварительного расследования», утвержденном Советом Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 г. (см. Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2014. Выпуск № 4 (125). С. 7–8. Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 128–129).

Эти Разъяснения приняты Советом в пределах его компетенции и подлежат безусловному исполнению всеми адвокатами города Москвы в соответствии с требованиями подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат П. не оспаривает, что 7 и 8 ноября 2025 г. он осуществлял защиту Т. при производстве перечисленных выше процессуальных действий в отсутствие соглашения, заключенного в простой письменной форме, и получил за оказанную юридическую помощь …руб., которые не внес в кассу адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ, подтверждающий проведение операций с его денежными средствами. Факт невнесения адвокатом П. …руб. в кассу адвокатского образования подтверждается ответом адвокатского образования на письменный запрос Адвокатской палаты города Москвы.

Адвокат П. также пояснил, что поручение на защиту Т. 7 и 8 ноября 2025 г. он принял от его супруги – Т.А., с которой

договорился «о защите ее мужа разово», в указанные два дня, за …руб. От нее же он и получил указанную денежную сумму. В свою очередь, заявитель Т. указанные объяснения адвоката П. не подтвердил, последовательно утверждая, что именно он согласовывал с адвокатом П. условия участия последнего 7 и 8 ноября 2025 г. в проведении первоначальных следственных действий, а его супруга Т.А. только передала адвокату П., которого нашли родственники Т., …рублей в счет оплаты его работы. Данное обстоятельство подтверждается и тем, что в дальнейшем письменное соглашение с адвокатом П. заключил сам Т., а не его супруга.

Адвокат П. каких-либо доказательств согласования условий осуществления защиты Т. с супругой последнего не представил, и его объяснения по этому поводу носят голословный характер. Более того, в любом случае, осуществляя защиту Т. в отсутствие письменного соглашения, адвокат П. не мог не понимать, что не исполнил профессиональную обязанность перед доверителем по надлежащей формализации правоотношений. Таким образом, Т. как доверитель адвоката П., которому П. оказывал юридическую помощь, имеет право выдвижения соответствующих дисциплинарных обвинений.

Совет также отмечает, что п. 3.1 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката прямо предусматривает право адвоката принимать денежные средства в оплату юридической помощи по соглашению за доверителя от третьих лиц (с ведома доверителя). При этом оплата вознаграждения адвокату третьим лицом не делает такое лицо доверителем адвоката.

Оценивая профессиональное поведение адвоката П. на предмет его соответствия приведенным выше требованиям законодательства и профессиональной этики, Совет отмечает, что эти требования им нарушены, поскольку он осуществлял защиту Т. 7 и 8 ноября 2025 г. в отсутствие соглашения, заключенного в простой письменной форме, а только на основании устного соглашения, которое к тому же предусматривало фрагментарное участие адвоката П. в осуществлении защиты Т. – только в указанные два дня. Кроме того, получив за осуществление защиты Т. в эти дни денежные средства в размере …руб., адвокат П. не внес их в кассу адвокатского образования и не выдал Т. финансовый документ по проведению финансовых операций с его денежными средствами.

Эти нарушения адвокат П. в период оказания Т. юридической помощи не устранил. Как указано выше, соглашение в письменной форме на защиту Т. заключено 10 ноября 2025 г. и действовало лишь с этой даты, а не с 7 ноября 2025 г.

Первоначально отрицая получение от Т. …руб. в счет оплаты работы по Соглашению, адвокат П. впоследствии, после поступления от заявителя Т. дополнительных пояснений от 8 апреля 2026 г., скорректировал свою защитительную позицию и в дополнительных письменных объяснениях от 14 апреля 2026 г. сообщил: «*Изначально в жалобе Т. указал, что осуществил мне оплату по соглашению наличными денежными средствами, что не соответствует действительности*». Таким образом, не отрицая сам факт получения от Т. …руб., адвокат П. указал на получение их не в наличной, а в иной форме.

Совет также отмечает, что согласно п. 6.2 Соглашения оно вступает в силу с момента подписания его сторонами и уплаты доверителем вознаграждения адвокату, предусмотренного п. 3.2, а в п. 3.2 Соглашения вознаграждение адвоката П. установлено именно в размере …руб. При этом адвокат П. подтверждает, что после заключения с Т.

указанного соглашения он осуществлял защиту Т. и совершал в его интересах различные действия. В подтверждение этого довода адвокат П. представил копии трех ходатайств, заявленных им следователю И. 11 декабря 2025 г. в защиту Т.

Из представленной заявителем в материалы дисциплинарного производства переписки в мессенджере усматривается, что 13 ноября 2025 г., в 19.02 час., Т. направил абоненту с телефонным номером… сообщение «*И завтра тогда соглашение подпишем*», на которое в 19.16 час. получил ответ «*Отлично*». На следующий день, 14 ноября 2025 г., в 12.31 час., Т. направил абоненту с тем же телефонным номером сообщение «*П., доброе день. В какое время ожидать вас?*», на которое в 12.32 час. получил ответ «*Добрый день. До 14:00 буду*», а в 13.43 час. еще и сообщение «*30 минут*». Представленная заявителем переписка в мессенджерах адвокатом П. не оспорена. Кроме того, он подтвердил принадлежность ему упоминаемого телефонного номера, по которому Т. направлялись сообщения.

Из этой переписки следует, что Соглашение от 10 ноября 2025 г. об оказании юридической помощи было подписано между Т. и адвокатом П. 14 ноября 2025 г. При этом из последующей переписки Т. и адвоката П. усматривается, что после подписания Соглашения адвокат П. исполнял поручения заявителя по получению в правоохранительных органах изъятого у него паспорта и банковских карт, получению записей с камер видеонаблюдения и данных биллинга.

Оценивая приведенные доказательства в их совокупности, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что Соглашение от 10 ноября 2025 г. об оказании юридической помощи вступило в силу и исполнялось адвокатом П. Следовательно, предусмотренные п. 6.2 Соглашения условия его вступления в силу, включая получение адвокатом П. вознаграждения, были исполнены.

При этом, как указано выше, факт невнесения адвокатом П. …руб. в кассу адвокатского образования подтверждается ответом адвокатского образования на запрос Адвокатской палаты города Москвы.

Учитывая правильно установленные Квалификационной комиссией и изложенные выше обстоятельства, Совет приходит к следующим выводам:

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, во взаимосвязи с Разъяснениями № 6 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2013 г. «О соглашении на уголовную защиту» и Разъяснениями № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 29 сентября 2014 г. «Об объеме оказания адвокатом-защитником юридической помощи в стадии предварительного расследования», исполнении адвокатом П. профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившемся в осуществлении защиты Т. 7 и 8 ноября 2025 г. по уголовному делу, находящемуся в производстве отдела по расследованию особо важных дел СУ по …ГСУ СК России по г. Москве, в отсутствие соглашения, заключенного в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения, предусматривающего участие адвоката П. в уголовном деле в качестве защитника Т. лишь 7 и 8 ноября 2025 г.;

– о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и ад-

вокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом П. профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившемся в невнесении полученных в ноябре 2025 г. денежных средств в размере …руб. за юридическую помощь, оказанную Т. 7 и 8 ноября 2025 г., в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и в невыдаче Т. финансового документа по проведению операций со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом П. профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившемся в невнесении полученных от доверителя Т. в ноябре 2025 г. денежных средств в размере …руб. в счет оплаты работы по заключенному Соглашению в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и в невыдаче Т. финансового документа по проведению операций со средствами доверителя (квитанции о приеме денежных средств, приходного кассового ордера и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Рассматривая дисциплинарное обвинение во вступлении адвоката П. в долговую зависимость перед доверителем, Совет отмечает, что оно нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства. Так, из представленной заявителем переписки с адвокатом П. усматривается, что 7 декабря 2025 г., в 10.32 час., адвокат П. в мессенджере направил Т. сообщение следующего содержания: «*Доброе утро. Вопрос: есть возможность 700 usdt мне закинуть, я вам кэш в среду отдам. Другу надо помочь за границей*)», на которое Т. в 10.32 час. отвечает: «*Сергей, доброе утро! Да, возможно*», «*Напишите trc его*». В 10.35 час. адвокат П. направил Т. следующее сообщение: «*На мой, я перешлю*», на которое Т. в 10.35 час. ответил «*Готово*».

Из представленного Т. скриншота экрана смартфона усматривается, что 7 декабря 2025 г. им был осуществлен платеж в размере …*USDT* (примерно …долларов США) на криптокошелек, принадлежащий адвокату П. П. получение от Т. 7 декабря 2025 г. перевода в размере …*USDT* не оспаривает, как не оспаривает и представленную Т. переписку между ними.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что 7 декабря 2025 г. адвокат П. получил взаймы от своего доверителя Т. …*USDT* под предлогом необходимости оказания помощи своему другу, находящемуся за границей, т.е. на личные нужды.

Совет отмечает, что заявитель Т. ясно указал в жалобе и последующих пояснениях, а также подтвердил доказательствами, что адвокат П. при описанных обстоятельствах получил от него на личные нужды …*USDT*, которые не вернул. Не обладая знаниями в области права и адвокатской этики, заявитель не обязан давать правовую оценку поведения адвоката П. в данной части. По этой причине органы адвокатского самоуправления при рассмотрении настоящего дисциплинарного обвинения вправе и обязаны дать самостоятельную правовую оценку данному дисциплинарному обвинению, которое выдвинуто заявителем и нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной ко-

миссией, приходит к выводу о том, что адвокат П., в нарушение установленного п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката прямого запрета адвокату ставить себя в долговую зависимость перед доверителем, получил от доверителя Т. 7 декабря 2025 г. на личные нужды …*USDT*, чем поставил себя в долговую зависимость от последнего. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката П. в данной части опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Вместе с тем выдвинутое заявителем Т. дисциплинарное обвинение в завладении адвокатом П. денежными средствами путем обмана и злоупотребления доверием не может быть рассмотрено по существу в настоящем дисциплинарном производстве в силу следующего.

Заявитель в ходе дисциплинарного разбирательства уточнил эти доводы жалобы, пояснив, что для «решения вопроса» по уголовному делу с привлечением третьих лиц, инициированного адвокатом П., он перевел П. на его криптокошелек 24 ноября 2025 г. …*USDT*, а 26 ноября 2025 г. …*USDT*. «Решить вопрос» не удалось, однако полученные средства адвокат П. заявителю Т. не возвратил.

Кроме того, как указано выше, 7 декабря 2025 г. по просьбе адвоката П., который гарантировал возврат указанной суммы, Т. дополнительно перевел ему …*USDT* на личные нужды. Эти средства адвокат П. заявителю Т. также не возвратил.

Из представленной заявителем переписки с адвокатом П. действительно усматривается, что последний по просьбе заявителя дважды сообщал ему реквизиты своего криптокошелька в мессенджере *Telegram*. Кроме того, адвокат П. на вопрос Т. «Есть положительные новости?» ответил: «Положительная новость от них ценой …BTC» (речь идет о …биткоина. – *Прим. Совета*). На это сообщение Т. ответил: «Нужно решать без этого, так как я косвенно тут иду», а адвокат П. написал: «Будем думать». Затем адвокат П. спрашивает у Т., сможет ли тот «скинуть ему полтинник», а также сообщает о том, что в этот день он отдаст половину, а «на неделе» – остальное. На что Т. отвечает: «*Да, процесс тогда уже сегодня запустится?*» После положительного ответа адвоката П. Т. произвел платеж на сумму …*USDT*. Кроме того, из переписки усматривается, что в 16.52 час. 1 декабря 2025 г. адвокат П. направил Т. сообщение следующего содержания: «*Конторские дело на контроль поставили, если сегодня между собой не договорятся, то пока ничего не выйдет!*», а в 18.57 час. – «*Завтра в 9:00 встречаемся в ведомстве будем договариваться. Скажут, кто и что хочет в нашем деле. Я после сразу к Вам заеду, чтоб по телефону не болтать!!!*».

Таким образом, существо доводов заявителя в данной части сводится к совершению адвокатом П. противоправных действий, связанных с получением от Т. денежных средств для разрешения ситуации по уголовному делу коррупционными способами. При этом оценка действиям адвоката П., которыми он поставил себя в долговую зависимость перед доверителем, уже дана выше.

В этой связи Совет отмечает, что, согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 января 2016 г. (Протокол № 3) и опубликованным на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <http://www.fparf.ru>, компетенция Квалификационной комиссии и Совета адвокатской палаты субъ-

екта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, установленном УПК РФ. Оценка же названных доводов в дисциплинарном порядке не входит в компетенцию органов адвокатского самоуправления. По этой причине в данной части дисциплинарное производство подлежит прекращению не вследствие отсутствия в действиях адвоката нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, как указала Квалификационная комиссия в своем Заключении, а вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в уклонении адвоката П. от оказания Т. юридической помощи, Совет учитывает, что в соответствии с положениями подп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно не только указать в жалобе на обстоятельства, подтверждающие доводы жалобы, но также и подтвердить их соответствующими доказательствами.

Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении.

Уклонение адвоката П. от оказания юридической помощи заявитель усматривает в том, что адвокат П. после получения денег стал выходить на связь нерегулярно, неоднократно обещал приехать для обсуждения хода дела и дальнейших действий, однако фактически этого не происходило; впоследствии перестал выходить на связь и заблокировал телефонный номер Т. для входящих звонков; не явился 22 декабря 2025 г. для участия в допросе Т. в качестве обвиняемого.

Вместе с тем доводы жалобы в указанной части, за исключением довода о неявке адвоката П. 22 декабря 2025 г. для участия в допросе Т. в качестве обвиняемого, носят неконкретный характер, а каких-либо доказательств в подтверждение данных доводов заявитель не представил. При этом адвокат П. против этих доводов жалобы возражал. Доказательства проведения с участием Т. следственных и иных процессуальных действий после заключения упомянутого Соглашения, в том числе и 22 декабря 2025 г., как и доказательства извещения адвоката П. о каких-либо планируемых в указанный период процессуальных действиях, в материалах дисциплинарного производства также отсутствуют. При этом уже 22 декабря 2025 г. Т. отказался от защитника – адвоката П.

Помимо этого, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что после заключения Соглашения адвокат П. был на связи с Т., выполнял его поручения по получению в правоохранительных органах изъятого у Т. паспорта и банковских карт, по получению записей с камер видеонаблюдения и данных

биллинга, заявлял с этой целью соответствующее ходатайство следователю.

Имеющееся в материалах дисциплинарного производства заявление Т. об отказе от адвоката П. датировано 22 декабря 2025 г., т.е. днем допроса Т. в качестве обвиняемого. Учитывая, что время подачи данного заявления в нем не указано, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что оно было подано Т. до его допроса в качестве обвиняемого, а не после него. Доказательства обратного в материалах дисциплинарного производства отсутствуют. В этой связи у адвоката П. отсутствовали как обязанность, так и правовые основания участия в процессуальных действиях после отказа от него доверителя.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката П. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их умышленный и злостный характер, сопряженный с явным и грубым игнорированием адвокатом обязательных профессиональных правил оказания профессиональной юридической помощи и оформления договорных отношений с доверителем, финансовой недобросовестностью, несовместимой с достоинством профессии и доверием к адвокату и адвокатуре. Совокупность описанных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат П. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие цели, не соответствующие предназначению адвоката. При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката П. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества, наносящим ущерб авторитету адвокатуры и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных нарушений.

Совет учитывает значительный профессиональный стаж адвоката П., однако не усматривает оснований для применения к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление П. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершенные им грубые нарушения профессиональных правил совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он является, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом

профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого адвокат П. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности П., считает необходимым установить этот срок в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 8 п. 1 и п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, во взаимосвязи с Разъяснениями № 6 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2013 г. «О соглашении на уголовную защиту» и Разъяснениями № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 29 сентября 2014 г. «Об объеме оказания адвокатом-защитником юридической помощи в стадии предварительного расследования» исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившееся в осуществлении защиты Т. 7 и 8 ноября 2025 г. по уголовному делу, находящемуся в производстве отдела по расследованию особо важных дел СУ по …ГСУ СК России по г. Москве, в отсутствие соглашения, заключенного в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения, предусматривающего участие адвоката П. в деле в качестве защитника Т. лишь 7 и 8 ноября 2025 г.;

– неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившееся в невнесении полученных в ноябре 2025 г. денежных средств в размере …руб. за юридическую помощь, оказанную Т. 7 и 8 ноября 2025 г., в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и в невыдаче Т. финансового документа по проведению операций со средствами доверителя (квитанции о приеме денежных средств, приходного кассового ордера и т. п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем Т., выразившееся в невнесении полученных от доверителя Т. в ноябре 2025 г. денежных средств в размере …руб. в счет оплаты работы по заключенному Соглашению № … от 10 ноября 2025 г. об оказании юридической помощи в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и в невыдаче Т. финансового документа по проведению операций

со средствами доверителя (квитанции о приеме денежных средств, приходного кассового ордера и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– нарушение п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не должен ставить себя в долговую зависимость от доверителя), выразившееся в получении 7 декабря 2025 г. от доверителя Т. на личные нужды …*USDT*.

Установить срок, по истечении которого П. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 2 (два) года.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. по жалобе Т.:

в части дисциплинарного обвинения в хищении П. у Т. денежных средств в сумме более …руб. вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения;

в оставшейся части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.18. Статус адвоката был прекращен за систематическое осуществление «двойной защиты» в обход установленного порядка назначения защитником. Совет расценил многократное участие адвоката в качестве защитника по назначению при наличии защитников по соглашению, в отсутствие законных оснований для их дублирования как умышленное и последовательное игнорирование фундаментальных правил. Совет также установил, что адвокат лишь создавала видимость защиты, фактически исполняя функцию «карманного адвоката», признав профессиональное поведение адвоката направленным против интересов доверителя и наносящим вред авторитету адвокатуры. При этом адвокат ранее уже привлекалась к дисциплинарной ответственности за аналогичное нарушение, но не изменила свое профессиональное поведение.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя заявителя К. – адвоката Х. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам К. от 15 и 21 января 2026 г. и по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… от 27 мая 2026 г. в отношении адвоката Ф.

Квалификационная комиссия 10 июня 2026 года вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1, 9 п. 1 ст. 9, ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства… следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции; адвокат не вправе действовать вопреки законным

интересам доверителя… оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации»), во взаимосвязи с Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О "двойной защите"» и Разъяснениями № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнении адвокатом Ф. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившемся в неправомерном выполнении ею функции «защитника-дублера» обвиняемого К. по находящемуся в производстве следственной группы Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации уголовному делу № 1 в отношении М., К., К.И., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, в ходе ознакомления с материалами уголовного дела в порядке, установленном ст. 217 УПК РФ, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 25, 26, 27, 28, 31 марта 2025 г., 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9 апреля 2025 г., способствовавшем, вопреки законным интересам доверителя К., созданию процессуальных оснований для продления срока его содержания под стражей на срок свыше 12 месяцев;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ф. по жалобам К., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Также Квалификационная комиссия 10 июня 2026 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом Ф. взаимосвязанных норм подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во вступлении 9 июня 2025 г. в уголовное дело № 2, находящееся в производстве следственной группы Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, в качестве защитника обвиняемого Я. в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утвержден Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г.) и п. 3 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (согласованы Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. (Протокол № 5) и утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы № 176 от 30 сентября 2019 г. с дополнениями, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы № 139 от 30 мая 2024 г.

Совет, руководствуясь п. 2.1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, объединил дисциплинарные производства, возбужденные по жалобам К. и по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… в отношении адвоката Ф., в одно дисциплинарное производство.

Представитель заявителя К. – адвокат Х. в письменном заявлении от 17 июня 2026 г. и в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление и согласие с ним. Сообщил, что его доверитель К. просит прекратить статус адвоката Ф., действия которой повлекли для него неблагоприятные последствия, поскольку обеспечили незаконное продление срока содержания К. под стражей свыше 12 месяцев.

Адвокат Ф., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая оба Заключения Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, в письменном заявлении от 28 июня 2026 г. просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие, отношения к выводам Квалификационной комиссии не высказала. Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившейся адвоката Ф.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключениями Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Против адвоката Ф. заявителем К. выдвинуты дисциплинарные обвинения:

– в принятии поручения на осуществление его защиты по назначению по уголовному делу № 1 в нарушение порядка, установленного УПК РФ и Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации, в условиях наличия у заявителя К. защитников по соглашению – адвокатов Х. и К.О.;

– в отказе от принятой на себя защиты, выразившемся в самоустранении от осуществления защиты К. с 15 апреля 2025 г. при рассмотрении судом ходатайства о продлении срока содержания К. под стражей.

В представлении вице-президента Адвокатской палаты города Москвы против адвоката Ф. выдвинуто дисциплинарное обвинение в нарушении положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, во взаимосвязи с Порядком назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденным Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 15 марта 2019 г., и п. 3 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, согласованных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. и утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы № 176 от 30 сентября 2019 г. с дополнениями, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 мая 2024 г.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве следователя ГСУ СК России А. находилось уголовное дело № 3 по обвинению К., К.И., М. и других лиц в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160

УК РФ. С мая 2024 г. защитниками К. по соглашению являлись адвокаты К.О. и Х., которые 14 марта 2025 г. были уведомлены о производстве 17 и 18 марта 2025 г. следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу № 3 и составили на соответствующем уведомлении следователя от 14 марта 2025 г. письменные заявления о невозможности явки в указанные даты в связи с профессиональной занятостью.

Постановлением следователя А. от 14 марта 2025 г. из уголовного дела № 3 в отдельное производство выделено уголовное дело № 1 в отношении К., К.И., М., которое в тот же день принято следователем А. к производству. По заявке указанного следователя от 17 марта 2025 г. в АИС АПМ защитником обвиняемого К. была назначена адвокат Ф., которая вступила в уголовное дело № 1 в тот же день, не позднее 15.30 час., на основании ордера от 17 марта 2025 г. Согласно постановлению следователя от 17 марта 2025 г. основанием назначения защитника обвиняемому К. явилась неявка без уважительных причин защитников по соглашению – адвокатов К.О. и Х., уведомленных 7, 13 и 14 марта 2025 г.

В тот же день, с 14.00 час. до 14.30 час., по уголовному делу № 1 следователем следственной группы ГСУ СК России А.Н. в помещении следственного кабинета ФКУ СИЗО… ГУФСИН России по г. Москве составлен протокол уведомления об окончании следственных действий, согласно которому обвиняемый К. в отсутствие кого-либо из защитников был уведомлен об окончании следственных действий по уголовному делу № 1 и заявил в числе прочего, что просит отменить постановление об окончании следственных действий, а также начать ознакомление с материалами уголовного дела в соответствии со ст. 217 УПК РФ совместно с его защитниками по соглашению – адвокатами Х. и К.О. с уведомлением их за 5 суток. В 14.31 час. обвиняемому К. в отсутствие защитников был предъявлен для ознакомления том № 3 уголовного дела № 1. Обвиняемый К. внес в свой график ознакомления с уголовным делом № 1 письменное заявление от 19 марта 2025 г. о факте проведения процессуальных действий без его защитников – адвокатов К.О. и Х., которые «не были оповещены должным образом в соответствии с законом», несмотря на то, что ранее он заявлял о своем желании знакомиться с материалами дела совместно с ними.

Согласно графику ознакомления с уголовным делом № 1 защитник – адвокат Ф. знакомилась с его материалами в следующие даты: 17, 18, 19, 20, 21, 24, 25, 26, 27, 28, 31 марта 2025 г., 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9 апреля 2025 г.

Защитник обвиняемого К. – адвокат Ф. 11 апреля 2025 г. была извещена о рассмотрении 15 апреля 2025 г., в 12.30 час., М. городским судом постановления о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания К. под стражей, сообщила следователю А. о том, что она уведомлена о рассмотрении ходатайства и просит рассмотреть его без ее участия «в связи с занятостью в суде». В указанном судебном заседании адвокат Ф. участия не принимала, вынесенное судом постановление о продлении срока содержания К. под стражей не обжаловала. Защиту К. в данном судебном заседании осуществляли адвокаты К.О. и Х., которые обжаловали постановление суда в апелляционном порядке.

Постановлением следователя А. от 27 мая 2025 г. удовлетворено ходатайство обвиняемого К. от 23 апреля 2025 г. об отказе от защитника – адвоката Ф.

За время участия в уголовном деле в качестве защитника К. адвокат Ф. с подзащитным не встречалась, ознакомление с материалами уголовного дела

осуществлялось ими раздельно, в разные даты и разное время, с участием разных следователей.

В производстве того же следователя ГСУ СК России А. находилось уголовное дело № 2, возбужденное 25 июля 2024 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, по факту хищения денежных средств АО «…» в особо крупном размере, по которому с участием защитника – адвоката З. 25 июля 2024 г. составлен протокол задержания подозреваемого Я.

9 июня 2025 г. следователем А. вынесено постановление о назначении адвоката Ф. защитником обвиняемого Я. В обоснование этого решения указано, что 9 июня 2025 г. адвокат З. уведомлен о производстве следственных действий 10 июня 2025 г. (т.е. в следующий день после уведомления), однако для участия в следственных действиях он явиться не может без уважительных причин.

Заявка для назначения защитника обвиняемому Я. по уголовному делу № 2 в АИС АПМ не поступала, соответственно, Ф. в АИС АПМ не распределялась. При этом сбоев в работе АИС АПМ в указанный период не было. Адвокат Ф. зарегистрирована в АИС АПМ 12 июля 2019 г. и в этот же день начала принимать заявки (активировалась).

9 июня 2025 г. адвокат Ф. вступила в уголовное дело в качестве защитника обвиняемого Я., представив ордер от 9 июня 2025 г., в качестве основания выдачи которого было указано «ст.ст. 50; 51 УПК РФ». Согласно письменному заявлению Я. от 10 июня 2025 г. он против осуществления защиты адвокатом Ф. не возражал. На протяжении года, с 9 июня 2025 г., адвокат Ф. участвует в указанном уголовном деле в качестве защитника обвиняемого Я., в том числе в этом качестве заявляла следователю А. ходатайства от 17 июня 2025 г. и 18 марта 2026 г.

Переходя к рассмотрению выдвинутых против адвоката Ф. дисциплинарных обвинений, Совет отмечает, что назначенный защитник обязан уважать право доверителя на свободный выбор защитника, приглашенного им или с его согласия третьими лицами. В связи с этим назначенный защитник при вступлении в дело обязан выяснить, надлежащим ли образом уведомлен участвующий в нем приглашенный защитник о дне, времени и месте производства процессуального действия. Для этого он должен обратиться к лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, а также к доверителю, и в зависимости от характера полученной информации принять решение о возможности участия в процессуальном действии или о заявлении ходатайства о его отложении для обеспечения явки защитника по соглашению.

Согласно п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда.

В соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ по просьбе подозреваемого, обвиняемо-

го участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом. Частью 3 ст. 50 УПК РФ установлено, что в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов.

В п. 4 Рекомендаций Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.) указано: «Адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению, обязан явиться к инициатору заявки, представить ордер и предъявить удостоверение, после чего выяснить, имеется ли у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) защитник по назначению или соглашению. Если у обвиняемого имеется защитник по соглашению, то адвокат обязан удостовериться в его надлежащем уведомлении в установленный законом срок и потребовать копию процессуального решения, в котором надлежащим образом мотивировано назначение адвоката в порядке статей 50, 51 УПК РФ при наличии защитника по соглашению».

В п. 1 Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» (действует в редакции, утвержденной Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.) указано на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, т.е. при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же решением (абз. 1 п. 2.1) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивируют именно злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника своими правомочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение)…».

В пп. 2, 3 Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» указано на недопустимость осуществления адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случая, указанного в п. 3 этих разъяснений. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях,

предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы подчеркивает, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Защитнику по назначению, отказ от которого, заявленный в установленном законом порядке, не принят дознавателем, следователем или судом с вынесением соответствующего процессуального решения, необходимо исходить из того, что само по себе наличие у указанных субъектов уголовного судопроизводства предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ права не принять отказ от защитника не означает, что они могут пользоваться этим правом произвольно либо в целях, не соответствующих конституционным требованиям и назначению уголовного судопроизводства. В соответствии с требованиями ст. 11, 16, 243 УПК РФ именно на орган или должностное лицо, осуществляющие от имени государства производство по уголовному делу, возложена обязанность обеспечить всем участникам судопроизводства реализацию их прав и законных интересов.

Основываясь на этих требованиях закона и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П, и Пленума Верховного Суда Российской Федерации – в постановлении от 30 июня 2015 г. № 29, Совет полагает, что дознаватель, следователь или суд могут не принять отказ от защитника по назначению лишь в случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства, представляя собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, т.е. направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов своим Решением от 15 марта 2019 г. утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (далее – Порядок), п. 2.1 которого установлено: «В целях организации исполнения настоящего Порядка советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подпунктом 5

пункта 3 статьи 31 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей».

На момент вступления адвоката Ф. в качестве защитника 17 марта 2025 г. в уголовное дело № 1 и 9 июня 2025 г. в уголовное дело № 2 действовали Правила Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденные Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176 (далее – Правила).

В соответствии с п. 3 Правил «обработка уведомлений дознавателей, следователей или судов (далее – инициаторов) о принятом решении о назначении адвокатов осуществляется Адвокатской палатой города Москвы (далее – Палатой) исключительно посредством Автоматизированной информационной системы Палаты (далее – АИС АПМ). Уведомления инициаторов (далее – уведомление) об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном статьями 50 и 51 УПК РФ, а также уведомления об обеспечении представителя в порядке, установленном статьей 50 ГПК РФ и статьей 54 КАС РФ, направленные в адвокатское образование или адвокату, исполнению не подлежат. Принятие и (или) осуществление адвокатом защиты или представительства по назначению, поступившему к нему не через АИС АПМ, а равно нарушение иных положений настоящих Правил являются дисциплинарными проступками и влекут за собой применение мер дисциплинарной ответственности».

В соответствии с подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации.

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Давая оценку дисциплинарному обвинению в недопустимом выполнении адвокатом Ф. функций «защитника-дублера», Совет отмечает следующее. В результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлено, что о наличии у обвиняемого К. защитников по соглашению – адвокатов К.О. и Х. адвокату Ф. было известно как из постановления следователя о назначении ее защитником, так и из телефонного разговора с самим адвокатом Х.

Совет отклоняет как несостоятельные доводы адвоката Ф. о том, что адвокаты К.О. и Х. неоднократно с 7 марта 2025 г. уведомлялись о следственных действиях, запланированных на 17 и 18 марта 2025 г., поскольку данные уведомления имели место по другому уголовному делу – № 3. Уголовное дело № 1, об окончании производства следственных действий по которому было объявлено

и с материалами которого было начато ознакомление в порядке ст. 217 УПК РФ 17 марта 2025 г., было выделено в отдельное производство лишь 14 марта 2025 г. По этой причине сама возможность уведомления по нему за 5 суток до 17 марта 2025 г. отсутствовала, о чем адвокату Ф. также было достоверно известно.

При таких обстоятельствах адвокат Ф., исполняя требования п. 4 Разъяснений № 13 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» и установив, что оба указанных адвоката являются защитниками К. по соглашению и не были уведомлены следователем ни о производстве следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу № 1, ни об окончании следственных действий по нему, должна была действовать в соответствии с Разъяснениями № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г., т. е. незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и этими разъяснениями меры, направленные на прекращение своего участия в уголовном деле.

В данной процессуальной ситуации у адвоката Ф. отсутствовали основания для продолжения участия в уголовном деле № 1 в качестве защитника К., поскольку в постановлении следователя А. о ее назначении защитником от 17 марта 2025 г. отсутствовали выводы о том, что действия или бездействие обвиняемого К. или его защитников по соглашению – адвокатов К.О. и Х. противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход предварительного следствия, т. е. направлено на срыв производства по делу. К тому же, как указано выше, оба указанных защитника письменно уведомили следователя 14 марта 2025 г. о своей профессиональной занятости, в том числе и 17 марта 2025 г.

Кроме того, у адвоката Ф. отсутствовали правовые основания для раздельного со своим подзащитным К. ознакомления с уголовным делом № 1, поскольку в силу требований ч. 1 ст. 217 УПК РФ это возможно лишь в случае заявления соответствующего ходатайства обвиняемым, которое подлежит рассмотрению и разрешению следователем. Однако обвиняемый К. не только не ходатайствовал о раздельном с защитниками ознакомлении с уголовным делом, но, напротив, письменно заявил в протоколе уведомления об окончании предварительного следствия от 17 марта 2025 г. о своем желании знакомиться с уголовным делом совместно с защитниками по соглашению. Однако адвокатом Ф. было проигнорировано и это обстоятельство.

Многократная (18 раз) явка адвоката Ф. к следователю для ознакомления с материалами уголовного дела № 1 в период с 17 марта по 9 апреля 2025 г., зафиксированная в соответствующем графике ознакомления, не может быть признана должным выполнением защитником профессиональных обязанностей. Эти действия являлись лишь созданием видимости исполнения обязанностей защитника, так как адвокат Ф. ни разу не встретилась со своим подзащитным К. и уклонилась от выполнения всего алгоритма действий назначенного защитником адвоката, начиная с выяснения позиции доверителя в условиях конфиденциального свидания с ним. При этом после 9 апреля 2025 г. адвокат Ф. от дальнейшего участия в уголовном деле устранилась.

Сопоставив профессиональное поведение адвоката Ф. с приведенными выше обязательными требованиями,

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Ф. умышленно нарушила (проигнорировала) установленный порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению. При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ф. опровергнутой, а ее умышленную вину в совершении указанного дисциплинарного нарушения установленной.

Как описано выше, с 17 марта по 9 апреля 2025 г. адвокат Ф. выполняла недопустимые функции «защитника-дублера» в уголовном деле № 1, находящемся в производстве следователя А.

При вступлении же позднее, 9 июня 2025 г., в уголовное дело № 2, находившееся в производстве того же следователя А., с которым адвокат Ф. по указанной причине была знакома как минимум с 17 марта 2025 г., она допустила нарушение Порядка и Правил при назначении ее защитником обвиняемого Я.

Адвокат Ф. признала, что была назначена защитником обвиняемого Я. минуя АИС АПМ, посчитав достаточным основанием для своего назначения постановление следователя А. от 9 июня 2025 г., которое при этом было мотивировано лишь невозможностью явки в этот день защитника по соглашению – адвоката З.

Данная позиция адвоката Ф. прямо противоречит установленным Порядком и Правилами (в частности п. 3.5 Порядка) принципом централизации и автоматизации при назначении адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, согласно которому назначение осуществляется только централизованно, с использованием автоматизированной информационной системы, исключающей влияние любых заинтересованных лиц на распределение поручений между адвокатами.

По этой причине не имеет правого значения для разрешения настоящего дисциплинарного производства и оценки профессионального поведения адвоката Ф. то обстоятельство, что обвиняемый Я. не возражал против осуществления защиты адвокатом Ф. Вопреки ее доводу о значимости этого обстоятельства позиция подзащитного может учитываться лишь в случае вступления адвоката в дело в качестве защитника по назначению в соответствии с Порядком и Правилами.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Ф. опровергнутой, а ее умышленную вину во вступлении в уголовное дело № 2 при описанных обстоятельствах в нарушение Порядка и Правил установленной.

Переходя к оценке дисциплинарных обвинений в нарушении адвокатом Ф. Порядка и Правил при вступлении в уголовное дело № 1 в качестве назначенного обвиняемым защитника К., Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, не усматривает дисциплинарного проступка в принятии адвокатом Ф. заявки от 17 марта 2025 г., на основании которой она была назначена защитником обвиняемого К. В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что заявка не содержала недостоверных сведений, а также не установлено каких-либо недопустимых действий, направленных на вмешательство в осуществляемый автоматизированной информационной системой выбор и назначение адвоката защитником. При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

К такому же выводу Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией,

приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в отказе от принятой на себя защиты, выразившемся в самоустранении от осуществления защиты К. с 15 апреля 2025 г. при рассмотрении ходатайства следователя о продлении срока содержания К. под стражей. Устранение адвоката от осуществления защиты при отсутствии правовых оснований для ее осуществления, в том числе в ситуации неправомерного дублирования функций защитника по соглашению, является обязанностью адвоката, назначенного защитником. По этой причине такие действия не могут быть квалифицированы как дисциплинарный проступок. Адвокат Ф. вообще не имела оснований к дублированию функций защиты при описанных обстоятельствах, в связи с чем должна была незамедлительно устраниться от участия в уголовном деле № 1 в отношении обвиняемого К.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Ф. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их грубый характер, свидетельствующий об умышленном и систематическом игнорировании адвокатом обязательных правил осуществления защиты по назначению следователя, сопряженном с нарушением прав доверителя К. и наступлением для него негативных последствий в виде создания процессуальных оснований для продления срока его содержания под стражей свыше 12 месяцев. При этом Совет отмечает, что адвокат Ф. при описанных обстоятельствах действовала не в целях оказания К. квалифицированной юридической помощи. Подобное профессиональное поведение адвоката Ф. Совет признает направленным против интересов доверителя К., а также наносящим вред авторитету адвокатуры. Кроме того, Совет учитывает неоднократное и последовательное совершение адвокатом Ф. грубых дисциплинарных нарушений во взаимодействии с одним и тем же следователем, что Совет расценивает как действия, направленные лишь на создание видимости оказания квалифицированной юридической помощи подзащитному, а в действительности заключающиеся в исполнении функций «карманного адвоката», несовместимых с назначением защитника и прямо противоречащих самой сущности Порядка и Правил и основной цели их установления.

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Ф. недопустимым и несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных нарушений.

Совет также учитывает, что адвокат Ф. Решением Совета от 24 апреля 2025 г. № … была привлечена к дисциплинарной ответственности за аналогичное нарушение, выразившееся во вступлении в уголовное дело по назначению суда минуя АИС АПМ. На момент разрешения настоящего дисциплинарного производства адвокат Ф. считается не имеющей дисциплинарных взысканий, поскольку годичный срок, предусмотренный п. 1 ст. 26 Кодекса

профессиональной этики адвоката, истек. Однако данное обстоятельство не опровергает того факта, что адвокат Ф. и после предыдущего привлечения к дисциплинарной ответственности не пересмотрела и не скорректировала свое профессиональное поведение. Приведенная совокупность обстоятельств свидетельствует о том, что при осуществлении профессиональной деятельности она сознательно руководствуется ненадлежащими мотивами, не связанными с предназначением адвоката.

Совет принимает во внимание длительный профессиональный стаж адвоката Ф., однако не находит возможным применение к ней более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Ф. в составе адвокатского сообщества могло бы создать ложное представление о совместимости профессионального поведения, основанного на демонстративном игнорировании фундаментальных и обязательных профессионально-этических требований, со статусом адвоката.

Статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он является, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

При определении в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срока, по истечении которого Ф. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет учитывает всю совокупность установленных и описанных выше обстоятельств, включая данные о личности и профессиональной деятельности Ф., в том числе ее возраст и профессиональный стаж, и считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ф. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1, 9 п. 1 ст. 9, ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства… следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан вы-

полнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции; адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя… оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации»), во взаимосвязи с Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О "двойной защите"» и Разъяснениями № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившееся в неправомерном выполнении функции «защитника-дублера» обвиняемого К. по находящемуся в производстве следственной группы Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации уголовному делу № 1 в отношении М., К., К.И., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, в ходе ознакомления с материалами уголовного дела в порядке, установленном ст. 217 УПК РФ, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 25, 26, 27, 28, 31 марта 2025 г., 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9 апреля 2025 г., способствовавшем, вопреки законным интересам доверителя К., созданию процессуальных оснований для продления срока его содержания под стражей свыше 12 месяцев;

– нарушение взаимосвязанных норм подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся во вступлении 9 июня 2025 г. в уголовное дело № 2, находящееся в производстве следственной группы Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, в качестве защитника обвиняемого Я. в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утвержден Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г.) и п. 3 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (согласованы Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. (Протокол № 5) и утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 с дополнениями, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 мая 2024 г. № 139).

Установить срок, по истечении которого Ф. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, в 3 (три) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ф. по жалобам К., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.19. Статус адвоката прекращен за принятие обязательства добиться возбуждения уголовных дел с использованием заявленных адвокатом связей в правоохранительных органах для понуждения должника к возврату займа. Совет признал такое профессиональное поведение адвоката злостным нарушением, несовместимым с предназначением адвоката и подрывающим авторитет адвокатуры как института гражданского общества.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя Ш. и адвоката А. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ш. от 17 марта 2026 г. в отношении адвоката А.

Квалификационная комиссия 10 июня 2026 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом А. подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 5 ст. 9 и п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в принятии на себя не позднее 9 декабря 2025 г. устного обязательства перед Ш. с использованием имеющихся у нее коррупционных связей в правоохранительных органах добиться возбуждения в отношении А.А. и его супруги – Т. уголовных дел в целях понуждения А.А. к возврату Ш. долга по договору процентного целевого займа от 1 августа 2024 г.

Заявитель Ш. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлен и согласен. Считает, что с учетом тяжести совершенного адвокатом А. дисциплинарного проступка, явного злоупотребления доверием с ее стороны, а также тем, что в результате подобных действий адвоката взыскание долга с А.А. стало затруднительным, к ней необходимо применить меру дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат А. в заседании Совета пояснила, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлена и согласна частично. Признает, что, взаимодействуя с Ш., вела себя непрофессионально и юридическую помощь по существу не оказывала, а лишь передавала информацию от ООО «…». Утверждает, что каких-либо коррупционных связей в правоохранительных органах у нее не имелось, при этом представленную заявителем переписку, голосовые сообщения и расшифровку телефонных переговоров подтверждает. Просит учесть, что Ш. является профессиональным инвестором, а представленный им договор займа вызывает сомнения в его достоверности.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Ш. на основании договора займа от 1 августа 2024 г. выдал А.А. денежные средства. В связи с отказом А.А. от досрочного возвращения займа Ш. не позднее 9 декабря 2025 г. обратился к своему бизнес-партнеру Г., и тот предложил ему прибегнуть к помощи адвоката А., с которой у него имелся опыт решения подобных проблем. В ходе состоявшейся 9 декабря 2025 г. встречи с Ш. при участии Г. адвокат А., сославшись на имеющиеся у нее коррупционные связи в правоохранительных органах, пообещала Ш. добиться возбуждения уголовного дела в отношении А.А. и его супруги в целях понуждения к возврату долга. Для этого

Ш. передал адвокату А. …рублей наличными и флеш-накопитель с необходимой информацией.

В дальнейшем в ходе переписки, голосовых сообщений и телефонных разговоров в декабре 2025 г. адвокат А. без заключения с ней соглашения об оказании юридической помощи обсуждала с Г. и Ш. передачу денежных средств за совершение указанных действий, а также условия реализации достигнутых договоренностей. При этом адвокат А. представила Ш. проект договора с ООО «…», предусматривающего оказание последним юридических услуг, направленных на урегулирование спора и взыскание задолженности по указанному договору займа. Пунктом 4.1 проекта договора с ООО «…» предусмотрено: «Стороны согласовывают, что единственной формой оплаты услуг Исполнителя по настоящему Договору является вознаграждение, предусмотренное п. 4.3 и выплачиваемое исключительно при условии фактического взыскания с Должника (А.А.) в пользу Заказчика денежных средств и/или имущества в результате действий, предпринятых Исполнителем в рамках настоящего Договора». Пунктами 4.3 и 4.4 проекта договора предусматривалось, что вознаграждение исполнителя составляет сумму, превышающую …рублей, которые Ш. получит от А.А. в счет возврата долга, а также сверх либо транспортных средств… и… принадлежащих А.А., либо их денежного эквивалента в сумме …руб.

30 декабря 2025 г. Ш. прекратил общение с адвокатом А., а 6 февраля 2026 г. направил ей сообщение о неисполнении ею взятых на себя обязательств, непредоставлении соглашения об оказании юридической помощи и потребовал возврата переданных ей денежных средств в сумме …руб., а также флеш-накопителя с информацией.

Заявитель Ш. выдвигает против адвоката А. дисциплинарное обвинение в том, что она приняла на себя перед ним устное обязательство добиться возбуждения в отношении А.А. и его супруги – Т. уголовных дел в целях понуждения А.А. к возврату Ш. долга по указанному договору займа, используя имеющиеся у нее коррупционные связи в правоохранительных органах, и получила от него за оказание указанной услуги …руб., свои обязательства не исполнила, полученные денежные средства не вернула.

Адвокат А. в ходе дисциплинарного разбирательства пояснила, что Ш. планировал заключить договор на оказание юридических услуг с ООО «…», поскольку данная компания специализируется на взыскании подобных долгов. Ш. лично и напрямую общался с сотрудниками указанной компании, обсуждал условия и сроки, вносил свои корректировки. Услуги оказывались Ш. добросовестно, о чем свидетельствуют зарегистрированное в УВД … г. Москвы заявление, а также прямое участие Ш. в общении с сотрудниками «УВД … г. Москвы». Полагает, что добросовестность исполнения поручения подтверждает и сам заявитель Ш., указывая в жалобе, что 13 февраля 2026 г. ему поступила информация из ОМВД России по С. району г. Москвы «по факту его заявления от 23 декабря 2025 г.» Ш. сам стал уклоняться от сотрудничества с адвокатом А. и отказался заключить с ней соглашение как с адвокатом, что подтверждается представленной им перепиской. Несмотря на частично оказанные услуги, ООО «…» готово произвести возврат денежных средств Ш., однако он от их принятия уклоняется. Учитывая изложенное, адвокат А. считает, что в ее действиях отсутствует состав дисциплинарного проступка. Однако после ознакомления с Заключением Квалификационной комиссии адвокат А.

изменила свою позицию, дав в заседании Совета приведенные выше пояснения.

Оценивая выдвинутые заявителем дисциплинарные обвинения в совокупности с установленными в результате дисциплинарного разбирательства фактическими обстоятельствами, Совет отмечает следующее. Согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном данным федеральным законом, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

В соответствии с подп. 5 п. 2 ст. 2 того же Федерального закона, оказывая юридическую помощь, адвокат, в числе прочего, участвует в качестве представителя доверителя в уголовном судопроизводстве.

В силу требований подп. 4 п. 1 ст. 7 указанного Федерального закона адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Кодекс профессиональной этики адвоката содержит следующие предписания, относимые к предмету настоящего дисциплинарного разбирательства:

– существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры (абз. 2 преамбулы);

– адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре (п. 2 ст. 5);

– в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения (п. 5 ст. 9);

– закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом (п. 1 ст. 10).

В результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлено, что 10 декабря 2025 г., в 14.15 час., адвокат А. направила Г. в мессенджере *Telegram* голосовое сообщение следующего содержания: *«Г., добрый день. Передайте, пожалуйста, Ш. Я вчера назвала <сумма>, но на <сумма> не соглашаются, говорят <сумма>. Но мы эту сумму включим в возврат. Ну, получается, в получении общей суммы там не <сумма>, а <сумма> тогда. Вот, сообщите Ш., пусть он мне даст обратную связь, если он согласен, то завтра я готова с ним увидеться, потому что я уже вылетаю обратно в Москву»*[14]. В 13.38 час. 11 декабря 2025 г. она направила Г. в мессенджере *Telegram* голосовое сообщение следующего содержания: *«Г., смотрите, для информации для Ш., я сейчас разговаривала с людьми и сказала, что он может дать только <сумма> бюджет, все, больше ничего давать он не может и не будет. Поэтому, собственно, как я и обозначала*

[14] Здесь и далее орфография, пунктуация и стилистика оригиналов сообщений сохранены (*прим. ред.*).

ту сумму, на ней останавливаемся, вот. Потому что время идет, тут надо либо работать, либо не работать».

Г. ответил адвокату А. в том же мессенджере в период с 08.09 час. по 08.20 час. 12 декабря 2025 г. следующими сообщениями: *«Доброе утро! Ш. поздно вышел на связь. Поэтому сегодня пишу. Он согласен. Спрашивает, за <сумма> "качество" работы будет такое же как за <сумма> или рвения будет меньше) Оплачивает <сумма> и подписываем контракт на <сумма> + две машины. Если будут вопросы – при подписании по этому расчету проговорим». «Есть но. Ш. хотел бы моего участия при этой встрече. А у меня командировка. Прилетаю только в понедельник. В виду этого, встретиться все вместе сможем только во вторник, 16/12. Поэтому предложение, пересмотреть задание, если возможно. Срок возврата установить до 30.12». «Ш. считает, что если будет возврат средств – то в первые 3–4 дня. Но это его мнение. Поэтому к переносу срока готов». «Я выйду на связь после 10.30 Смогу ответить на вопросы, если будут. Пытался уйти от общения через посредников, но похоже буду с Вами по этой сделке, если все состоится)».*

Адвокат А. в 08.21 час. того же дня ответила: *«Доброе утро, Г. По поводу нашей встречи, можно и во вторник. Но фактуру и <сумма> нужно отдать сегодня – т.к. нужно еще изучение и подготовка к мероприятиям».*

В 10.53 час. 16 декабря 2025 г. Г. направил адвокату А. в мессенджере *Telegram* текстовое сообщение следующего содержания: *«По договору вопрос. В договоре не указан срок исполнения, а есть дата действия договора до 31.12.2026. Возникает вопрос, что исполнитель может не, торопить заемщика возвращать долг до указанной даты, т.к. позднее 31.12.26 г. все возвращенное автоматически становиться гонораром успеха. Возможно, стоит прописать формулировку иначе, чтобы этот момент был учтен».*

В 16.54 час. 23 декабря 2025 г. Г. направил адвокату А. в мессенджере *Telegram* текстовое сообщение следующего содержания: *«Добрый день. А., нужен Ваш комментарий по ситуации. Дело не возбуждено, о чем вчера говорили. Ш. провел день, по-сути дав только объяснение и только зарегистрировали МАТЕРИАЛ проверки. Дальнейшее развитие событий, как вы обещали, под вопросом. Процесс выглядит не типично, когда люди заинтересованы. Торопили с оплатой, т.к. нужно подработать информацию. Но этой подработки не видно. Получив деньги за то, что мы обсуждали, накладывает на людей определенные обязательства. Мы обсуждали много того, чего не произошло».*

На это сообщение адвокат А. в 17.11 час. ответила Г. следующим сообщением в том же мессенджере: *«Г., добрый вечер. У вас не верное представление по ситуации. Дело возбуждено на <округ Москвы>, материал проверки заведен также в <УВД> т.к. мы указали передачу денег по <адрес> а не где-то на рынке в области, более того опера сразу в своем материале сделали группу внеся супругу таджика, машины и квартиру в объяснение и создав мотив мошенничества группой лиц, а не гражданско-правовые отношения по расписке и договору займа, возврат по которому еще не наступил. А так же уточнились по рынку в <адрес> и сотрудники дали понять что очень хорошо знают этот рынок, и просто уточнили у Ш. вид продаж товаров, возможных подельников таджика. Более чем дать пояснение и описать ситуацию – от Ш. ничего и не требовалось или я не права».*

В дальнейшем на сообщения Г. от 23 и 24 декабря 2025 г., в которых он про-

сил адвоката А. сообщить ему номер уголовного дела, она в 14.48 час. 24 декабря 2025 г. написала: *«Г., здравствуйте. Все хорошо – опера уже заработок "делят" – сегодня звонили Ш. – все хотят встречу и работать»*.

В 11.38 час. 25 декабря 2025 г. в ответ на очередное требование Г. придерживаться согласованного плана и сообщить номер возбужденного уголовного дела адвокат А. отправила ему следующее сообщение: *«Г. по поводу звонка Ш. – ему звонил какой-то прыткий опер с целью "заработать" (он потом и мне звонил) но мы сообщили его руководству и ситуация у него прояснилось. По поводу должника – работы ведутся. По возбуду – сегодня постараюсь доехать взять бумагу. Просто вчера у меня были свои "мероприятия" и я не успела»*.

В 19.40 час. 30 декабря 2025 г. Г. отправил адвокату А. сообщение следующего содержания: *«Здравствуйте. Он написал то, что договор не выполнен. Где уголовное дело, которое сначала с Ваших слов было на <округ Москвы>, затем на <округ Москвы> и реализация с привлечением таджика и другие обещанные мероприятия? Посмотрите нашу переписку. Об этом более развернуто писал я. Но ответов не получил. Ш. кратко изложил то, что должно было произойти за оплаченный гонорар и справедливо требует вернуть его»*. В ответ в этот же день, в 20.03 час., адвокат А. написала: *«Г. а мне кажется есть намерение ввести меня в заблуждение. И я готова пояснить в чем»*.

Кроме того, 27 декабря 2025 г. между Г. и адвокатом А. по инициативе последней состоялся телефонный разговор, в ходе которого они также обсуждали вопросы, связанные с возбуждением уголовного дела в отношении А.А. по факту совершения им преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, и касающиеся процессуальных действий, которые якобы проводятся в связи с расследованием указанного уголовного дела.

Отвечая на претензию Г. о том, что суммой … руб. Ш. фактически оплатил свое же заявление в полицию, и отвечая на вопросы Г. о движении дела, адвокат А. пояснила следующее:

– *«Да, я вам говорю. Да, я вам сейчас объясняю. Обыски у таджика были. Значит, Ш. было предложено подъехать на место, но он сказал, что он этого сделать не может, потому что у него ребенок. Он нам дал контакт, вернее, не нам, а бэпникам, Ан., который на месте, на складе в <адрес>, администратор. Люди выехали туда. Этого таджика, которого он на ш, я не помню фамилию, писал, там на месте не оказалось, но его сейчас устанавливают, ищут. По одному адресу был сделан обыск, по второму адресу не подтвердилось, что данный гражданин вообще там имел какое-то место бытия»* (00:02:02–00:02:42 аудиозаписи).

– *«Они передали в итоге все в <округ Москвы>. Теперь смотрите, Ш., ой, то есть, Г., значит Ш. приехать туда не смог. Следовательно, в понедельник нас с Ш. вместе, таджик уже все, он уже приглашен и в понедельник его привозят туда. Ш. привозят, то есть Ш. … мы с Ш. приезжаем туда. Между нами проводят очную ставку, протокол, ну вернее между Ш. и таджиком»* (00:02:46–00:03:13 аудиозаписи).

– *«Да, мы говорим… нет, о материале, не о материале, а об уголовном деле. Они проводят мероприятия, на которых устанавливается, что да, этот гражданин должен Ш. денежные средства. Таджик просит примирения, понимаете, да, о том, что он готов подписать график»* (00:03:16–00:03:33 аудиозаписи).

– *«Да, теперь мне поступило указание о том, что Ш. не должен этого делать, никакого графика платежей*

предоставляться не должно. Как только Ш. отказывается, этому объясняют. Либо он закрывает вопрос, либо его закрывают. По девяносто первой. Все. Это будет в понедельник. Вот мероприятия, которые были запланированы на пятницу и вчера на субботу, ой, то есть у нас уже какой день, да, на пятницу, на четверг и на пятницу, они были выполнены. Все адреса, те, которые указал Ш., все было передано, это все сделано. Ш. была возможность быть там лично, однако он отказался, он сказал, что у него утром ему нужно быть. Да, с ребенком» (00:03:38–00:04:21 аудиозаписи).

– *«Потому что есть курирование СК, получается. И из-за того, что у нас разные адреса, из-за этого только было принято решение сделать изначально в два… В два адреса, потому что мы не знали, вернее, не мы, а люди не знали, где будет эффективнее это все сделать»* (00:05:14–00:05:31 аудиозаписи).

– *«<Округ Москвы> возбудил в итоге дело. Они передали материал»* (00:05:37–00:05:39 аудиозаписи).

– *«ГУБЭП. ГУБЭП возбудил дело. Получается, БЭП <округ Москвы> занимается этим вопросом»* (00:05:44–00:05:50 аудиозаписи).

– *«В понедельник. Мы с Ш., я с Ш. Это будет там. Значит, будет очная ставка проводиться о том, что устанавливается. Мы будем там. Очная ставка будет проводиться по факту того, что подтверждение денежных средств. Из-за того, что у Ш. договор до двадцать шестого года, до марта, по-моему, по договору, хоть он и направил это требование о том, что он прекращает. Вы знаете, да, по возврату, что до марта двадцать шестого договор?»* (00:07:26–00:07:55 аудиозаписи).

– *«Да, да, да. Вот, соответственно, Ш. пояснил при опросе о том, что он расторг этот договор, что этот расписался. Нужно установить все эти факты о том, что этот взял, этот расписался. Он это получал, следовательно, он подтверждает, что он это все получил, подписи это его. О том, что ему известно было, что человек требует с него обратно денежные средства. Вот, более того, этот сам просит о том, чтобы было примирение. Но нам не нужно никакого примирения, никаких графиков. Он просит график платежей»* (00:07:58–00:08:31 аудиозаписи).

– *«Да-да. Да, они все отработали, поэтому включили супругу»* (00:07:58–00:08:31 аудиозаписи), (00:08:43–00:08:46 аудиозаписи).

– *«Вот я сейчас, я сейчас, вот сейчас прям по этому факту я не могу вам ничего сказать, но с учетом того, что с учетом этой флешки как раз и наличия там вот этого ИП, супруги таджика, потому что свое-то он передавал вообще в другое ведение ИП. Из-за этого ее включили в эту группу лиц. Ну, то есть, как бы, по объяснению Ш. и по заявлению. Почему мы подавали дополнительное заявление? Потому что первоначально мы не хотели ее включать и думали, это будет как орудие с последующим использованием»* (00:08:52–00:09:25 аудиозаписи).

– *«Да, часть четвертая, конечно, сто пятьдесят девятая, часть четвертая – мошенничество»* (00:09:28–00:09:32 аудиозаписи).

– *«Ничего, никуда он не улетит. Он уже никуда не улетит. Уже обыски прошли, куда он улетит. Все уже. Какие? Куда он улетит?»* (00:10:57–00:11:06 аудиозаписи).

Из этого же разговора усматривается, что ранее адвокат А. оказывала Г. подобные услуги. В частности, Г. в ходе этого разговора сказал адвокату А. следующее: «*То, что вы делали ранее, мне внушает доверие*» (00:01:13–00:02:02 аудиозаписи).

Параллельно с Г. адвокат А. также вела переписку в мессенджере *Telegram* с заявителем Ш.

Так, в 15.50 час. 15 декабря 2025 г. она отправила Ш. сообщение о том, что допрос предварительно будет проводиться в четверг, затем задала ему вопрос, готов ли он подписать договор, на который от Ш. поступил утвердительный ответ. В 16.19 час. Ш. направил адвокату А. следующее сообщение: «*А тогда, может быть, как-то проект посмотреть, можно, того, что мы будем подписывать, проект договора. А то мы же там, я так понимаю, не сможем ни корректировки внести, ни… ничего более*». В 17.17 час. адвокат А. выслала Ш. проект договора с ООО «…» в формате *Word*, предусматривающего оказание юридических услуг по урегулированию спора и взысканию задолженности по указанному выше договору займа между Ш. и А.А. Содержание существенных условий, предусмотренных проектом этого договора, изложено выше. От имени ООО «…» указанный договор должен был подписать его генеральный директор – А.В.

В этот же день адвокат А. обсуждала с Ш. в голосовых сообщениях отдельные положения указанного договора, в том числе и конкретный срок решения проблемы Ш.

19 декабря 2026 г. адвокат А. выслала Ш. заявление о возбуждении уголовного дела, адресованное одновременно начальнику УЭБ и ПК ГУ МВД России по г. Москве и «Следственному управлению по … города Москвы», попросила его подписать и вернуть ей скан подписанного заявления, что и было сделано Ш.

В 16.00 час. 23 декабря 2025 г. это заявление было зарегистрировано дежурным УВД по … ГУ МВД России по г. Москве, в подтверждение чего Ш. был выдан талон-уведомление. В этот же день неустановленным сотрудником УВД по … ГУ МВД России по г. Москве от Ш. в присутствии адвоката А. были получены объяснения.

30 декабря 2025 г. Ш. прекратил общение с адвокатом А., а 6 февраля 2026 г. отправил ей сообщение следующего содержания: «*А. доброе утро. Сегодня 6 февраля 2026 года. Вы, как мой адвокат приняли на себя обязательства за …рублей возбудить уголовное дело в отношении А.А. до 25 декабря 2025 года и гарантировали этими деньгами возврат мне от него долга! В связи с неисполнением Вами своих обязательств я сообщил Вам, что далее с Вами я работать не буду, так как соглашение адвокатское Вы так и не предоставили, а просто пообещали представиться моим адвокатом на словах, что меня категорически не устраивает! Вы пообещали до 12 января 2026 года вернуть мне мои <сумма> и флешку с информацией. Вместо этого Вы вообще пропали! Где мои деньги? А., Вы понимаете, что это мошенничество? Я требую вернуть мне мои деньги и флешку с базой до конца недели-до 9 февраля 2026 года! Если этого не произойдет я подниму на ноги все средства массовой информации и никакая адвокатская палата города Москвы Вас не защитит!*». Это сообщение Ш. отправил адвокату А. в мессенджере *Telegram*, а также в виде смс.

Оценивая совокупность изложенных доказательств, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что не позднее 9 декабря 2025 г. Ш. при посредничестве своего знакомого Г. обратился к адвокату А. за помощью в понуждении А.А. к досрочному возврату денежных средств, ранее переданных ему Ш. в качестве займа по указанному выше договору, путем возбуждения в отношении А.А. и его супруги – Т. уголовных дел с привлечением адвокатом А. в указанных целях за денежное вознаграждение знакомых

ей сотрудников правоохранительных органов. При этом обсуждаемая между адвокатом А. и Ш. лично или через Г. сумма в размере …руб. заведомо для Ш. предназначалась не адвокату А., а, с ее слов, сотрудникам правоохранительных органов, которые взялись решать проблему заявителя указанным выше способом. Дополнительно к указанной сумме в случае выплаты А.А. долга адвокату А. через подконтрольное ей ООО «…» Ш. обязался уплатить вознаграждение в размере части взысканной суммы, превышающей …руб., в том числе в случае, если А.А. будет возвращать заем, передавая Ш. указанные выше два автомобиля, стоимость которых Ш. и адвокат А. определили в размере …руб. Адвокатом А. и Ш. был согласован срок возбуждения уголовного дела в отношении А.А. – сначала до 25, затем до 30 декабря 2025 г., после наступления которого заявитель Ш., так и не получив от адвоката А. каких-либо доказательств возбуждения указанного уголовного дела, прекратил с ней общение.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат А. в нарушение п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката не позднее 9 декабря 2025 г. приняла на себя устное обязательство перед Ш. добиться не позднее 30 декабря 2025 г. возбуждения в отношении А.А. и его супруги – Т. уголовных дел в целях понуждения А.А. к возврату Ш. долга по договору процентного целевого займа от 1 августа 2024 г., используя имеющиеся у нее коррупционные связи в правоохранительных органах.

При этом действия адвоката А., позиционировавшей себя как лицо, обладающее коррупционными связями в правоохранительных органах и в силу этого способное за деньги обеспечить решение вопроса об уголовном преследовании фактически любого лица, безусловно, подрывают авторитет адвокатуры как института гражданского общества.

Таким образом, Совет приходит к выводу о нарушении адвокатом А. при описанных обстоятельствах требований подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 5 ст. 9, п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Поскольку данная деятельность не является адвокатской и не может отождествляться с деятельностью представителя доверителя в уголовном судопроизводстве, сами по себе факты неоформления А. как адвокатом письменного соглашения с Ш. об оказании ему юридической помощи и неисполнения ею принятого на себя обязательства, сопряженного с обманом Ш., правового значения не имеют и дополнительной квалификации не требуют.

Довод адвоката А., согласно которому Ш. вступил в обсуждение договорных отношений с ООО «…», в которых она являлась лишь неким «передаточным звеном», Советом отклоняется как надуманный, не влияющий на оценку ее профессионального поведения и не опровергающий выдвинутое Ш. дисциплинарное обвинение в принятии адвокатом А. на себя устного обязательства обеспечить с использованием коррупционных связей возбуждение уголовного дела.

Довод жалобы Ш. о том, что адвокат А., получив от него …руб., не исполнила обещание возбудить уголовное дело и предоставляла ему недостоверную информацию о якобы возбужденном уголовном деле, не подлежит рассмотрению и оценке по существу в настоящем дисциплинарном производстве, поскольку фактически представляет собой обвинение в совершении уголовно наказуемого деяния. Рассмотрение и оценка таких заявлений находятся за пределами компетенции дисциплинар-

ных органов адвокатского самоуправления. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния возможно лишь в порядке, предусмотренном УПК РФ. Поэтому, если заявитель Ш. считает, что адвокатом А. совершено деяние, содержащее признаки какого-либо преступления, он вправе в установленном уголовно-процессуальным законом порядке обратиться с соответствующим заявлением в правоохранительные органы.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката А. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет учитывает его умышленный и злостный характер, сопряженный с явным и грубым игнорированием адвокатом основополагающих и обязательных профессиональных правил. Умышленное игнорирование адвокатом императивного запрета на совершение действий, направленных к подрыву доверия к нему и(или) к адвокатуре, а также требований о поддержании авторитета и достоинства профессии, о недопустимости совершения каких-либо действий, не соответствующих требованиям закона и профессиональной этики, ни при каких обстоятельствах не может быть совместимо со статусом адвоката. Совокупность описанных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат А. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие цели, не соответствующие предназначению адвоката. При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката А. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не усматривает оснований для применения к адвокату А. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление А. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершенные ей грубые нарушения профессиональных правил совместимы со статусом адвоката.

Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных нарушений.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики

адвоката срок, по истечении которого адвокат А. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности А., считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1, 2 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 и п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату А. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение требований подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 5 ст. 9 и п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в принятии на себя не позднее 9 декабря 2025 г. устного обязательства перед Ш., используя имеющиеся у нее коррупционные связи в правоохранительных органах, добиться возбуждения в отношении А.А. и его супруги – Т. уголовных дел в целях понуждения А.А. к возврату Ш. долга по договору процентного целевого займа от 1 августа 2024 г.

Установить срок, по истечении которого А. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

1.20. Статус адвоката прекращен за фактическое самоустранение от защиты доверителя. Совет признал совокупность пяти умышленных нарушений не отдельными ошибками, а систематическим игнорированием обязанностей защитника. Участие адвоката свелось к имитации оказания квалифицированной юридической помощи и пассивному присутствию, придававшему внешнюю легитимность процессуальным действиям в отношении обвиняемого, уголовное преследование которого осуществлялось в его отсутствие и без его ведома. В такой ситуации активность назначенного защитника приобретает повышенное значение, поскольку доверитель лишен возможности защищать себя и самостоятельно выбрать адвоката. Совет подчеркнул, что, если позицию обвиняемого невозможно согласовать с доверителем, защитник обязан исходить из презумпции его невиновности, а следовательно, оспаривать обоснованность подозрения и возражать против заключения под стражу.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Е. и заявителя – адвоката В. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката В. от 23 марта 2026 г. в отношении адвоката Е.

Квалификационная комиссия 20 мая 2026 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Е. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Э., выразившемся в том, что он, осуществляя 2 декабря 2025 г. защиту Э. в судебном заседании С. районного суда г. Москвы по рассмотрению ходатайства следователя об избрании Э. меры пресечения в виде заключения под стражей,

предварительно не ознакомился с материалом…

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 2 п. 1 ст. 9, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с подп. «б» п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., исполнении адвокатом Е. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Э., выразившемся в том, что он 27 ноября 2025 г. в судебном заседании указанного суда оставил вопрос об избрании Э. меры пресечения в виде заключения под стражу на усмотрение суда;

3) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1 п. 1 ст. 9, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с подп. «б» п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., исполнении адвокатом Е. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Э., выразившемся в том, что, вопреки позиции обвиняемого Э. о невиновности, адвокат Е. 2 декабря 2025 г. в судебном заседании указанного суда оставил вопрос об избрании Э. меры пресечения в виде заключения под стражу на усмотрение суда;

4) о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции), адвокатом Е. профессиональных обязанностей перед доверителем Э., выразившемся в не ознакомлении адвоката Е. с протоколом судебного заседания указанного суда от 2 декабря 2025 г. по материалу…

5) о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 4 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., адвокатом Е. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Э., выразившемся в том, что, приняв 2 декабря 2025 г. участие в качестве защитника Э. в судебном заседании указанного суда по рассмотрению ходатайства следователя об избрании в отношении Э. меры пресечения в виде заключения под стражу, адвокат Е. не обжаловал постановление этого суда от 2 декабря 2025 г. в апелляционном порядке.

Заявитель – адвокат В. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление и согласие с ним. Сообщила, что ее доверитель Э. просит прекратить статус адвоката Е., установив срок, по истечении которого он может быть допущен для сдачи квалификационного экзамена, в 1 год. Действия адвоката Е. повлекли для ее дове-

рителя неблагоприятные последствия: он был лишен возможности своевременно вернуться в Российскую Федерацию, чтобы избежать избрания в отношении него заключения под стражу; ранее действовала подписка о невыезде; уголовное дело дважды возвращалось на дополнительное расследование; информация о возобновлении производства по уголовному делу не сообщалась; ход предварительного следствия имел затяжной характер. Допущенные адвокатом Е. нарушения имели множественный характер и продемонстрировали его безразличное отношение к судьбам людей.

Адвокат Е. в письменном заявлении сообщил, что является адвокатом Адвокатской палаты города Москвы с 2023 г., просит не применять к нему самое строгое дисциплинарное наказание в виде прекращения статуса адвоката, так как является единственным работающим членом семьи, имеет на иждивении несовершеннолетнюю дочь, супругу, которая вынуждена не работать, ухаживая за своим престарелым отцом. Сам он не имеет клиентской базы в г. Москве, в связи с чем вынужден работать по уголовным делам по назначению в выходные, праздничные дни, ночное время. В заседании Совета адвокат Е. подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, выразил с ним частичное несогласие. Утверждает, что в судебном заседании С. районного суда г. Москвы 2 декабря 2025 г. возражал против избрания Э. заключения под стражу, хотя в протоколе судебного заседания указано, что он оставил этот вопрос на усмотрение суда. В судебном заседании 27 ноября 2025 г. оставил вопрос избрания Э. заключения под стражу на усмотрение суда, поскольку был уверен, что суд откажет в удовлетворении ходатайства следователя в связи с неполнотой материалов (отсутствовали документы, подтверждающие его объявление в международный розыск). Апелляционную жалобу не подавал, так как не мог выяснить позицию своего доверителя по этому вопросу.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Против адвоката Е. заявителем выдвинуты дисциплинарные обвинения:

– в неознакомлении с материалом дела об избрании обвиняемому Э. меры пресечения в виде заключения под стражу;

– в невозражении в судебном заседании С. районного суда г. Москвы 2 декабря 2025 г., вопреки позиции Э. о невиновности, против его заключения под стражу и оставлении разрешения этого вопроса на усмотрение суда;

– в невозражении в судебном заседании указанного суда 27 ноября 2025 г., вопреки позиции Э. о невиновности, против его заключения под стражу и оставлении разрешения этого вопроса на усмотрение суда;

– в неознакомлении с протоколом судебного заседания того же суда от 2 декабря 2025 г.;

– в необжаловании постановления того же от 2 декабря 2025 г. об избрании заключения под стражу обвиняемого Э. в апелляционном порядке.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства. В производстве С. районного суда г. Москвы находился материал об избрании обвиняемому Э. в его отсутствие меры пресечения в виде заключения под стражу. Защитником Э. по заявке следователя СО ОМВД России по району А. г. Москвы И. в АИС АПМ был назначен адвокат Е., который явился в суд и представил ордер от 20 ноября 2025 г. Постановлением суда от 20 ноября 2025 г.

ходатайство следователя было оставлено без рассмотрения. 27 ноября 2025 г. указанным районным судом рассмотрен материал с аналогичным ходатайством в отношении Э., в удовлетворении которого судом отказано в связи с неполнотой материалов. Защиту обвиняемого Э. по назначению в этом судебном заседании осуществлял адвокат Е., который оставил вопрос об избрании меры пресечения своему подзащитному на усмотрение суда. 2 декабря 2025 г. этим же судом вновь рассмотрен материал с аналогичным ходатайством в отношении Э., которое было удовлетворено судом. Осуществлявший его защиту и в этом судебном заседании адвокат Е. не возражал против заключения под стражу подзащитного, оставив данный вопрос на усмотрение суда. Постановление суда от 2 декабря 2025 г. обжаловано адвокатом В. 13 марта 2026 г. и оставлено без изменения апелляционным постановлением Московского городского суда от 21 апреля 2026 г.

Позиция Э. о непризнании вины в инкриминируемом преступлении была ясно выражена в содержащихся в материале, представленном в суд, протоколах его допроса в качестве подозреваемого от 7 декабря 2018 г., обвиняемого от 7 декабря 2018 г. и 25 июня 2019 г.

28 февраля 2026 г. судом Республики… Э. был заключен под стражу до принятия решения о его экстрадиции по запросу Российской Федерации.

Оценивая выдвинутые против адвоката Е. дисциплинарные обвинения, Совет отмечает следующее. В соответствии с подп. 1 и 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самооговора своего подзащитного.

Согласно подп. «б» п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. (далее – Стандарт), адвокат в случае вынужденного определения позиции по делу в отсутствие возможности ее предварительного согласования с подзащитным исходит из принципа презумпции невиновности подзащитного и согласовывает с ним такую позицию при первой возможности.

В соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, оспаривание которой адвокатом предполагается исходя из принципа презумпции невиновности.

В соответствии с подп. 3 п. 4 абз. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат-защитник обязан обжаловать приговор, если суд не разделил позицию адвоката-защитника, а также при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам». «Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату» (абз. 2 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката). Вопрос о мере пресечения разрешается судом также и при постановлении приговора и является его составной частью (п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). По этой причине, а также с учетом обязанности адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя (подп. 1 п. 1 ст. 7

Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), требование подп. 3 п. 4 абз. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката распространяется не только на приговор суда, но и на судебные решения по вопросу об избрании, изменении и продлении меры пресечения.

В соответствии с п. 9 Стандарта адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного.

В соответствии с п. 10 Стандарта защитник участвует в следственных и процессуальных действиях, проводимых с участием подзащитного либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника, а также в судебных заседаниях по уголовному делу, за исключением случаев, когда такое участие не является обязательным в силу закона и отсутствия просьбы подзащитного. Защитник должен знакомиться с протоколами процессуальных действий, проводимых с его участием, на всех стадиях уголовного процесса и при необходимости приносить на них замечания.

Порядок ознакомления с делами, находящимися в производстве районных судов, установлен Инструкцией по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 (далее – Инструкция). В соответствии с пп. 14.1–14.2 Инструкции судебные дела (иные материалы) выдаются для ознакомления в помещении суда на основании письменного заявления, на котором судья, в производстве которого находится (или находилось) судебное дело, а при его отсутствии – председатель суда (или его заместитель) либо иное уполномоченное им лицо делает соответствующую отметку о поручении работнику аппарата суда ознакомить с материалами дела. Об ознакомлении с делом делается отметка в справочном листе. После ознакомления с судебным делом (иными материалами) уполномоченный работник аппарата суда в присутствии лица, которое ознакомилось с судебным делом (иными материалами), проверяет состояние данного дела и наличие всех документов в деле, делает отметку в заявлении (форма № 62) о том, что дело возвращено.

Какие-либо документальные подтверждения ознакомления адвоката Е. с судебным материалом отсутствуют, при этом имеется запись об ознакомлении с ним адвоката В. Исходя из этого, а также с учетом изложенной выше позиции адвоката Е. в судебном заседании 2 декабря 2025 г. и в ходе дисциплинарного разбирательства, из которой следует, что ему не была известна позиция подзащитного, изложенная в трех имевшихся в судебном материале протоколах допроса Э., Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Е. с данным судебным материалом не ознакомился.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Е. в судебном заседании С. районного суда г. Москвы 2 декабря 2025 г., вопреки позиции Э. о своей невиновности и в отсутствие последнего, не возражал против его заключения под стражу и оставил разрешение этого вопроса на усмотрение суда, Совет также соглашается с Квалификационной комиссией и приходит к выводу о доказанности допущенного адвокатом Е. при указанных обстоятельствах нарушения.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что он, высказываясь относительно ходатайства следователя, ограничился фразой «на усмотрение суда», а после исследования письменных доказательств дополнений от него не поступило несмотря на то, что в судебном материале имелись протоколы допросов подзащитного, из которых ясно и недвусмысленно следовала его позиция о несогласии с обвинением.

Совет отвергает как несостоятельные и голословные доводы адвоката Е. о том, что в судебном заседании 2 декабря 2025 г. он возражал против избрания в отношении Э. меры пресечения в виде заключения под стражу, а протокол этого судебного заседания недостоверен. Адвокатом Е. не были поданы замечания на протокол судебного заседания и не представлены какие-либо иные доказательства, подтверждающие эти доводы. Более того, в заседании Совета адвокат Е. подтвердил, что даже не пытался ознакомиться с данным протоколом, а заявитель – адвокат В. пояснила, что при прослушивании аудиопротокола этого судебного заседания указанная в Заключении Квалификационной комиссии фраза «на усмотрение суда» слышится отчетливо.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Е. и в судебном заседании 27 ноября 2025 г. не возражал против избрания в отношении Э. меры пресечения в виде заключения под стражу и оставил разрешение этого вопроса на усмотрение суда вопреки позиции Э. о своей невиновности, Совет также признает обоснованным, соглашаясь с Квалификационной комиссией.

Совет отмечает, что на этот вывод не влияет то обстоятельство, что в результате дисциплинарного разбирательства не был установлен факт наличия в материале, рассмотренном судом 27 ноября 2025 г., протоколов допросов Э. Отсутствие сведений о позиции Э. не освобождало адвоката Е. от исполнения обязанности, предусмотренной подп. «б» п. 5 Стандарта занять позицию об отсутствии обоснованного подозрения в причастности подзащитного к совершенному преступлению и на этом основании возражать против удовлетворения ходатайства следователя.

Не влияет на вывод о совершении адвокатом Е. рассматриваемого дисциплинарного нарушения и приведенный им в заседании Совета довод о том, что 27 ноября 2025 г. он оставил вопрос об избрании в отношении Э. указанной меры пресечения на усмотрение суда, так как понимал, что суд в удовлетворении ходатайства следователя откажет в связи с неполнотой материалов. Этот довод Совет отклоняет как надуманный и противоречащий предусмотренному подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката требованию о надлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей. Совет в этой связи отмечает, что уклонение от исполнения этой обязанности под предлогом заведомой предсказуемости решения суда свидетельствует лишь о недобросовестности и непрофессионализме адвоката.

Факт неисполнения адвокатом Е. обязанности ознакомиться с протоколом судебного заседания от 2 декабря 2025 г. достоверно установлен в результате дисциплинарного разбирательства и, как указано выше, не отрицается самим адвокатом Е. В материале № … отсутствует его ходатайство о выдаче копии протокола судебного заседания от 2 декабря 2025 г. Им также не были поданы замечания на этот протокол даже несмотря на то, что в нем содержалось явно недостоверное указание на участие объявленного в международный розыск обвиняемого Э. в судебном заседании.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в необжаловании адвокатом Е. постановления упомянутого районного суда от 2 декабря 2025 г. в апелляционном порядке. Довод адвоката Е. о том, что он не подал апелляционную жалобу на это постановление, так как ему была неизвестна позиции Э., не только несостоятелен, но и в очередной раз указывает на игнорирование им своих профессиональных обязанностей и императивных профессионально-этических требований. При этом Совет отмечает, во-первых, что какие-либо попытки согласования позиции с доверителем адвокатом Е. не предпринимались, а во-вторых, независимо от наличия или отсутствия у него возможности сделать это, он был обязан исходить из позиции о невиновности подзащитного, предопределяющей несогласие адвоката с избранием в отношении подзащитного меры пресечения в виде заключения под стражу.

Сопоставив профессиональное поведение адвоката Е. при описанных обстоятельствах с приведенными выше обязательными требованиями, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Е. умышленно не выполнил обязанности, возложенные на адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве. При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Е. по всем выдвинутым против него дисциплинарным обвинениям опровергнутой, а его умышленную вину в совершении указанных дисциплинарных нарушений установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Е. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их грубый характер, свидетельствующий об умышленном и систематическом игнорировании адвокатом обязательных требований о надлежащем исполнении профессиональных обязанностей при осуществлении защиты по уголовному делу. При этом Совет отмечает, что значение надлежащего исполнения этих обязанностей еще более возрастает в ситуации, когда производство в суде осуществляется в отсутствие обвиняемого и без его ведома, в силу чего он лишен возможности как защищать себя самостоятельно, так и пригласить защитника, реализовав свое право на его свободный выбор. Однако адвокатом Е. вместо надлежащего исполнения профессиональных обязанностей была создана имитация оказания квалифицированной юридической помощи, что повлекло нарушение прав доверителя и наступление для него существенных негативных последствий, а также нанесло ущерб авторитету адвокатуры. Адвокат Е. своим недопустимым профессиональным поведением создал условия для придания легитимности процессуальным действиям, фактически устранившись от содержательного участия в них в интересах доверителя, а лишь пассивно присутствуя при их производстве.

Совет также учитывает, что ранее адвокат Е. дважды – решениями Совета Адвокатской палаты города Москвы от 19 декабря 2024 г. и от 27 марта 2025 г. был привлечен к дисциплинарной ответственности за аналогичные нарушения, выразившиеся в неподаче апелляционных жалоб на постановления суда о продлении срока содержания подзащитной под стражей. Несмотря на то, что на момент разрешения настоящего дисциплинарного производства адвокат Е. в соответствии с п. 1 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката считается не имеющим дисциплинарных взысканий, данное обстоятельство не опровергает того факта, что он и после

неоднократного привлечения к дисциплинарной ответственности не только не пересмотрел и не скорректировал свое профессиональное поведение, но совершил еще более тяжкие и множественные нарушения. Приведенная совокупность обстоятельств свидетельствует о том, что при осуществлении профессиональной деятельности он сознательно руководствуется ненадлежащими мотивами, не связанными с назначением адвоката. Об этом же свидетельствует и его ссылка на то, что он замещает отсутствие клиентской базы принятием многочисленных поручений на защиту по назначению, рассматривая их исполнение «в выходные, праздничные дни, ночное время» прежде всего как источник дохода.

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Е. недопустимым и несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных нарушений.

Совет не находит возможным применение к адвокату Е. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Е. в составе адвокатского сообщества могло бы создать ложное представление о совместимости подобного профессионального поведения, основанного на демонстративном игнорировании фундаментальных и обязательных профессионально-этических требований, со статусом адвоката.

Статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он является, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

При определении в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срока, по истечении которого Е. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет учитывает всю совокупность установленных и описанных выше обстоятельств, включая данные о личности и профессиональной деятельности адвоката Е., его семейные обстоятельства, и считает необходимым установить этот срок в 1 (один) год.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Е. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального

закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Э., выразившееся в том, что он, осуществляя 2 декабря 2025 г. защиту Э. в судебном заседании С. районного суда г. Москвы по рассмотрению ходатайства следователя об избрании Э. в отсутствие последнего меры пресечения в виде заключения под стражей, предварительно не ознакомился с материалом № …

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 2 п. 1 ст. 9, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с подп. «б» п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Э., выразившееся в том, что он 27 ноября 2025 г. в судебном заседании указанного суда оставил вопрос об избрании Э. в отсутствие последнего меры пресечения в виде заключения под стражу на усмотрение суда;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1 п. 1 ст. 9, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с подп. «б» п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Э., выразившееся в том, что, вопреки позиции обвиняемого Э. о невиновности, он 2 декабря 2025 г. в судебном заседании того же суда оставил вопрос об избрании Э. в отсутствие последнего меры пресечения в виде заключения под стражу на усмотрение суда;

– неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции), профессиональных обязанностей перед доверителем Э., выразившееся в неознакомлении с протоколом судебного заседания указанного суда от 2 декабря 2025 г. по материалу № …

– неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 4 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., профессиональных обязанностей перед доверителем Э., выразившееся в том, что, приняв 2 декабря 2025 г. участие в качестве защитника Э. в судебном заседании упомянутого суда по рассмотрению ходатайства следователя об избрании в отношении Э. в отсутствие последнего меры пресечения в виде заключения под стражу, он не обжаловал постановление этого суда от 2 декабря 2025 г. в апелляционном порядке.

Установить срок, по истечении которого Е. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, в 1 (один) год.

1.21. Адвокату объявлено замечание за то, что он, получив от доверителя денежные средства в счет оплаты оказанной юридической помощи по соглашению, не внес их в кассу юридического образования. Иные дисциплинарные обвинения, выдвинутые заявителями, не нашли подтверждения. Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, согласился с доводами адвоката о том, что у него были разумные основания для подготовки и предъявления иска.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителей А.С. и А.Т., представителя А.Т. – Б., адвоката К. и его представителя П.К. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе А.С. и А.Т. от 12 марта 2026 г. в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 20 мая 2026 г вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителями А.С. и А.Т., выразившемся в том, что, зная о вынесении З. районным судом г. Москвы решения от 23 ноября 2020 г. по гражданскому делу об отказе в удовлетворении исковых требований А.Т. к П. о признании договора купли-продажи квартиры от 6 августа 2018 г. недействительным, он как профессиональный советник по правовым вопросам должен был осознавать, что отсутствуют правовые перспективы для удовлетворения новых исковых требований А.Т., основанных на неисполнении договора купли-продажи квартиры от 6 августа 2018 г., а также что истекает срок исковой давности по этим требованиям, однако 20 мая 2024 г. заключил с А.С. соглашение об оказании юридической помощи (далее также – Соглашение от 20 мая 2024 г.) на подготовку искового заявления А.Т. к П. о взыскании денежных средств, а 3 сентября 2024 г., уже после истечения срока исковой давности, подготовил исковое заявление А.Т., после чего 26 сентября 2024 г. заключил с А.Т. соглашение на ведение гражданского дела по указанному иску (далее также – Соглашение от 26 сентября 2024 г.), не разъяснив доверителям бесперспективность их обращения в суд с указанным иском вследствие отсутствия правовых оснований для его удовлетворения и истечения срока исковой давности, что может являться самостоятельным основанием для отказа в иске в случае заявления о пропуске срока ответчиком, поскольку основания для восстановления срока исковой давности в данном случае отсутствовали, в то время как решением С. городского суда Московской области от 27 января 2025 г. по гражданскому делу в удовлетворении исковых требований А.Т. к П. о взыскании денежных средств отказано как ввиду недоказанности недобросовестности ответчика, так и ввиду истечения срока исковой давности;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем А.Т., что выразилось в том, что, получив на свой личный банковский счет от представителя доверителя А.Т. – А.С. денежные средства в следующем размере: 27 сентября 2024 г. – …руб., 28 сентября 2024 г. – …руб., 9 октября

2024 г. – …руб., 14 октября 2024 г. – …руб., 29 октября 2024 г. – …руб., 11 ноября 2024 г. – …руб., 29 ноября 2024 г. – …руб., 27 января 2025 г. – …руб., 27 января 2025 г. – 2 000 руб. в качестве вознаграждения по Соглашению от 26 сентября 2024 г. и в счет компенсации расходов, связанных с исполнением поручения, адвокат К. не внес указанные денежные средства в кассу адвокатского образования и не выдал доверителю А.Т. финансовые документы по проведению операций с денежными средствами доверителя (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т. п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Заявители А.С. и А.Т. в заседании Совета сообщили, что Заключение Квалификационной комиссии получили, с выводами Комиссии полностью согласны.

Адвокат К. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии получил, с выводами Комиссии частично не согласился, поддержал частично свое письменное заявление о несогласии с Заключением Квалификационной комиссии от 17 июля 2026 г. В частности, согласился с выводом Комиссии о невнесении полученных на свой личный банковский счет денежных средств в кассу адвокатского кабинета и невыдаче доверителям соответствующих финансовых документов. В то же время выразил несогласие с выводом Квалификационной комиссии о том, что он не предупредил заявителей об истечении 26 мая 2024 г. срока исковой давности по требованию, связанному с неисполнением договора купли-продажи квартиры, указав, что исковая давность применяется по заявлению ответчика с учетом конкретных обстоятельств дела, и нельзя расценивать срок исковой давности как препятствие для лиц, планомерно и последовательно защищающих свои права. Полагает, что сомнения по вопросу исковой давности не исключали разумной и добросовестной защиты интересов доверителя, а также обратил внимание, что вывод Комиссии о подготовке им искового заявления 3 сентября 2024 г. никакими доказательствами не подтвержден. Кроме того, не согласился с выводом Комиссии о том, что он необоснованно «вселил надежду» в заявителей и взялся за абсолютно бесперспективное дело, указывая, что при рассмотрении первого иска А.Т. к П. судом рассматривалось только требование о признании недействительным договора купли-продажи квартиры и не рассматривался вопрос исполнения этого договора со стороны покупателя («оспаривания факта передачи денежных средств в первом иске не было»). В связи с этим были правовые основания для предъявления соответствующего требования в защиту интересов А.Т. Кроме того, в случае тождественности исков С. городской суд Московской области прекратил бы производство по заявленному иску, но он такого решения не принимал. Отметил, что до обращения к нему А.С. и А.Т. прошли восемь судебных инстанций (в том числе пытаясь пересмотреть решение З. районного суда г. Москвы по вновь открывшимся обстоятельствам) и были уверены в своей правоте, в связи с чем «вселять в них надежду» необходимости не было, они сами желали продолжения борьбы за свои права.

Отвечая на вопросы членов Совета, А.С. пояснила, что обратилась к адвокату К. с единственным вопросом, как найти медицинские документы, подтверждающие наличие у Г. заболеваний, не позволявших ей отдавать отчет своим действиям во время заключения договора купли-продажи квартиры в августе 2018 г., которые не были представлены в З. районный суд г. Москвы. В свою очередь, адвокат К. это утверждение А.С. не

подтвердил, пояснив, что при обращении к нему А.С. в мае 2024 г. они обсуждали разные варианты продолжения борьбы за права на квартиру в г. … а не только вопрос о поиске медицинских документов. В том числе обсуждалась возможность предъявления иска к Росреестру, но в конечном счете была согласована позиция по обращению с иском к покупателю квартиры о возмещении имущественного ущерба, причиненного наследникам в связи с неоплатой по договору купли-продажи.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, признает, что Квалификационной комиссией правильно и полно установлены фактические обстоятельствах дела, однако с ее выводами соглашается частично в силу следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

23 декабря 2019 г. А.Т. подала в З. районный суд г. Москвы исковое заявление к П. о признании договора купли-продажи квартиры недействительным, применении последствий недействительности сделки. В обоснование своих исковых требований А.Т. указала, что является единственным наследником по закону своей двоюродной сестры Г., умершей 21 августа 2019 г., у которой в собственности находилась квартира по адресу… Г. страдала рядом заболеваний, в связи с чем, заключая 6 августа 2018 г. с П. договор купли-продажи указанной квартиры, «не могла отдавать себе отчет относительно осознания смысла и правовых последствий подписанных ею документов». Договор купли-продажи был заключен по реальной рыночной цене, но с обременением в виде пожизненного проживания в квартире продавца имущества. Истец А.Т. также оспаривала принадлежность Г. подписи в расписке о получении денежных средств.

Решением указанного районного суда от 23 ноября 2020 г. по гражданскому делу исковые требования А.Т. к П. о признании договора купли-продажи недействительным, применении последствий недействительности сделки оставлены без удовлетворения. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам …городского суда от 26 мая 2021 г. решение районного суда от 23 ноября 2020 г. оставлено без изменения, апелляционная жалоба – без удовлетворения. 23 декабря 2021 г. определением Судебной коллегии по гражданским делам …кассационного суда общей юрисдикции судебные акты по указанному гражданскому делу оставлены без изменения.

20 мая 2024 г. между адвокатом К., осуществляющим свою деятельность в адвокатском кабинете, и доверителем А.С. было заключено соглашение на оказание правовой помощи, в соответствии с п. 1 которого адвокат К. принял на себя обязательства по подготовке искового заявления «о расторжении договора купли-продажи квартиры от 06 августа 2018 г. в связи с неоплатой цены договора, признании права собственности на квартиру по адресу…». Согласно п. 4.1 указанного соглашения вознаграждение адвоката составляет … руб. и подлежит оплате в течение трех дней со дня заключения соглашения.

Адвокат К. подготовил исковое заявление А.Т. к П. о взыскании суммы имущественного вреда и процентов за пользование чужими денежными средствами, которое 3 сентября 2024 г. было подписано А.Т. и 7 сентября 2024 г. направлено в суд почтовым отправлением.

В указанном исковом заявлении, подготовленном адвокатом К., имеется ссылка на решение З. районного суда г. Москвы от 23 ноября 2020 г. по гражданскому делу, а также говорится, что вопрос исполнения договора судом не

рассматривался. В то же время П. якобы передала Г. денежные средства по договору купли-продажи квартиры наличными, однако при инвентаризации наследственного имущества денежные средства истцом (А.Т.) не обнаружены, по счетам наследодателя движение значимых денежных сумм отсутствовало, акт приема-передачи квартиры не подписывался. Г. не могла самостоятельно передвигаться, находилась под контролем П., которая не заботилась о здоровье продавца квартиры. В исковом заявлении сделан вывод о недобросовестном поведении ответчика и заявлены требования о взыскании с П. в пользу А.Т. суммы имущественного вреда в размере …руб., процентов за пользование чужими денежными средствами в размере …руб.

18 сентября 2024 г. в С. городской суд Московской области поступило указанное выше исковое заявление А.Т. к П., которое 20 сентября 2024 г. было принято судом к производству, возбуждено гражданское дело, на 27 сентября 2024 г. назначено проведение подготовки дела (собеседование сторон).

26 сентября 2024 г. между адвокатом К. и доверителем А.Т. было заключено соглашение на оказание правовой помощи, согласно п. 1.2 которого его предметом является «ведение гражданского дела № … в С. городском суде Московской области по иску А.Т. к П. о возмещении имущественного вреда (по правилам неосновательного обогащения) в суде первой инстанции до оглашения резолютивной части итогового судебного постановления по делу». Пунктом 4.1 данного соглашения предусмотрено, что «вознаграждение адвоката составляет …руб., подлежит оплате авансом в течение одного дня после подписания Соглашения, а также в размере …руб. за каждое судебное заседание после второго, подлежит оплате авансом, до судебного заседания. Кроме того, Доверитель выплатит Адвокату дополнительное вознаграждение в виде “гонорара успеха” из расчета 10% от суммы удовлетворенных исковых требований после вступления решения в законную силу».

26 сентября 2024 г. заявитель А.Т. оформила доверенность на бланке, удостоверенную О., нотариусом г. Москвы, которой уполномочила А.С. и адвоката К. представлять ее интересы во всех судах судебной системы Российской Федерации.

По делу было проведено несколько судебных заседаний: 16 октября, 29 ноября, 17 декабря 2024 г. и 27 января 2025 г. Решением от 27 января 2025 г. исковые требования А.Т. к П. о взыскании денежных средств оставлены судом без удовлетворения. В решении суд сослался: на расписку Г., составленную 8 сентября 2018 г., в которой она подтверждает получение от П. …руб. за проданную квартиру по договору купли-продажи от 6 августа 2018 г.; передаточный акт от 8 сентября 2018 г. о передаче П. квартиры и об исполнении договора купли-продажи от 6 августа 2018 г., а также привел обстоятельства, установленные решением З. районного суда г. Москвы от 23 ноября 2020 г. по гражданскому делу. Суд в решении от 27 января 2025 г. пришел к выводу о том, что истцом не представлено доказательств недобросовестного поведения ответчика при заключении договора купли-продажи спорной квартиры от 6 августа 2018 г. и, как следствие, причинения истцу имущественного ущерба. Также судом в указанном решении отмечено, что решение З. районного суда от 23 ноября 2020 г. по гражданскому делу вступило в законную силу 26 мая 2021 г., и с этого момента истец А.Т. узнала или должна была узнать о нарушении своих прав, однако с иском в С. городской суд Московской области она обратилась 7 сентября 2024 г. (что

подтверждается штампом Почты России), т.е. по истечении срока исковой давности, предусмотренного ст. 196 ГК РФ. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 9 июня 2025 г. решение С. городского суда Московской области от 27 января 2025 г. оставлено без изменения.

В жалобе заявители А.С. и А.Т. выдвинули в отношении адвоката К. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в подготовке адвокатом К. искового заявления А.Т. к П. о взыскании денежных средств при отсутствии правовых оснований для удовлетворения исковых требований и после истечения срока исковой давности по заявленным требованиям, о чем он не уведомил заявителей, а также в незаявлении им ходатайства о восстановлении пропущенного срока исковой давности, что стало самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении исковых требований;

2) в привлечении адвокатом К. специалиста-психолога Т., консультация и заключение которой не имели значения для рассмотрения указанного гражданского дела, и в вынуждении заявителей оплатить ее услуги в размере …руб.;

3) в невыдаче адвокатом К. финансовых документов, подтверждающих получение от заявителей денежных средств.

Также в жалобе заявители указывают на то, что адвокат К. не ответил на претензию заявителей с требованием вернуть уплаченные ими денежные средства.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в подготовке адвокатом К. искового заявления А.Т. к П. о взыскании денежных средств при отсутствии правовых оснований для удовлетворения исковых требований и после истечения срока исковой давности, о чем он не уведомил заявителей, Квалификационная комиссия пришла к выводу, что новый иск А.Т. к П. о взыскании денежных средств был фактически основан на тех же обстоятельствах (неполучение денежных средств Г. по договору купли-продажи от 6 августа 2018 г.) и по существу направлен на пересмотр вступившего в силу судебного акта. Комиссия указала, что при отсутствии каких-либо новых доказательств такое исковое заявление с аналогичными требованиями (хоть и названными «требование о взыскании убытков») заведомо не имело перспектив удовлетворения, а адвокат К. как профессиональный участник правоотношений, действуя разумно и добросовестно, должен был осознавать это еще на стадии принятия поручения от А.С. и А.Т. и был обязан предупредить доверителей о бесперспективности обращения в суд, чего им сделано не было.

Совет с указанным выводом Квалификационной комиссии согласиться не может в связи со следующим.

В результате дисциплинарного производства установлено, что предметом первого иска А.Т. к П., рассмотренного З. районным судом г. Москвы, было требование о признании недействительным договора купли-продажи квартиры, заключенного между продавцом Г. и покупателем П., основанное на ст. 177 ГК РФ, т.е. в связи с нахождением Г. в момент совершения сделки в состоянии, при котором она была неспособна понимать значение своих действий и руководить ими. В то же время предметом подготовленного адвокатом К. второго иска, поданного А.Т. в С. городской суд Московской области, было совершенно иное требование – о взыскании с П. денежных средств в связи с ее недобросовестным поведением, неисполнением принятых на себя обязательств по договору купли-продажи и причинением имущественного вреда А.Т. Иными словами, вопреки выводам Квалификационной комиссии, исковые требо-

вания по первому и второму искам не были аналогичными (тождественными), хотя и были основаны на тех же самых фактических основаниях, связанных с заключением между Г. и П. договора купли-продажи квартиры.

Совет соглашается с доводами адвоката К. о том, что у него были разумные основания для подготовки и предъявления иска А.Т. о взыскании с П. денежных средств, поскольку в решении 3. районного суда г. Москвы действительно не давалась оценка доводам истца об отсутствии у П. денежных средств, необходимых для оплаты по договору купли-продажи квартиры, и не устанавливался факт реальной передачи денежных средств. Судом лишь было установлено, что подпись на расписке Г. в получении денежных средств принадлежит ей.

Согласно ст. 199 ГК РФ требование о защите нарушенного права принимается к рассмотрению судом независимо от истечения срока исковой давности (п. 1), а исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения (п. 2). То есть истечение срока исковой давности не является препятствием для предъявления иска в суд, а в отсутствие заявления ответчика о пропуске срока исковой давности не является препятствием и для удовлетворения такого иска. Следовательно, действия адвоката по подготовке иска с требованием, по которому истекли установленные законом сроки исковой давности, сами по себе не могут быть признаны ненадлежащим исполнением обязанностей перед доверителем.

В настоящем дисциплинарном производстве установлено, что адвокат К. 20 мая 2024 г. заключил соглашение об оказании юридической помощи с А.С., предметом которого были подготовка указанного искового заявления, после чего А.Т. 3 сентября 2024 г. самостоятельно подписала и 7 сентября 2024 г. подала исковое заявление, подготовленное адвокатом К., в С. городской суд Московской области. И лишь 26 сентября 2024 г. А.Т. заключила с адвокатом К. соглашение на оказание юридической помощи, предусматривающее представление ее интересов в суде. Таким образом, окончательное решение о предъявлении иска принималось А.Т. самостоятельно.

При данных обстоятельствах Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката, а также в толковании и применении норм Кодекса профессиональной этики адвоката, признает, что выдвинутое заявителями А.С. и А.Т. дисциплинарное обвинение в подготовке адвокатом К. искового заявления А.Т. к П. о взыскании денежных средств при отсутствии правовых оснований для удовлетворения исковых требований и после истечения срока исковой давности по заявленным требованиям не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. Совет в этой связи отмечает, что адвокат К. действовал в соответствии с требованиями п. 1 ст. 7 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому адвокат принимает поручение на ведение дела и в том случае, когда у него имеются сомнения юридического характера, не исключающие возможности разумно и добросовестно его поддерживать и отстаивать, а не вопреки названным требованиям, как это указала Квалификационная комиссия в Заключении. По этой причине Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части в связи с отсутствием в действиях (бездействии) адвоката К. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности

и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

К аналогичному выводу Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит и в части дисциплинарных обвинений в привлечении адвокатом К. специалиста-психолога Т., консультация и заключение которой, по мнению заявителей, не имели значения для рассмотрения гражданского дела, и в понуждении заявителей оплатить ее услуги в размере …руб.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 21 января 2025 г. между адвокатом К. и специалистом Т. был заключен договор, в соответствии с п. 1.1 которого исполнитель приняла на себя обязательства по оказанию следующих услуг: «консультация специалистом-психологом по материалам гражданского дела № … в С. городском суде Московской области, а также гражданского дела № … в З. районном суде города Москвы с целью установления индивидуально-психологических особенностей Г., 1957 г.р., и П., их эмоционального состояния в момент совершения сделки и на стадии исполнения сделки купли-продажи квартиры от 06.08.2016 г. по адресу… включая подготовку патопсихологических заключений (справки), а также участие в судебных заседаниях суда первой инстанции». Согласно п. 4.1 указанного договора стоимость работы специалиста составляет …руб. На третьем листе данного договора в разделе «Адреса, реквизиты и подписи сторон» рядом с подписью адвоката К. проставлена подпись, визуально схожая с подписью А.С. в Соглашении от 20 мая 2024 г. Заявитель А.С. в заседании Квалификационной комиссии подтвердила, что была ознакомлена с этим договором и поставила в нем свою подпись, а также подтвердила, что заключение специалиста Т. было приобщено судом к материалам гражданского дела.

В то же время принятие решения о необходимости привлечения специалиста при рассмотрении спора судом относится к вопросам тактического характера, решаемым адвокатом самостоятельно в силу его законодательно установленного статуса независимого профессионального советника по правовым вопросам (п. 2 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). По этой причине дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не считают для себя допустимым вмешиваться в вопросы определения адвокатом тактики работы по делу.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в нарушении адвокатом К. требований к формализации отношений с заявителем, Совет приходит к следующим выводам.

Согласно п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» денежные средства в счет уплаты вознаграждения и (или) компенсации адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на его расчетный счет.

Совет и Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы неоднократно указывали, что надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью. Именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением, исполнением и расторжением соглашения об

оказании юридической помощи, обязан принимать меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся как к процессу заключения соглашения об оказании юридической помощи, так и к надлежащему оформлению полученных от доверителя денежных средств, соответствовали требованиям законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя. Несоблюдение адвокатом этой обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может затруднить заявителю защиту его прав и охраняемых законом интересов в рамках указанных правоотношений, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний.

Так, в п. 1 Обзора дисциплинарной практики за 2019 г. и первое полугодие 2020 г. по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем указывается, что бездействие адвоката, выразившееся в том числе в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, подрывает независимость адвоката, исключает установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлено к подрыву доверия, а также демонстрирует явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации. В п. 4 указанного обзора отмечается, что предусмотренная п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» публичная обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанностью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), в отношении вопросов формализации отношений с доверителями означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных в счет вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования (см. Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год и первое полугодие 2020 г. по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем. С. 17 // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы <https://www.advokatymoscow.ru>).

Заявители А.С. и А.Т. в жалобе указали, что они оплатили адвокату К. …руб. за составление претензии, искового заявления, участие в судебных заседаниях, а также в счет компенсации транспортных, почтовых и иных расходов. Адвокат К., получая переводы и наличные денежные средства, обещал заявителям позднее передать им квитанции, однако никаких финансовых документов заявителям не передал. Так, по Соглашению от 20 мая 2024 г. они оплатили адвокату К. …руб. наличными денежными средствами. По Соглашению от 26 сентября 2024 г. заявители произвели следующие безналичные платежи адвокату К.: 27 сентября 2024 г. – …руб., 28 сентября 2024 г. – …руб., за участие в судебных заседаниях 29 октября 2024 г. – …руб., 27 января 2025 г. – …руб., а также про-

извели оплату наличными денежными средствами: 27 сентября 2024 г. – …руб., 29 ноября 2024 г. – …руб., 17 декабря 2024 г. – …руб. Кроме того, заявители утверждают, что производили перечисления адвокату К. денежных средств в счет оплаты почтовых расходов, каршеринга, справки Росреестра, оплачивали государственную пошлину, услуги специалиста Т. При этом заявители, перечисляя все произведенные ими затраты, не конкретизировали, по каким именно платежам адвокат К. не передал им финансовые документы.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что заявитель А.С. со своей карты Сбербанка России перевела на счет получателя «К.» (телефон получателя… номер которого указан адвокатом К. в письменных объяснениях в качестве своего контактного номера телефона) следующие денежные суммы:

– в счет оплаты вознаграждения адвоката К. по Соглашению об оказании юридической помощи от 26 сентября 2024 года. 27 сентября 2024 г. – …руб., 28 сентября 2024 г. – …руб., 29 октября 2024 г. – …руб., 27 января 2025 г. – …руб., всего – …руб.;

– денежные средства, связанные с исполнением им поручения: 9 октября 2024 г. в размере …руб., – за получение справки из Росреестра, 14 октября 2024 г. – …руб., 11 ноября 2024 г. – …руб., 29 ноября 2024 г. – …руб. и 27 января 2025 г. – …руб. – в счет возмещения расходов по оплате каршеринга и платной дороги, всего – …руб.

При этом указанные денежные средства были перечислены на личный банковский счет адвоката К., открытый ему как физическому лицу. Доказательств того, что денежные средства перечислялись заявителями на расчетный счет адвоката К., открытый его адвокатскому кабинету, не представлено.

Иные платежи адвокату К., указанные заявителями в жалобе, соответствующими документами не подтверждены. В представленных заявителями справках Сбербанка России по произведенным платежам в другие даты отражены банковские операции с указанием типа операции «Оплата товаров и услуг», сведения о перечислении денежных средств адвокату К. отсутствуют. В связи с этим указанные платежи не могут служить доказательством несения заявителями расходов, связанных с исполнением адвокатом К. поручения по соглашениям от 20 мая и 26 сентября 2024 г. В представленных заявителями чеках об оплате государственной пошлины и об оплате в ООО «Объединенные Системы Сбора Платы» проезда по платной дороге получателем платежей адвокат К. также не значится.

Согласно Разъяснению по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов, утвержденному Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 19 января 2007 г., опубликованному в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/razyasnenie-po-voprosu-ispolzovaniya-advokatskimi-obrazovaniyami-kvitantsiy-dlya-oformleniya-nalichn/?sphrase_id=235560), для надлежащего оформления приема наличных денежных средств в счет оплаты услуг адвокатов в кассу адвокатского образования необходимо и достаточно заполнять приходно-кассовые ордера и выдавать квитанции к ним, подтверждающие прием денежных средств, вести кассовую книгу и журнал регистрации ордеров.

В Разъяснении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу оформления наличных денежных расчетов адвокатами, осуществляющими адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, утвержденном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 17 апреля 2025 г. (Протокол № 25) (https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/razyasnenie-soveta-federalnoy-palaty-advokatov-rossiyskoy-federatsii-povoprosu-oformleniya-nalichny/), указано, что из письма Минфина России от 19 декабря 2014 г. № 03–01–15/65989 следует, что кассовые операции в части обязательного внесения в кассу адвокатского образования вознаграждения, выплачиваемого адвокату доверителем, и (или) компенсации адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, должны оформляться в соответствии с Указаниями о порядке ведения кассовых операций с юридическими лицами и упрощенном порядке ведения кассовых операций индивидуальными предпринимателями и субъектами малого предпринимательства, утвержденными Центральным банком Российской Федерации 11 марта 2014 г. № 3210-У. В соответствии с п. 5 данных указаний прием наличных денег проводится по приходным кассовым ордерам (КО-1), форма которых утверждена постановлением Госкомстата России от 18 августа 1998 г. № 88.

Получив на свой личный банковский счет от А.С. денежные средства в счет оплаты вознаграждения по Соглашению от 26 сентября 2024 г. в размере …руб., а также платежи, связанные с исполнением им поручения, в размере …руб., адвокат К. принял на себя обязанности не только по внесению их в кассу либо на расчетный счет адвокатского образования, но и по выдаче доверителю А.Т. квитанции по проведению операции с ее денежными средствами. Бремя доказывания передачи доверителю этих документов лежит на адвокате К. Однако таких доказательств им представлено не было при том, что получение указанных платежей он не отрицает. Следовательно, адвокатом К. не выданы финансовые документы об оплате ему перечисленных выше сумм.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката К. в данной части опровергнутой, а его вину в нарушении взаимосвязанных предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7 и п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката установленной.

Довод жалобы о том, что адвокат К. не ответил на претензию заявителей с требованием вернуть уплаченные ими денежные средства, не может быть предметом рассмотрения в дисциплинарном производстве, поскольку рассмотрение таких претензий находится за пределами компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления. Споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи подлежат разрешению путем переговоров или в судебном порядке.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенное нарушение, Совет учитывает его умышленный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре о надлежащей формализации отношений с доверителями. В то же время Совет принимает во внимание, что адвокат К., имея длительный стаж адвокатской деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, нару-

шение признал. При указанных обстоятельствах Совет приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем А.Т., что выразилось в том, что, получив на свой личный банковский счет от представителя доверителя А.Т. – А.С. денежные средства в следующих размерах: 27 сентября 2024 г. – …руб., 28 сентября 2024 г. – …руб., 9 октября 2024 г. – …руб., 14 октября 2024 г. – …руб., 29 октября 2024 г. – …руб., 11 ноября 2024 г. – …руб., 29 ноября 2024 г. – …руб., 27 января 2025 г. – …руб., 27 января 2025 г. – …руб. в качестве вознаграждения по Соглашению от 26 сентября 2024 г. и в счет компенсации расходов, связанных с исполнением поручения, он не внес указанные денежные средства в кассу адвокатского образования и не выдал доверителю А.Т. финансовые документы по проведению операций с денежными средствами доверителя (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т. п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе А.С. и А.Т., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.22. Совет объявил адвокату предупреждение за длительное – при отсутствии видимых причин и наличии необходимых документов – неоказание юридической помощи доверительнице. Совет подчеркнул, что своевременность оказания юридической помощи является неотъемлемым элементом профессиональной обязанности адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя У., ее представителя С. (допущен по устному ходатайству заявителя) и адвоката Л. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференцсвязи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе У. от 3 апреля 2026 г. в отношении адвоката Л.

Квалификационная комиссия 10 июня 2026 г. вынесла Заключение:

– о неисполнении адвокатом Л., вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем У., что выразилось в том, что он с даты заключения 16 марта 2025 г. соглашения об оказании юридической помощи и до даты обнаружения остан-

ков К. в ноябре 2025 г., имея необходимые для оказания юридической помощи полномочия, подтвержденные нотариально удостоверенной доверенностью от 15 марта 2025 г., не обратился в суд с заявлением от имени У. об объявлении умершим ее пропавшего без вести 22 сентября 2024 г. мужа К., а также не направил в государственные органы, включая Министерство обороны Российской Федерации и его структурные подразделения, адвокатские запросы для получения документов, если по убеждению адвоката Л. у него в этом была необходимость;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по жалобе У., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в части довода У. о присвоения адвокатом Л. ее денежных средств.

Адвокат Л. в заседании Совета пояснил, что Заключение Квалификационной комиссии получил, с выводами Комиссии не согласен. Дополнительно пояснил, что перед заключением соглашения с У. обратился за консультацией к своему сыну, который служит в Министерстве обороны, и в его обязанности входит в том числе проведение расследований в отношении пропавших без вести и погибших военнослужащих. После чего, получив от доверителя необходимые документы, подготовил заявление об объявлении гражданина К. умершим, однако в суд его не подал, так как получил информацию о том, что это сделала воинская часть, в которой проходил службу К. В дальнейшем ему стало известно, что заявление, поданное в суд воинской частью, было возвращено. В декабре 2025 г. после исследования останков в военном госпитале было установлено, что они принадлежат К. Ч. районным отделом ЗАГС г. Москвы была выдана соответствующая справка, на основании которой У. было получено свидетельство о смерти К., и 21 января 2026 г. состоялось его захоронение. Соответственно, необходимость в подаче заявления в суд «об установлении факта смерти» К. отпала. Основной вопрос, с которым обратилась к нему заявитель У., заключался в обеспечении ее жилищных прав на квартиру, в которой она проживала вместе с погибшим мужем на основании договора социального найма. При этом У. не была зарегистрирована в указанной квартире. Утверждает, что в соглашении об оказании юридической помощи «ни одной буквой не прописана» его обязанность по оказанию У. помощи по вопросу обеспечения ее жилищных прав на упомянутую квартиру. По этой причине он предложил У. самостоятельно обратиться в Департамент городского имущества Москвы (ДГИ) с заявлением, получить ответ, и после этого обсудить с ним условия заключения нового соглашения на оказание юридической помощи по обеспечению ее прав на данную квартиру. После этого У. предъявила адвокату Л. претензию и потребовала расторжения соглашения. Считает, что доводы, изложенные в жалобе У., не соответствуют действительности. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что обратился за консультацией к своему сыну не потому, что в его практике это первое дело об объявлении умершим безвестно отсутствующего гражданина, а в связи с тем, что, по мнению адвоката, постоянно меняется нормативная база в отношении военнослужащих, а несоблюдение нормативных актов препятствовало бы рассмотрению заявления судом. Подтвердил, что у него был комплект документов, достаточных для обращения в суд с заявлением об объявлении К. умершим, однако в виде копий, а нужны были документы с «синими пе-

чатями». При этом подтвердил, что не направлял никаких адвокатских запросов для получения нужных документов, и затруднился ответить на вопрос о том, по какой причине он этого не сделал. Также затруднился ответить на вопрос о том, по какой причине он настаивал на заключении нового соглашения с У. несмотря на то, что предмет поручения в заключенном соглашении охватывал в том числе защиту ее жилищных прав. Изменив после этого свою позицию, сослался на то, что намеревался заниматься защитой жилищных прав У., но она отозвала доверенность и лишила его такой возможности.

Заявитель У. в заседании Совета подтвердила, что получила Заключение Квалификационной комиссии, ознакомилась и согласна с ним. Обратила внимание Совета на важное, по ее мнению, обстоятельство: при первой встрече с адвокатом Л. она сразу обозначила в качестве главного вопрос об обеспечении ее жилищных прав на квартиру, в которой она проживала с погибшим мужем.

Представитель заявителя С. в заседании Совета поддержал ее позицию.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами соглашается частично и считает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

16 марта 2025 г. адвокат Л. заключил с заявителем У. соглашение об оказании юридической помощи, в соответствии с п. 1.2 которого принял на себя обязательства оказать У. юридическую помощь «по подготовке процессуальных документов и представление интересов в судах г. Москвы, а также помощи в получении причитающихся выплат и вопросов, связанных с недвижимостью пропавшего безвестии в СВО мужа, К., в объеме и на условиях, установленных соглашением». Участники дисциплинарного разбирательства признают факт оплаты заявителем У. гонорара адвокату Л. в размере …руб. при заключении указанного соглашения.

15 марта 2025 г. У. выдала нотариально удостоверенную доверенность, которой уполномочила адвоката Л. представлять ее интересы во всех судебных, административных и правоохранительных органах.

Только в сентябре 2025 г. адвокатом Л. был подготовлен проект заявления в суд об объявлении умершим пропавшего без вести гражданина К. Тем не менее указанное заявление так и не было подано адвокатом Л. в суд по причине, описанной выше при изложении его объяснений.

Однако поручение доверителя У. на обращение в суд с заявлением об объявлении К. умершим было принято адвокатом Л. 16 марта 2025 г., т.е. более чем за восемь месяцев до обнаружения останков К. и их идентификации и за десять месяцев до выдачи свидетельства о смерти К.

Помимо проекта заявления о признании К. умершим, адвокат Л. подготовил проект обращения в Департамент городского имущества (ДГИ) г. Москвы, в котором просил от имени У. «разрешить зарегистрироваться по месту постоянного проживания ответственного квартиросъемщика» и «заключить с доверительницей договор социального найма».

17 февраля 2026 г. заявитель У. направила адвокату Л. уведомление об одностороннем отказе от исполнения соглашения об оказании юридической помощи в связи с его неисполнением адвокатом Л., об отмене выданной ему доверенности, в котором также содер-

жалось требование о возврате оплаченного У. вознаграждения.

Заявителем У. в отношении адвоката Л. выдвинуто дисциплинарное обвинение в том, что он не исполнил принятые на себя обязательства по соглашению об оказании юридической помощи и не совершил каких-либо действий по оказанию юридической помощи по всем перечисленным в соглашении поручениям, тем самым на протяжении длительного времени (с 16 марта 2025 г. по март 2026 г.) фактически оставил У. без необходимой ей и предусмотренной соглашением юридической помощи.

Кроме того, заявитель У. требует возврата оплаченного адвокату вознаграждения (гонорара) в полном объеме.

Адвокат Л. не признал выдвинутые против него доверителем У. дисциплинарные обвинения и дал изложенные выше объяснения.

Вместе с тем каких-либо убедительных объяснений причин неподачи им в течение продолжительного времени заявления от имени У. в суд об объявлении ее мужа К. умершим, а также о причинах непринятия каких-либо мер для получения необходимых, по его мнению, документов адвокат Л. не представил. Ссылаясь на то, что доверитель У. своевременно не представила ему документы, необходимые, по его мнению, для приложения к обращению в суд, адвокат Л. не конкретизирует, какие именно документы не были ему представлены У., и не представляет доказательств того, что он их запрашивал у У., а также не поясняет причину, по которой он, наделенный в силу своего профессионального статуса и наличия нотариально удостоверенной доверенности всеми необходимыми полномочиями, не запросил необходимые документы сам. Объясняя свое бездействие по исполнению принятого поручения на представление интересов У. по защите ее жилищных прав, адвокат Л. также дал противоречивые и не соответствующие содержанию соглашения объяснения, изложенные выше.

Из материалов дисциплинарного производства, в том числе из переписки его участников и иных лиц, усматривается, что документы, которые необходимо было приложить к заявлению в суд об объявлении К. умершим, были предоставлены адвокату Л. в марте-апреле 2025 г. Следовательно, уже в апреле 2025 г. он обладал необходимыми и достаточными объемом информации и комплектом документов для подачи заявления в суд. При этом документы, которых, по его мнению, недоставало, он мог и должен был запросить путем подачи адвокатских запросов, чего им сделано не было.

По общему правилу дело об объявлении гражданина умершим суд должен рассмотреть и разрешить в течение двух месяцев со дня поступления заявления. В зависимости от сложности дела срок его рассмотрения может быть продлен, но не более чем на месяц (чч. 1, 6 ст. 154, ч. 1 ст. 263 ГПК РФ).

Таким образом, своевременная (в апреле 2025 г.) подача адвокатом Л. в суд подготовленного им от имени У. заявления об объявлении К. умершим могла обеспечить надлежащее исполнение соответствующего обязательства по соглашению об оказании юридической помощи. Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, каких-либо объективных препятствий для совершения этих действий у адвоката Л. не имелось.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката Л. о том, что заявление об объявлении К. умершим он не подал, поскольку это сделала воинская часть. В соответствии с действующим законодательством обратиться с таким заявлением в суд имеют право все заинтересованные лица, в том числе родственники

пропавшего без вести, воинская часть, в которой служил участник СВО, прокурор. Намерения и действия воинской части вовсе не препятствовали адвокату Л. в обращении в суд с заявлением от имени У. и во всех случаях не освобождали его от надлежащего исполнения принятого поручения.

Кроме того, Совет отмечает, что адвокату Л. не позднее чем 13 июля 2025 г. стало известно о том, что суд отказал воинской части в принятии заявления об объявлении К. умершим. Однако и после получения указанных сведений адвокат Л. не подал заявление от имени У. в суд в период с июля по ноябрь 2025 г.

Остальные приведенные выше доводы адвоката Л. о причинах его длительного бездействия, а также ненадлежащего оказания правовой помощи по защите жилищных прав У. Совет также признает несостоятельными, поскольку они непоследовательны и внутренне противоречивы, опровергаются содержанием соглашения и материалами дисциплинарного производства. При этом Совет отмечает, что обязанность по доказыванию надлежащего оказания юридической помощи У. в данном случае лежит на адвокате Л. и не может быть возложена на заявителя У., поскольку отрицательные факты (несовершенные действия, несостоявшиеся события), как правило, не оставляют материальных следов, что делает фактически невозможным представить какие-либо доказательства этому. Совет также отмечает, что адвокат Л. фактически устранился от выполнения принятого поручения по защите жилищных прав У., ограничившись подготовкой проекта первоначального заявления от ее имени. При этом ссылка адвоката Л. на то, что данный вид юридической помощи «ни одной буквой не прописан в соглашении», прямо противоречит приведенному выше содержанию принятого им поручения.

Такое профессиональное поведение адвоката не может быть признано надлежащим исполнением профессиональных обязанностей перед доверителем.

Вместе с тем Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о неисполнении адвокатом Л. профессиональных обязанностей перед доверителем У., поскольку самой Комиссией признано установленным и указано в Заключении, что он, хотя и с существенной задержкой, приступил к выполнению принятого поручения, а именно: консультировал доверителя и подготовил проекты заявлений: в суд – об объявлении гражданина К. умершим (заявление об установлении факта смерти) и в ДГИ Москвы – о разрешении У. «зарегистрироваться по месту постоянного проживания ответственного квартиросъемщика» и «заключить договор социального найма».

При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката, квалифицирует профессиональное поведение адвоката Л. в рассматриваемой части не как неисполнение профессиональных обязанностей перед доверителем У., а как их ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей. В связи с изложенным Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Л. в части дисциплинарного обвинения в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем У. опровергнутой, а его вину в указанном дисциплинарном нарушении установленной.

Совет в этой связи отмечает, что своевременность оказания юридической помощи является неотъемлемым элементом профессиональной обязанности адвоката, предусмотренной подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской

деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката. Бездействие же адвоката Л. на протяжении восьми месяцев привело к существенному затягиванию разрешения критически важных для У. вопросов, по которым она нуждалась в квалифицированной юридической помощи адвоката Л.

Претензия заявителя У. в отношении адвоката Л. в том, что он ввел ее в заблуждение и присвоил выплаченные ему в качестве вознаграждения денежные средства в размере …руб. без совершения каких-либо фактических действий по защите ее прав, не может быть рассмотрена по существу в настоящем дисциплинарном производстве, поскольку фактически является обвинением в совершении уголовно наказуемого деяния. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния возможно лишь в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством. Поэтому, если заявитель У. считает, что адвокатом Л. совершено деяние, содержащее признаки какого-либо преступления, она вправе обратиться в правоохранительные органы в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Л. за совершенное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый характер, сопряженный с длительным бездействием в оказании помощи доверителю, находящемуся в психотравмирующей ситуации, связанной с беспокойством о судьбе близкого человека, участвовавшего в боевых действиях. Совет также отмечает как обнаруженный у адвоката Л. в ходе дисциплинарного производства явный пробел в профессиональных знаниях, так и продемонстрированные им безразличие и недобросовестность в виде отказа признать принятое обязательство и попытки склонить доверителя к заключению нового соглашения на ту же юридическую помощь, которую адвокат обязан был оказать в силу уже заключенного и оплаченного доверителем соглашения. Такое профессиональное поведение адвоката Л. Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат Л., имея значительный стаж адвокатской деятельности, не имеет дисциплинарных взысканий. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Л. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет также полагает необходимым указать адвокату Л. на необходимость неукоснительного исполнения законодательно установленных обязанностей постоянно совершенствовать свои знания и повышать профессиональный уровень, а также исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (подп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности

и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Л. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем У., выразившееся в том, что он с даты заключения 16 марта 2025 г. соглашения об оказании юридической помощи и до даты обнаружения останков К. в ноябре 2025 г., имея необходимые для оказания юридической помощи полномочия, подтвержденные нотариально удостоверенной доверенностью от 15 марта 2025 г., не обратился в суд с заявлением от имени У. об объявлении умершим ее пропавшего без вести 22 сентября 2024 г. мужа К., а также не направил в государственные органы, включая Министерство обороны Российской Федерации и его структурные подразделения, адвокатские запросы для получения документов, наличие которых он считал необходимым, ограничившись лишь подготовкой проекта заявления об объявлении гражданина К. умершим, а также не предпринял предусмотренных законом и заключенным соглашением мер для защиты жилищных прав У. за исключением составления проекта заявления от ее имени, адресованного в Департамент городского имущества Москвы.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. по жалобе У., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

1.23. Адвокат получил предупреждение за действия, направленные на сокрытие документов и компьютерной техники, с целью предотвращения их изъятия в ходе предстоящего обыска у доверителя, а также за оказание юридической помощи доверителю исключительно на основании его устного согласия. Совет напоминает, что закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя, никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных Кодексом профессиональной этики адвоката, не могут быть исполнены адвокатом.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя К., ее представителя – адвоката Г. и адвоката Л. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам К. от 24 марта и 14 апреля 2026 г. в отношении адвоката Л.

Квалификационная комиссия 10 июня 2026 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Л. подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему), выразившемся в том, что, приняв 18 марта 2026 г. поручение на оказание доверителю К. юридической помощи в уголовном судопроизводстве и получив информацию о планируемом в указанную дату обыске в помещениях,

занимаемых ООО «…» по адресу… он в ту же дату прибыл по указанному адресу и совершил действия, направленные на вывоз документов и компьютерной техники, имеющих отношение к деятельности К., из указанных выше помещений, с целью предотвращения их изъятия в ходе предстоящего обыска, ухудшив тем самым положение своего доверителя К. вследствие укрепления подозрения сотрудников правоохранительных органов в совершении ею противоправных действий;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям абз. 2 подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях, если он имеет самостоятельный интерес по предмету соглашения с доверителем, отличный от интереса данного лица; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему), исполнении адвокатом Л. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившемся в том, что:

– адвокат Л. вступил в уголовное дело, находящееся в производстве следственной группы СО по городу К-в СУ СК РФ по В. области, в качестве защитника доверителя К. в условиях наличия у него в данном деле собственного интереса в предотвращении личных негативных правовых последствий, связанных с установлением сотрудниками правоохранительных органов его причастности к сокрытию компьютерной техники и документов во избежание их изъятия в ходе обыска в ООО «…»;

– адвокат Л. склонил К. к даче ухудшающих ее положение показаний по обстоятельствам совершенных противоправных действий в ходе ее допросов по указанному уголовному в качестве подозреваемой 18 марта 2026 г., а затем и в качестве обвиняемой 19 марта 2026 г.;

3) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу), исполнении адвокатом Л. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившемся в оказании ей в период с 18 по 24 марта 2026 г. юридической помощи в виде осуществления ее защиты по находящемуся в производстве упомянутой следственной группы уголовному делу, в отсутствие предусмотренных законом оснований для ее оказания (без соглашения об оказании юридической помощи К., заключенного в простой письменной форме с соблюдением требований ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», и без устного соглашения об оказании юридической помощи, а лишь с устного согласия доверителя К.);

4) о нарушении адвокатом Л. подп. 5 п. 4 ст. 6, подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2, 3 ст. 6, подп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (ад-

вокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката; соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката; срок хранения тайны не ограничен во времени; адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя; согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц; адвокат не вправе разглашать без согласия доверителя сведения, сообщенные им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи, и использовать их в своих интересах или в интересах третьих лиц), выразившемся в направлении им 21 марта 2026 г. в отсутствие предварительного письменного согласия доверителя К. копии протокола ее допроса в качестве обвиняемой от 19 марта 2026 г. по находящемуся в производстве упомянутой следственной группы уголовному делу, составляющего адвокатскую тайну указанного доверителя, на электронные почтовые ящики… (получатель…) и… (получатель…), находящиеся в пользовании третьих лиц;

5) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по жалобам К., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

От адвоката Л. в Адвокатскую палату города Москвы поступили письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии, в которых он указал, что соглашается с выводами Комиссии об оказании им правовой помощи К. без соглашения и просит учесть, что данное нарушение явилось следствием активного развития событий на начальном этапе его участия в уголовном деле и отсутствия технической возможности для составления соглашения. Что касается обвинения, связанного с вывозом им из офиса документов и системных блоков, относящихся к деятельности К., в которых могла содержаться информация, способная нанести ущерб интересам его доверителя, поясняет, что это была превентивная мера для обеспечения дальнейшей работы компании ООО «…», являющейся поставщиком по ранее заключенным государственным контрактам в сфере гособоронзаказа. Считает, что в ходе осуществления защиты адвокат в первую очередь должен добиваться – безусловно в рамках закона – практических результатов. Вывезенные им документы и техника потенциально могли содержать такие доказательства и информацию, которые в случае их обнаружения правоохранительными органами позволили бы увеличить объем обвинения его подзащитной или затруднили бы защите получение положительного результата.

Вместе с тем выразил несогласие с выводами Комиссии о наличии его собственного интереса в уголовном деле К. и о том, что он должен был устраниться от оказания ей юридической помощи. Считает, что такой подход делает адвокатов полностью беззащитными против любого произвола правоохранительных органов. Отмечает, что Комиссия в то же время не усмотрела доказательств его сговора с сотрудниками правоохранительных органов, направленного против интересов К.

Подчеркивает, что не склонял доверителя К. к даче ложных показаний, тем более к самооговору; ее решение сотрудничать со следствием принималось самостоятельно и после их неоднократного обсуждения ситуации. Окончательное

решение всегда оставалось за К. Также не согласен, что данные К. показания ухудшили ее положение. Напротив, его предложение о переквалификации и освобождении К. от ответственности вызвали одобрение следователя, а впоследствии и его начальника. По результатам обсуждения с К. состоявшегося разговора со следователем ею и было принято решение о сотрудничестве.

На передачу по электронной почте протокола допроса К. ее мужу К.Р. он получил ее устное согласие. Учитывая возникшие для К.Р., а также для директора компании Я. риски привлечения к уголовной ответственности, он планировал встречаться с ними и их адвокатами с целью согласования позиции и подготовки показаний, что было в интересах всех названных лиц, в том числе и самой К., поскольку они совместно вели этот бизнес. Ему это было достоверно известно, поскольку он много лет сотрудничал с этой компанией.

Указывает также, что тот факт, что К. выразила намерение о сотрудничестве, в связи с чем по ходатайству следователя ей была изменена мера пресечения на домашний арест, по его мнению, подтверждает ее показания о передаче денежных средств А. При этом, по его сведениям, директор компании Я. по уголовному делу не допрашивался, и намерений выстраивать позицию в ущерб интересам К. у него не имеется. Более того, оплата услуг новых адвокатов К. была произведена Я. со счета ООО «…».

В заседании Совета адвокат Л. подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии частично не согласился, поддержав свои письменные возражения. Признал, что не проявил настойчивости в заключении письменного соглашения. Отметил, что следователь не отвел его от участия в деле в связи с выносом документов и техники, и оснований для самоотвода он тоже не видел тогда и не видит сейчас. Никакого личного интереса, тем более отличного от интересов К., а тем более противоречащего ему, он не имел.

Отвечая на вопросы членов Совета, подтвердил, что около 10 лет работал с компанией ООО «…», но не постоянно, а при возникновении конкретных вопросов либо у самой компании, либо у ее владельцев и руководителей. В этом случае заключались отдельные соглашения об оказании юридической помощи. Пояснил, что выиграл все судебные дела, которые вел в интересах компании «…», а когда участвовал в доследственных проверках, то ни одна из них не завершилась возбуждением уголовного дела. Подтвердил, что 18 марта 2026 г., утром, он вместе с директором компании «…» Я., зная, что к ним направляется оперативная группа для производства обыска, вынес из офиса компании технику и документы. У них были опасения, что при обыске «вычистят» весь офис, и работа компания будет парализована. Инициатором выноса документов он не был, но и не возражал против этого. Кроме того, он лично вынес из офиса персональный телефон К., который впоследствии передал ее мужу, и считает это положительным результатом с точки зрения обеспечения ее интересов. Дальнейшие пояснения по этому вопросу он бы не хотел давать. Он принимал участие в обыске в офисе компании «…» в качестве представителя этой организации на основании подписанного с ней соглашения, и в то же время в ходе обыска предъявил следователю ордер на защиту К. Пояснил, что действовал исключительно в интересах своего доверителя, и полагает, что если такие действия совершены до появления в офисе работников правоохранительных органов, то в этом случае нарушений закона и профессиональной этики они не образуют.

Делая такое утверждение, он ссылается на практику Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, но конкретно какие-либо разъяснения или аналогичные дела назвать не может. Вместе с тем признал, что нарушение требований п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката все-таки было. В момент, когда в машине были обнаружены документы и техника, следователь действительно высказал намерение выделить материалы по поводу хищения вещественных доказательств, но через несколько минут на его вопрос о возможном его отводе сказал: «Нет, давайте поработаем».

Заявитель К. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласилась.

Отвечая на вопросы членов Совета, подтвердила, что отношения с мужем К.Р. (как личные, и деловые) у нее нормальные, бесконфликтные. Разгласить позицию следствия по поводу квалификации ее действий и ее позиции по делу на данный момент она не может, но обвинение по ч. 4 ст. 159 УК РФ осталось. Хочет уточнить, что благодаря показаниям, которые она дала при участии адвоката Л., к ООО «…» предъявлены дополнительные претензии по ст. 19.28 КоАП РФ, и это грозит компании штрафом в размере …руб., если суд признает, что в интересах компании были совершены коррупционные действия. Адвокат Л. действительно склонил ее дать показания, которые не соответствовали действительности, а были составлены с участием адвоката Л. и оперативного сотрудника (в том числе и в части подробностей передачи денежных средств А.). Адвокат Л. сказал ей, что если она дает такие показания, то поедет домой. На ее вопрос, уверен ли он, что ее показания должны быть именно такими, адвокат Л. ответил «да». При этом он пояснил, что оперативники хотят, чтобы в них фигурировала сумма переданных А. денег – …руб. Вынос документов ухудшил отношение к ней со стороны сотрудников правоохранительных органов, которые заявили, что теперь будут с ней разговаривать «по-другому». Считает, что вследствие этого ее задержали и поместили в СИЗО, и ей, помимо ст. 159 УК РФ, грозит и другая статья – 291 УК РФ. Но сейчас этого обвинения нет. Ее самооговор был выгоден адвокату Л., а она только пострадала от этого. Кроме того, ей известно, что генеральный директор Я., имея ее показания, полученные от адвоката Л., дал показания против нее. В основу решения суда о заключении ее под стражу были положены такие основания, как возможность повлиять на свидетелей и уничтожить доказательства. Пояснить основания изменения ей меры пресечения отказалась. Все свои телефоны и пароли от них дала следствию, ничего компрометирующего в них не было (в том числе, в том телефоне, который вынес Л.). Просила прекратить статус адвоката Л., поскольку от его недобросовестных действий пострадала она и могут пострадать другие люди.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, признает фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым существенно скорректировать ее выводы о наличии в профессиональном поведении адвоката Л. дисциплинарных нарушений и их квалификации, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

16 марта 2026 г., в 16.00 час., старшим следователем СО по г. К-в СУ СК РФ по В. области Р. вынесено постановление о возбуждении уголовного дела по признакам ч. 4 ст. 159 УК РФ в отноше-

нии А. и К., где указано, что 16 марта 2026 г. в названный следственный отдел по постановлению начальника УФСБ России по В. области от 16 марта 2026 г. о представлении результатов оперативно-розыскной деятельности следователю поступили материалы, подтверждающие преступную деятельность А., К. и иных неустановленных лиц; в результате проверки установлено, что 11 мая 2021 г. между АО «…» и ООО «…» заключен договор поставки, в соответствии с которым Общество обязуется поставлять заказчику радиоэлектронные компоненты согласно спецификациям; в начале 2021 г. А., К. и иные неустановленные лица вступили в преступный сговор с целью хищения денежных средств АО «…» путем приобретения последним в ООО «…» комплектующих по завышенным ценам; реализуя задуманное, ООО «…» в лице К. предоставляло заказчику коммерческие предложения с завышенной в 2–3 раза стоимостью изделий по сравнению с другими поставщиками аналогичной продукции; в результате указанной противоправной деятельности А., К. и иных неустановленных лиц АО «…» причинен материальный ущерб на сумму …руб.

В тот же день вынесено постановление о признании АО «…» потерпевшим и допрошен в качестве свидетеля О. – начальник отдела обеспечения покупными комплектующими изделиями управления закупок и логистики АО «…», который, в числе прочего, сообщил, что «с ООО "…" изначально была договоренность о том, что альтернативные предложения предоставляют они сами», и что «он понимал, что альтернативные предложения составлялись сотрудниками ООО "…" для прохождения процедуры согласования цены» в АО «…», сделал вывод о том, что «ценник за заказ К. выставлялся с завышением на 15% для "отката" менеджеру АО «…» и с завышением для личного обогащения», а также предположил, что «примерно раз в квартал А. ездил в город Москву, где получал наличные денежные средства в размере 15% от суммы проведенной закупки от представителя ООО "…" К.».

18 марта 2026 г. следователем в качестве свидетеля допрошен заместитель исполнительного директора по материально-техническому снабжению АО «…» С., показавший, что в августе-сентябре 2024 г. «А. сообщил о возможности получения денежных средств от К. – руководителя фирмы ООО "…"», и в дальнейшем А. передавал ему денежные средства в наличной форме, которые привозил из Москвы от К., а также что «именно А. являлся организатором схемы лоббирования интересов ООО "…" за денежное вознаграждение».

В этот же день А. был задержан в качестве подозреваемого и допрошен, после чего ему было предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 159 УК РФ, вину в котором он не признал. Кроме того, 18 марта 2026 г. были произведены обыски в жилище К., а затем и в помещениях, занимаемых ООО «…». Узнав от супруга К. – К.Р. о производстве обыска в жилище К., а также о предстоящем обыске в офисе ООО «…», адвокат Л. выехал для оказания юридической помощи в указанный офис.

18 марта 2026 г. между доверителем ООО «…» в лице генерального директора Я. и адвокатом Л. заключено соглашение об оказании юридической помощи (защиты) (далее – Соглашение от 18 марта 2026 г.), согласно п. 1 которого «Адвокат по поручению Доверителя обязуется оказать юридическую помощь Доверителю в объеме и на условиях, которые будут определены сторонами в приложениях к настоящему Соглашению. Адвокат выполняет все свои обязанности при проведении следственных действий, проводимых в отношении ООО "…", в том

числе при проведении обыска в офисном помещении ООО “…”».

Согласно протоколу допроса свидетеля П., являющейся работником ООО «…», в этой организации роль юриста выполняет адвокат Л. 18 марта 2026 г., около 10.16 час., он ей позвонил и сообщил, что на работу приходить не нужно, так как в офисе компании будет проходить проверка, а также что он вынесет ей документы, которые она должна положить в свою машину и привезти на работу на следующий день. Примерно через пять минут после этого звонка из бизнес-центра, где находится офис ООО «…», вышли адвокат Л. и Я. У них в руках были компьютерная техника и пакеты с документами. Указанные предметы они поместили в машину П., которая их не осматривала и об их содержании не была осведомлена. В тот же день, в 12.55 час., П. снова позвонил адвокат Л. и сообщил, что ей необходимо подъехать к зданию бизнес-центра, где расположен офис ООО «…», так как ему нужно забрать какие-то документы, лежавшие в ее машине. Она подъехала к зданию, позвонила адвокату Л., он подошел к машине и забрал из нее папку с какими-то документами, но потом положил ее обратно. Далее адвокат Л. сообщил, что за данными документами придет бухгалтер по имени Ад., которая примерно через 5–10 минут пришла и забрала указанные документы. П. начала выезжать с автомобильной парковки, но ее остановил оперативный сотрудник и сообщил, что ему необходимо проверить другие документы и предметы, которые остались в машине П. О производстве следственных действий в ООО «…» П. не было известно.

18 марта 2026 г. адвокат Л. оформил ордер от 18 марта 2026 г. на осуществление защиты К., на основании которого вступил в указанное уголовное дело.

В тот же день, с 21.04 час. до 21.22 час., К. с участием защитника Л. была допрошена в качестве подозреваемой. Ей было объявлено, что она подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, при следующих обстоятельствах: «ООО “…” в лице К. предоставляло заказчику коммерческие предложения с завышенной в 2–3 раза стоимостью изделий, по сравнению с другими поставщиками аналогичной продукции. Начиная с мая 2021 г. по декабрь 2024 г. А., используя свое служебное положение руководителя управления закупок и логистики АО “…”, давал указания своим подчиненным подготавливать закупочную документацию предприятия для приобретения комплектующих у ООО “…” (заявки и спецификации) по завышенным ценам, несмотря на отсутствие потребности предприятия и остатков данных комплектующих на складе. В результате указанной противоправной деятельности А., К. и иных неустановленных лиц АО “…” причинен материальный ущерб на сумму …рублей».

К. на допросе пояснила: «…С А. я знакома около 3–4 лет, точную дату знакомства я не помню. Ранее А. занимал должность руководителя отдела закупок АО “…” …Хочу пояснить, что я ранее передавала денежные средства А., но в настоящее время точные даты и суммы переданных денежных средств я назвать не могу, так как мне необходимо проверить свои записи. Готова сотрудничать со следствием и заключить досудебное соглашение». Перед началом, в ходе либо по окончании допроса заявления и замечания от подозреваемой К. и ее защитника – адвоката Л. не поступили.

18 марта 2026 г., в 21.30 час., следователем составлен протокол задержания подозреваемой К. Заявления и замечания от подозреваемой К. и ее защитника – адвоката Л. не поступили.

19 марта 2026 г. следователем вынесено постановление о привлечении К. в качестве обвиняемой по ч. 4 ст. 159 УК РФ, о чем ей объявлено с участием ее защитника – адвоката Л. С 17.45 час. до 20.30 час. К. с участием защитника Л. была допрошена в качестве обвиняемой и показала, что вину в совершении преступления признает частично. В 2021 г. она и А. «вступили в сговор, согласно которому за лоббирование интересов ООО "…" по поставкам продукции в АО "…" она будет передавать А. денежные средства в качестве вознаграждения, и в соответствии с этой договоренностью она передавала А. денежные средства в размере "от 3% до 15% от стоимости заказа", а всего за период с 2021 по 2025 г. она передала А. около …рублей. Таким образом, общая сумма похищенных денежных средств у АО "…" А. составила около …рублей».

20 марта 2026 г. постановлением К-вского городского суда В. области в отношении обвиняемой К. по ходатайству следственного органа избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок 1 месяц 28 дней, т.е. по 15 мая 2026 г. включительно. Защиту К. в судебном заседании осуществлял адвокат Л.

21 марта 2026 г. адвокат Л. отправил на электронные почтовые ящики… и… электронное письмо, к которому в числе прочих файлов был приложен файл с протоколом указанного допроса обвиняемой К.

24 марта 2026 г. К. проинформировала адвоката Л. об отказе от его юридической помощи и подала в отношении него жалобу в Адвокатскую палату города Москвы.

25 марта 2026 г. между доверителем ООО «…» в лице генерального директора Я. и адвокатом Л. заключено соглашение о расторжении Соглашения от 18 марта 2026 г., согласно которому стороны определили стоимость оказанных адвокатом «услуг» в …руб., а также указали, что претензий друг к другу не имеют.

Заявитель К. в своей жалобе выдвигает против адвоката Л. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в совершении 18 марта 2026 г. повлекших ухудшение положения доверителя К. действий, направленных на сокрытие от должностных лиц правоохранительных органов компьютерной техники и документов, связанных с деятельностью ООО «…» и К., с целью предотвращения их изъятия в ходе обыска в помещениях, занимаемых ООО «…»;

2) в осуществлении защиты К. по указанному уголовному делу в условиях наличия в деле собственного интереса, отличного от интереса доверителя К., во вступлении в связи с этим в сговор с правоохранительными органами, а также в последующем склонении К. к даче противоречащих ее интересам и ухудшающих ее положение показаний;

3) в оказании доверителю К. юридической помощи в уголовном судопроизводстве в отсутствие правовых оснований для ее оказания – соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в простой письменной форме;

4) в передаче «третьим лицам» составляющей адвокатскую тайну информации об оказанной К. юридической помощи посредством направления им по электронной почте копий протоколов следственных действий, произведенных с участием К.

Относительно первого дисциплинарного обвинения заявитель К. пояснила, что действия адвоката Л. совершены им самостоятельно и по собственной инициативе, без согласования с ней, что не отрицает и адвокат Л.

Согласно выписке из ЕГРЮЛ от 20 марта 2026 г. лицом, имеющем право без доверенности действовать от имени ООО «…» (ОГРН…), является ге-

неральный директор Я., а участниками указанного Общества являются Я. с долей в размере 33,4% в уставном капитале и К. с долей 66,6% в уставном капитале.

При таких обстоятельствах факт возбуждения 16 марта 2026 г. указанного уголовного дела в отношении А. и К., а также производства обыска в офисе ООО «…» не только затрагивал интересы данного Общества, но и свидетельствовал о наличии риска наступления негативных последствий уголовно-правового и имущественного характера для К., К.Р. и Я., равно как и для самого адвоката Л. в силу его длительного сотрудничества с указанными юридическим и физическими лицами, а также с учетом известных правоприменительной практике злоупотреблений, приводящих к отождествлению профессиональной деятельности адвоката и деяний (совершенных или предполагаемых) его доверителей. Однако никакие из вышеуказанных рисков не означали допустимость совершения адвокатом Л. действий, направленных на сокрытие предметов и документов от правоохранительных органов. Признанные адвокатом Л. и достоверно установленные в результате дисциплинарного разбирательства его действия, выразившиеся в изъятии и вывозе документов и компьютерной техники из офиса ООО «…» с целью их сокрытия, являются чуждой профессиональной деятельности адвоката и профессионально-этическим требованиям внеправовой активностью, не имеющей ничего общего с оказанием юридической помощи.

Довод адвоката Л. о том, что эти действия совершены им в интересах доверителя, Совет отклоняет как несостоятельный и прямо противоречащий требованиям п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя.

При этом Совет полагает необходимым скорректировать квалификацию этих действий адвоката Л., содержащуюся в Заключении Квалификационной комиссии, по следующим причинам.

Комиссия по рассматриваемому эпизоду пришла к выводу о нарушении адвокатом Л. подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку его действия ухудшили положение доверителя К. «вследствие укрепления подозрения сотрудников правоохранительных органов в совершении ею противоправных действий». Этот вывод в мотивировочной части Заключения объясняется тем, что поступок адвоката Л.:

– порождал у доверителя К., явившейся свидетелем данных событий, обоснованные сомнения в его способности действовать именно в качестве независимого советника по правовым вопросам, тем самым подорвав ее доверие к нему как к адвокату;

– ухудшил положение К., поскольку, будучи выявленным сотрудниками правоохранительных органов, дал им основание полагать, что К. организовала вывоз документов и компьютерной техники, опасаясь своего разоблачения, тем самым лишь укрепив сформировавшееся в отношении нее подозрение;

– дал повод заявителю К. утверждать в ее жалобах, что он ухудшил ее положение как лица, подвергнутого уголовному преследованию, поскольку у следствия появились основания полагать, что ей «есть что скрывать».

Между тем в материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства этих утверждений заявителя и поддержавшей ее Квалификационной комиссии. Вопреки данным утверждениям, в постановлении следователя Р. от 20 марта 2026 г. о возбуждении перед

судом ходатайства об избрании в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу ничего не говорится о сокрытии документов и техники и о причастности к указанным действиям заявителя. В постановлении суда избрание этой меры пресечения обосновывается общими стандартными формулировками без ссылок на какие-либо конкретные фактические данные.

Иные материалы дисциплинарного дела также не подтверждают причинно-следственной связи действий адвоката Л. по сокрытию техники и документов из помещения ООО «…» с последующими процессуальными решениями в отношении К. и не свидетельствуют об изменении субъективного отношения к ней со стороны следствия или оперативных сотрудников по этой причине.

При описанных обстоятельствах Совет, признавая рассматриваемые действия адвоката Л. безусловно недопустимыми, в то же время не усматривает оснований квалифицировать их как направленные к подрыву доверия со стороны доверителя К. и, соответственно, нарушающие п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет считает необходимым применить для квалификации рассматриваемого дисциплинарного нарушения иные нормы законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а именно:

– подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» («Адвокат обязан: 1) честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; 4) соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката.»);

– п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии»);

– п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении адвокатской деятельности адвокат обязан: 1) честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом»);

– п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом»).

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о нарушении адвокатом Л. при описанных обстоятельствах подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 4, п. 1 ст. 8, п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Л. в данной части опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в оказании адвокатом Л. юридической помощи К. в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в простой письменной форме. В результате дисциплинарного разбирательства установлено и признано адвокатом Л., что, приступив 18 марта 2026 г. к осуществлению защиты доверителя К. в уголовном судопроизводстве, он не заключил с ней или с иным лицом соглашение об оказании ей юридической

помощи в письменной форме, действуя в качестве ее защитника лишь с ее устного согласия. Согласно объяснениям заявителя К. адвокат Л. не обсуждал с ней вопрос о заключении соглашения об оказании юридической помощи и не предлагал ей его заключить. Заключенное адвокатом Л. с доверителем ООО «…» Соглашение от 18 марта 2026 г. не предусматривало оказание юридической помощи К.

Довод адвоката Л. об отсутствии технической возможности распечатать текст соглашения об оказании юридической помощи в условиях оказания юридической помощи К. в неотложном порядке Совет отклоняет как несостоятельный, поскольку адвокат Л., приступив к оказанию юридической помощи К., в течение длительного времени находился в офисе ООО «…», оборудованном необходимой оргтехникой.

Учитывая изложенное и соглашаясь с Квалификационной комиссией, Совет приходит к выводу о нарушении адвокатом Л. предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката при описанных обстоятельствах.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в осуществлении адвокатом Л. защиты К. в условиях наличия в деле собственного, отличного от ее, интереса, во вступлении в сговор с сотрудниками правоохранительных органов, а также в склонении К. к даче противоречащих ее интересам и ухудшающих ее положение показаний, Совет отмечает следующее.

Квалификационная комиссия обосновала свой вывод о совершении адвокатом Л. рассматриваемых нарушений тем, что сотрудники правоохранительных органов не только выявили вышеуказанные действия адвоката Л. по сокрытию от них компьютерной техники и документов, но и осуществили процессуальную фиксацию данных обстоятельств, допросив П. в качестве свидетеля. По мнению Комиссии, адвокат Л. в связи с этим столкнулся с угрозой осуществления в отношении него обвинительной деятельности, и ситуация не исключала для него наличия рисков уголовно-правового и дисциплинарного характера. На этом основании Комиссия сочла, что «адвокат Л. имел в данном деле собственный интерес, заключающийся в предотвращении наступления негативных правовых последствий его собственных неосмотрительных и не основанных на законе действий, тогда как интерес доверителя адвоката Л. – К. заключался в полной реализации ее права на защиту, а также иных ее процессуальных прав как подозреваемой, а затем и обвиняемой… Продолжив осуществление защиты К. в сложившейся ситуации, адвокат Л. уже действовал в условиях, исключающих возможность оказания квалифицированной юридической помощи».

Именно это зависимое состояние адвоката Л., по мнению Комиссии, привело к его «неформальным переговорам» с сотрудниками правоохранительных органов и последующему склонению К. «к даче устраивающих сторону обвинения показаний, поскольку они содержат сведения о передаче К. незаконного вознаграждения работнику АО “…” А. в размере “около …рублей”, то есть выходят за пределы предъявленного К. обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, создавая риски ухудшения ее положения за счет предъявления ей обвинения в совершении иного преступления». Эти действия адвоката Л. и их мотивы Квалификационная комиссия признала направленными к подрыву доверия к нему, т.е.нарушающими п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет не может согласиться с такими выводами Квалификационной комиссии и их обоснованием в силу следующего.

Прежде всего, Совет отмечает, что Комиссия признала отсутствие «доказательств направленного против интересов доверителя К. умышленного сговора [адвоката Л. – *Прим. Совета*] с сотрудниками правоохранительных органов». Что же касается вывода о наличии у адвоката Л. собственного интереса в деле К., отличающегося от интересов последней и тем более противоречащего им, то он сделан Комиссией умозрительно, без ссылок на конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие наличие у него такого интереса. Иными словами, этот вывод является не чем иным, как предположением Квалификационной комиссии о том, что такой интерес должен был возникнуть у адвоката Л. в сложившейся ситуации. Однако это предположение Комиссии, во-первых, не может быть положено в основу обвинительных выводов, а во-вторых, не подтверждается поведением адвоката Л. при производстве процессуальных действий с К., содержанием протоколов этих процессуальных действий и опровергается объяснениями адвоката, согласно которым он не склонял К. к даче ложных показаний, а решение сотрудничать со следствием принималось ею самостоятельно после неоднократного обсуждения с ним сложившейся ситуации. Эти объяснения адвоката Л. ничем не опровергнуты.

Из протоколов допросов свидетелей О. и С. (от 16 и 18 марта 2026 г. соответственно), содержание которых не могли заранее знать адвокат Л. и К., усматривается, что противоправные действия имели место, и к ним, по показаниям данных лиц, могла иметь отношение К. Сама К., допрошенная затем в качестве подозреваемой, а потом и обвиняемой, заверила своей подписью показания, не сделав к ним никаких замечаний, признав передачу денег работнику АО «…» А. и описав обстоятельства их передачи.

При таких обстоятельствах обсуждение между адвокатом и его подзащитным вопроса о том, какие именно давать показания, и прогнозирование вариантов уголовно-правовой квалификации инкриминируемых действий представляют собой исполнение профессиональных обязанностей и относятся к выработке тактики защиты, которая избирается адвокатом самостоятельно в силу его законодательно закрепленного статуса независимого профессионального советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). По этой причине претензии к адвокату в части, касающейся выбранной им тактики ведения дела, не могут служить основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката и правовой квалификации деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений во вступлении адвоката Л. в уголовное дело в качестве защитника доверителя К. при наличии у него в данном деле собственного интереса, в склонении им К. к даче ухудшающих ее положение показаний вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

К такому же выводу Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в передаче третьим

лицам составляющей адвокатскую тайну информации, содержащейся в протоколе ее допроса. Несмотря на то, что факт отправки адвокатом Л. 21 марта 2026 г. на электронные почтовые ящики… и… протокола допроса обвиняемой К. достоверно установлен в результате дисциплинарного разбирательства и признается самим адвокатом Л., Совет отмечает следующее. Указанное электронное письмо было направлено адвокатом Л. супругу К. – К.Р. по его просьбе и, как утверждает адвокат, с предварительного устного согласия К. (хотя последняя в настоящем дисциплинарном производстве дачу такого согласия отрицает). При этом оба вышеуказанных адреса электронной почты находятся в пользовании К.Р., о чем адвокату Л. было достоверно известно, поскольку эти адреса использовались им ранее неоднократно для направления документов в ходе исполнения других поручений. В то же время адвокат Л. подробно объяснил, почему посчитал возможным отправить имеющиеся у него материалы уголовного дела в отношении К. как К.Р, так и генеральному директору ООО «…» Я. В частности, он пояснил, что работает с этими людьми и этой организацией много лет, хорошо знает их взаимоотношения, общие интересы и общие риски (признанные также и Квалификационной комиссией, как указано выше). Муж К. – бывший сотрудник полиции, который, согласно пояснениям адвоката Л., участвует в деятельности ООО «…» на партнерских началах вместе с женой и директором этой компании Я., просил прислать ему показания жены для оценки общих рисков и принятия необходимых решений.

Не ставя под сомнение вывод Квалификационной комиссии о том, что «протокол допроса вне разумных сомнений составляет адвокатскую тайну доверителя К., а потому лишь она была лицом, которое могло уполномочить адвоката Л. на ее раскрытие. При этом такое волеизъявление должно было быть предварительным и иметь письменную форму», Совет, вместе с тем, отмечает, что адвокат может быть привлечен к дисциплинарной ответственности только за нарушения, совершенные умышленно или по грубой неосторожности.

Между тем протокол допроса обвиняемой К. был приложен в числе других документов к ходатайству следователя о заключении ее под стражу, направленному в суд. Рассмотрение этого материала производилось судом 20 марта 2026 г. в открытом судебном заседании. Это означает, что указанный протокол допроса К. исследовался в судебном заседании наряду с другими материалами, в связи с чем конфиденциальность содержавшихся в нем сведений была утрачена. При этом адвокат Л. переслал сканированную копию протокола днем позже – 21 марта 2026 г.

Кроме того, утверждения представителя заявителя К. – адвоката Г., как и аналогичные пояснения самой К. о том, что интересы Я. не совпадают с ее (К.) интересами, а сведения о содержании показаний К. Я. использует против нее, ничем не подтверждены.

При таких обстоятельствах Совет не усматривает в действиях адвоката Л. по пересылке копии протокола допроса обвиняемой К. ее мужу и Я. ни умысла, ни грубой неосторожности, и, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства по данному дисциплинарному обвинению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокату-

ре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем Совет считает необходимым указать адвокату Л. на то, что согласие доверителя на разглашение сведений, составляющих адвокатскую тайну, во всех случаях должно быть получено адвокатом предварительно и в письменном виде.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Л. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их грубый и умышленный характер, сопряженный с игнорированием адвокатом основополагающих профессионально-этических требований и причинением вреда авторитету адвокатуры. Подобное профессиональное поведение адвоката Л. Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее адвокат Л., имеющий длительный профессиональный стаж, к дисциплинарной ответственности не привлекался, фактически признал допущенные нарушения. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Л. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет считает необходимым указать адвокату Л. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной обязанности постоянно совершенствовать профессиональные знания самостоятельно и повышать профессиональный уровень в установленном порядке, а также соблюдать Кодекс профессиональной этики и решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (подп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Л. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

1) нарушение подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 4, п. 1 ст. 8, п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката; честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии; при осуществлении адвокатской деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и данным кодексом; закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя, никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или

нарушению правил, предусмотренных Кодексом профессиональной этики адвоката, не могут быть исполнены адвокатом), выразившееся в том, что он, приняв 18 марта 2026 г. поручение на оказание доверителю К. юридической помощи в уголовном судопроизводстве и получив информацию о планируемом в указанную дату обыске в помещениях, занимаемых ООО «…» по адресу… в тот же день прибыл по указанному адресу и совершил действия, направленные на вывоз документов и компьютерной техники, имеющих отношение к деятельности К., из указанных помещений с целью предотвращения их изъятия в ходе предстоящего обыска;

2) ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившееся в оказании ей в период с 18 по 24 марта 2026 г. юридической помощи в виде осуществления ее защиты по находящемуся в производстве следственной группы СО по городу К-в СУ СК РФ по В. области уголовному делу в отсутствие предусмотренных законом оснований для ее оказания (без соглашения об оказании юридической помощи К., заключенного в простой письменной форме с соблюдением требований ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», и без устного соглашения об оказании юридической помощи, а лишь с устного согласия доверителя К.).

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. по жалобам К., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.24. Адвокату объявлено предупреждение за то, что она, являясь защитником по назначению, потребовала и получила от доверителя за осуществление защиты в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства денежные средства.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката С. и заявителя П. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П. в отношении адвоката С.

Квалификационная комиссия 10 июня 2026 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом С. ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, подп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями

собственной выгоды; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре), выразившемся в том, что, являясь защитником П. по назначению, она 24 января и 9 февраля 2026 г. получила от нее за осуществление защиты в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства денежные средства в общем размере …руб.;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С. по жалобе П., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель П. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, не согласилась с выводом Комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства, так как адвокат С. ей совсем не помогала, просила прекратить ее статус адвоката.

Адвокат С. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление и согласие с ним, полностью признала свою вину в установленном нарушении, пояснив, что к неосновательному получению денежных средств от доверителя ее подтолкнули тяжелое материальное положение, маленькая пенсия, наличие у нее на иждивении сына-инвалида, на лекарство для которого она и потратила полученные от заявителя денежные средства, которые в дальнейшем ей возвратила.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Против адвоката С. выдвинуты дисциплинарные обвинения в оказании неквалифицированной юридической помощи, а также в получении от П. за оказанную ей юридическую помощь денежных средств в общем размере …руб., в том время как адвокат С. являлась ее защитником по назначению.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства. В ходе доследственной проверки 28 декабря 2025 г. УУП ОУУП и ПДН ОМВД России по району И. г. Москвы у П. были получены объяснения, в которых она сообщила о постановке на фиктивный учет в квартире по адресу… в которой она была зарегистрирована по месту жительства, четверых иностранных граждан. В отношении П. 14 января 2026 г. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ. На основании заявки дознавателя от 19 января 2026 г. в АИС АПМ защитником П. была назначена адвокат С., которая вступила в уголовное дело по ордеру от 20 января 2026 г. и участвовала 20 января 2026 г. в допросе подозреваемой П. 23 января 2026 года П. с участием защитника – адвоката С. была дополнительно допрошена, и ей было объявлено об окончании следственных действий. П. ходатайствовала в соответствии с п. 2 ч. 5 ст. 217 УПК РФ о проведении судебного разбирательства в особом порядке.

Защиту подсудимой П. в И. районном суде г. Москвы по данному уголовному делу также осуществляла адвокат С. Судебное разбирательство осуществлялось в особом порядке. По делу состоялось одно судебное заседание 6 марта 2026 г. В тот же день приговором суда П. была признана виновной в совершении четырех преступлений, предусмотренных

ст. 322.3 УК РФ, в соответствии с ч. 2 ст. 69, 73 УК РФ ей по совокупности преступлений путем частичного сложения было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на один год шесть месяцев условно с испытательным сроком на один год шесть месяцев.

Данный приговор был обжалован осужденной П. и ее защитником – адвокатом З. в апелляционном порядке. Апелляционным постановлением Московского городского суда от 28 апреля 2026 г. приговор оставлен без изменения, апелляционные жалобы без удовлетворения.

24 января и 9 февраля 2026 года П. перечислила на личный банковский счет адвоката С. денежные средства в размере …руб. и …руб. соответственно, которые адвокат С. 10 марта 2026 г., после обращения заявителя с жалобой, полностью возвратила П.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в неосновательном получении адвокатом С. от П. …руб. за осуществление ее защиты по назначению, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает его обоснованным в силу следующего. В соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом. Дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов. В случаях, предусмотренных пп. 1–5 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, участие защитника обеспечивается в порядке, установленном ч. 3 ст. 49 УПК РФ.

В соответствии с п. 8 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» труд адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, оплачивается за счет средств федерального бюджета. Размер и порядок вознаграждения адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, устанавливаются Правительством Российской Федерации.

В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 131 УПК РФ к процессуальным издержкам относятся суммы, выплачиваемые адвокату за оказание им юридической помощи в случае участия адвоката в уголовном судопроизводстве по назначению.

Согласно подп. «г» п. 22.1 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 года № 1240, с 1 октября 2025 г. размер вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда, за один день участия составляет 1 861 рубль.

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этика адвоката адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне.

В силу ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему (п. 1); адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре (п. 2).

В результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлено и описано выше, что адвокат С. вступила в уголовное дело в качестве защитника П. в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ. Какого-либо соглашения на защиту П. с адвокатом С. не заключалось. Таким образом, у адвоката С. отсутствовали законные основания для получения от П. какого-либо вознаграждения за оказание ей юридической помощи.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката С. опровергнутой в данной части, а ее вину в совершении этого дисциплинарного нарушения установленной. Такое профессиональное поведение адвоката С. Совет признает подрывающим доверие к ней как к адвокату, так и к адвокатуре.

Вместе с тем выдвинутое заявителем П. дисциплинарное обвинение в оказании ей адвокатом С. неквалифицированной юридической помощи, сопряженной с введением в заблуждение в отношении правовых последствий рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке, не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства.

Данное дисциплинарное обвинение является неконкретным, а доводы жалобы П. о том, что адвокат С. не разъяснила ей положения п. 2 ч. 5 ст. 217 УПК РФ, что лишило ее возможности донести до суда свою защитительную позицию, Совет признает явно надуманными.

В силу подп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалоба, представление, обращение в отношении адвоката должны, помимо прочего, содержать указание на конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, а также обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, представлением, обращением, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.

Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении.

Доводы жалобы П. о том, что адвокат С. не обратила ее внимание «ни на сильные, ни на слабые стороны», в ходе проведения допросов П. молчала и «отбывала свое присутствие», никаких консультаций П. не давала, возражений «не высказывала и не заявляла», «замечаний на протокол, возражений, ходатайств, жалоб не подавала», не конкретизированы, а другие доводы жалобы в этой части какими-либо доказательствами не подтверждены. При этом адвокат С., полностью признавая неосновательное получение денежных средств от П., дисциплинарные обвинения в неквалифицированном оказании ей юридической помощи категорически отрицает.

Кроме того, вопрос о том, какие именно заявления или возражения адвокат С. должна была сделать при производстве допросов П. и иных процессуальных действий, является вопросом тактического характера, вмешиваться в которые органы адвокатского самоуправления не вправе, поскольку адвокат, являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской

Федерации»), самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он вправе и обязан совершить в интересах доверителя.

Довод жалобы о том, что П. была введена в заблуждение адвокатом С., в результате чего она не понимала правовых последствий рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке, Совет также признает необоснованным. В силу п. 1 ст. 314 УПК РФ применение особого порядка судебного разбирательства могло быть применено только по ходатайству самой П. и только при условии ее полного согласия с обвинением. В результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлено, что суд выяснял у П., понятно ли ей обвинение, признает ли она свою вину, поддерживает ли она свое ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, заявлено ли ею указанное ходатайство добровольно и после консультации с защитником, осознает ли она последствия такого порядка рассмотрения дела в суде. На все эти вопросы суда П. дала утвердительные ответы. Доводы апелляционной жалобы П. носили общий характер и фактически сводились к несогласию с приговором ввиду несправедливости (чрезмерной суровости) назначенного наказания. Защитник – адвокат З. в своей апелляционной жалобе, не оспаривая выводы суда в отношении виновности П., посчитал, что суд необоснованно не применил примечание к ст. 322.3 УК РФ, позволявшее освободить ее от уголовной ответственности, так как она способствовала раскрытию этого преступления, и не рассмотрел возможность назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, а также просил о смягчении приговора.

С учетом изложенных обстоятельств дисциплинарное производство в части перечисленных дисциплинарных обвинений подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката С. за допущенное нарушение, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом обязательных профессиональных правил и проявленной финансовой нечистоплотности. Получение оплаты за оказываемую по назначению юридическую помощь подрывает доверие к адвокату и адвокатуре, может создать у подзащитных ложное представление о наличии подобной практики адвокатской деятельности и о том, что должное оказание адвокатом квалифицированной юридической помощи по назначению обусловлено ее дополнительной оплатой из личных средств. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым и наносящим вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем Совет принимает во внимание пожилой возраст адвоката С., длительный стаж ее адвокатской деятельности, признание ею своей вины, полный возврат доверителю неосновательно полученных денежных средств. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым предоставить адвокату С. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, подп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре), выразившееся в том, что она, являясь защитником П. по назначению, 24 января и 9 февраля 2026 г. получила от последней за осуществление защиты в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства денежные средства в общем размере …руб.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по жалобе П., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.25. Адвокат получил предупреждение за то, что не ознакомился с протоколом допроса доверителя в качестве свидетеля и иными материалами, доступными ему на момент вступления в уголовное дело; до проведения первого допроса П. в качестве подозреваемого не провел с ним конфиденциального свидания, не разъяснил П. его процессуальные права, включая право на приглашение защитника по соглашению, не выяснил обстоятельства его задержания и другие аспекты, не выяснил отношение доверителя к подозрению, не согласовал с ним позицию по делу, не разъяснил ему правовые последствия признания вины, а также не обжаловал в апелляционном порядке избранную судом меру пресечения в виде заключения под стражу.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката А. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П. от 1 апреля 2026 г. в отношении адвоката А.

Квалификационная комиссия 17 июня 2026 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 3, 4, 5, 6 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, исполнении адвокатом А. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившемся в том, что при вступлении в уголовное дело адвокат А. не ознакомился с протоколом допроса П. в качестве свидетеля и иными материалами, доступными ему на момент вступления в уголовное дело; до проведения первого допроса П. в качестве подозреваемого не провел с ним конфиденциального свидания, в ходе которого не разъяснил П. его процессуальные права, включая право на приглашение защитника по соглашению, не выяснил обстоятельства его задержания, производился ли допрос П. в отсутствие адвоката и применялись ли к нему незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-

розыскных мероприятий, не выяснил отношение П. к подозрению, не согласовал с ним позицию по делу, не разъяснил ему правовые последствия признания вины, а также не убедился в том, что признание П. вины совершается добровольно и не является самооговором;

2) о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 4 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., адвокатом А. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившемся в том, что, приняв 10 февраля 2026 г. участие в качестве защитника П. в судебном заседании З. районного суда г. Москвы по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании в отношении П. меры пресечения в виде заключения под стражу, адвокат А. не обжаловал постановление указанного суда от 10 февраля 2026 г. в апелляционном порядке;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по жалобе П., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель П., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, участие в заседании своего представителя не обеспечил. По имеющимся сведениям, содержится под стражей. Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося заявителя.

Адвокат А. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии он ознакомлен и согласен частично. Он, действительно, не обратил внимания на время составления протокола задержания и не участвовал в его составлении, так как считал, что закон этого не требует, а также не обжаловал судебное решение об избрании меры пресечения. При этом поддержал свои дополнительные письменные объяснения, в которых ссылался на то, что фактически 8 февраля 2026 г. знакомился с предоставленными следователем материалами уголовного дела, проконсультировал доверителя в условиях конфиденциальности, согласовал с ним его позицию. Судебное решение об избрании меры пресечения он не обжаловал, поскольку имел по этому поводу письменное поручение доверителя, которое утратил, в связи с чем представить его не может. Полагает, что подобные нарушения связаны с небольшим стажем его адвокатской деятельности. Обязуется пересмотреть свое отношение к исполнению профессиональных обязанностей.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката А., Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В 21.30 час. 7 февраля 2026 г. следователем СО МВД России по району З. г. Москвы К. в отношении неустановленного лица было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3

ст. 228.1 УК РФ. Согласно пояснениям заявителя П., в том числе отраженным в протоколе его допроса в качестве подозреваемого, в это же время, 21.30 час., 7 февраля 2026 г., он был фактически задержан у подъезда дома по адресу… сотрудниками правоохранительных органов с применением к нему физической силы и специальных средств. С 18.00 час. по 19.00 час. 8 февраля 2026 г. П. был допрошен следователем указанного отдела Г.Г. в качестве свидетеля и дал подробные показания по обстоятельствам уголовного дела. В 20.07 час. 8 февраля 2026 г. следователем в АИС АПМ была создана заявка для обеспечения участия защитника П. 8 февраля 2026 г., в 22.29 час., в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ, которая была распределена адвокату А.

В 23.50 час. 8 февраля 2026 г. следователем составлен протокол задержания П. в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ. В протоколе задержания указано, что П. задержан в 23.45 час. 8 февраля 2026 г. в названном следственном отделе. Воспользоваться правом на телефонный звонок П. отказался. При задержании П. какой-либо защитник не участвовал.

Адвокат А. вступил в уголовное дело в качестве защитника П. после его задержания в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, предъявив следователю удостоверение и ордер от 8 февраля 2026 г. После этого, с 23.55 час. 8 февраля 2026 г. по 00.40 час. 9 февраля 2026 г., П. был допрошен следователем в качестве подозреваемого, в 01.45 час. 9 февраля 2026 г. ему было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, после чего, с 01.50 час. по 02.00 час., он был допрошен в качестве обвиняемого. Согласно протоколам этих допросов П. свою вину по существу подозрения и обвинения признавал.

9 февраля 2026 г., с 16.00 час. по 16.50 час., между свидетелем Г. и обвиняемым П. была проведена очная ставка.

Начиная с 23.55 час. 8 февраля 2026 г. во всех перечисленных выше процессуальных действиях защиту П. осуществлял адвокат А.

10 февраля 2026 г. состоялось судебное заседание З. районного суда г. Москвы по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании П. меры пресечения в виде заключения под стражу. Постановлением суда ходатайство удовлетворено, в отношении П. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Защиту обвиняемого П. в суде также осуществлял адвокат А. Указанное постановление суда в апелляционном порядке обжаловано не было.

Заявитель П. выдвигает в отношении адвоката А. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в том, что он конфиденциально не общался с П., консультаций с ним не проводил, не выяснял обстоятельства его задержания, в том числе применялись ли к нему незаконные методы при задержании и первоначальном опросе; не выяснял происхождение у него ссадины на лице и свежих ран на руках; не поинтересовался, употреблял ли П. запрещенные препараты, находится ли он в адекватном состоянии; не выяснил у П., проводился ли уже его допрос в отсутствие защитника, не разъяснял ему, что тот вправе отказаться от участия в проведении следственных действий в ночное время; не разъяснил П. право пригласить защитника по соглашению;

2) во вступлении в уголовное дело в качестве защитника до истечения 24 часов с момента фактического задержания П.;

3) в подписании протоколов допроса П. в качестве подозреваемого и очной ставки между обвиняемым П. и свиде-

телем Г., которые фактически не проводились;

4) во внепроцессуальном общении со свидетелями обвинения Г. и М.;

5) в необжаловании в апелляционном порядке постановления указанного районного суда от 10 февраля 2026 г. об избрании в отношении П. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Адвокат А. в ходе дисциплинарного разбирательства выдвинутые дисциплинарные обвинения отрицал, признавая при этом, что при ознакомлении с протоколом задержания он не обратил должного внимания на указанное в нем время задержания и не сопоставил его с иными обстоятельствами дела в силу неопытности. Приняв в 22.29 час. 8 октября 2025 г. заявку на защиту П., он сразу выехал в следственный орган и прибыл туда в 23.29 час., что подтверждается представленной им справкой органа внутренних дел. По прибытии им была проведена консультация с доверителем. Он совместно с П. ознакомился с протоколом допроса П. в качестве свидетеля, а также с постановлением о возбуждении уголовного дела. Консультация заняла примерно 10 мин., и он со своей стороны разъяснил П. все, что мог, в частности, что он вправе пригласить защитника по соглашению. На это П. ответил, что адвоката у него нет, а на разъяснение положений ст. 51 Конституции РФ П. ответил, что вину признает, «все как есть, расскажет. Такова была его позиция». А. выяснял у П. время его фактического задержания, и единственное, что тот сказал: «Задержали, привезли в отдел». При этом ни времени, ни даты не назвал. Каких-либо серьезных повреждений на теле П. он не увидел, была небольшая ссадина на лице. На вопрос адвоката об источнике ее происхождения и о том, связано ли это с задержанием, П. ответил, что не связано, поэтому подавать какие-то жалобы не имелось оснований. После этого П. с его участием был допрошен в качестве подозреваемого и обвиняемого. Судебное решение адвокат А. не обжаловал, поскольку об этом имелось письменное поручение П. не делать этого, которое у него не сохранилось.

Рассматривая первое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что положения о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») применительно к участию в качестве защитника в уголовном судопроизводстве означают активную с момента вступления в дело реализацию адвокатом полномочий защитника, предусмотренных ст. 53 УПК РФ, в частности, на свидания с подозреваемым, обвиняемым, на ознакомление с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, на ознакомление с иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому, на заявление ходатайств, на принесение жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя.

Согласно пп. 3, 4, 5, 6 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (далее – Стандарт) (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (http://fparf.ru), а также в Вестнике Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57). С. 140–142),

содержащего минимальные требования к деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу, после вступления в уголовное дело адвокат должен разъяснить подзащитному право иметь сведение с защитником наедине и конфиденциально и принять меры к проведению такого свидания. В случае нарушения права подзащитного на свидание со стороны следователя адвокат должен принять меры к внесению в протокол следственного действия заявления об этом нарушении (п. 3). При этом в ходе первого свидания адвокат, в числе прочего, должен разъяснить доверителю право на приглашение защитника по соглашению (подп. «в» п. 4); выяснить обстоятельства задержания, производился ли допрос в отсутствие адвоката и применялись ли к доверителю незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий (подп. «г» п. 4); выяснить отношение к предъявленному обвинению и/или подозрению (подп. «д» п. 4); согласовать с подзащитным позицию по делу (п. 5). В случае признания подзащитным вины защитнику следует разъяснить подзащитному правовые последствия такого признания, а также по возможности убедиться, что признание вины совершается добровольно и не является самооговором.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и описано выше, протокол задержания П. по подозрению в совершении преступления был составлен в 23.50 час. 8 февраля 2026 г. в отсутствие какого-либо защитника, тогда как уже в 23.55 час. начался допрос П. в качестве подозреваемого с участием его защитника – адвоката А.

Согласно ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ в случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, его участие в составлении протокола задержания обязательно. Учитывая данное положение уголовно-процессуального закона, а также доводы жалобы П. о том, что адвоката А. ему представили после составления протокола задержания, Совет критически относится к объяснениям адвоката А. о времени его появления в следственном отделе и, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что он вступил в уголовное дело в качестве защитника П. в промежутке 23.50 час.– 23.55 час. 8 февраля 2026 г. В этот же период времени следователь уведомил П. и его защитника – адвоката А. о возбуждении уголовного дела и получил от П. заявление о том, что он не возражает против проведения следственных действий в ночное время.

Представленная адвокатом А. справка из ОМВД России по району З. г. Москвы о его прибытии в данное подразделение в 23.29 час. 8 февраля 2026 г. не свидетельствует об оказании адвокатом А. юридической помощи П. начиная с указанного времени. Из нее следует лишь то, что адвокат А. в указанное время прошел в здание ОМВД России, и при этом в 23.50 час. он в составлении упомянутого протокола не участвовал и юридическую помощь П. не оказывал. Ссылки адвоката А. на то, что он фактически присутствовал при составлении протокола задержания, однако следователь не внес его данные в протокол задержания, поскольку участие адвоката в этом процессуальном действии необязательно, Совет отклоняет как откровенно надуманные и противоречащие положениям п. 3 ч. 3 ст. 91, ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом А. профессиональных обязанностей перед доверителем П., поскольку за оставшийся от указанных пяти минут (23.50 час. –

23.55 час.) незначительный промежуток времени между задержанием П. и его допросом в качестве подозреваемого адвокат А. ни при каких обстоятельствах не имел возможности ознакомиться с протоколом допроса П. в качестве свидетеля и иными материалами, доступными ему на момент вступления в уголовное дело, пообщаться конфиденциально с доверителем и выполнить алгоритм действий, предусмотренный Стандартом и описанный выше.

Совет также отмечает, что в подтверждение своих доводов о выполнении этих требований адвокат А. ссылается на протоколы процессуальных действий, составленных следователем, а также на разъяснение следователем Г.Г. обвиняемому П. его права пригласить защитника по соглашению (при этом из текста данного документа следует, что право пригласить защитника было разъяснено П. после предъявления обвинения. – *Прим. Совета*). Вместе с тем приведенные выше положения Стандарта возлагают исполнение указанных в них обязанностей непосредственно на адвоката-защитника.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в необжаловании адвокатом А. постановления суда об избрании в отношении П. меры пресечения в виде заключения под стражу, Совет отмечает, что в соответствии с подп. 3 п. 4 абз. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат-защитник обязан обжаловать приговор, если суд не разделил позицию адвоката-защитника, а также при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам». «Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату» (абз. 2 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката). Вопрос о мере пресечения разрешается судом также и при постановлении приговора и является его составной частью (п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). В этой связи Совет отмечает, что приведенное выше требование подп. 3 п. 4 абз. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката распространяется и на судебные решения по вопросу об избрании, изменении и продлении меры пресечения.

Кроме того, в соответствии с п. 9 Стандарта адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного.

Из постановления З. районного суда от 10 февраля 2026 г. усматривается, что обвиняемый и его защитник в судебном заседании возражали против удовлетворения ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, указывали, что П. скрываться не намерен, имеет место жительства в г. Москве, просили отказать в удовлетворении ходатайства следователя и избрать меру пресечения в виде домашнего ареста по месту фактического жительства в квартире, которая принадлежит на праве собственности родителям П. Однако суд позицию П. и его защитника – адвоката А. не разделил, избрал в отношении П. меру пресечения в виде заключения под стражу.

Адвокат А. признает, что не подал апелляционную жалобу на указанное постановление суда, при этом не представил адресованного ему письменного заявления П. об отказе от его обжалования. Ссылка адвоката А. на имеющуюся в материалах дисциплинарного производства расписку П. об отказе от обжалования решения об избрании меры пресечения

не влияет на оценку его профессионального поведения, поскольку данная расписка дана суду первой инстанции и в ней содержится лишь позиция о нежелании П. самостоятельно обжаловать решение суда, а не поручение адвокату А. не подавать апелляционную жалобу на него.

При таких обстоятельствах адвокат А. был обязан обжаловать постановление упомянутого суда от 10 февраля 2026 г. об избрании в отношении П. меры пресечения в виде заключения под стражу, но не исполнил эту профессиональную обязанность, чем нарушил требования подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 4 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 9 Стандарта.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката А. в части рассмотренных дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его вину в указанных дисциплинарных нарушениях установленной.

Оценивая довод заявителя об отсутствии возражений адвоката А. относительно проведения следственных действий в ночное время, Совет отмечает, что в соответствии с ч. 3 ст. 164 УПК РФ производство следственных действий в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Наличие или отсутствие таких обстоятельств определяется следователем, а не адвокатом-защитником. При этом, как указано выше, П. письменно согласился на проведение с ним следственных действий в ночное время.

Дисциплинарное обвинение во вступлении адвоката А. в уголовное дело в качестве защитника по назначению до истечения 24-часового срока с момента фактического задержания П. также не нашло подтверждения в результате дисциплинарного производства, поскольку, как описано выше и признается самим заявителем, он был фактически задержан в 21.30 час. 7 февраля 2026 г., а адвокат А. вступил в дело в промежуток 23.50 час. – 23.55 час. 8 февраля 2026 г., т.е. по истечении 24 часов с момента фактического задержания П.

К такому же выводу Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит в отношении дисциплинарных обвинений в подписании адвокатом А. протоколов следственных действий, которые в действительности не проводились, а также во внепроцессуальном общении со свидетелями. В соответствии с подп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно не только указать в жалобе на обстоятельства, подтверждающие доводы жалобы, но также и подтвердить их соответствующими доказательствами. Вместе с тем каких-либо доказательств в подтверждение доводов жалобы в части данных дисциплинарных обвинений заявитель в материалы дисциплинарного производства не представил.

При этом Совет обращает внимание заявителя, что все протоколы следственных и иных процессуальных действий, произведенных с участием защитника – адвоката А., были подписаны им без замечаний. Не заявил П. о каких-либо нарушениях в указанной части и при рассмотрении судом ходатайства органа следствия об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. Адвокат А. в ходе дисциплинарного разбирательства настаивал на фактическом проведении следственных действий с участием П., факт внепроцессуального общения с кем-либо отрицал.

При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в части указанных

дисциплинарных обвинений подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката А. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их грубый и злостный характер, свидетельствующий о незнании либо умышленном игнорировании адвокатом основополагающих требований законодательства и профессиональной этики и сопряженный с наступлением негативных последствий для интересов доверителя. Такое профессиональное поведение Совет признает недопустимым для адвоката. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат А. имеет незначительный (менее года) стаж адвокатской деятельности, к дисциплинарной ответственности ранее не привлекался, вину в допущенных нарушениях частично признал, обязался пересмотреть свое отношение к исполнению профессиональных обязанностей.

При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату А. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет также считает необходимым указать адвокату А. на необходимость неукоснительного исполнения законодательно установленных обязанностей адвоката постоянно повышать свои знания и профессиональный уровень, а также исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (подп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату А. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 3, 4, 5, 6 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившееся в том, что при вступлении в уголовное дело он не ознакомился с протоколом допроса П. в качестве свидетеля и иными материалами, доступными ему на момент вступления в уголовное дело; до проведения первого допроса П. в качестве подозреваемого не провел с ним конфиденциального свидания, не разъяснил П. его процессуальные права, включая право на приглашение защитника по соглашению, не выяснил обстоятельства его задержания, производился ли допрос П. в отсутствие адвоката и применялись ли к П. незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий, не выяснил отношение П. к подозрению, не согласовал с ним позицию по делу, не разъяснил ему правовые последствия признания вины, а также не убедился в том, что признание П. вины совершается добровольно и не является самооговором;

– неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 4 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившееся в том, что, приняв 10 февраля 2026 г. участие в качестве защитника П. в судебном заседании З. районного суда г. Москвы по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании в отношении П. меры пресечения в виде заключения под стражу, он не обжаловал постановление этого суда от 10 февраля 2026 г. об избрании в отношении П. указанной меры пресечения в апелляционном порядке.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по жалобе П. от 1 апреля 2026 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.26. Адвокат получила предупреждение за то, что ввела доверителя в заблуждение относительно своего статуса, в котором она оказывала ей юридическую помощь, заключив с ней вместо соглашения об оказании юридической помощи договор от имени аффилированной организации, уклонившись от личной ответственности за надлежащее исполнение обязательств перед доверителем. Совет отметил, что адвокат, будучи одновременно руководителем адвокатского образования и участником коммерческой организации, обязан не допускать использования в документах этой организации наименования, сходного до степени смешения с наименованием адвокатского образования, в котором адвокат осуществляет профессиональную деятельность, поскольку такое смешение вводит потенциальных и реальных доверителей в заблуждение относительно правового статуса лица, оказывающего им юридическую помощь.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Ж. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П. от 21 марта 2026 г. и по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… от 12 мая 2026 г. в отношении адвоката Ж.

Квалификационная комиссия 10 июня 2026 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Ж. положений подп. 1, 2 ст. 1, ст. 5, подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 15 ст. 22 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, во взаимосвязи с Разъяснением Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по отдельным вопросам, связанным с заключением адвокатом соглашения об оказании юридической помощи в пользу лица, назначенного стороной соглашения, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 18 июня 2024 г. (Протокол № 14), выразившемся в намеренном введении П. в заблуждение относительно лица, которое будет оказывать ей юридическую помощь и уклонении от профессиональной от-

ветственности путем использования аффилированного адвокату Ж. ООО «…» (ИНН № 1), с которым П. заключила Договор № … на правовое обслуживание граждан от 24 января 2024 г. вместо заключения соглашения об оказании юридической помощи с самим адвокатом Ж., а также в оказании адвокатом Ж. юридической помощи по представлению интересов П. в О. городском суде Московской области по гражданским делам № 2024 и № 2025 не на основании соглашений об оказании юридической помощи, заключенных с П., а через заключение с упомянутым ООО «…», участником которого являлась адвокат Ж., Рамочного соглашения об оказании юридической помощи от 1 июля 2021 г. и семи дополнительных соглашений к нему;

2) о нарушении адвокатом Ж. положений подп. 1, 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с ч. 5 ст. 53 ГПК РФ, выразившемся в том, что она представляла интересы истца П. в О. городском суде Московской области по указанным гражданским делам, действуя на основании только доверенности, не представив суду ордер адвоката;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ж. по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Помимо этого, Квалификационная комиссия 10 июня 2026 г. вынесла Заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ж. по жалобе П. от 21 марта 2026 г., в части дисциплинарных обвинений (1) о намеренном введении в заблуждение П. относительно того, с кем она заключает договор об оказании юридической помощи и кто ей оказывает юридическую помощь; (2) в уклонении адвоката Ж. от заключения соглашения об оказании юридической помощи с П. и (3) в представлении интересов П. в О. городском суде Московской области по упомянутым гражданским делам на основании только доверенности, без предъявления суду ордера адвоката, вследствие состоявшегося 10 июня 2026 г. Заключения Квалификационной комиссии по дисциплинарному производству в отношении адвоката Ж. по тому же предмету и основанию;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ж., вследствие отзыва заявителем П. поданной ею жалобы.

Совет, руководствуясь п. 2.1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, объединил дисциплинарные дела, возбужденные Президентом Адвокатской палаты города Москвы по жалобе П. и по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… для рассмотрения в одном дисциплинарном производстве ввиду взаимосвязанности их обстоятельств.

Заявитель П., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, письменно подтвердила факты заключения 23 мая 2026 г. мирового соглашения между ней и ООО «…» и возврата ей денежных средств в связи с расторжением договора, а также подтвердила отзыв своей жалобы от 21 марта 2026 г. Письмом от 17 августа 2026 г. заявитель П. повторно подтвердила все указанные факты, а также пояснила, что с адвока-

том Ж. была знакома с 2017 г. и именно поэтому обращалась в ООО «…», зная, что в офисе этой организации у адвоката Ж. был кабинет. Подтвердила, что в обоих гражданских делах ордера Ж. отсутствуют. Просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие.

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившейся заявителя П.

Адвокат Ж. представила письменные «Пояснения по Заключению Квалификационной комиссии», в которых она поддержала свои ранее изложенные объяснения, изложенные в обоих Заключениях Квалификационной комиссии и пояснила, что сделала выводы из сложившейся ситуации и теперь, следуя Разъяснениям Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, выясняет у назначенного лица, по каким причинам это лицо не заключает соглашение напрямую с адвокатом, а также разъясняет назначенному лицу объем поручения, которое доверитель по соглашению поручил ей осуществлять в отношении назначенного лица. Сообщает, что ею были оформлены ордера на представление интересов П. в О. городском суде Московской области от 1 августа 2024 г., от 23 марта и 8 апреля 2025 г., однако суду они не представлялись и в делах отсутствуют. Считает, что ее участие в оказании помощи П. через соглашения с ООО «…» никак не освобождает ее от ответственности как адвоката перед этим лицом, но в таком случае она должна привлекаться к ответственности за действительно допущенные нарушения, а не в связи с якобы имевшим фактом введения П. в заблуждение при заключении ею договора с иным лицом. Считает, что не вводила П. в заблуждение, поскольку та сама обратилась за помощью в ООО «…» и заключила соглашение с этой организацией, которая, в свою очередь, привлекла к оказанию юридической помощи ее (адвоката Ж.). Подтверждает, что вышла из состава участников ООО «…».

Кроме того, в Адвокатскую палату города Москвы поступили «прошения» адвокатов Б. и Ч. В обоих «прошениях» их авторы положительно характеризуют адвоката Ж. и просят это учесть при разрешении дисциплинарного производства.

Адвокат Ж. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключений Квалификационной комиссии. С прекращением дисциплинарного производства по жалобе П. согласилась, подтверждает заключение между П. и ООО «…» мирового соглашения. С выводами Квалификационной комиссии по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… согласилась частично, подтвердила свои письменные возражения. Дополнительно пояснила, что ранее П. являлась заказчиком услуг по иным договорам с ООО «…», и договор, в связи с которым ею подана жалоба, был уже четвертым. Соответственно, она понимала, что заключает договор с данной организацией. В течение всего периода сотрудничества П. общалась с сотрудниками ООО «…», это видно из представленных ею документов. А она, адвокат Ж., подключилась уже во время исполнения четвертого договора. На стадии заключения договора П. с ней не общалась.

Отвечая на вопросы членов Совета, подтвердила, что считает П. своим доверителем в понимании законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, однако она вела дело П. как приглашенный ООО «…» специалист. Признает свою ответственность за то, что не прояснила ей этот свой статус. Она проговаривала с П., какие действия будет

выполнять, но, возможно, та ее не услышала. В частности, с П. оговаривалось, что поскольку у нее договор с ООО «…», то в судебных заседаниях будут участвовать именно сотрудники этой организации. При этом не отрицает, что была исполнителем по договору ООО «…» с П., и именно в таком качестве она указана в отчете ООО «…» об оказанных услугах по договору от 24 января 2024 г. Ордера, которые были оформлены, уже сданы в архив, она действительно не представляла их в ходе дисциплинарного производства. Не отрицает свою аффилированность с ООО «…» в период оказания юридической помощи П., с которой действительно знакома примерно с 2017–2018 г. У П. был ее телефон, она могла без проблем с ней связаться, но, тем не менее, она обратилась в ООО «…». Считает, что это был ее выбор исполнителя по ее юридическому вопросу. На основании соглашения с ООО «…» от 2021 г. она до сих пор принимает поручения от этой организации. Ее привлекают на основании дополнительных соглашений для заказчиков ООО «…», и она как адвокат оказывает квалифицированную юридическую помощь гражданам. Она разъясняет доверителям возможность заключить соглашения непосредственно с ней как с адвокатом, но они отвечают, что у них уже есть договор с ООО «…», по которому они внесли оплату юридических услуг.

С Разъяснением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 18 июня 2024 г. в отношении деятельности адвокатов через коммерческие организации, которая может влечь за собой подрыв доверия, она полностью согласна и понимает, что должна привести свою деятельность в соответствие с ним. Признает, это была ее ошибка – заключать соглашения с ООО «…», являясь его участником. Текущей деятельностью этой организации она не занималась и не знала, что П. обратилась в эту организацию за юридической помощью в январе 2024 г. Узнала об этом только в марте 2024 г., когда ее привлекли к исполнению поручения сотрудники ООО «…».

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката Ж., в целом соглашается с Заключениями Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела. Вместе с тем Совет считает необходимым скорректировать некоторые выводы Квалификационной комиссии, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

1 июля 2021 г. адвокат Ж., являющаяся председателем Московской коллегии адвокатов «…адвокатов», заключила с ООО «…» (ИНН № 1) в лице генерального директора К. соглашение об оказании юридической помощи, приняв на себя обязательства:

– оказывать консультационные юридические услуги, в том числе, но не ограничиваясь, предоставлять консультации по вопросам в различных отраслях права, вопросам бухгалтерского и налогового учета;

– проводить анализ законодательства и правоприменительной практики;

– составлять юридические информационные меморандумы и заключения на русском и английском языках по российскому праву, разрабатывать проекты юридических документов;

– участвовать в переговорах с доверителем, проводить переговоры с третьими лицами по поручению доверителя, учитывать комментарии доверителя на проекты предоставляемых меморандумов;

– «представлять интересы доверителя, третьих лиц по поручению доверителя в арбитражных судах и судах об-

щей юрисдикции при рассмотрении дел по существу, а также в апелляционной и кассационной инстанциях по искам, связанным с исполнением договоров об оказании юридических услуг доверителем и по его поручению».

Пунктом 1.2 указанного соглашения предусмотрено, что перечень конкретных договоров и судебных дел, по которым адвокат будет представлять интересы доверителя ООО «…», определяется сторонами в дополнительных соглашениях.

При этом адвокат Ж. с 31 марта 2021 г. по 5 июня 2026 г. являлась участником ООО «…» с долей от 50 до 35% в разные периоды, т.е. аффилированным этому Обществу и контролирующим его лицом.

С 10 сентября 2024 г. в производстве О. городского суда Московской области находилось гражданское дело № 2024 по иску П. (представитель истца – Ж.) к К.Л., СНТ «…» по спору, связанному с земельными правоотношениями. По делу было проведено пять судебных заседаний. В судебные заседания 4 и 12 декабря 2024 г. истец и его представитель не явились, в связи с чем иск оставлен судом без рассмотрения.

С 11 февраля 2025 г. в производстве того же суда находилось гражданское дело № 2025 по иску П., П.Н., П.Ю., П.Е., действующей в своих интересах и в интересах несовершеннолетней П.А. (представитель истцов – Ж.), к Х., СНТ «…» по аналогичному спору, связанному с земельными правоотношениями. По делу было проведено три судебных заседания. В судебные заседания 8 и 11 апреля 2025 г. истцы и их представитель не явились, в связи с чем иск оставлен без рассмотрения.

Согласно пояснениям заявителя П. 24 января 2024 г. она обратилась к адвокату Ж. за юридической консультацией по вопросу отсутствия у нее как у собственника земельного участка доступа к счетчикам и автоматам электроэнергии. Консультация проходила в офисе ООО «…» и была проведена помощником адвоката Ж. По результатам консультации заявительнице было предложено заключить договор на ведение дела в суде. Между П. и ООО «…» был заключен Договор № … на правовое обслуживание граждан от 24 января 2024 г., согласно которому исполнитель (ООО «…») принял на себя обязанности «разработать правовую позицию по запросу заказчика; подготовить по запросу заказчика проект искового заявления по земельному вопросу; представлять интересы заказчика в суде первой инстанции». Договор предусматривал привлечение третьих лиц в качестве представителей в целях исполнения поручения.

В дальнейшем на отдельные действия в рамках дела П. были подписаны семь дополнительных соглашений к нему, а именно: от 20 марта, 1 августа 2024 г., 12 января, 23 и 25 марта, 15 мая и 1 июня 2025 г. Каждое из дополнительных соглашений предусматривало отдельную оплату.

В результате дисциплинарного разбирательства также установлено, что в рассматриваемый период по адресу… были зарегистрированы следующие юридические лица: ООО «…» (ИНН № 1), которое создано 25 марта 2010 г.; с 31 марта 2021 г. его участниками стали К. (размер доли – …) и Ж. (размер доли – …); ООО «…» (ИНН № 2), которое создано 3 сентября 2021 г. учредителями К. (размер доли – …) и Ж. (размер доли – …).

По утверждению заявителя, с момента заключения между нею и ООО «…» упомянутого договора на правовое обслуживание граждан от 24 января 2024 г. юридическую помощь ей оказывала только адвокат Ж., сообщившая ей, что является фактическим руководителем ООО «…», и все вопросы по ведению дела будут ре-

шаться ею лично. Заявителем была выдана доверенность адвокату Ж. на представление интересов П. в суде.

Как впоследствии выяснила заявитель, адвокат Ж. не явилась в судебные заседания 4 и 12 декабря 2024 г., поэтому суд оставил исковое заявление без рассмотрения. По другому гражданскому делу адвокат Ж. также не явилась в судебные заседания 8 и 11 апреля 2025 г., в связи с чем суд оставил и это исковое заявление без рассмотрения. Об указанных неявках в судебные заседания адвокат Ж. ее не предупредила, и она узнала об оставлении ее искового заявления без рассмотрения только 21 июня 2025 г. на общем собрании членов СНТ. Адвокат Ж. длительное время не информировала ее о движении гражданского дела и об оставлении иска без рассмотрения. Только 23 июня 2025 г. адвокат Ж. вышла на связь и предложила в третий раз подать исковое заявление в суд.

В своей жалобе П. выдвинула в отношении адвоката Ж. следующие дисциплинарные обвинения:

1) ввела ее в заблуждение относительно статуса исполнителя ООО «…» по договору, на бланке которого указано наименование «…» с расшифровкой «…адвокатов» («использовано слово «адвокат» в названии юридического лица, не являющегося адвокатским образованием);

2) представляла интересы заявителя в О. городском суде Московской области по гражданским делам № 2024 и № 2025 без указания статуса адвоката и без предоставления ордера;

3) не заключила с П. соглашение об оказании юридической помощи;

4) не согласовала правовую позицию с заявителем;

5) не явилась в судебные заседания по гражданскому делу № 2024, в связи с чем исковое заявление было оставлено судом без рассмотрения;

6) без согласия заявителя привлекла к оказанию юридической помощи адвоката Б.

Адвокат Ж. в ходе дисциплинарного разбирательства пояснила, что не принимала никаких поручений от П. и не заключала с ней никаких соглашений, не консультировала ее на момент заключения ею договора с ООО «…». У нее также нет никаких помощников, которые от ее имени могли бы проводить консультацию. Она не является руководителем ООО «…». Между ней и этим ООО заключено соглашение об оказании юридической помощи от 1 июля 2021 г., согласно которому она «оказывает в том числе юридические услуги в пользу третьих лиц по поручению доверителя в лице ООО "…"». 20 марта 2024 г. ООО «…» обратилось к ней с целью оказания юридической помощи П., о чем между ООО «…» и ею (адвокатом Ж.) было заключено соответствующее соглашение. Она связалась с П., обсудила с ней возникшую правовую проблему и предложила план действий. Далее она сообщила этот план уполномоченному сотруднику ООО «…», которое поручило ей осуществить подготовку и подачу в суд искового заявления П. Все подготовленные ею документы были согласованы с П., которая выдала ей доверенность от 1 июня 2023 г. с правом представления ее интересов в суде, включая подписание искового заявления. У нее отсутствовало поручение ООО «…» на представление интересов П. в суде после подачи искового заявления, в связи с чем она не может дать никакой оценки тому, как рассматривалось указанное исковое заявление в этот период. От сотрудников ООО «…» ей стало известно об оставлении искового заявления без рассмотрения. По поручению ООО «…» и по согласованию с заявителем она повторно направила в суд исковое заявление П.

В ходе рассмотрения искового заявления П. в 2025 г. судом был поставлен на обсуждение вопрос о необходимости проведения по делу судебной землеустроительной экспертизы, в связи с чем ею было подготовлено соответствующее ходатайство, которое было согласовано с П. Также с ней обсуждалась возможность мирного урегулирования спора. По согласованию с П. второе исковое заявление также было оставлено судом без рассмотрения с целью мирного внесудебного урегулирования спора. Далее она по согласованию с П. и ООО «…» предприняла действия для такого урегулирования. Ответчики предложили способ урегулирования, с которым П. полностью согласилась.

12 мая 2026 г. вице-президент Адвокатской палаты города Москвы… внес президенту Адвокатской палаты города Москвы представление от 12 мая 2026 г., в котором, в частности, указал следующее.

Описанные в жалобе П. обстоятельства свидетельствуют не только о ненадлежащем исполнении адвокатом Ж. профессиональных обязанностей перед доверителем, но и о несоблюдении иных профессиональных обязанностей, установленных нормами законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и корпоративными нормативными актами.

П. обратилась за квалифицированной юридической помощью к адвокату Ж. и с полной уверенностью в этом заключила договор с ООО «…», в том числе потому, что этот договор был исполнен на фирменном бланке, на котором было, в частности, указано: «…адвокатов». Однако в ходе оказания юридической помощи адвокат Ж. ордер адвоката суду не представила, подписывала процессуальные документы без указания своего статуса адвоката, действовала только как представитель по доверенности, которая была ей выдана П., и без заключения с ней соглашения об оказании юридической помощи. Таким образом, адвокат Ж. ввела П. в заблуждение относительно своего статуса, в котором она оказывала ей юридическую помощь, заключив с ней вместо соглашения об оказании юридической помощи договор от имени ООО «…».

Адвокат Ж., уклонившись от заключения соглашения об оказании юридической помощи с П., обратившейся к ней именно как к адвокату, вместо этого использовала аффилированное ей и контролируемое ею ООО «…» в качестве поставщика юридической помощи. Кроме того, этими действиями адвокат Ж. уклонилась от личной ответственности за надлежащее исполнение обязательств перед доверителем.

Адвокат Ж. сама лишила П., обратившуюся к ней за юридической помощью именно как к адвокату, возможности заключить соглашение об оказании такой помощи непосредственно между адвокатом и доверителем. На фирменном бланке, на котором исполнен текст соглашения, заключенного с П., указано как наименование ООО «…», так и «…адвокатов». Использование в наименовании общества с ограниченной ответственностью термина «адвокат» в соответствии со ст. 5 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не допускается.

Обстоятельства дела в их совокупности свидетельствуют о намеренном введении адвокатом Ж. в заблуждение П. и других доверителей с использованием их доверия к себе как к адвокату. Данные действия (бездействие) адвоката Ж. являются длящимися, они не были прекращены ею после утверждения Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 18 июня 2024 г. (Протокол № 14) Разъяснений Комиссии

по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и опубликования их на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и продолжаются до настоящего времени.

Адвокат Ж. ордер в установленном порядке не оформила, а подписала как представитель П. уточненное исковое заявление от 24 ноября 2024 г. и исковое заявление от 2025 г. (без указания числа и месяца) и подала их в О. городской суд Московской области на основании доверенности без указания статуса адвоката; участвовала в судебном заседании в этом суде 24 марта 2025 г. как представитель П. на основании доверенности и паспорта, без предъявления ордера и удостоверения адвоката.

По мнению автора представления, «введение доверителя в заблуждение и уклонение от профессиональной ответственности путем использования адвокатом аффилированной коммерческой организации, расположенной в одном здании, бланков с двойным наименованием – аффилированной коммерческой организации и адвокатского образования, в котором адвокат осуществляет свою профессиональную деятельность и которое возглавляет, заключение соглашений об оказании юридической помощи не с доверителем, а с этим аффилированным обществом, дробление предмета поручения на отдельные юридически значимые действия путем заключения отдельных дополнительных соглашений на совершение каждого из них, создает недопустимое состояние неопределенности, снижает уровень гарантий лицу, которому адвокат оказывает юридическую помощь, способствует возникновению у него недоверия как к конкретному адвокату, так и к адвокатуре в целом, а также создает условия для уклонения самого адвоката от ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) профессиональных обязанностей. При таких обстоятельствах описанные действия (бездействие) адвоката Ж. подлежат проверке на соответствие требованиям законодательства и профессиональной этики в процедуре дисциплинарного производства».

28 мая 2026 г. в Адвокатскую палату города Москвы от заявителя П. поступило заявление, в котором она указала, что отказывается от своей жалобы в связи с мирным урегулированием спора, возвратом денежных средств в полном объеме и отсутствием претензий к адвокату Ж., а также просит прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Ж.

Оценивая выдвинутые против адвоката Ж. дисциплинарные обвинения, Совет отмечает следующее.

Несмотря на то, что договор от 24 января 2024 г. П. заключила с ООО «…», фактически вся юридическая помощь по ее правовой проблеме оказывалась ей адвокатом Ж., которая:

– подготовила и подписала в качестве представителя истца П. по доверенности уточненное исковое заявление от 8 ноября 2024 г. в О. городской суд Московской области по гражданскому делу № 2024;

– подготовила и 11 февраля 2025 г. подала в тот же суд исковое заявление П., П.Н., П.Ю., П.Е., действующей в своих интересах и в интересах несовершеннолетней П.А., к Х., СНТ «…» об определении границ земельного участка, обязании демонтировать забор, нечинении препятствий в доступе к столбу линий электропередачи, подписав его как представитель истцов по доверенности (гражданское дело № 2025);

– 24 марта 2025 г. приняла участие в судебном заседании по гражданскому делу № 2025 в качестве представителя истцов (в том числе истца П.) по доверенности;

– 28 мая 2025 г. подготовила и направила П. заявление о демонтаже забора и заявление в СНТ «…».

Кроме этого, адвокат Ж. вела с П. переписку, информируя ее о ходе рассмотрения гражданских дел, обсуждала обстоятельства спора, консультировала ее по другим правовым вопросам.

Однако адвокат Ж. не заключала никаких соглашений об оказании юридической помощи непосредственно с П., а работала с ней на основании выданной П. доверенности, а также соглашения об оказании юридической помощи от 1 июля 2021 г. между адвокатом Ж. и ООО «…» и семи дополнительных соглашений к нему.

При таких обстоятельствах, достоверно установленных в результате дисциплинарного разбирательства, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией и вопреки позиции адвоката Ж., признает установленным, что П., заключая с ООО «…» договор на правовое обслуживание граждан от 24 января 2024 г., в верхней части которого указано «…адвокатов», изначально намеревалась воспользоваться правовой помощью именно адвоката Ж., а не каких-либо сотрудников указанного юридического лица. При этом построение правоотношений с доверителем П. через аффилированное с Ж. ООО «…» было навязано доверителю самой адвокатом Ж.

Совет отмечает, что адвокат Ж., будучи одновременно председателем Московской коллегии адвокатов «…адвокатов» и участником ООО «…», обязана была не допускать использования в документах указанной коммерческой организации наименования, сходного до степени смешения с наименованием коллегии адвокатов, в которой она осуществляет свою профессиональную деятельность, поскольку такое смешение вводит потенциальных и реальных доверителей в заблуждение относительно правового статуса лица, оказывающего им юридическую помощь. Совет подчеркивает, что адвокат Ж. как профессиональный советник по правовым вопросам со стажем адвокатской деятельности около 15 лет и руководитель адвокатского образования не могла не осознавать недопустимость такого смешения и его негативные последствия для доверителей, однако намеренно допустила его.

Согласно Разъяснениям Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по отдельным вопросам, связанным с заключением адвокатом соглашения об оказании юридической помощи в пользу лица, назначенного стороной соглашения, утвержденным Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 18 июня 2024 г. (Протокол № 14), модель оформления договорных отношений, при которой адвокат заключает соглашение об оказании юридической помощи в пользу назначенного лица со стороной, в свою очередь, заключившей договор об оказании юридических услуг назначенному лицу, может не соответствовать критериям оказания адвокатом юридической помощи назначенному лицу (п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», абз. 3 п. 1 ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката). Является недопустимым использование модели оформления договорных отношений, нарушающей требования Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката, а также направленной на обход таких требований и (или) понижающей уровень гарантий лица, которому адвокат будет оказывать юридическую помощь непосредственно. Подобные действия могут свидетельствовать о нарушении, в частности, п. 2 ст. 5 Кодекса професси-

ональной этики адвоката, согласно которому адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.

Адвокат Ж. в силу подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката была обязана руководствоваться приведенным разъяснением, в том числе выстраивая свои отношения с заявителем П., однако не исполнила и эту свою обязанность.

По этим причинам Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокатом Ж. намеренно создана и применяется искусственная юридическая конструкция отношений с доверителями, которым она фактически оказывает юридическую помощь, через заключение доверителями договоров с аффилированным и подконтрольным ей ООО «…» (ИНН № 1). Эта конструкция по своему существу противоречит Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и, помимо очевидной цели минимизации адвокатом Ж. налоговых обязательств, направлена на создание доверителям препятствий в реализации их прав и использовании средств правовой защиты, предусмотренных указанным федеральным законом и Кодексом профессиональной этики адвоката, а также на создание условий для уклонения самой адвоката Ж. от профессиональной ответственности за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей и требований профессиональной этики.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что описанная недопустимая конструкция правоотношений с доверителями была выстроена именно адвокатом Ж., вне разумных сомнений осознающей как обязательность заключения адвокатом соглашения об оказании юридической помощи с обратившимся к нему доверителем, так и то, что несоблюдение этого требования и заключение доверителем договора с подконтрольным адвокату Ж. ООО «…» направлено именно на создание условий для ее уклонения от персональной профессиональной ответственности как адвоката.

Существенно и то, что соглашение об оказании юридической помощи от 1 июля 2021 г., заключенное адвокатом Ж. с аффилированным и подконтрольным ей ООО «…» (ИНН № 1), является рамочным договором, поскольку определяет лишь общие условия взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены путем заключения отдельных договоров. Таким образом, даже это соглашение, к тому же заключенное с подконтрольным лицом, не создает реальных условий для профессиональной ответственности Ж. в качестве адвоката. Заключая в дальнейшем с ООО «…» дополнительные соглашения к указанному соглашению от 1 июля 2021 г. в связи с обращением П., адвокат Ж. не могла не понимать, что предмет поручения П. искусственно дробится на отдельные юридически значимые действия (подготовка правовой позиции, подготовка искового заявления, подготовка одного ходатайства, участие в одном судебном заседании и так далее), а к оказанию юридической помощи по гражданскому делу № 2024 привлекаются иные лица – Б. и Т. Между тем доверитель П. нуждалась в юридической помощи именно адвоката Ж. для профессионального ведения ее гражданских дел и в переписке обсуждала с адвокатом Ж. юридическую помощь именно этого характера и объема, а не вопросы содействия в совершении отдельных разовых юридических действий. Такой подход адвоката Ж. к исполнению поручения доверителя дополнительно снижает га-

рантии получения доверителем квалифицированной юридической помощи и создает дополнительные условия для уклонения адвоката от персональной профессиональной ответственности за надлежащее оказание такой помощи.

Кроме того, принимая поручение на оказание юридической помощи от П. через подконтрольное адвокату Ж. юридическое лицо на основании Рамочного соглашения об оказании юридической помощи от 1 июля 2021 г. и дополнительных соглашений к нему, адвокат Ж., помимо прочего, незаконно уклонилась от исполнения обязанности по формализации отношений с указанным доверителем и по регистрации в адвокатском образовании соглашения на оказание П. юридической помощи.

Совокупностью описанных действий адвокат Ж. подорвала доверие П. к себе как адвокату.

Наличие у адвоката Ж. и реализация ею описанным способом цели уклонения от персональной профессиональной ответственности перед доверителем дополнительно подтверждаются и тем обстоятельством, что претензии П. в связи с ненадлежащим оказанием ей юридической помощи адвокатом Ж. были урегулированы (включая возврат выплаченного вознаграждения) не лично последней, а от имени ООО «…».

Обращаясь к вопросу о квалификации профессионального поведения адвоката Ж., Совет отмечает, что она действительно не скрывала от заявителя свой статус адвоката. Однако, учитывая, что П., в отличие от адвоката Ж., не является профессиональным участником правоотношений адвокат–доверитель и не обладает необходимыми познаниями об объеме и содержании профессиональных обязанностей адвоката, описанное профессиональное поведение (действия и бездействие) адвоката Ж. со всей очевидностью свидетельствует, что она действовала в обход обязательных правил осуществления адвокатской деятельности и своих профессиональных обязанностей как адвоката. Такое профессиональное поведение не может быть признано оказанием правовой помощи в рамках адвокатской деятельности. По этой причине Совет не соглашается с Квалификационной комиссией, не усмотревшей в поведении адвоката Ж. нарушения п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката. Отсутствие соглашения с доверителем об оказании правовой помощи, непредставление в суд ордеров, дистанцирование от заявителя посредством вовлечения в их отношения посредника в лице подконтрольного ООО «…» и целый ряд иных действий, описанных выше, подтверждают уклонение адвоката Ж. от соблюдения профессиональных правил и требований, предписанных законодательством об адвокатуре и адвокатской деятельности, и тем самым выведение ею своего профессионального поведения за рамки адвокатской деятельности. Совет в этой связи подчеркивает, что запрет на оказание правовой помощи (юридических услуг) вне рамок адвокатской деятельности, предусмотренный п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, вовсе не сводится к недопустимости сокрытия адвокатом наличия у него такого статуса. Этот запрет, безусловно, распространяется в том числе и на описанное профессиональное поведение адвоката Ж.

В то же время Совет, признавая правильной предложенную Квалификационной комиссией квалификацию профессионального поведения адвоката Ж. как нарушающего в том числе требования п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката с указанием на подрыв ею доверия к себе как к адвокату, а также и к адвокатуре, считает, что этой квалификацией охватывается и установленный факт умышленного обхода адвокатом Ж.

профессиональных правил и профессиональных обязанностей адвоката. По этой причине Совет приходит к выводу о том, что в данном конкретном случае дополнительная квалификация профессионального поведения адвоката Ж. как нарушающего требования п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката не является необходимой, и вместе с тем отсутствуют основания для прекращения дисциплинарного производства в данной части.

На основании изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом Ж. при описанных обстоятельствах требований подп. 1, 2 ст. 1, ст. 5, подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 15 ст. 22 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснением Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по отдельным вопросам, связанным с заключением адвокатом соглашения об оказании юридической помощи в пользу лица, назначенного стороной соглашения, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 18 июня 2024 г. (Протокол № 14).

Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ж. в части данного дисциплинарного обвинения опровергнутой, а ее умышленную вину в данном дисциплинарном нарушении установленной.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в представлении адвокатом Ж. интересов П. в О. городском суде Московской области по гражданским делам № 2024 и № 2025 по доверенности, без указания статуса адвоката и без предъявления ордеров. Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и описано выше, ордера на представление интересов П. по указанным гражданским делам адвокат Ж. в суд не представляла. В числе приложений к поданному в суд адвокатом Ж. исковому заявлению, подтверждающих ее полномочия как представителя, указана лишь доверенность, ордер среди приложений отсутствует. Отсутствует указание на приложение ордера адвоката и сам ордер также и в уточненном исковом заявлении от 8 ноября 2024 г. по гражданскому делу № 2024. Кроме того, из протокола судебного заседания от 24 марта 2025 г. следует, что представитель истцов – Ж. действует на основании доверенности. Таким образом, ордера, выданные в установленном порядке адвокатским образованием на представление интересов П. по гражданским делам № 2024 и № 2025, адвокат Ж. в О. городской суд Московской области не представляла.

Довод адвоката Ж. о том, что «ордера были выписаны», не влияет на оценку ее профессионального поведения, поскольку обязанность адвоката заключается не в том, чтобы просто «выписать ордер», а в том, чтобы надлежащим образом оформленный ордер был представлен суду. В этой связи Совет вновь констатирует, что адвокат Ж., имеющая значительный профессиональный стаж и являющаяся руководителем адвокатского образования, не может не осознавать данного обстоятельства. Кроме того, ее утверждение о том, что «ордера были выписаны», даже несмотря на указание их номеров и дат выдачи, является голословным, поскольку эти ордера не были ею представлены и в ходе дисциплинарного разбирательства.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с Квалификационной комиссией, пришедшей к выводу о нарушении адвокатом Ж. при описанных обстоятельствах требований подп. 1, 2 ст. 6

Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с ч. 5 ст. 53 ГПК РФ.

В связи с объединением Советом дисциплинарных производств в отношении адвоката Ж., возбужденных по жалобе П. и по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… отсутствуют основания для прекращения дисциплинарного производства, возбужденного по жалобе П., в части рассмотренных выше дисциплинарных обвинений по основанию, предусмотренному подп. 3 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В остальной части дисциплинарных обвинений, выдвинутых заявителем П. по поводу качества оказанной ей юридической помощи (неявки адвоката Ж. в судебные заседания 4 и 12 декабря 2024 г. и 4 и 11 апреля 2025 г.; непредоставление информации о ходе исполнения поручения; несогласование позиции по гражданским делам; избрание неверного способа защиты прав заявителя; бездействие; привлечение к оказанию юридической помощи адвоката Б. без согласия заявителя), дисциплинарное производство подлежит прекращению, поскольку, как указано выше, П. письменным заявлением от 28 мая 2026 г. отозвала свою жалобу, сообщив о мирном урегулировании спора, возврате ей денежных средств в полном объеме и отсутствии претензий к адвокату Ж.

Согласно п. 7 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката отзыв жалобы, представления, обращения либо примирение адвоката с заявителем, выраженные в письменной форме, возможны до принятия решения Советом и могут повлечь прекращение дисциплинарного производства на основании Заключения Квалификационной комиссии. Заявителем П. соблюдена письменная форма отзыва жалобы, оснований для сомнений в добровольности и достоверности ее волеизъявления Совет не усматривает.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ж. за совершенные ею дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их умышленный, грубый и системный характер. Подобное недобросовестное профессиональное поведение адвоката Ж., повлекшее существенное нарушение прав доверителя и причинившее вред авторитету адвокатуры, Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат Ж. частично признала вину в совершенных нарушениях, приняла меры к их устранению (хотя и недостаточные), выйдя из состава участников ООО «…», действующих дисциплинарных взысканий не имеет. Кроме того, Совет учитывает, что заявителю П. были возвращены денежные средства, выплаченные ею за оказание юридической помощи, жалоба на адвоката Ж. ею отозвана. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Ж. возможность пересмотреть и должным образом скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет считает необходимым указать адвокату Ж. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной обязанности постоянно совершенствовать профессиональные знания самостоятельно и повышать профессиональный уровень в установленном порядке, а также ис-

полнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (подп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 4 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ж. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– нарушение требований подп. 1, 2 ст. 1, ст. 5, подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 15 ст. 22 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснением Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по отдельным вопросам, связанным с заключением адвокатом соглашения об оказании юридической помощи в пользу лица, назначенного стороной соглашения, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 18 июня 2024 г. (Протокол № 14), выразившееся в намеренном введении П. в заблуждение относительно лица, которое будет оказывать ей юридическую помощь и уклонении от профессиональной ответственности путем использования аффилированного адвокату Ж. ООО «…» (ИНН № 1), с которым П. заключила договор на правовое обслуживание граждан от 24 января 2024 г. вместо заключения соглашения об оказании юридической помощи с самой адвокатом Ж., а также в оказании ею юридической помощи по представлению интересов П. в О. городском суде Московской области по гражданским делам № 2024 и № 2025 не на основании соглашений об оказании юридической помощи, заключенных с П., а через заключение с ООО «…» (ИНН № 1), участником которого она (адвокат Ж.) являлась, Рамочного соглашения об оказании юридической помощи от 1 июля 2021 г. и семи дополнительных соглашений к нему (от 20 марта, 1 августа 2024 г., 12 января, 23 и 25 марта, 15 мая и 1 июня 2025 г.);

– нарушение требований подп. 1, 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с ч. 5 ст. 53 ГПК РФ, выразившееся в том, что она представляла интересы истца П. в О. городском суде Московской области по гражданским делам № 2024 и № 2025, действуя на основании только доверенности, не предоставив суду ордер адвоката.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ж. по жалобе П., вследствие отзыва заявителем поданной ею жалобы.

1.27. Адвокат лишен статуса за то, что принял и исполнял поручение доверителя о представлении его интересов как процессуального оппонента своего бывшего доверителя, при этом сообщил суду недостоверные сведения в целях создания у суда негативного впечатления о своем бывшем доверителе.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката П. и заявителя М.Е. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе М.Е. от 10 апреля 2026 г. в отношении адвоката П.

Квалификационная комиссия 10 июня 2026 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом П. взаимосвязанных предписаний подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, подп. 1, 10 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему; адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя; адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката), выразившемся в том, что адвокат П. совершил подрывающие доверие к нему действия, направленные против законных интересов его бывшего доверителя М.Е., а именно:

– принял и с апреля 2024 г. по май 2026 г. исполнял поручение М.Н., представляя его как процессуального оппонента своего бывшего доверителя – М.Е. при рассмотрении Ч. районным судом г. Москвы гражданского дела по иску М.Н. об ограничении родительских прав М.Е., в том числе в ходе судебного заседания, состоявшегося 1 ноября 2025 г., в целях создания у суда негативного впечатления о М.Е. поддержал ходатайство истца М.Н. об истребовании в ГБУЗ… ДЗМ копий медицинских документов М.Е. с указанием диагноза и назначенного ей лечения и сообщил суду недостоверные и порочащие М.Е. сведения о том, что она состоит на учете в психоневрологическом диспансере;

– принял и с августа 2025 г. по май 2026 г. исполнял поручение М.Н., представляя его как процессуального оппонента своего бывшего доверителя – М.Е. при рассмотрении упомянутым судом гражданского дела по иску М.Е. к М.Н. о разделе совместно нажитого имущества между супругами;

– принял и с февраля 2026 г. по май 2026 г. исполнял поручение М.Н., представляя его как процессуального оппонента своего бывшего доверителя – М.Е. при рассмотрении упомянутым судом гражданского дела по иску М.Н. к М.Е. о взыскании алиментов на содержание их несовершеннолетней дочери;

– принял поручение М.Н. о подаче мировому судье судебного участка № … района К. г. Москвы заявления о возбуждении в отношении своего бывшего доверителя – М.Е. уголовного дела частного обвинения в связи с совершением ею преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, которое подписал 27 мая 2024 г. и подал в указанный суд;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобе М.Е., в части доводов жалобы о том, что адвокат П. разгласил сведения, полученные от М.Е., бывшему супругу М.Е. – М.Н., а также М.Н.А., поскольку обратился от их имени в органы полиции, вследствие истечения срока применения мер дисциплинарной ответственности;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобе М.Е., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат П. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии,

заявил о согласии с ним и признании отмеченных в нем нарушений этических требований, указал на длительный стаж своей профессиональной деятельности и просил не избирать ему меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Заявитель М.Е. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, согласилась с ним, поддержала направленные в целях дополнительного опровержения доводов адвоката П. дополнительные сведения, по существу повторяющие доводы ее жалобы и предыдущих объяснений. Просила прекратить статус адвоката П., который дискредитировал себя недобросовестным поведением.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела. Вместе с тем Совет полагает необходимым частично изменить объем дисциплинарных обвинений, как описано ниже.

Заявитель М.Е. выдвинула в отношении адвоката П. дисциплинарные обвинения:

– в подрыве доверия к адвокату, выразившемся в принятии и исполнении поручений ее бывшего супруга М.Н., направленных против заявителя, также являвшейся доверителем адвоката П.;

– в разглашении адвокатской тайны, а именно сведений, полученных адвокатом П. в результате оказания им заявителю юридической помощи.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 20 января 2023 г. адвокат П. заключил соглашение с супругами М.Е. и М.Н. об оказании юридической помощи М.Н. в интересах несовершеннолетней М.А., а также заявителю М.Е. Предмет поручения был сформулирован в соглашении как «консультирование, представительство в организациях, сбор документов, изготовление иска о расторжении брака, порядка проживания несовершеннолетней М.А., уплате денежных сумм, разделе имущества, определении порядка выезда несовершеннолетней, месте обучения и т.п. Подача заявления в суд, представительство в судебных заседаниях, заключение мирового соглашения» (п. 1.1 соглашения).

Адвокат П. оказал супругам М.Е. и М.Н. необходимую юридическую помощь, предусмотренную указанным соглашением: консультирование, подготовка искового заявления, инициирование судебного разбирательства, в котором адвокат П. представлял интересы истца М.Н., а представлять интересы М.Е. в качестве ответчика было поручено А. По итогам рассмотрения дела судом брак был расторгнут, супругами М.Е. и М.Н. было заключено мировое соглашение (гражданское дело, находившееся в производстве Ч. районного суда г. Москвы).

Впоследствии адвокат П. принял поручение М.Н. на ведение ряда гражданских дел, связанных с вышеупомянутым делом о расторжении брака общностью предмета разбирательства, и в течение 2024–2026 гг. представлял интересы М.Н. в спорах против заявителя М.Е.:

– при рассмотрении гражданского дела по иску М.Н. к М.Е. об ограничении родительских прав;

– при рассмотрении гражданского дела по иску М.Е. к М.Н. о разделе совместно нажитого имущества между супругами;

– при рассмотрении гражданского дела по иску М.Н. к М.Е. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей.

В судебном заседании 1 ноября 2024 г. по делу об ограничении родительских прав адвокат П. поддержал поданное стороной истца М.Н. ходатайство об истребовании в ГБУЗ… ДЗМ копий медицинских документов заявителя М.Е. с указанием диагноза и назначенного ей лечения, а также сообщил суду недостоверные сведения о том, что она состоит на учете в психоневрологическом диспансере.

Помимо этого, 27 мая 2024 г. адвокат П. подписал в интересах М.Н. заявление о возбуждении в отношении М.Е. уголовного дела частного обвинения в связи с совершением ею преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, которое было подано и поступило мировому судье судебного участка № … района К. г. Москвы. Как установила Квалификационная комиссия, это действие было направлено на оказание давления на заявителя и усиление позиции ее процессуального оппонента М.Н. в последующих судебных спорах с заявителем с участием адвоката П., перечисленных выше. 17 июня 2024 года судом было вынесено постановление о возвращении указанного заявления М.Н.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что описанное выше профессиональное поведение адвоката П. – оказание юридической помощи в условиях конфликта интересов доверителей, совершение действий против интересов его бывшего доверителя – заявителя М.Е., сопряженное в том числе с использованием сведений личного характера о состоянии ее здоровья и сообщением суду недостоверных сведений, а также с обвинением ее в преступлении, с учетом характера правоотношений его доверителей – супругов М.Е. и М.Н. и существо споров между ними, нарушает требования подп. 1, 10 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката и подрывает доверие к нему как к адвокату, т.е. нарушает также и требования п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем содержащееся в резолютивной части Заключения Квалификационной комиссии указание на поддержание адвокатом П. в судебном заседании по делу ходатайства истца М.Н., интересы которого он представлял, об истребовании в ГБУЗ… ДЗМ копий медицинских документов М.Е. с указанием диагноза и назначенного ей лечения в качестве самостоятельного элемента рассматриваемого дисциплинарного нарушения Совет признает избыточным. Эти действия полностью охватываются выводом о недопустимости исполнения адвокатом П. самого поручения М.Н. и поэтому не требуют отдельного описания в формулировке нарушения. Совет исключает из формулировки дисциплинарного нарушения указание на эти действия, а также на порочащий характер сведений о наличии у М.Е. психиатрического заболевания, поскольку сам по себе факт наличия у лица заболевания не может рассматриваться как порочащий его.

Кроме того, согласно п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет, а при длящемся нарушении – с момента его прекращения (пресечения). Указанное выше дисциплинарное нарушение, выразившееся в подписании 27 мая 2024 г. и подаче мировому судье в интересах М.Н. заявления о возбуждении в отношении М.Е. уголовного дела частного обвинения о совершении ею преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, совершено и окончено возвращением судом заявления 17 июня 2024 г., т.е. более чем за два года до момента рассмотрения Советом настоящего дисциплинарного дела. При

таких обстоятельствах дисциплинарное производство в соответствующей части подлежит прекращению на основании п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката вследствие истечения срока применения мер дисциплинарной ответственности.

С учетом внесенных корректировок Совет признает презумпцию добросовестности адвоката П. в отношении перечисленных дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарных нарушений установленной.

В отношении дисциплинарного обвинения в разглашении адвокатом П. бывшему супругу заявителя – М.Н., а также М.Н.А. сведений, полученных от М.Е., выразившемся в обращении от их имени в органы полиции, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства на основании п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката вследствие истечения срока применения мер дисциплинарной ответственности. Соответствующее заявление было подано и рассмотрено с вынесением старшим участковым уполномоченным ОУУП и ПДН ОМВД России по району К. г. Москвы Г. постановления от 11 февраля 2024 г. об отказе в возбуждении уголовного дела, т. е. более чем за два года до возбуждения дисциплинарного производства.

Иные дисциплинарные обвинения, выдвинутые заявителем М.Е., не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. Так, заявителем не представлено доказательств того, что адвокат П. разгласил сведения, составляющие адвокатскую тайну, которые были доверены ему заявителем М.Е. при оказании ей юридической помощи по соглашению от 20 января 2023 г., а именно: сведения о том, что заявитель проходила лечение в ГБУЗ… ДЗМ и в целом находилась в тяжелом психологическом состоянии в связи с расторжением брака. Совет отмечает, что о состоянии здоровья М.Е. в период действия указанного соглашения, безусловно, был осведомлен и ее супруг – М.Н., в связи с чем получение адвокатом П. этих сведений именно от М.Е. не доказано.

Участие адвоката П. в оказании юридической помощи М.Н.А. при рассмотрении Ч. районным судом г. Москвы гражданского дела по иску М.Н.А. к М.Е. о защите чести, достоинства и деловой репутации также не подтверждено доказательствами.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в описанной части вследствие отсутствия нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката П. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет учитывает его грубый, умышленный и системный характер, сопряженный с игнорированием адвокатом основополагающих обязательных требований законодательства об адвокатской деятельности и профессиональной этики и проявлением крайней степени недобросовестности в отношениях с доверителем М.Е., что причинило существенный вред как ей, так и авторитету адвокатуры. Такое профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым. Совокупность описанных обстоятельств, достоверно установленных в результате дисциплинарного разбирательства, свидетельствует о том, что адвокат П., несмотря на длительный профессиональный стаж, не обладает

необходимыми для адвоката профессиональными и личными качествами и при осуществлении профессиональной деятельности руководствуется мотивами, чуждыми назначению и сущности адвокатской профессии. По этим причинам Совет признает дальнейшее нахождение адвоката П. в составе адвокатского сообщества невозможным и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не находит оснований для применения к адвокату П. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку это не соответствовало бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также создало бы ложную видимость совместимости подобного профессионального поведения со статусом адвоката. Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных нарушений.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого П. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, учитывая все установленные по настоящему дисциплинарному делу обстоятельства, в том числе данные о личности и профессиональной деятельности П., считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1 и 2 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 6 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение взаимосвязанных предписаний подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, подп. 1, 10 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему; адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя; адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта инте-

ресов доверителей, предусмотренного ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката), выразившееся в том, что он совершил подрывающие доверие к нему действия, направленные против законных интересов его бывшего доверителя М.Е., а именно:

– принял и с апреля 2024 г. по май 2026 г. исполнял поручение М.Н., представляя его как процессуального оппонента своего бывшего доверителя – М.Е. при рассмотрении Ч. районным судом г. Москвы гражданского дела по иску М.Н. об ограничении родительских прав М.Е., в том числе в судебном заседании 1 ноября 2025 г., в целях создания у суда негативного впечатления о М.Е. сообщил суду недостоверные сведения о том, что она состоит на учете в психоневрологическом диспансере;

– принял и с августа 2025 г. по май 2026 г. исполнял поручение М.Н., представляя его как процессуального оппонента своего бывшего доверителя – М.Е. при рассмотрении указанным судом гражданского дела по иску М.Е. к М.Н. о разделе совместно нажитого имущества между супругами;

– принял и с февраля по май 2026 г. исполнял поручение М.Н., представляя его как процессуального оппонента своего бывшего доверителя – М.Е. при рассмотрении указанным судом гражданского дела по иску М.Н. к М.Е. о взыскании алиментов на содержание их несовершеннолетней дочери.

Установить в отношении П. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 2 (два) года.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. по жалобе М.Е.:

– в части дисциплинарных обвинений в принятии поручения М.Н. о подаче мировому судье судебного участка № … района К. г. Москвы заявления о возбуждении в отношении своего бывшего доверителя – М.Е. уголовного дела частного обвинения о совершении ею преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, которое он подписал 27 мая 2024 г. и подал в указанный суд, а также в разглашении сведений, полученных от М.Е., ее бывшему супругу М.Н. и М.Н.А при обращении от их имени в органы полиции, вследствие истечения срока применения мер дисциплинарной ответственности;

– в оставшейся части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.28. Адвокат получил предупреждение за вступление в уголовное дело в нарушение установленного порядка, а также за то, что не разъяснил доверителю существо предъявленного ему обвинения, не выяснил отношение доверителя к нему, не отреагировал на внесение в протокол явки доверителя с повинной недостоверных сведений.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката С. и заявителей – адвоката А.Д. и А.В. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам адвоката А.Д. от 6 мая 2026 г. и А.В. от 6 мая 2026 г. в отношении адвоката С.

Квалификационная комиссия 17 июня 2026 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом С. подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре

в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 9 п. 1 ст. 9, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя; адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции), выразившемся в скоординированном с сотрудниками правоохранительных органов вступлении 17 февраля 2026 г. в уголовное дело, находящееся в производстве Д. МРСО СУ по …ГСУ СК России по г. Москве, в качестве защитника А.В. в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г. (Протокол № 4), и в нарушение п. 3 и абз. 4 п. 10 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 и согласованных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г.;

2) о нарушении адвокатом С. подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с п. 2.5, абз. 2 п. 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 4 декабря 2017 г. (Протокол № 8), выразившемся в невнесении в ордер от 17 февраля 2026 г., выданный адвокату С. Московской коллегией адвокатов «…» на осуществление защиты А.В. на стадии предварительного расследования:

– даты и номера документа о назначении адвоката С. в качестве защитника доверителя А.В. в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ;

– органа, в котором адвокату С. надлежит исполнять принятое им поручение по осуществлению защиты А.В.;

– подписи адвоката С. о получении ордера;

3) о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства…

следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с подп. «д» п. 4, подп. «а» п. 5, п. 6, подп. «а» п. 8, пп. 9, 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед доверителем А.В., выразившемся в том, что, приняв 17 февраля 2026 г. участие в следственных и иных процессуальных действиях в качестве защитника А.В. по уголовному делу, находящемуся в производстве Д. МРСО СУ по …ГСУ СК России (составление протокола явки с повинной А.В.; задержание подозреваемой А.В., допрос подозреваемой А.В., предъявление А.В. обвинения, допрос обвиняемой А.В.), адвокат С.:

– в ходе конфиденциального общения с доверителем А.В. не разъяснил ей существо предъявленного ей подозрения, а затем и обвинения, не выяснил ее отношение к предъявленному ей подозрению, а затем и обвинению, а также не разъяснил доверителю А.В. правовые последствия признания ею вины, не убедившись, что такое признание совершается добровольно и не является самооговором;

– не отреагировал на включение в протокол явки с повинной А.В. от 17 февраля 2026 г. недостоверных сведений о том, что А.В. добровольно обратилась в Д. МРСО СУ по …ГСУ СК России в 14.55 час., а также на включение в него формулировок, указывающих на недобровольный характер заявления А.В. о явке с повинной и на его оформление с целью процессуального закрепления признания А.В. вины в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, вопреки ее фактической позиции, не принеся на указанный протокол каких-либо замечаний и не сделав по данным фактам каких-либо заявлений;

– не отреагировал на явное несоответствие показаний А.В., данных в качестве подозреваемой 17 февраля 2026 г., свидетельствующих о непризнании ею вины в каких-либо противоправных действиях, содержанию ее заявлений о признании вины в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, отраженных в протоколе явки с повинной А.В. от 17 февраля 2026 г. и протоколе допроса А.В. в качестве обвиняемой от 17 февраля 2026 г., явно свидетельствующих о юридической ошибке А.В. в оценке своих действий как преступных, не принеся на протокол допроса обвиняемой А.В. от 17 февраля 2026 г. каких-либо замечаний и не сделав по данным фактам каких-либо заявлений;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С. по жалобе адвоката А.Д. от 6 мая 2026 г. и по жалобе А.В. от 6 мая 2026 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, частично согласился с его выводами, поддержал свои письменные возражения, в которых не согласился с выводами о том, что он склонял доверителя к признанию вины в преступлении и занимал позицию, противоположную ее позиции, и принес извинения за остальные допущенные

нарушения, обратив внимание на их однократный характер, вызванный его неопытностью, и на то, что с его участием был достигнут положительный результат в виде избрания в отношении А.В. меры пресечения в виде домашнего ареста, а не заключения под стражу. Заверил, что сделал надлежащие выводы из этой ситуации, просил учесть эти обстоятельства и не применять к нему самую строгую меру ответственности. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что А.В. сама согласилась на предложение следователя написать заявление о явке с повинной, а он лишь одобрил это ее решение. В данном заявлении он не увидел ничего противоречащего позиции А.В., которая была ему известна от нее самой, поэтому он не заявил никаких возражений и замечаний.

Заявитель – адвокат А.Д. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, согласилась с его выводами, пояснив, что о явке с повинной дочери А.В. узнала только в 20.00 час. 17 февраля 2026 г., когда адвокат С. позвонил ей по телефону. В судебном заседании по избранию меры пресечения в отношении А.В. она не заявляла о ее самооговоре, не опровергала содержание и законность протокола о явке с повинной, хотя перед судебным заседанием А.В. сообщила ей, что ничего противоправного не совершала. Однако для избрания судом альтернативной заключению под стражу меры пресечения она в своем выступлении сослалась на явку А.В. с повинной как на доказательство ее правопослушного поведения и сотрудничества со следствием.

Заявитель А.В. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, согласилась с его выводами, пояснив, что протокол явки с повинной оформлялся после ее допроса, при его подписании часть этого протокола была закрыта листом бумаги, и она подписала этот протокол, не вникая в его содержание.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, признает фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами частично не соглашается и полагает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений и квалификацию допущенных нарушений, как описано ниже.

Против адвоката С. заявителями выдвинуты следующие группы дисциплинарных обвинений:

– во вступлении в уголовное дело в качестве защитника А.В. по назначению в результате действий, «скоординированных с сотрудниками правоохранительного органа», и в нарушение Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г. (Протокол № 4), а также без надлежащего подтверждения своих полномочий, а именно с представлением при вступлении в уголовное дело ордера адвоката, не отвечающего требованиям, предъявляемым к его содержанию;

– в неоказании А.В. 17 февраля 2026 г. в ходе производства по уголовному делу следственных и иных процессуальных действий юридической помощи в объеме, предусмотренном Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (неразъяснении А.В. права на приглашение защитника по соглашению, сути предъявленного ей подозрения, а затем и обвинения), и в совершении действий вопреки ее воле и законным интересам, выразившемся в нереагировании на ее самооговор, а также в ее склонении к самооговору и признанию вины в совер-

шении преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства. В производстве Д. МРСО СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве находилось уголовное дело, возбужденное 17 февраля 2026 г. в отношении Ш., С.А. и иных неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ.

Согласно протоколу явки с повинной от 17 февраля 2026 г. А.В. в 14.55 час. того же дня обратилась в указанный следственный отдел, где с 15.00 по 15.20 час. с участием адвоката С. сообщила о совершенном ею преступлении, заявив следующее: «*На учете у врача нарколога и психиатра не состою. Окружающую меня действительность я оцениваю объективно и полно, внешнюю обстановку я воспринимаю без внешних и внутренних препятствий, в полном объеме, ориентируюсь в ней свободно. Заболеваний, препятствующих адекватно воспринимать окружающую обстановку, у меня нет. Травм головы и позвоночника не имею. Русским языком владею, разговариваю, понимаю, пишу, в услугах переводчика не нуждаюсь. Мне мои права разъяснены и понятны. В настоящее время чувствую себя хорошо. Желаю сообщить о совершенном мной преступлении без физического морального и психического принуждения. В период времени с 01 ч. 30 мин. 16.02.2026 по 03 ч. 30 мин. 16.02.2026 я, А.В., …г.р., получила денежные средства, которые были получены преступным путем, от неизвестной мне девушки, которые я хранила у себя и впоследствии передала в 06 ч. 40 мин. 16.02.2026 неизвестному мне мужчине, действуя согласно ранее разработанному преступному плану, в соответствии с которым я должна была осуществлять роль посредника при передаче денежных средств, полученных преступным путем*». Замечаний к указанному протоколу явки с повинной от А.В. и ее защитника – адвоката С. не поступило.

Адвокат С. был назначен защитником А.В. в 16.34 час. того же дня по заявке АИС АПМ № … от 17 февраля 2026 г., в которой была допущена ошибка в написании отчества А.В., а также неправильно указан номер уголовного дела. Адвокат С. вступил в уголовное дело, представив ордер от 17 февраля 2026 г., в котором отсутствовали сведения о дате и номере принятой им заявки АИС АПМ, а также об органе, в котором он уполномочен исполнять принятое поручение, и подпись адвоката.

В тот же день, в 17.40 час., А.В. была задержана в порядке ст. 91 УПК РФ в качестве подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 4 ст. 159 УК РФ. Соответствующий протокол составлен с участием адвоката С., и в нем А.В. заявила, что с задержанием не согласна, скрываться не намерена. Иных заявлений и замечаний от А.В. и ее защитника – адвоката С. не поступило. Из данного протокола также следует, что А.В. воспользовалась правом на один телефонный звонок, уведомив о задержании свою мать – адвоката А.Д.

Далее, с 18.00 до 18.35 час., А.В. была допрошена в качестве подозреваемой с участием адвоката С. В ходе допроса сообщила о своем фактическом задержании сотрудниками полиции в 11.30 час. 16 февраля 2026 г., дала подробные показания по обстоятельствам расследуемого уголовного дела, не признавая своей причастности к совершению какой-либо кражи и утверждая, что под влиянием телефонных мошенников 15 февраля 2026 г. прибыла в г. Москву, где должна была получить денежные средства, выделенные якобы для поимки группы мошенни-

ков, чтобы в дальнейшем передавать их «инкассаторам или в Криптообменник». Приехав в Москву, она 16 февраля 2026 г. получила от ранее неизвестной ей девушки сумку с денежными средствами и часть из них передала ранее неизвестному ей гражданину. Заявлений и замечаний от А.В. и ее защитника – адвоката С. в ходе допроса не поступило.

В 18.50 час. 17 февраля 2026 г. А.В. с участием ее защитника – адвоката С. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, и с 19.00 до 19.20 час. она была допрошена в качестве обвиняемой. Свою вину в инкриминированном преступлении признала в полном объеме, подтвердила ранее данные показания, сообщила, что раскаивается в содеянном, желает возместить моральный вред потерпевшим и принести извинения. Заявлений и замечаний от А.В. и ее защитника – адвоката С. в ходе и по окончанию допроса не поступило.

Д. районным судом г. Москвы рассмотрено ходатайство следователя об избрании в отношении обвиняемой А.В. меры пресечения в виде заключения под стражу. В судебных заседаниях 18 февраля 2026 г. участвовал в качестве защитника адвокат С., а 20 февраля 2026 г. – адвокаты С. и А.Д., вступившая в уголовное дело 19 февраля 2026 г. на основании соглашения и ордера от 19 февраля 2026 г. Постановлением указанного суда от 20 февраля 2026 г. в отношении А.В. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

Рассматривая дисциплинарное обвинение во вступлении адвоката С. в уголовное дело в качестве защитника А.В. в нарушение порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве и без надлежащего подтверждения своих полномочий, Совет исходит из следующего.

В силу требований п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом. Согласно ч. 3 ст. 50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов. Согласно ч. 4 ст. 50 УПК РФ, «если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов…».

В соответствии с подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации.

Реализуя полномочия, предоставленные ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Решением от 15 марта 2019 г.

утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (далее – Порядок), п. 2.1 которого установлено: «В целях организации исполнения настоящего Порядка советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подпунктом 5 пункта 3 статьи 31 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей».

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда определен Правилами Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (далее – Правила). Эти Правила согласованы Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. (Протокол № 5) и утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 с последующими дополнениями, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 мая 2024 г. № 139.

В соответствии с п. 3 Правил «обработка уведомлений дознавателей, следователей или судов (далее – инициаторов) о принятом решении о назначении адвокатов осуществляется Адвокатской палатой города Москвы (далее – Палатой) исключительно посредством Автоматизированной информационной системы Палаты (далее – АИС АПМ). Уведомления инициаторов (далее – уведомление) об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном статьями 50 и 51 УПК РФ, а также уведомления об обеспечении представителя в порядке, установленном статьей 50 ГПК РФ и статьей 54 КАС РФ, направленные в адвокатское образование или адвокату, исполнению не подлежат. Принятие и (или) осуществление адвокатом защиты или представительства по назначению, поступившему к нему не через АИС АПМ, а равно нарушение иных положений настоящих Правил являются дисциплинарными проступками и влекут за собой применение мер дисциплинарной ответственности».

В соответствии с п. 10 Правил «сведения, предоставленные инициатором в уведомлении, должны быть полными и достоверными. Недостоверность или отсутствие сведений о номере дела, данных о лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, и иных сведений, необходимых для оценки наличия или отсутствия препятствий для принятия поручения, являются безусловным основанием для отказа адвоката от вступления в дело».

В силу подп. «а» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. (далее – Стандарт), адвокат в рамках первого свидания с доверителем обязан «выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу».

В п. 1 Разъяснений № 15 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной деятельности адвоката «Об отдельных вопросах участия адвокатов в делах по назначению»,

утвержденных Решением Совета от 28 октября 2021 г. (Протокол № 18), указано: «Недостоверность или отсутствие в заявке, поданной посредством АИС АПМ, любых сведений о номере дела, данных о лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, являются безусловным основанием для отказа адвоката от вступления в дело. При этом не имеет значения как причина отсутствия либо недостоверности сведений (техническая ошибка или намеренное искажение), так и степень их существенности. В частности, отсутствие или неправильное указание даже одного знака либо последовательности знаков являются основанием для отказа адвоката от вступления в дело. Адвокат, выявивший недостоверность или отсутствие указанных выше сведений, обязан письменно разъяснить инициатору заявки причины отказа от вступления в дело и необходимость подачи новой заявки с правильными данными, так как в противном случае не может быть обеспечен достоверный учет заявок и соблюдение принципа непрерывности защиты».

В соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера, с этого момента на адвоката распространяются правила, установленные ч. 3 ст. 53 УПК РФ.

Приказом Министра юстиции Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 282 «Об утверждении формы ордера, требований к его заполнению и оформлению» утверждены форма ордера и требования к заполнению и оформлению ордера адвоката, а также Требования к заполнению и оформлению ордера (далее – Требования).

Согласно п. 5 Требований в ордере и корешке к нему заполняются: «Дата принятия адвокатом поручения, предмет поручения; фамилия, имя, отчество (при наличии) физического лица или наименование юридического лица, чьи интересы адвокат представляет; стадия рассмотрения дела и (или) наименование органа, учреждения, организации» (подп. 5), а также «подпись адвоката о получении ордера» (подп. 6). В силу п. 7 Требований в строках «Основание выдачи ордера», «Ордер выдан» и «Адрес» указываются реквизиты соглашения об оказании юридической помощи или документа о назначении адвоката, а также полное наименование адвокатского образования или адвокатской палаты, адрес адвокатского образования или адвокатской палаты, выдавших ордер. Согласно п. 11 Требований ордер заполняется полностью.

Согласно Порядку изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденному Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 4 декабря 2017 г. (Протокол № 8), «адвокат не вправе использовать не полностью заполненный ордер» (п. 2.5), а «ответственность за полное и правильное заполнение ордеров и корешков к ним несет адвокат, которому выдан ордер» (п. 3.2).

Сопоставляя установленные и описанные выше фактические обстоятельства и указанные обязательные требования к профессиональному поведению адвоката и соглашаясь с Квалификационной комиссией, Совет приходит к выводу о вступлении адвоката С. в уголовное дело в нарушение Порядка и Правил, поскольку он принял заявку с искаженными сведениями об отчестве подзащитной и номере уголовного дела, которые являются существенными, а также без надлежащего подтверждения своих полномочий – представив при вступлении в дело ордер, не отвечающий требованиям к его содержанию (не указаны номер и дата заявки АИС АПМ, орган, в котором адвокат уполно-

мочен осуществлять защиту, отсутствует подпись адвоката).

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката С. в данной части опровергнутой, а его вину в совершении этого дисциплинарного нарушения установленной.

Вместе с тем Совет не соглашается с выводами Квалификационной комиссии о том, что адвокат С., действуя скоординированно с сотрудниками правоохранительного органа, вступил в уголовное дело не позднее 15.00 час. 17 февраля 2026 г. (время, указанное в протоколе явки с повинной А.В.), т.е. при отсутствии заявки АИС АПМ, которая была создана в 16.14 час. и распределена ему в 16.34 час. того же дня, а также о том, что данная заявка АИС АПМ «была сформирована и принята адвокатом С. исключительно для создания видимости наличия правовых оснований для его вступления в уголовное дело». Совет отмечает, что эти выводы Квалификационной комиссией не подтверждены доказательствами и основаны лишь на предположении о времени фактического вступления адвоката С. в уголовное дело.

Факт принятия адвокатом С. заявки в АИС АПМ в тот же момент – в 16.14 час. 17 февраля 2026 г., когда она была создана следователем, сам по себе не доказывает скоординированный характер действий адвоката и сотрудников следственного органа. При этом Квалификационная комиссия не учла, что согласно имевшимся в ее распоряжении логам распределения заявки АИС АПМ адвокат С. выбран автоматизированной системой в составе группы численностью 21 адвокат из 808 адвокатов г. Москвы, при этом остальные 20 адвокатов заявку проигнорировали. Поясняя обстоятельства своего вступления в дело, адвокат С. сообщил, что тщательно отслеживает заявки на участие в делах по назначению и старается принимать их онлайн, поскольку это основной способ его адвокатской деятельности. При этом адвокат С. утверждал, что не состоит в каких-либо отношениях со следователем, в производстве которого находилось уголовное дело. Эти доводы адвоката ничем не опровергнуты.

В соответствии с п. 3.5 Порядка одним из основных принципов назначения адвоката защитником в уголовном судопроизводстве относится принцип централизации и информатизации, который означает централизованное назначение адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве с использованием автоматизированной информационной системы, исключающей влияние любых заинтересованных лиц на распределение поручений между адвокатами. Созданная в соответствии с Порядком и Правилами автоматизированная информационная система – АИС АПМ осуществляет распределение поступающих от инициаторов поручений между адвокатами, следуя указанному принципу и используя специально разработанный алгоритм.

Фактов перебора заявок или иных способов неправомерного влияния на указанный алгоритм со стороны инициатора в данном уголовном деле в ходе дисциплинарного разбирательства не выявлено. Несмотря на наличие искаженных сведений о Ф.И.О. доверителя и номере уголовного дела в заявке, данные АИС АПМ подтверждают отсутствие дублей заявок 17 февраля 2026 г. для назначения защитника подозреваемой А.В.

Совет также не может согласиться с категорическим выводом Квалификационной комиссии о том, что явка с повинной А.В. была оформлена 17 февраля 2026 г., в период с 15.00 до 15.20 час. Отвергая довод адвоката С., подтвержденный письмом руководителя след-

ственного органа, согласно которому протокол явки с повинной фактически был составлен 17 февраля 2026 г., с 19.25 до 19.45 час., Квалификационная комиссия указала, что не усматривает наличия сведений о «системной недостоверности протоколов» следственных и иных процессуальных действий, составленных с участием А.В., а в протоколе явки с повинной ей были разъяснены права подозреваемой, хотя, исходя из содержания протокола допроса обвиняемой А.В. от 17 февраля 2026 г., к 19.25 час. она уже имела статус обвиняемой.

Не оспаривая указанных Квалификационной комиссией несоответствий в указании времени составления перечисленных процессуальных документов, Совет вместе с тем отмечает, что Комиссия не приняла во внимание объяснения заявителя А.В., согласно которым разговор сотрудников правоохранительного органа о необходимости вызова адвоката и само прибытие адвоката 17 февраля 2026 г. имели место «ближе к вечеру», адвокат прибыл в здание следственного органа тогда, когда на улице уже было темно, и после прибытия долгое время находился в кабинете следователя. В заседании Совета заявитель А.В. подтвердила, что протокол явки с повинной был фактически составлен после проведения ее допроса в качестве подозреваемой. В свою очередь, адвокат С. последовательно утверждал, что не принимал участия ни в каких процессуальных действиях с А.В. до назначения защитником по заявке АИС АПМ. Эти пояснения участников дисциплинарного производства также не опровергнуты в результате дисциплинарного разбирательства.

С учетом изложенных обстоятельств Совет исключает из дисциплинарного обвинения адвоката С. указание на вступление в уголовное дело в результате скоординированных действий с сотрудниками правоохранительного органа и с последующим оформлением заявки для создания видимости наличия правовых оснований для вступления в уголовное дело.

Переходя к оценке группы дисциплинарных обвинений в неоказании А.В. юридической помощи в объеме, предусмотренном Стандартом, и в совершении действий вопреки ее воле и законным интересам доверителя, Совет исходит из следующего.

Согласно п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе «действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне» (подп. 1), «занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самооговора своего подзащитного» (подп. 2).

Стандарт устанавливает следующие минимальные требования к этому виду юридической помощи:

«В рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует: а) выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу; б) получить согласие на оказание ему юридической помощи по соглашению, заключенному адвокатом с иным лицом; в) разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению; г) выяснить обстоятельства задержания и уточнить, проводился ли допрос в отсутствие адвоката и применялись ли незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий; д) выяснить отношение к предъяв-

ленному обвинению или подозрению в совершении преступления» (п. 4);

«адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат: а) принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться; б) в случае вынужденного определения позиции по делу в отсутствие возможности ее предварительного согласования с подзащитным исходит из принципа презумпции невиновности подзащитного и согласовывает с ним такую позицию при первой возможности» (п. 5);

«в случае признания подзащитным вины защитнику следует разъяснить подзащитному правовые последствия такого признания, а также по возможности убедиться, что признание вины совершается добровольно и не является самооговором» (п. 6).

Согласно п. 8 Стандарта в процессе осуществления защиты адвокат: консультирует подзащитного и разъясняет ему процессуальные права и обязанности, применяемые по делу нормы материального и процессуального права (подп. «а»); оказывает подзащитному помощь в ознакомлении с материалами дела, в написании ходатайств, жалоб и иных процессуальных документов или готовит их самостоятельно (подп. «б»); использует иные средства и способы защиты, не запрещенные законодательством (подп. «в»).

Согласно п. 9 Стандарта адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного.

В силу п. 10 Стандарта «…защитник должен знакомиться с протоколами процессуальных действий, проводимых с его участием, на всех стадиях уголовного процесса и при необходимости приносить на них замечания».

Сопоставляя установленные в результате дисциплинарного разбирательства фактические обстоятельства с перечисленными требованиями к профессиональному поведению адвоката-защитника и соглашаясь с Квалификационной комиссией, Совет приходит к выводу о том, что адвокат С. в нарушение указанных правовых предписаний в ходе конфиденциального общения не согласовал надлежащим образом позицию с доверителем А.В., в том числе и в части оформления ее явки с повинной, а лишь следовал за изменениями самой А.В. своей позиции, не разъяснил ей должным образом суть предъявленного ей подозрения и обвинения и не выяснил достоверно ее отношения к ним, не разъяснил правовых последствий признания ею вины, не убедившись, что явка с повинной и признание вины в инкриминированном преступлении совершаются ею добровольно и не являются самооговором.

Совет соглашается с тем, что показания А.В., отраженные в протоколе ее допроса в качестве обвиняемой от 17 февраля 2026 г., и содержание ее явки с повинной могли являться следствием ошибочной оценки своих действий как преступных, что адвокат С. должен был учесть, и что охватывается обвинением в несогласовании им позиции с доверителем, в том числе в части заявления о явке с повинной.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестно-

сти адвоката С. опровергнутой в части указанных дисциплинарных обвинений, а его вину в совершении этих дисциплинарных нарушений установленной.

Вместе с тем Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что адвокат С. действовал вопреки законным интересам доверителя А.В., руководствуясь соображениями собственной выгоды, занимал по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовал вопреки ее воле, в том числе – не отреагировал на включение в протокол ее явки с повинной формулировок, указывающих на недобровольный характер этого заявления и на его оформление с целью процессуального закрепления признания ею вины вопреки ее фактической позиции.

Все эти обвинительные выводы Квалификационной комиссии в значительной степени основаны на ее же предположительном и ошибочном, как указано выше, выводе о достоверности указанного в протоколе явки с повинной времени его составления – с 15.00 до 15.20 час. 17 февраля 2026 г.

В то же время описанные выше фактические обстоятельства, установленные в результате дисциплинарного производства, указывают на то, что данный протокол фактически был составлен после проведения допроса А.В. в качестве подозреваемой, т.е. не ранее 18.35 час. К этому моменту (а именно в 17.40 час.) она была уже задержана в порядке ст. 91 УПК РФ и с помощью адвоката С. сообщила о своем задержании матери – адвокату А.Д. При этом в результате дисциплинарного разбирательства не было опровергнуто утверждение адвоката С. о том, что действия по защите А.В. согласовывались им по телефону с адвокатом А.Д.

Более того, 20 февраля 2026 г. между А.Д. и адвокатом С. было заключено соглашение на осуществление защиты А.В. в судебном производстве по рассмотрению ходатайства следователя об избрании в отношении нее меры пресечения, что также подтверждает отсутствие какого-либо конфликта и недоверия между ними и на тот момент, уже после признания А.В. своей вины в предъявленном обвинении и подписании протокола явки с повинной.

Как указано выше, выступая в судебном заседании 20 февраля 2026 г., адвокат А.Д. не заявляла о самооговоре дочери и не опровергала сделанных ею признаний вины и явки с повинной, используя данные обстоятельства в целях обоснования избрания более мягкой меры пресечения. При этом адвокат А.Д. в заседании Совета признала, что основа для такой ее позиции была заложена, в том числе действиями адвоката С. 17 февраля 2026 г., из чего следует, что против интересов А.В. он не действовал.

Вопреки выводу Квалификационной комиссии, формулировки протокола явки с повинной, направленные на подтверждение отсутствия порока воли А.В., не свидетельствуют о недобровольном характере ее заявления. Текст протокола составлен профессиональным юристом и является в данной части стандартным (шаблонным). При этом в результате дисциплинарного разбирательства не опровергнут довод адвоката С. о том, что содержание протокола явки с повинной по существу ни в чем не противоречило позиции А.В. на момент его составления.

В заседании Совета заявитель – адвокат А.Д. пояснила, что ее довод о том, что явка с повинной была навязана ее дочери, исходит лишь из того, что в тексте протокола о явке с повинной имеется несвойственная ей лексика, используются юридические термины, которыми она не владела и не употребляла их в жизни. В этой связи Совет отмечает, что само по себе данное обстоятельство не свидетельствует о пороке воли А.В., под-

писавшей протокол о явке с повинной без замечаний. Доказательств того, что это действие было навязано ей адвокатом С., а также того, что текст протокола был составлен им или под его диктовку, заявителями не представлено и в заключении Квалификационной комиссией не приведено.

Не соглашается Совет и с выводом Квалификационной комиссии о том, что адвокат С. не отреагировал на явное несоответствие показаний А.В. в качестве подозреваемой, свидетельствующих о непризнании ею вины в каких-либо противоправных действиях, содержанию ее заявлений о признании вины в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, содержащихся в протоколах явки с повинной и допроса А.В. в качестве обвиняемой.

Совет в этой связи, прежде всего, отмечает, что предусмотренная подп. 3 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката возможность занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя и действовать вопреки его воле в случае, когда адвокат-защитник убежден в наличии самооговора его доверителя, является правом адвоката, но не его обязанностью. Решение о реализации этого права или отказе от него принимается исключительно самим адвокатом с учетом конкретной ситуации и исходя из интересов доверителя.

В рассматриваемой же ситуации, как следует из обстоятельств, установленных в результате дисциплинарного разбирательства, протокол явки А.В. с повинной и ее признательные показания в качестве обвиняемой были совместно использованы обоими ее защитниками, в том числе ее матерью – адвокатом А.Д., для обоснования избрания в отношении нее меры пресечения, не связанной с заключением под стражу. При таких обстоятельствах Совет не находит оснований для вывода о действиях адвоката С. вопреки интересам и позиции его подзащитной А.В. и признает презумпцию его добросовестности в части указанных дисциплинарных обвинений неопровергнутой, а дисциплинарное производство в этой части подлежащим прекращению вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката.

Выдвинутое заявителями дисциплинарное обвинение в неразъяснении А.В. права на приглашение защитника Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает необоснованным. Учитывая довод жалобы А.В. и ее показания в качестве подозреваемой о том, что она была фактически задержана в 11.30 час. 16 февраля 2026 г., на момент вступления адвоката С. в уголовное дело истек предусмотренный ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часовой срок явки приглашенного защитника с момента фактического задержания подозреваемого. Доводы адвоката С. о том, что в материалах уголовного дела отсутствовали ордера иных защитников А.В., в том числе по соглашению, а также о том, что адвокат А.Д. сообщила ему, что не сможет приехать и вступить в дело немедленно, но сделает это позже, как только сможет, не только не опровергнуты, но и нашли подтверждение, как описано выше. Неоднократное общение адвоката С. с адвокатом А.Д. начиная с 20.01 час. 17 февраля 2026 г. также подтверждено и не отрицается никем из участников дисциплинарного производства. Таким образом, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат С. принял меры к реализации права доверителя А.В. на приглашение защитника.

Доводы заявителей о сотрудничестве адвоката С., в том числе негласном, с должностными лицами правоохранительных органов Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, также признает необоснованными, так как доказательств такого сотрудничества материалы дисциплинарного производства не содержат.

Упоминаемое в жалобе заявителя А.В. общение адвоката С. со следователем Д. МРСО СУ по …ГСУ СК России, предшествовавшее началу следственных и иных процессуальных действий с ее участием, само по себе не свидетельствует о том, что оно преследовало какие-либо неправомерные или недостойные цели. При этом в своей жалобе и последующих пояснениях заявитель А.В. не утверждает, что адвокат С. склонял ее к самооговору. Согласно ее пояснениям подписать протокол явки с повинной ей предложила следователь, а адвокат С. не контролировал, что именно она подписывает.

Выявленное в результате дисциплинарного разбирательства несоответствие объема и качества оказанной адвокатом С. юридической помощи минимальным требованиям Стандарта, как правильно указала Квалификационная комиссия, не является достаточным для вывода о том, что адвокат С. действовал в сговоре с сотрудниками правоохранительных органов с целью получения признательных показаний А.В.

С учетом изложенных обстоятельств Совет признает презумпцию добросовестности адвоката С. в части указанных дисциплинарных обвинений неопровергнутой, а дисциплинарное производство в этой части подлежащим прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката С. за допущенные нарушения, Совет учитывает их множественный и грубый характер, свидетельствующий об игнорировании либо незнании адвокатом обязательных профессиональных правил при осуществлении функций защитника по назначению. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым и наносящим вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем Совет принимает во внимание незначительный профессиональный стаж адвоката С. (с 24 апреля 2025 г.), на момент совершения им рассматриваемых нарушений составлявший менее одного года, признание им своей вины и раскаяние, отсутствие дисциплинарных взысканий. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату С. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет считает необходимым указать адвокату С. на необходимость неукоснительного исполнения следующих законодательно установленных обязанностей адвоката: а) исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката); б) постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

нарушение подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 9 п. 1 ст. 9, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя; адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции), выразившееся во вступлении 17 февраля 2026 г. в уголовное дело, находящееся в производстве Д. МРСО СУ по …ГСУ СК России по городу Москве, в качестве защитника А.В. в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г. (Протокол № 4), и в нарушение п. 3 и абз. 4 п. 10 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 и согласованных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г.;

нарушение подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с пп. 2.5, 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 4 декабря 2017 г. (Протокол № 8), выразившемся в невнесении в ордер от 17 февраля 2026 г., выданный адвокату С. Московской коллегией адвокатов «…», на осуществление защиты А.В. на стадии предварительного расследования:

– даты и номера документа о назначении адвоката С. в качестве защитника доверителя А.В. в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ;

– органа, в котором адвокату С. надлежит исполнять принятое им поручение по осуществлению защиты А.В.;

– подписи адвоката С. о получении ордера;

неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12,

п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства… следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с подп. «д» п. 4, подп. «а» п. 5, п. 6, подп. «а» п. 8, пп. 9, 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., профессиональных обязанностей перед доверителем А.В., выразившееся в том, что, приняв 17 февраля 2026 г. участие в следственных и иных процессуальных действиях в качестве защитника А.В. по уголовному делу, находящемуся в производстве Д. МРСО СУ по ГСУ СК России (составление протокола явки с повинной А.В.; задержание подозреваемой А.В., допрос подозреваемой А.В., предъявление А.В. обвинения, допрос обвиняемой А.В.), он:

– в ходе конфиденциального общения с доверителем А.В. не разъяснил ей существо предъявленного ей подозрения, а затем и обвинения, не выяснил ее отношение к предъявленному ей подозрению, а затем и обвинению, а также не разъяснил доверителю А.В. правовые последствия признания ею вины, не убедившись, что такое признание совершается добровольно и не является самооговором;

– не отреагировал на включение в протокол явки с повинной А.В. от 17 февраля 2026 г. недостоверных сведений о том, что А.В. добровольно обратилась в Д. МРСО СУ по …ГСУ СК России в 14.55 час., не принеся на указанный протокол каких-либо замечаний и не сделав по данным фактам каких-либо заявлений.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по жалобам адвоката А.В. и А.Д., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.29. Адвокату объявлено предупреждение за то, что она не разъяснила доверителям правила подсудности и намеревалась использовать факт рассмотрения судом дела с нарушением подсудности в качестве повода для апелляционного обжалования невыгодного доверителям судебного акта, не имея для этого правовых оснований. Вместе с тем Совет отметил, что адвокат действует в интересах доверителя и не обязан исправлять ошибки суда или процессуального оппонента.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителей Р., П., представителя адвоката С. – адвоката И. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Р. и П. от 8 апреля 2026 г. в отношении адвоката С.

Квалификационная комиссия 10 июня 2026 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности

и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед доверителями Р. и П., выразившемся в том, что она, зная актуальный адрес регистрации доверителей по месту жительства и о нарушении правил подсудности гражданского дела, рассматриваемого К. районным судом г. Москвы, умышленно не сообщила об этом суду, не заявила ходатайство о передаче указанного гражданского дела по подсудности в З. районный суд г. Москвы, указала в возражениях на исковое заявление недостоверный адрес места жительства доверителей, чем поставила свой личный интерес в рассмотрении указанного гражданского дела территориально удобным для нее судом и стремление создать для доверителей возможность обжалования неблагоприятного судебного акта выше установленных законом правил подсудности дела;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С. по жалобе Р. и П., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, обеспечила участие в заседании Совета своего представителя – адвокат И. Руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившейся адвоката С.

Представитель адвоката С. – адвокат И. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии она и ее доверительница получили, ознакомились с ним, с выводами Комиссии не согласны. Полагает, что определение подсудности является компетенцией суда, и ему ничто не мешало установить место регистрации ответчиков по делу. При этом со стороны адвоката С. отсутствовали какие-либо умышленные действия, направленные на несоблюдение закона и нарушение прав заявителей, и отсутствовал какой-либо личный интерес в рассмотрении гражданского дела заявителей в К. районном суде г. Москвы.

Заявители Р. и П. в заседании Совета сообщили, что Заключение Квалификационной комиссии получили, ознакомились с ним, с выводами Комиссии согласны частично, не согласны с выводом о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении дисциплинарного обвинения в некачественном оказании адвокатом С. юридической помощи, выразившемся в направлении заявителям копий возражений на исковое заявление лишь после вынесения судом решения по их гражданскому делу.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, признает, что Квалификационной комиссией правильно и полно установлены фактические обстоятельствах дела, однако с ее выводами соглашается частично и считает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

12 октября 2025 г. между адвокатом С. и доверителями Р. и П. было заключено соглашение об оказании юридической помощи, в соответствии с п. 1.1 которого

адвокат С. приняла на себя обязательство оказать доверителям юридическую помощь по представлению их интересов в К. районном суде г. Москвы по гражданскому делу по иску к ним индивидуального предпринимателя С.Ф. о взыскании задолженности. Пунктом 2.1 указанного соглашения вознаграждение адвоката С. было установлено в размере …руб. и подлежало оплате в следующем порядке: …руб. – в день заключения соглашения, …руб. – не позднее 27 октября 2025 года. 12 октября 2025 г. заявитель П. перевела на счет адвокатского кабинета адвоката С. …руб. и 25 октября 2025 г. – еще …руб.

27 октября 2025 года адвокат С. во исполнение поручения направила адвокатский запрос в Федеральную службу по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) о предоставлении сведений о постановке на учет индивидуального предпринимателя С.Ф. как лица, оказывающего посреднические услуги при осуществлении сделок с недвижимым имуществом, а 20 ноября 2025 г. – адвокатский запрос в ООО «…» о предоставлении сведений о публикации объявлений Р. о продаже объектов недвижимого имущества.

Кроме того, адвокат С. подготовила и 27 января 2026 г. представила в суд возражения на исковое заявление с приложением документов, подтверждающих доводы ответчиков, включая ответы на указанные адвокатские запросы. 3 марта 2026 г. адвокат С. представила в суд дополнительные возражения на исковое заявление.

3 марта 2026 г. К. районный суд г. Москвы вынес решение по гражданскому делу, которым исковые требования индивидуального предпринимателя С.Ф. к Р. и П. удовлетворил частично. С Р. и П. солидарно взысканы в пользу истца сумма долга в размере …руб., государственная пошлина в размере …руб., расходы на нотариальные услуги в размере …руб.

2 апреля 2026 г. заявитель Р. направила адвокату С. в мессенджере *MAX* несколько сообщений с просьбой предоставить все материалы их гражданского дела и с уведомлением о прекращении работы с ней: «*Мы все забираем, передаем другому адвокату*». Адвокат С. ответила, что находится в командировке и вернет все документы после возвращения в Москву. 6 апреля 2026 г. адвокат С. направила заявителям почтовым отправлением службой *EMS* с доставкой корреспонденции по тарифу «До двери» имеющиеся у нее материалы, о чем сообщила им в мессенджере и по электронной почте с приложением трек-номера почтового отправления.

В жалобе заявители Р. и П. выдвинули в отношении адвоката С. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в том, что она, зная адрес места жительства заявителей, не сообщила его К. районному суду, тем самым ввела в заблуждение заявителей и суд, в связи с чем были нарушены правила подсудности при рассмотрении гражданского дела;

2) в некачественном оказании юридической помощи, выразившемся:

– в представлении отзыва на исковое заявление на двух страницах со ссылкой на спор, рассмотренный другим судом;

– в направлении заявителям возражений на исковое заявление лишь после вынесения судом решения по указанному гражданскому делу;

– в возражениях против участия заявителей и дачи ими объяснений в судебных заседаниях;

3) в совершении действий, способствовавших удовлетворению исковых требований, предъявленных к заявителям.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в несообщении адвокатом С.

К. районному суду актуального адреса места проживания заявителей жалобы, в связи с чем были нарушены правила подсудности при рассмотрении гражданского дела, Совет пришел к следующим выводам.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в поданном истцом в К. районный суд г. Москвы исковом заявлении указан адрес места жительства ответчиков Р. и П.: г. Москва, ул. А. Этот адрес относится в территориальной подсудности К. районного суда г. Москвы. Одновременно установлено, что заявители Р. и П. с 10 июня 2024 г. зарегистрированы по адресу: г. Москва, ул. В., – и указанный адрес относится к территориальной подсудности З. районного суда г. Москвы. Таким образом, вышеуказанное исковое заявление было подано истцом в К. районный суд с нарушением правил подсудности, установленных ст. 28 ГПК РФ.

Адвокат С. признала, что ей был известен актуальный адрес регистрации заявителей. Однако в возражениях на исковое заявление адвокат С. указала тот же адрес места жительства заявителей, который был указан истцом: г. Москва, ул. В. Вместе с тем, возражая против рассматриваемого дисциплинарного обвинения, адвокат С. отметила, что истребование сведений о месте регистрации заявителей относится к исключительной компетенции суда, такие сведения имелись в материалах дела, и суд должен был дать им оценку. Она не сообщала суду актуальный адрес места жительства заявителей, поскольку собиралась использовать факт нарушения территориальной подсудности в качестве апелляционного довода при обжаловании решения суда.

Оценивая профессиональное поведение адвоката С. в рассматриваемой части, Квалификационная комиссия пришла к выводу, что оно противоречит не только буквальному смыслу ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи со ст. 28, 33 ГПК РФ и ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации, но и фундаментальным принципам честного, разумного и добросовестного исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката). Этот вывод Комиссия обосновала тем, что адвокат С. поставила свой личный интерес в рассмотрении указанного гражданского дела территориально удобным для нее судом и стремление создать для доверителей возможность обжалования неблагоприятного судебного акта выше императивных норм закона, способствуя нарушению судом фундаментальных правил подсудности дела.

С таким выводом Квалификационной комиссии Совет согласиться не может, поскольку он не основан ни на установленных Комиссией фактических обстоятельствах, ни на предъявляемых к адвокату профессионально-этических требованиях.

Во-первых, в материалах настоящего дисциплинарного производства отсутствуют доказательства наличия личного интереса адвоката С. в рассмотрении дела именно К. районным судом г. Москвы. Этот вывод сделан Комиссией исключительно на голословных утверждениях заявителей, в то время как адвокат С. эти доводы отвергала. Иных доказательств ее личного интереса не представлено.

Во-вторых, отсутствуют императивные нормы закона, обязывающие ответчика по делу либо его представителя – адвоката заявлять о нарушении подсудности и ходатайствовать о передаче гражданского дела по подсудности. Как указано выше, территориальную

подсудность дела выбрал истец, а не адвокат С. При этом ее доверители – заявители в настоящем дисциплинарном производстве заключили соглашение с адвокатом С. на представление их интересов именно в К. районном суде г. Москвы, самостоятельно не обращались ни к ней, ни к суду с заявлением о передаче дела в другой суд по подсудности, согласившись с предложением адвоката С. оставить это обстоятельство в качестве «тактического хода» на случай апелляционного обжалования невыгодного для заявителей решения суда. В свою очередь, судом не инициировались запросы в компетентные органы для установления места жительства ответчиков.

Помимо этого, Совет отмечает, что требования профессиональной этики не возлагают на адвоката обязанности по исправлению ошибок процессуального оппонента либо суда, особенно в тех случаях, когда это не отвечает интересам доверителя. Являясь по своему статусу, закрепленному законодательно (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), независимым профессиональным советником по правовым вопросам, адвокат самостоятельно определяет тактику ведения дела, включая целесообразность и момент заявления тех или иных доводов в интересах доверителя.

При таких обстоятельствах Совет признает избыточными, не основанными на установленных Квалификационной комиссией фактических обстоятельствах и применимых нормах законодательства и профессиональной этики, квалификацию действий адвоката С. как нарушающих требования ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также выводы Квалификационной комиссии о неисполнении адвокатом С. обязанности заявить ходатайство о передаче гражданского дела по подсудности в З. районный суд г. Москвы и о ее недобросовестности, выразившейся в том, что она поставила личный интерес выше норм законодательства о территориальной подсудности и сознательно пренебрегла законным правом доверителей на рассмотрение спора судом по месту их жительства. Совет исключает эту квалификацию и эти выводы из рассматриваемого дисциплинарного обвинения.

В то же время Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, отклоняет как несостоятельный и явно надуманный, не соответствующий применимым нормам гражданско-процессуального законодательства довод адвоката С. о том, что она планировала использовать факт нарушения подсудности при апелляционном обжаловании решения суда.

Согласно п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» нарушение судом первой инстанции норм процессуального права, устанавливающих правила подсудности, не является основанием для применения судом апелляционной инстанции п. 1 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ. Решение суда может быть отменено ввиду нарушения подсудности, если на нарушение правил подсудности указано в апелляционных жалобе, представлении, и суд апелляционной инстанции установит, что *лицо, подавшее жалобу,* или прокурор, принесший представление, *заявляли в суде первой инстанции ходатайство о неподсудности дела этому суду и о передаче его по подсудности в соответствующий суд* или арбитражный суд, либо что у них отсутствовала возможность заявить в суде первой инстанции такое ходатайство по причине их неизвещения о времени и месте судебного заседания или

непривлечения к участию в деле либо вследствие невозможности явиться в суд по уважительной причине, а также если нарушены правила подсудности, установленные ст. 26 и 27 ГПК РФ, либо правила об исключительной подсудности.

Являясь профессиональным советником по правовым вопросам, адвокат С. не могла не знать, что незаявление ходатайства о передаче дела по подсудности в суде первой инстанции лишает данный довод какого-либо правового значения в апелляционной инстанции. Следовательно, ссылка на это намерение как на «тактический ход» объективно не имела правовых перспектив.

При таких обстоятельствах Совет, согласившись в данной части с Квалификационной комиссией, пришел к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед доверителями Р. и П., выразившемся в том, что она, зная актуальный адрес регистрации доверителей по месту жительства и о нарушении правил подсудности гражданского дела, рассматриваемого К. районным судом г. Москвы, не разъяснила Р. и П. положения п. 56 упомянутого выше постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 и намеревалась использовать факт рассмотрения судом дела с нарушением подсудности в качестве повода для апелляционного обжалования невыгодного доверителям судебного акта, не имея для этого правовых оснований.

В оставшейся части дисциплинарных обвинений Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката С. неопровергнутой, в связи с чем дисциплинарное производство в соответствующей части подлежит прекращению. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Как указано выше, формирование тактики дела в интересах доверителя, заключающейся в том числе в определении необходимости, целесообразности и момента совершения адвокатом конкретных процессуально значимых действий, во всех случаях относится к исключительной компетенции самого адвоката как независимого профессионального советника по правовым вопросам. Органы адвокатского самоуправления не вмешиваются в тактику, определяемую самим адвокатом при ведении конкретного дела. Критической оценке со стороны органов адвокатского самоуправления могут быть подвергнуты только такие нарушения норм законодательства, которые в силу явного и грубого их характера влекут неисполнение адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем или наступление негативных публично-правовых последствий. Вопросы о том, какие отзывы и возражения было необходимо готовить и в какой момент заявлять адвокату С., как отстаивать интересы заявителей в судебном процессе, относятся к выбранной адвокатом тактике ведения гражданского дела, в которую органы адвокатского самоуправления не вправе вмешиваться.

Кроме того, в соответствии с положениями подп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно не только указать в жалобе на обстоятельства, подтверждающие доводы жалобы, но также и подтвердить их соответствующими доказательствами. Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права

на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и указано выше, адвокат С. 27 января 2026 г. подала возражения на исковое заявление на пяти листах, а затем 3 марта 2026 г. – дополнительные возражения на четырех листах. В указанных возражениях изложены обстоятельства дела, правовое обоснование позиции ответчиков со ссылками на нормы права и применимую судебную практику, а также анализ доказательств. Таким образом, довод заявителей о подготовке адвокатом С. отзыва на иск на двух страницах опровергается материалами дисциплинарного производства. Кроме того, сам по себе объем возражений (отзыва) на иск не может свидетельствовать о ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей, если в них приведены все необходимые для обоснования позиции доверителей правовые и фактические доводы. Представленные адвокатом С. возражения на исковое заявление содержат развернутую правовую позицию, ссылки на нормы права и оценку доказательств.

Довод заявителей о том, что они получили возражения на иск лишь после вынесения судом 3 марта 2026 года решения по делу, опровергается материалами дисциплинарного производства. Согласно переписке сторон в мессенджере 27 января 2026 г. адвокат С. направила Р. файл с возражениями на иск в формате *pdf*, а 3 марта 2026 года – еще три документа в указанном формате.

Также не нашли своего подтверждения доводы заявителей о возражениях адвоката С. против участия заявителей и дачи ими объяснений в судебных заседаниях по указанному гражданскому делу. Доказательств данных дисциплинарных обвинений заявителями не представлено. В переписке участников дисциплинарного производства не содержится каких-либо подтверждений этого довода заявителей, как не содержится и их просьб об участии в судебных заседаниях. Вопрос участия заявителей в судебных заседаниях в данной переписке не обсуждался. Отсутствуют и доказательства того, что адвокат С. каким-либо образом препятствовала заявителям явиться в судебные заседания.

Доводы жалобы о том, что адвокат С. «сделала все, чтобы наш оппонент выиграл суд», также не конкретизированы и не подтверждены доказательствами. В жалобе заявителей не указано, какие именно действия адвоката С. были, по их мнению, совершены не в их интересах. Заявители не привели ни одного фактического эпизода, который свидетельствовал бы о таком поведении адвоката С. В свою очередь, адвокат С. утверждает, что добросовестно выполнила свои обязательства по соглашению об оказании юридической помощи, заключенном с доверителями, и ее действия были направлены исключительно на защиту их интересов. Как указано выше, адвокат С. представила письменные объяснения и возражения на исковое заявление, из которых следует, что она руководствовалась согласованной с доверителями правовой позицией.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката С. неопровергнутой в оставшейся части дисциплинарных обвинений.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката С.

за допущенное нарушение, Совет учитывает, что адвокатом допущено грубое нарушение процессуального законодательства, сопряженное с ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей перед доверителями. В то же время Совет принимает во внимание отсутствие у адвоката С. дисциплинарных взысканий. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителями Р. и П., выразившееся в том, что она, зная актуальный адрес регистрации доверителей по месту жительства и о нарушении правил подсудности гражданского дела, рассматриваемого К. районным судом г. Москвы, не разъяснила Р. и П. положения п. 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 года № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» и намеревалась использовать факт рассмотрения судом дела с нарушением подсудности в качестве повода для апелляционного обжалования невыгодного доверителям судебного акта, не имея для этого правовых оснований.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по жалобе Р. и П., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.30. Адвокат лишен статуса за размещение в Интернете недостоверной информации о своем образовании и стаже профессиональной деятельности и иной недопустимой информации, а также за ненадлежащую формализацию отношений с доверителем и неисполнение принятого поручения по подготовке жалобы председателю Верховного Суда РФ или его заместителю на постановление судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя З. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе З. от 13 апреля 2026 г. в отношении адвоката Ш.

Квалификационная комиссия 10 июня 2026 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Ш. положений ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся:

– в размещении на сайте «Авито» недостоверной информации о дате по-

лучения им высшего юридического образования (степени магистра юриспруденции) и опыте работы по юридической специальности;

– в опубликовании им на своем персональном сайте недостоверных сведений об имеющейся более чем 20-летней судебной практике, связанной с представительством доверителей в гражданских процессах, ведением уголовных дел, сопровождением свидетелей на допросах, а также отзывов, содержащих оценочные характеристики его работы;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем З., выразившемся в том, что адвокат Ш. не позднее 12 января 2026 г. принял поручение З. на оказание ему юридической помощи без заключения соглашения в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения, а также в том, что, получив от доверителя З. 12 и 15 января 2026 г. в счет оплаты юридической помощи денежные средства в общей сумме …руб. на свой личный банковский счет, адвокат Ш. не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и, соответственно, не выдал доверителю З. финансовый документ по проведению операций с его денежными средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

3) о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Ш. своих профессиональных обязанностей перед доверителем З., выразившемся в том, что, заключив с доверителем в устной форме соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее обжалование постановления судьи Верховного Суда РФ от 10 ноября 2025 г. об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, адвокат Ш. в период с 12 января по 13 марта 2026 г. так и не выполнил принятое поручение, подготовив вместо жалобы на указанное постановление судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции на имя Председателя Верховного Суда РФ или его заместителя, кассационную жалобу, адресованную Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ш. по жалобе З., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Ш. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель З. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлен и согласен. Настаивает на том, что с учетом тяжести допущенных адвокатом Ш. дисциплинарных проступков и крайней степени проявленной им недобросовестности необходимо применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат Ш., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии (служебная записка сотрудника аппарата Адвокатской палаты города

Москвы от 18 августа 2026 г.), в заседание Совета не явился, о невозможности явки в связи с уважительной причиной не сообщил, участие представителя не обеспечил, отношения к Заключению Квалификационной комиссии не выразил. Руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося адвоката Ш.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной Комиссией, однако с ее выводами соглашается частично и полагает необходимым изменить квалификацию одного из дисциплинарных нарушений, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве Г. районного суда г. Москвы находилось уголовное дело по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ. 12 августа 2024 г. по делу был вынесен приговор, оставленный без изменения апелляционным определением М. городского суда от 11 ноября 2024 г. Кассационным определением …кассационного суда общей юрисдикции от 2 сентября 2025 г. указанные приговор и апелляционное определение оставлены без изменения, кассационная жалоба потерпевшего З. – без удовлетворения.

27 октября 2025 г. в Верховный Суд РФ поступила кассационная жалоба потерпевшего З. на указанные судебные решения. 10 ноября 2025 г. судья Верховного Суда Российской Федерации… вынесла постановление об отказе в передаче кассационной жалобы потерпевшего З. для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Не позднее 12 января 2026 г. З., ознакомившись с персональным сайтом адвоката Ш. и объявлением на сайте «Авито», содержащими сведения относительно опыта работы адвоката Ш. и его образовании (в частности, было указано: «…опыт работы: 10 лет и больше» и «в моей более чем 20 летней судебной практике…» (при этом на «Авито» указано, что степень магистра получена им в 2007 г.) и отзывы о его деятельности, обратился к этому адвокату за юридической помощью по обжалованию упомянутого постановления судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационной жалобы. Между заявителем З. и адвокатом Ш. была достигнута устная договоренность об обжаловании названного постановления. Письменное соглашение об оказании юридической помощи не заключалось.

12 января 2026 г. З. перевел на личный банковский счет адвоката Ш., открытый в АО «…», денежные средства в размере …руб., в назначении платежа указано: «Оплата по соглашению от 12 января 2026 г. об оказании юридической помощи. Обжалование постановления судьи Верховного Суда РФ, вынесенного 10 ноября 2025 г. по кассационной жалобе № …». 15 января 2026 г. З. перевел на тот же банковский счет адвоката Ш. еще …руб., в назначении платежа указано: «Доплата по соглашению от 12 января 2026 г. об оказании юридической помощи. Обжалование постановления судьи Верховного Суда РФ, вынесенного 10 ноября 2025 г. по кассационной жалобе № …».

Во исполнение принятого поручения адвокат Ш. составил и направил З. проект кассационной жалобы от имени последнего, адресованной Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ. В этом проекте содержится

просьба об отмене приговора Г. районного суда г. Москвы от 12 августа 2024 г., апелляционного определения М. городского суда от 11 ноября 2024 г. и кассационного определения …кассационного суда общей юрисдикции от 2 сентября 2025 г. в связи с их незаконностью и необоснованностью и о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

13 марта 2026 г. заявитель З. посредством Почты России и по электронной почте направил адвокату Ш. «досудебную претензию», содержащую требование о возврате …руб. ввиду того, что адвокат Ш. не составил и не подал жалобу на имя председателя Верховного Суда РФ.

В своей жалобе заявитель З. выдвигает в отношении адвоката Ш. дисциплинарные обвинения в том, что последний:

– разместил в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на своем персональном сайте и своей странице на сайте «Авито» недостоверную информацию о своем образовании и стаже профессиональной деятельности, а также отзывы третьих лиц о его работе, на которые заявитель ориентировался при обращении к адвокату за юридической помощью;

– допустил множественные грамматические ошибки в текстах, размещенных на персональном сайте;

– не заключил с доверителем соглашение об оказании юридической помощи в письменной форме и получил денежные средства заявителя на личный банковский счет;

– уклонился от исполнения принятого поручения, никаких действий для обжалования постановления судьи Верховного Суда РФ от 10 ноября 2025 г. не предпринял, подменил предмет поручения и вместо обжалования постановления судьи Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2025 г. составил проект кассационной жалобы в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ;

– допустил множественные ошибки в проекте кассационной жалобы и использовал при ее написании текст, ранее составленный заявителем;

– ссылался на необходимость предоставления ему нотариальной доверенности для представления интересов заявителя в Верховном Суде РФ.

В ходе дисциплинарного разбирательства адвокат Ш. все выдвинутые дисциплинарные обвинения отрицал. Пояснял, что не размещал сведения о себе на сайте «Авито», а соглашение с заявителем подписано не было, поскольку сам З. отказался его подписать. При этом утверждал, что принятые поручения З. им исполнены. Информация об образовании и профессиональном стаже, размещенная на сайте адвоката Ш., соответствует действительности, поскольку до получения статуса адвоката он длительное время практиковал в судах и достигал положительных результатов. Конфликт со З. возник в результате того, что тот отказался представить надлежаще оформленную доверенность по иному соглашению. Полагает, что уголовно-процессуальное законодательство предусматривает «различные порядки» обжалования постановления судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационной жалобы на рассмотрение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, и выбор конкретного порядка обжалования зависит от того, вступило ли такое постановление в законную силу. Он выполнил поручение по обжалованию указанного судебного решения, избрав для этого надлежащую процедуру, в связи с чем каких-либо нарушений в своих действиях не находит.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в размещении адвокатом Ш.

в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на своем персональном сайте и странице на сайте «Авито» недостоверной информации, на которую заявитель ориентировался при обращении к адвокату за юридической помощью, Совет отмечает следующее. Согласно подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката информация об адвокате и адвокатском образовании допустима, если она не содержит: 1) оценочных характеристик адвоката; 2) отзывов других лиц о работе адвоката; 3) сравнений с другими адвокатами и критики других адвокатов; 4) заявлений, намеков, двусмысленностей, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей или вызывать у них безосновательные надежды.

Согласно Разъяснению Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденному Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. (см. Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2023. № 1 (81). С. 47–48), «при размещении информации об адвокате или адвокатском образовании в сети “Интернет” адвокат и адвокатское образование должны соблюдать требования, предусмотренные Федеральным законом “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, Кодексом профессиональной этики адвоката, Правилами поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, утвержденными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 г., Рекомендациями по ведению сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката, утвержденными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 сентября 2022 г., а также руководствоваться разъяснениями Комиссии от 28 января 2016 г. по вопросам применения пункта 1 статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката и от 17 апреля 2019 г. по вопросам применения пункта 1 статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката».

В пп. 1.1 и 1.2 Рекомендаций по ведению сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 сентября 2022 г. (см. Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2022. № 4 (80). С. 32–38) указано:

«В основе взаимоотношений между адвокатом и доверителем лежит доверие. Построение доверительных отношений в первую очередь зависит от действий самого адвоката, в том числе и тех, которые касаются размещения им информации о себе в публичном пространстве.

Информирование о деятельности адвокатского образования и профессиональной деятельности адвоката возможно с помощью использования официального интернет-сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката в информационно-телекоммуникационной сети ‘‘Интер-

нет''. Цель создания таких сайтов – довести достоверную информацию об адвокатском образовании или о конкретном адвокате до сведения неопределенного круга пользователей».

Согласно п. 5.3 указанных Рекомендаций недопустимо размещать на сайте анонимные (неверифицированные), двусмысленные и оценочные отзывы третьих лиц о профессиональной деятельности адвоката. В соответствии с примечанием к указанному пункту верифицированным является отзыв, содержащий достоверное и полное указание на его автора, т.е. фамилию, имя, отчество физического лица или юридическое наименование компании и должность автора отзыва.

На указанной заявителем странице на сайте «Авито», помимо письменных сведений об адвокате Ш., содержатся фотографии его диплома о высшем юридическом образовании и удостоверения Международного союза (Содружества) адвокатов, выданного Ш. Представленная на сайте копия диплома о высшем юридическом образовании соответствует как данным, размещенным на персональном сайте адвоката Ш. (вуз, дата выдачи, серия и номер), так и копии, приложенной к служебной записке руководителя отдела кадров Адвокатской палаты города Москвы… Факт своего членства в Международном союзе (Содружестве) адвокатов адвокат Ш. подтвердил в ходе дисциплинарного разбирательства.

В разделе «Образование, курсы» этого объявления указано: «степень магистра юриспруденции – 2007 год. Красный диплом магистра юриспруденции». В том же объявлении на сайте «Авито» содержится указание на «опыт работы десять и более лет», а на персональном сайте адвоката Ш. – указание на наличие у него более чем 20-летней «успешной судебной практики».

Помимо этого, на персональном сайте адвоката Ш. содержатся отзывы Ч. и Т., опубликованные 20 октября и 28 декабря 2023 г. соответственно, в которых указывается: «…это не просто грамотный адвокат, это чуткий человек, который всегда отнесется к вашей проблеме с пониманием и высоким профессионализмом», «очень довольна»; «действительно профессиональный адвокат», «правильно выбранная стратегии защиты», «глубокое знание законов, внимание и правильная ориентированность».

Как указано выше, адвокат Ш. отрицал размещение им информации о себе на сайте «Авито». Между тем по представленной заявителем ссылке действительно содержится объявление об оказании «услуг адвоката», в котором приведены сведения именно об адвокате Ш.

Согласно Разъяснению Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 г., личная вовлеченность адвоката в процесс формирования содержания сайта в сети «Интернет» может быть установлена не только на основании регистрационных сведений об адвокате как о владельце или администраторе сайта, но также в случае, если объем и содержание размещенной в сети «Интернет» информации об адвокате явно свидетельствуют о невозможности ее получения иными лицами без участия самого адвоката.

Как указано выше, на сайте «Авито», помимо письменных сведений об адвокате Ш., содержатся фотографии его диплома о высшем юридическом образовании и удостоверения Международного союза (Содружества) адвокатов. При этом копии указанных документов

на персональном сайте адвоката Ш. не размещены. Следовательно, свободный доступ третьих лиц к этим документам без ведома и согласия последнего невозможен. Кроме того, отсутствуют разумные основания для сомнений в том, что кто-либо, кроме самого адвоката Ш., мог без его ведома и согласия разместить объявление об оказании им юридической помощи с указанием ее стоимости.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что, вопреки доводам адвоката Ш., рассматриваемое объявление на сайте «Авито» было создано непосредственно им либо по его просьбе (с его согласия) и при его непосредственном участии.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что степень магистра юриспруденции была получена адвокатом Ш. лишь в 2022 г. При этом, как указано выше, в рассматриваемом объявлении указано: «Степень магистра юриспруденции – 2007 год. Красный диплом магистра юриспруденции». Таким образом, размещенная в объявлении информация об образовании адвоката Ш. является недостоверной и вводящей в заблуждение. Это же относится и к указанию в том же объявлении на «опыт работы десять и более лет» и указанию на персональном сайте адвоката Ш. на наличие у него более чем 20-летней «успешной судебной практики», поскольку эти сведения не соответствуют действительности и сведениям о трудовой деятельности адвоката Ш., указанных им самим в анкете, составленной при изменении членства в Адвокатской палате …Республики на Адвокатскую палату города Москвы.

Так, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что Ш. в июне 2011 г. окончил НОУ ВПО «…», получив диплом о высшем образовании, в соответствии с которым ему присвоена квалификация «экономист по направлению специальности финансы и кредит». В апреле 2022 г. адвокат Ш. окончил магистратуру Аккредитованного образовательного частного учреждения высшего образования «…» по направлению подготовки «Юриспруденция», получив диплом магистра с отличием.

Адвокат Ш. является членом Адвокатской палаты города Москвы с 30 мая 2024 г. в связи с изменением предыдущего членства в Адвокатской палате … Республики, где 27 сентября 2023 г. он приобрел статус адвоката.

До приобретения статуса адвоката Ш. в период до 2009 г. замещал различные должности, в том числе плотника, менеджера, учителя математики, продавца-консультанта, менеджера по продажам, менеджера по снабжению, снабженца, с 21 января 2009 г. по 4 марта 2020 г. и с 16 июля 2022 г. по 20 сентября 2023 г. занимал должность генерального директора ООО «…», а с 5 марта 2020 г. по 15 июля 2022 г. работал помощником адвоката в Московской городской коллегии адвокатов.

Довод адвоката Ш. о том, что с 2010 г. он представлял интересы иных лиц в судах, Совет отклоняет как несостоятельный и надуманный, поскольку никаких подтверждающих его доказательств представлено не было. Голословные ссылки на наличие доверенностей в архиве ООО «…» таким подтверждением считаться не могут. Более того, факт выдачи доверенности на представление интересов в суде сам по себе не доказывает ни участия представителя в судебных процессах ни, тем более, достижения благоприятных для доверителя результатов. Помимо этого, участие в судебных заседаниях лица, имеющего не юридическое, а экономическое образование, даже если оно и имело место, невозможно отнести к профессиональной юридической деятельности.

Совет также отмечает, что указания на «опыт работы» в контексте объявления о предоставлении «услуг адвоката» и на стаж «судебной практики» имеют очевидную цель привлечения потенциальных доверителей путем создания у них убежденности в наличии у адвоката Ш. длительного юридического стажа и высокой профессиональной компетентности. Таким образом, размещение адвокатом Ш. описанной выше не соответствующей действительности информации об образовании и профессиональном опыте направлено на введение в заблуждение потенциальных доверителей.

Совет отмечает, что генеральным директором ООО «…», в котором адвокат Ш. является единственным участником, является Ч., чьи фамилия, имя и отчество совпадают с фамилией, именем и отчеством автора одного из опубликованных отзывов об адвокате Ш. на его персональном сайте. При этом отзыв Ч. был опубликован вскоре после получения адвокатом Ш. статуса адвоката. Совокупность названных обстоятельств хотя и не доказывает фальсификации указанного отзыва, но создает ситуацию двусмысленности вокруг него.

Помимо этого, отзывы Ч. и Т., вопреки приведенному выше запрету, содержат оценочные характеристики адвоката Ш. и его профессиональной деятельности: «…это не просто грамотный адвокат, это чуткий человек, который всегда отнесется к вашей проблеме с пониманием и высоким профессионализмом», «очень довольна»; «действительно профессиональный адвокат», «правильно выбранная стратегии защиты», «глубокое знание законов, внимание и правильная ориентированность».

По этим причинам Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом Ш. требований ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката при описанных обстоятельствах.

В связи с доводом жалобы о наличии множественных грамматических ошибок в текстах, размещенных на персональном сайте адвоката Ш., Совет отмечает, что недостаточный уровень владения грамматикой русского языка хотя и не относится к достоинствам адвоката, однако сам по себе не свидетельствует о виновном нарушении им законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также требований профессиональной этики.

Дисциплинарные обвинения в незаключении адвокатом Ш. соглашения об оказании юридической помощи с заявителем З. в письменной форме и в получении им денежных средств заявителя на личный банковский счет без их надлежащего оприходования и выдаче доверителю подтверждающего документа также нашли подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства.

Согласно ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» «адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем» (п. 1), которое представляет собой «гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу» (п. 2); к числу существенных условий соглашения об оказании юридической помощи относятся: указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате (подп. 1 п. 4); предмет поручения (подп. 2 п. 4); условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую

помощь (подп. 3 п. 4); порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения (подп. 4 п. 4); размер и характер ответственности адвоката, принявшего поручения (подп. 5 п. 4).

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем.

Заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение указанных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам, а как лица, которое, пользуясь своими связями и знакомствами в правоохранительной системе, оказывает различного рода услуги неясной правовой природы. Все это, будучи тем или иным образом обнаружено, в конечном счете подрывает доверие граждан, общества и государства к адвокатам и адвокатуре как важнейшему правозащитному институту.

В соответствии с п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, подлежит обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Несоблюдение адвокатом этой обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя, поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может затруднить заявителю защиту его прав и охраняемых законом интересов. Вместе с тем бездействие адвоката, выразившееся в том числе в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, подрывает независимость адвоката, исключает установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлено к подрыву доверия.

Обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанностью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных им в счет вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования.

При этом в тех случаях, когда адвокатом были допущены нарушения порядка (формы) заключения соглашения с доверителем, порядка оприходования полученных от доверителя денежных

средств (вознаграждения за юридическую помощь или компенсации расходов), адвокат в период действия соглашения имеет возможность устранить допущенные нарушения.

Согласно п. 1 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 г. в соответствии со ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение заключается между доверителем и адвокатом (адвокатами) в двух экземплярах. Получение, равно как и отказ в получении доверителем экземпляра соглашения должны быть подтверждены его подписью на экземпляре, остающемся у адвоката. Эти Разъяснения приняты Советом в пределах его компетенции и подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ч. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Как указано выше, адвокат Ш. не отрицал, что письменное соглашение об оказании юридической помощи оформлено и подписано не было, однако, несмотря на это, он приступил к оказанию юридической помощи по подготовке кассационной жалобы.

Доказательств внесения денежных средств в размере …руб., уплаченных заявителем З. за оказание юридической помощи адвокату Ш. на личный банковский счет последнего, в кассу адвокатского образования и их оприходовании, равно как и о выдаче З. соответствующих подтверждающих документов, в материалах дисциплинарного производства не имеется.

В связи с изложенным Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем З. при описанных обстоятельствах.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в уклонении адвоката Ш. от исполнения принятого поручения и подмене его предмета, Совет отмечает следующее.

Несмотря на то, что между адвокатом Ш. и заявителем З. соглашение об оказании юридической помощи в письменной форме не заключалось, согласованный между ними в устной форме предмет принятого адвокатом Ш. поручения вне разумных сомнений состоял в обжаловании постановления судьи Верховного Суда РФ от 10 ноября 2025 г.

Так, в проекте соглашения от 12 января 2026 г., направленном заявителю адвокатом Ш. (что последний не оспаривает), указан следующий предмет поручения: «Обжалование постановления судьи Верховного Суда Российской Федерации, вынесенного 10 ноября 2025 г. по кассационной жалобе № … на приговор Г. районного суда города Москвы от 12 августа 2024 г., апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 11 ноября 2024 г. и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам …кассационного суда общей юрисдикции от 02 сентября 2025 г. в отношении осужденного А.». Такое же назначение двух платежей адвокату Ш. было указано заявителем З. при осуществлении соответствующих переводов.

Адвокат Ш. также не отрицал принятие именно указанного поручения.

В соответствии с ч. 5 ст. 401.10 УПК РФ Председатель Верховного Суда РФ,

его заместитель вправе не согласиться с постановлением судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и вынести постановление об отмене такого постановления и о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не предусматривает иного порядка обжалования таких постановлений и не наделяет судебные коллегии Верховного Суда РФ полномочиями по их пересмотру. Адвокат Ш. как профессиональный советник по правовым вопросам обязан знать эти положения законодательства и руководствоваться ими.

Однако вопреки этим требованиям адвокат Ш. составил проект кассационной жалобы, предназначенный для подачи в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ, заведомо не наделенную полномочиями по ее рассмотрению. Каких-либо иных действий по исполнению принятого поручения З. адвокат Ш. не предпринимал.

Доводы адвоката Ш. о якобы существующих «различных порядках» обжалования постановлений судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, равно как и о том, что он не мог исполнить взятое на себя обязательство, поскольку З. не выдал ему доверенность, Совет отклоняет как несостоятельные и не соответствующие требованиям применимого законодательства.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Ш. при описанных обстоятельствах в период с 12 января по 13 марта 2026 г. так и не выполнил принятое поручение о подготовке жалобы на постановление судьи Верховного Суда РФ от 10 ноября 2025 г. об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Квалификационной комиссией указанные действия адвоката Ш. квалифицированы как нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката. При этом какого-либо обоснования квалификации рассматриваемого нарушения по п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики в Заключении Квалификационной комиссии не приведено. По этой причине Совет не может согласиться с предложенной Комиссией квалификацией рассматриваемого нарушения в данной части. Совет полагает, что адвокатом Ш. проявлена профессиональная некомпетентность, связанная с незнанием либо непониманием соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства и отсутствием опыта исполнения подобных поручений повышенной сложности. Доказательств того, что он изначально не намеревался исполнять принятое поручение, не имеется. Напротив, он подготовил и представил доверителю проект кассационной жалобы, не соответствующий требованиям к надлежащему оказанию квалифицированной юридической помощи. По этим причинам Совет квалифицирует рассматриваемые действия адвоката Ш. как нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката и исключает из квалификации этого нарушения указание на п. 2 ст. 5

и п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката как избыточное.

С учетом описанной корректировки квалификации Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ш. в части рассмотренных дисциплинарных нарушений опровергнутой, а его умышленную вину в их совершении установленной.

Дисциплинарные обвинения в том, что адвокат Ш. допустил множественные ошибки в проекте кассационной жалобы и использовал при его подготовке текст, ранее составленный заявителем, охватываются выводом о неисполнении адвокатом принятого поручения и дополнительной квалификации не требуют. Это же относится и к дисциплинарному обвинению в том, что адвокат Ш. ссылался на необходимость предоставления ему нотариальной доверенности для представления интересов заявителя в Верховном Суде РФ. По этим причинам дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ш. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их множественный, умышленный и злостный характер, сопряженный с явной некомпетентностью и грубым игнорированием базовых основополагающих требований к оказанию квалифицированной юридической помощи, исполнению профессионально-этических обязанностей перед доверителем и публичному поведению. Совокупность описанных обстоятельств в сочетании с отсутствием должной критической оценки адвокатом Ш. совершенных им нарушений убедительно показывает, что он не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие цели, не соответствующие предназначению адвоката. При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Ш. недопустимым, наносящим вред авторитету адвокатуры и несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества, и в силу этого приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не усматривает оснований для применения к адвокату Ш. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Ш. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершенные им грубые нарушения профессиональных правил совместимы со статусом адвоката. Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных нарушений.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификаци-

онной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого адвокат Ш. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности Ш., считает необходимым установить этот срок в 1 (один) год.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 и п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

– нарушение требований ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся:

в размещении на сайте «Авито» недостоверной информации о дате получения им высшего юридического образования (степени магистра юриспруденции) и опыте работы по юридической специальности;

в опубликовании им на своем персональном сайте недостоверных сведений об имеющейся более чем 20-летней судебной практике, связанной с представительством доверителей в гражданских процессах, ведением уголовных дел, сопровождением свидетелей на допросах, а также отзывов, содержащих оценочные характеристики его работы;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем З., выразившееся в том, что он не позднее 12 января 2026 г. принял поручение З. на оказание ему юридической помощи без заключения соглашения в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения, а также в том, что, получив от доверителя З. 12 и 15 января 2026 г. в счет оплаты юридической помощи денежные средства в общей сумме …руб. на свой личный банковский счет, он не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и, соответственно, не выдал доверителю З. финансовый документ по проведению операций с его денежными средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т. п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем З., выразившееся в том, что, заключив с доверителем в устной форме соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее обжалование постановления судьи Верховного Суда РФ от 10 ноября 2025 г. об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, он в период с 12 января по 13 марта 2026 г. так и не выполнил принятое

поручение, подготовив вместо жалобы Председателю Верховного Суда Российской Федерации или его заместителю на постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2025 г. об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, проект кассационной жалобы, адресованной Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, не имеющей полномочий по ее рассмотрению.

Установить срок, по истечении которого Ш. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 1 (один) год.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ш. по жалобе З., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Ш. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.31. Совет прекратил статус адвоката за системное включение недопустимых условий в соглашение об уголовной защите и оставление доверителя без юридической помощи. Так, адвокат включил в соглашение с доверителем условия о приостановлении защиты из-за неоплаты, не установив срока оплаты и процедуры предварительного предупреждения, о праве на односторонний отказ от защиты, об ограничении защиты шестимесячным сроком, а не стадией судопроизводства, о невозврате гонорара при досрочном расторжении соглашения доверителем, о неопределенных «ставках» гонорара, об увеличении вознаграждения при расхождении позиций с доверителем, иные дискриминационные в отношении доверителя условия, а также некорректно определил сторону соглашения и режим адвокатской тайны. Кроме того, адвокат отказался осуществлять защиту доверителя из-за неоплаты вознаграждения, уведомив доверителя о своей неявке в судебное заседание за 10 минут до его начала, тем самым оставив доверителя без квалифицированной юридической помощи.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката С. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы К. от 12 марта 2026 г. № ... в отношении адвоката С.

Квалификационная комиссия 15 апреля 2026 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом С.:

1) положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 3 и 4 Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. (Протокол № 18), выразившемся во включении адвокатом С. в Соглашение от 8 августа 2025 г. № … (далее – Соглашение) об оказании юридической помощи И. по уголовному делу условия, содержащегося в п. 4.3, согласно которому «в случае несвоевременной оплаты, если такая оплата должна быть произведена, исполнение обязательств исполнителем приостанавливается на время неоплаты»; в не-

указании в Соглашении сроков оплаты вознаграждения и процедуры уведомления доверителя о приостановлении оказания ему юридической помощи; в неявке 2 октября 2025 г. в судебное заседание по указанному уголовному делу в связи неоплатой доверителем вознаграждения за оказание ему юридической помощи и в извещении доверителя – подсудимого И. о своей неявке в судебное заседание за 10 минут до его начала и в оставлении тем самым доверителя И. без квалифицированной юридической помощи;

2) положений подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 21, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в указании во вводной части Соглашения об оказании юридической помощи И. в качестве стороны соглашения адвокатского кабинета адвоката С. в лице его руководителя адвоката С., а не адвоката С., и в указании в заключительной части Соглашения, содержащей сведения о его сторонах и их реквизитах, в качестве «Исполнителя» – адвокатского кабинета адвоката С. и его юридического адреса, в то время как адвокатский кабинет не является юридическим лицом и не имеет юридического адреса;

3) положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями № 6 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», утвержденными Советом Адвокатской палаты города Москвы 30 мая 2013 г., выразившемся в заключении с доверителем И. упомянутого соглашения, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде г. Москвы по уголовному делу только в течение шести месяцев, а не на всей стадии уголовного судопроизводства в суде первой инстанции;

4) положений подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в упомянутое соглашение, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде г. Москвы по уголовному делу, носящих неопределенный и неконкретный характер условий об увеличении размера вознаграждения адвоката на 50% «в случае расхождения позиций доверителя и исполнителя» (п. 4.2), о том, что доверитель ознакомлен с «ценами на оказание юридических услуг» (п. 5.10), а также указании в п. 5.7 Соглашения о «расценках на оказание юридической помощи» и «ставках», «установленных в Кабинете адвоката», при отсутствии в Соглашении расценок и минимальных ставок на оказание юридической помощи;

5) положений подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в упомянутое соглашение, заключенное с И., носящего дискриминационный, неопределенный и неконкретный характер условия, содержащегося в п. 3.4 Соглашения, о том, что доверитель обязан «осуществлять юридически значимые действия по предмету договора, в том числе: контакты с любыми лицами, касающиеся предмета настоящего договора, скреплять своей подписью юридически значимые документы, могущие повлиять на ход движения дела,» «только с согласия Исполнителя, причем согласием в последнем случае считается визирование подписи Доверителя Исполнителем на документе или устно с по-

следующей фиксацией в тексте договора в Приложении № 1»;

6) положений ч. 7 ст. 49 УПК РФ, подп. 6 п. 4 ст. 6, подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, во взаимосвязи с п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., выразившемся во включении в упомянутое соглашение, предусматривающее защиту И. в Т. районном суде г. Москвы по уголовному делу, недопустимых условий, содержащихся в пп. 2.3 и 5.4 Соглашения, предоставляющих адвокату право одностороннего отказа от исполнения обязательства по защите подсудимого;

7) положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 г., выразившемся во включении в пп. 5.5, 5.6, 5.7, 5.8 упомянутого соглашения, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде г. Москвы по уголовному делу, условий о невозврате (удержании) адвокатом вознаграждения при расторжении Соглашения по инициативе доверителя и о праве адвоката определять «уважительность причины» такого решения доверителя;

8) положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 г., выразившемся в неподтверждении факта получения доверителем И. экземпляра Соглашения с его подписью на экземпляре Соглашения адвоката С.;

9) положений подп. 1 п. 1 ст. 7, 8, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ст. 6, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в водную часть Соглашения, предусматривающего защиту И. в упомянутом суде по уголовному делу, неясного определения «Доверителя», не соответствующего предмету Соглашения и допускающего неопределенность в отношении стороны Соглашения, а также определения адвокатской тайны, ставящего возможность ее разглашения в зависимость от воли адвоката С., а не доверителя.

Адвокат С. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, полностью согласился с ним. Пояснил, что после получения Заключения Комиссии им полностью переработан текст соглашения об оказании юридической помощи в соответствии с требованиями Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палаты города Москвы. Прежним вариантом соглашения он пользовался в течение многих лет, позаимствовав его в адвокатском образовании, в котором состоял ранее, и не вдумываясь в его содержание. В настоящее время осознает недопустимый характер тех условий Соглашения, на которые указала Квалификационная комиссия. Признал, что не должен был оставлять доверителя без юридической помощи, тем более без предварительного предупреждения.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, заслушав адвоката С., Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым частично скорректировать объем дисциплинарных обвинений адвоката С., как указано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлена следующая совокупность фактических обстоятельств.

В производстве Т. районного суда г. Москвы находится уголовное дело в отношении И., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 5 ст. 222 УК РФ. Его защиту на основании Соглашения осуществлял адвокат С. 2 октября 2025 г. он не явился в судебное заседание по указанному делу. Согласно выписке из протокола судебного заседания от 2 октября 2025 г. подсудимый И. на вопрос председательствующего о причине неявки его защитника указал, что его защитник – адвокат С. сообщил ему прямо перед судебным заседанием о том, что в заседание не приедет, а если И. произведет оплату его вознаграждения, предусмотренную Соглашением, то он явится в следующее судебное заседание. Судебное заседание было отложено по причине неявки в судебное заседание защитника подсудимого И. – адвоката С., в связи с чем председательствующая судья К.А. направила в Адвокатскую палату города Москвы обращение о привлечении адвоката С. к дисциплинарной ответственности за неуважение к суду.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 26 февраля 2026 г. к адвокату С. применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за неуважение к суду, выразившееся в неявке 2 октября 2025 г. без уважительных причин в судебное заседание Т. районного суда г. Москвы.

Вместе с тем анализ представленного адвокатом С. в ходе указанного дисциплинарного разбирательства упомянутого выше соглашения на оказание юридической помощи И., на основании которого он принял на себя поручение осуществлять защиту доверителя И. по уголовному делу в суде первой инстанции (Т. районном суде г. Москвы), показал, что Соглашение содержит целый ряд недопустимых, неясных и дискриминационных в отношении доверителя условий. Одним из таких условий адвокат С. воспользовался 2 октября 2025 г. при описанных обстоятельствах, оставив доверителя без квалифицированной юридической помощи. В связи с этими обстоятельствами вице-президентом Адвокатской палаты города Москвы 12 марта 2026 г. было внесено представление, на основании которого в отношении адвоката С. было возбуждено настоящее дисциплинарное производство.

В представлении выдвинуты следующие дисциплинарные обвинения в отношении адвоката С.:

1) во включении в Соглашение п. 4.3, согласно которому «в случае несвоевременной оплаты, если такая оплата должна быть произведена, исполнение обязательств Исполнителем приостанавливается на время неоплаты», неустановлении в Соглашении конкретных сроков оплаты вознаграждения и в оставлении доверителя – подсудимого И. без квалифицированной юридической помощи, выразившемся в его извещении 2 октября 2025 г., за 10 минут до начала судебного заседания, о неявке в него в связи с неоплатой доверителем вознаграждения за оказание ему юридической помощи и в последующей неявке в судебное заседание;

2) в заключении Соглашения не адвокатом, а адвокатским образованием (адвокатским кабинетом) и указании в Соглашении в качестве «Исполните-

ля» адвокатского образования – «адвокатского кабинета адвоката С. в лице его руководителя адвоката С.» и его юридического адреса;

3) во включении в п. 1.2 Соглашения условия о сроке исполнения поручения в течение шести месяцев, в то время как предметом поручения является защита доверителя по уголовному делу в суде первой инстанции;

4) во включении в Соглашение условия об увеличении размера вознаграждения адвоката на 50% «в случае расхождения позиций Доверителя и Исполнителя» (п. 4.2), упоминания в п. 5.7 Соглашения о «расценках на оказание юридической помощи» и «ставках», «установленных в Кабинете адвоката», а также условия о том, что доверитель ознакомлен с «ценами на оказание юридических услуг» (п. 5.10), в то время как доверителю никакие «расценки», «ставки» и «цены», «установленные в Кабинете адвоката», не сообщались;

5) во включении в Соглашение дискриминационного в отношении доверителя условия о том, что он обязан согласовывать с «Исполнителем» все и любые свои и своих представителей «юридически значимые действия по предмету соглашения» (п. 3.4);

6) во включении в Соглашение недопустимого условия об одностороннем отказе «исполнителя» от исполнения обязательств (пп. 2.3 и 5.4);

7) во включении в Соглашение содержащегося в пп. 5.5, 5.6, 5.7 и 5.8 условия о невозврате (удержании) адвокатом вознаграждения при расторжении Соглашения по инициативе доверителя и о праве адвоката определять «уважительность причины» такого решения доверителя;

8) в неполучении подписи доверителя И. на экземпляре Соглашения, оставшемся у адвоката С., подтверждающей факт получения доверителем экземпляра Соглашения;

9) в указании во вводной части Соглашения определения понятия адвокатской тайны, предусматривающего, что она не может быть разглашена без согласия «Исполнителя» (а не доверителя), а также определения понятия «Доверитель», не соответствующего предмету Соглашения, который не предполагает оказание юридической помощи никаким иным лицам, кроме самого И.

Рассматривая первое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что п. 4.3 Соглашения и последующие действия адвоката С. со ссылкой на него прямо противоречат требованиям Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. (Протокол № 18) и опубликованного на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/razyasnenie-kes-fpa-rf-po-voprosam-primeneniya-punkta-2-stati-13-kodeksa-professionalnoy-etiki-advok/). Согласно п. 3 указанного разъяснения «…законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекс профессиональной этики адвоката не содержат прямого запрета на включение в соглашение об осуществлении защиты по уголовному делу условия о праве адвоката на односторонний отказ от такого соглашения (от его исполнения) в случае невыплаты адвокату вознаграждения либо условия о том, что невыплата вознаграждения доверителем рассматривается сторонами в качестве отказа последнего от дальнейшего исполнения соглашения. Определяя нормативную возможность одностороннего отказа от исполнения соглашения об осуществлении защиты по уголовному

делу, адвокат должен во всяком случае руководствоваться требованиями разумности и добросовестности, предъявляемыми пунктом 4 статьи 450.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и подпунктом 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации". Под добросовестностью в том числе следует понимать требование проявления необходимой заботы о законных интересах доверителя, а также интересах осуществления правосудия и о недопущении причинения им вреда. Некоммерческий и публично-правовой характер деятельности предполагает недопустимость каких-либо действий или решений, основанных исключительно на личном, в том числе финансовом, интересе адвоката в конкуренции с публичной функцией адвокатуры. Права и законные интересы доверителя, а также интересы надлежащего отправления правосудия являются безусловным приоритетом в деятельности адвоката, носящей явно выраженный публичный характер».

В соответствии с п. 4 названного разъяснения гражданско-правовая природа соглашения об осуществлении защиты по уголовному делу не исключает включение сторонами в указанное соглашение условия о праве отказаться от исполнения обязательств по соглашению (в одностороннем порядке отказаться от соглашения) в случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) другой стороной обязанности по выплате адвокату вознаграждения. С учетом очевидно различного уровня юридической квалификации указанное выше условие должно быть отдельно и особо разъяснено доверителю (пп. 4.1); вне зависимости от конкретных оснований прекращения осуществления адвокатом защиты по уголовному делу адвокату, действуя добросовестно, следует предпринять все разумные и достаточные меры для обеспечения непрерывности защиты подозреваемого (обвиняемого) и иных гарантий соблюдения прав и законных интересов указанного лица (пп. 4.2). Так как обстоятельства соблюдения адвокатом законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката при прекращении осуществления защиты по уголовному делу могут стать предметом дисциплинарного разбирательства при наличии надлежащего повода для возбуждения дисциплинарного производства, то органам адвокатского самоуправления в этом случае следует принимать во внимание все фактические обстоятельства и исходить из приоритета этических принципов и правил над формально-правовым регулированием (пп. 4.3).

Указанное выше условие п. 4.3 Соглашения, заключенного адвокатом С. с И., о приостановлении исполнения обязательств при несвоевременной оплате вознаграждения в совокупности с отсутствием в Соглашении сроков оплаты вознаграждения и процедуры уведомления доверителя о приостановлении (прекращении) оказания ему юридической помощи является недопустимым. Включив в Соглашение это условие и не конкретизировав сроки и порядок самой оплаты, а также процедуру уведомления доверителя, адвокат С. создал правовую неопределенность, позволяющую ему произвольно трактовать момент наступления «несвоевременности». Такое профессиональное поведение адвоката не соответствует принципам разумности и добросовестности, поскольку предоставляет адвокату необоснованное преимущество. Кроме того, извещение доверителя о приостановлении оказания ему юридической помощи и неявке в судебное заседание непосредственно перед его началом при том, что адвокат С. был

заранее осведомлен о дате и времени указанного судебного заседания, само по себе, даже при условии формального наличия права на приостановление защиты (которого у адвоката С. не имелось), является грубым нарушением требований п. 4.2 и 4.3 указанного разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, обязывающих адвоката предпринять все разумные меры для обеспечения непрерывности защиты и соблюдения прав доверителя.

Таким образом, описанными действиями, совершенными вопреки перечисленным обязательным требованиям, адвокат С. нарушил требования разумности и добросовестности, и эти его действия были направлены к подрыву доверия к нему как к адвокату. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат С. при описанных обстоятельствах грубо нарушил требования подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 3 и 4 Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения п. 2 ст.13 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. (Протокол № 18). Совет признает презумпцию адвоката С. в данной части опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Вместе с тем Совет признает избыточным и подлежащим исключению из рассматриваемого дисциплинарного обвинения указание на неявку адвоката С. 2 октября 2025 года в судебное заседание по указанному уголовному делу. Приходя к такому выводу, Совет исходит из того, что это бездействие адвоката С. являлось предметом другого дисциплинарного разбирательства, по результатам которого, как указано выше, к адвокату С. Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 26 февраля 2026 г. № 45 была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за неуважение к суду, выразившееся в неявке 2 октября 2025 г. без уважительных причин в судебное заседание Т. районного суда по указанному уголовному делу. При этом Совет подчеркивает, что, несмотря на частичное совпадение фактических обстоятельств предыдущего и настоящего дисциплинарных производств в отношении адвоката С., предметом настоящего дисциплинарного разбирательства являются иные дисциплинарные обвинения, связанные с профессиональным поведением адвоката С. в отношении своего доверителя И., которые не выдвигались в предыдущем дисциплинарном разбирательстве.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в заключении Соглашения не адвокатом, а адвокатским образованием и в указании в Соглашении в качестве «Исполнителя» адвокатского образования – «адвокатского кабинета адвоката С. в лице его руководителя адвоката С.» и его юридического адреса, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает его обоснованным. Указанные условия Соглашения противоречат требованиям п. 5 ст. 21 и пп. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которыми соглашения об оказании юридической помощи в адвокатском кабинете заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации адвокатского кабинета, при этом в силу

подп. 1 п. 4 ст. 25 указанного федерального закона существенным условием соглашения об оказании юридической помощи является «указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате». Вопреки этим требованиям закона адвокат С. заключил Соглашение от имени адвокатского кабинета и указал юридический адрес адвокатского кабинета, в то время как адвокатский кабинет не оказывает юридическую помощь, не является юридическим лицом и не имеет юридического адреса. Тем самым адвокат С. нарушил требования подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 21, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения во включении адвокатом С. в п. 1.2 Соглашения условия о сроке исполнения поручения в течение шести месяцев, в то время как предметом поручения является защита доверителя по уголовному делу в суде первой инстанции. Согласно Разъяснениям Совета Адвокатской палаты города Москвы № 6 по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», утвержденным Советом 30 мая 2013 г., «круг полномочий защитника в уголовном судопроизводстве в отличие от полномочий представителя в гражданском и арбитражном судопроизводстве (ст. 54 ГПК РФ, ст. 62 АПК РФ) определяется непосредственно уголовно-процессуальным законом (ст. 53, 248 и др. УПК РФ) и не может быть произвольно ограничен гражданско-правовым соглашением между доверителем и адвокатом. Сама возможность для адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, стратегия и тактика профессиональной защиты предопределяются логикой стадийного построения уголовного судопроизводства. Заключение соглашения в объеме, не предполагающем защиту подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на всем протяжении конкретной стадии уголовного судопроизводства, противоречит самой сути права каждого подвергнутого уголовному преследованию лица на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ст. 48 Конституции РФ, является нарушением Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката». Данные Разъяснения даны Советом Адвокатской палаты города Москвы в пределах его компетенции, доведены до сведения членов адвокатского сообщества и подлежат исполнению всеми членами Адвокатской палаты города Москвы в силу предписаний пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики. Однако адвокатом С. указанные обязательные требования также проигнорированы.

Совет в этой связи отмечает, что судебное разбирательство может не закончиться в течение шести месяцев в силу сложности уголовного дела, количества участников уголовного судопроизводства и иных причин. Следовательно, установление в Соглашении на осуществление защиты временного ограничения исполнения поручения (шесть месяцев) заведомо ставит доверителя в ситуацию неопределенности, а его право на защиту под реальную угрозу нарушения, поскольку доверитель продолжает нуждаться в защите и после истечения установленного Соглашением срока, если соответствующая стадия судопро-

изводства не завершена. Создание адвокатом такой ситуации недопустимо и несовместимо с правилами профессиональной этики.

Таким образом, адвокатом С. при описанных обстоятельствах нарушены требования подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы № 6 по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», утвержденными Советом 30 мая 2013 г.

Дисциплинарное обвинение во включении адвокатом С. в Соглашение условия об увеличении размера вознаграждения адвоката на 50% «в случае расхождения позиций доверителя и исполнителя» (п. 4.2), упоминания в п. 5.7 Соглашения о «расценках на оказание юридической помощи» и «ставках», «установленных в Кабинете адвоката», а также условия о том, что доверитель ознакомлен с «ценами на оказание юридических услуг» (п. 5.10), также нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства. Так, согласно п. 4.2 Соглашения «при наличии противоречий и в случае расхождения позиций Доверителя и Исполнителя конкретные действия Исполнителя, совершаемые по письменному указанию Доверителя, должны быть оплачены Доверителем согласно Приложению № 3 к настоящему договору с применением 50% увеличения». При этом в п. 4.2 Соглашения, помимо заведомо недопустимого характера самой возможности существования подобных отношений между адвокатом и доверителем, даже не раскрывается, какие именно противоречия и расхождения квалифицируются как основание для увеличения вознаграждения на 50%. Не указано и то, кто и в каком порядке фиксирует факт расхождения позиций, что ставит доверителя в дискриминационное положение, поскольку создает адвокату возможность признать даже самое незначительное разногласие основанием для одностороннего увеличения вознаграждения.

Согласно п. 5.7 Соглашения «Предварительный платеж, в случае его оплаты, может быть возвращен при расторжении договора Доверителем по уважительной причине в той части, которая к моменту расторжения не была затрачена на исполнение поручения Исполнителем. В этом случае расчет исполнения поручения производится по фактическим затратам и расценкам на оказание юридической помощи по минимальным ставкам, установленным в Кабинете адвоката на момент расторжения». Пунктом 5.10 Соглашения предусмотрено, что «С ценами на оказание юридических услуг помощи Доверитель, до момента подписания настоящего договора ознакомлен в полном объеме». В то же время в Соглашении отсутствует какой-либо перечень «цен» («расценок», «ставок») на юридическую помощь, а также и не имеется соответствующих приложений к Соглашению, содержащих указанный перечень. Таким образом, Соглашение не содержит ясных, исключающих сомнения и двойное толкование условий о порядке расчета при его расторжении, что свидетельствует о нарушении адвокатом С. положений подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката при описанных обстоятельствах.

Рассматривая дисциплинарное обвинение во включении адвокатом С. в Соглашение дискриминационного в отношении доверителя условия, содержащегося в его п. 3.4, Совет отмечает следующее.

Согласно п. 3.4 Соглашения «Доверитель, либо третьи лица настоящего договора, в интересах которого действует Исполнитель, при заключении настоящего Договора осведомлены, что осуществлять юридически значимые действия по предмету договора, в том числе: контакты с любыми лицами, касающиеся предмета настоящего договора, скреплять своей подписью юридически значимые документы, могущие повлиять на ход движения дела, он обязан только с согласия Исполнителя, причем согласием в последнем случае считается визирование подписи Доверителя Исполнителем на документе или устно с последующей фиксацией в тексте договора в Приложении № 1[15]».

Устанавливая для доверителя И. обязанность согласовывать с «Исполнителем» все «юридически значимые действия», включая требование к доверителю о «скреплении своей подписью юридически значимые документы, могущие повлиять на ход движения дела», только с письменного согласия «Исполнителя», адвокат С. фактически вводит тотальный контроль над процессуальной свободой доверителя в реализации своего права на защиту. При этом положение п. 3.4 Соглашения о том, что согласие «Исполнителя» на совершение доверителем юридически значимых действий может быть выражено «устно с последующей фиксацией в тексте договора в Приложении № 1», является практически неисполнимым, поскольку внесение изменений в текст Соглашения после каждого устного согласования юридически значимых действий доверителя не отвечает критериям разумности и реализуемости.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом С. положений подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в Соглашение носящего дискриминационный, неопределенный и неконкретный характер условия, содержащегося в п. 3.4 Соглашения.

Рассматривая дисциплинарное обвинение во включении адвокатом С. в Соглашение недопустимого условия о праве «Исполнителя» на односторонний отказ от исполнения обязательств (пп. 2.3 и 5.4), Совет отмечает следующее.

Пунктом 2.3 Соглашения предусмотрено: «В ходе исполнения задания Исполнитель имеет право отказаться от исполнения обязательств полностью или в части, если оказание юридической помощи или представительство, а также требования Доверителя, или третьего лица договора, сопряжены с нарушением Исполнителем норм законодательства, влекущих применение профессиональных или иных видов санкций в соответствие с действующим законодательством, а также этики, или сопряжено с опасностью для Исполнителя, а также, если Доверителем нарушены условия настоящего договора, что делает невозможным исполнение обязательств Исполнителем, или исполнение настоящего договора невозможно по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон». Пунктом 5.4 Соглашения установлено, что «договор может быть расторгнут каждой из сторон досрочно, с устным и последующим письменным уведомлением другой стороны не менее чем за 5 рабочих дней. При отказе от исполнения договора, или споров по договору, в обязательном порядке применяется претензионный порядок. Отсутствие ответа на письменную пре-

[15] Пунктуация и орфография оригинала здесь и далее сохранены (*примеч. ред.*).

тензию (письмо) по настоящему договору в течение 14-ти дней с момента ее получения, будет приниматься сторонами настоящего договора, как его расторжение».

Эти условия Соглашения прямо противоречат подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также ч. 7 ст. 49 УПК РФ, которыми в качестве общего правила установлен запрет отказа адвоката от принятой на себя защиты. Такой же запрет установлен п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве.

По этой причине Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что, включив в Соглашения пп. 2.3 и 5.4, предусматривающие возможность одностороннего отказа «Исполнителя» от исполнения поручения по защите И. по уголовному делу, адвокат С. нарушил требования ч. 7 ст. 49 УПК РФ, подп. 6 п. 4 ст. 6, подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.

Рассматривая дисциплинарное обвинение во включении адвокатом С. в Соглашение содержащегося в пп. 5.5, 5.6, 5.7 и 5.8 условия о невозврате (удержании) адвокатом вознаграждения при расторжении Соглашения по инициативе доверителя и о праве адвоката определять «уважительность причины» такого решения доверителя, Совет исходит из следующего.

Пунктом 5.5 Соглашения установлено: «В случае расторжения договора по инициативе Доверителя предварительные платежи, в случае оплаты их Доверителем, возврату не подлежат. Это основание обосновывается запретом, налагаемым профессиональной этикой в части невозможности принятия на себя обязательств сверх настоящего договора при хронологическом конфликте участия по делам, что влечет для Исполнителя убытки».

Согласно п. 5.6 Соглашения «в случае расторжения договора после вступления в дело Исполнителя (выдача ордера, переговоры, иные действия) и при прекращении негативных обстоятельств, которые послужили причиной обращения к Исполнителю, независимо от оснований подобного прекращения, предварительные платежи, в случае оплаты их Доверителем, возврату не подлежат по причине выполнения своего обязательства Исполнителем, которое было направлено на устранение негативных последствий нарушения права и охраняемого интереса для Доверителя или третьего лица, за защитой которого обращался Доверитель».

Пунктом 5.7 Соглашения предусмотрено: «Предварительный платеж, в случае его оплаты, может быть возвращен при расторжении договора Доверителем по уважительной причине в той части, которая к моменту расторжения не была затрачена на исполнение поручения Исполнителем. В этом случае расчет исполнения поручения производится по фактическим затратам и расценкам на оказание юридической помощи по минимальным ставкам, установленным в Кабинете адвоката на момент расторжения. Расчет сумм, подлежащих возврату, согласовывается сторонами на основании документов и фактически произведенных действий, и затрат. Уважительной считается причина, признанная таковой по совместному согласию сторон договора, что должно быть выражено в ис-

полнительной надписи на настоящем договоре или в виде отдельного документа (доп. договора или произвольной форме)».

Пунктом 5.8 Соглашения установлено: «В случае расторжения договора по инициативе Исполнителя (в т.ч.п. 2.4), если таковое расторжение допустимо законодательством и достигнуто сторонами, предварительные платежи подлежат возврату за вычетом сумм, уже затраченных на исполнение поручения, согласно фактическим затратам и расценкам на оказание юридической помощи, по минимальным ставкам, установленным в Коллегии адвокатов на момент расторжения. Расчет сумм, подлежащих возврату, как правило, согласовывается сторонами на основании документов и фактически произведенных действий, и затрат. Оплата работы Исполнителя при уважительности причины расторжения по настоящему пункту согласовывается сторонами и не может составлять более половины суммы, рассчитанной исходя из фактических процедур».

Приведенные выше условия пп. 5.5, 5.6, 5.7 и 5.8 Соглашения о невозврате (удержании) адвокатом вознаграждения при расторжении Соглашения по инициативе доверителя и о праве адвоката определять «уважительность причины» такого решения доверителя также являются недопустимыми и прямо противоречат Разъяснениям № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденным Советом 29 сентября 2014 г., а также нарушают положения подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Дисциплинарное обвинение в неполучении адвокатом С. подписи доверителя И. на экземпляре Соглашения, оставшемся у адвоката, подтверждающей факт получения доверителем экземпляра Соглашения, также нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства. Адвокат С. никаких объяснений относительно этого дисциплинарного обвинения ни Квалификационной комиссии, ни Совету не представил, факт получения доверителем Соглашения об оказании юридической помощи не подтвердил. При этом п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 г. прямо требует от адвоката получить подпись доверителя, удостоверяющую получение им экземпляра соглашения об оказании юридической помощи, на экземпляре соглашения, остающемся у адвоката. По этой причине Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом С. при описанных обстоятельствах требований подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 г.

В результате дисциплинарного разбирательства нашло подтверждение и дисциплинарное обвинение в указании адвокатом С. во вводной части Соглашения определения понятия адвокатской тайны, предусматривающего, что она не может быть разглашена без согласия «Исполнителя» (а не доверителя), а также определения понятия «Доверитель», не

соответствующего предмету Соглашения, который не предполагает оказание юридической помощи каким-либо лицам, кроме самого И. Так, вводная часть Соглашения определяет «Доверителя» как «лицо, а равное его представитель на основании полномочия, удостоверенного в порядке, установленном действующим законодательством, которое выступает в собственных интересах, либо интересах третьих лиц настоящего договора в чью пользу производятся действия Исполнителя». Учитывая, что предметом поручения (п. 1.1 Соглашения) является только защита И., с которым и заключено Соглашение, включение такого условия в Соглашение вводит доверителя в заблуждение относительно того, кто именно является стороной договора, чья воля является определяющей при даче указаний адвокату и кому оказывается юридическая помощь на основании Соглашения.

Также во вводной части Соглашения содержится определение понятия адвокатской тайны, согласно которому «адвокатская тайна – любые сведения, связанные с оказанием Исполнителем юридической помощи своему Доверителю. Причем по условиям настоящего договора тайна запрещает Исполнителю совершение любых действий, которые направлены на распространение сведений, в том числе по требованию заинтересованных в этих сведениях лиц против воли Исполнителя. Исполнение поручения Исполнителем в виде запросов в различные организации, обращение лично Исполнителя к должностным лицам в интересах Доверителя и совершение иных действий, прямо предусмотренных настоящим договором, не является разглашением тайны, поскольку напрямую связаны с осуществлением Исполнителем своей профессиональной деятельности». Из указанного определения при его буквальном толковании следует, что адвокатская тайна не может быть разглашена без согласия «Исполнителя», а не доверителя. В то же время п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц. Таким образом, включив в Соглашение условие о том, что адвокатская тайна не может быть разглашена без согласия «Исполнителя» (т.е. самого адвоката С.), а не доверителя, адвокат С. не только проигнорировал приведенное положение Кодекса профессиональной этики адвоката, но и поставил себя в положение лица, самостоятельно определяющего судьбу адвокатской тайны.

Тем самым адвокат С. нарушил требования подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 8, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ст. 6, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Учитывая изложенное, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката С. в отношении всех перечисленных дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарных обвинений установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката С. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их умышленный, множественный, системный и злостный характер, выразившийся как во включении в соглашение об оказании

доверителю юридической помощи целого ряда недопустимых условий, так и в оставлении доверителя без квалифицированной юридической помощи под предлогом одного из недопустимых условий соглашения, что свидетельствует о крайней степени недобросовестности адвоката. Такое профессиональное поведение адвоката С. Совет признает недопустимым, подрывающим доверие как к самому адвокату, так и к адвокатскому сообществу в целом, наносящим вред авторитету адвокатуры и в силу этого несовместимым с принадлежностью к адвокатскому сообществу. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет также учитывает наличие у адвоката С. неснятых и непогашенных дисциплинарных взысканий, наложенных на него решениями Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 ноября 2025 г. № … (замечание) и от 26 февраля 2026 г. № … (предупреждение). Кроме того, ранее в отношении него неоднократно прекращались дисциплинарные производства вследствие отзыва жалоб заявителями. Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что адвокат С. систематически нарушает требования законодательства и профессиональной этики и не желает корректировать свое профессиональное поведение. Совет принимает во внимание значительный профессиональный стаж адвоката С. и признание им своей вины в заседании Совета, однако не находит возможным применение к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление С. в составе адвокатского сообщества могло бы создать ложное представление о совместимости профессионального поведения, основанного на демонстративном игнорировании фундаментальных и обязательных профессионально-этических требований, со статусом адвоката. Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных проступков.

Статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которого он является, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

При определении в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срока, по истечении которого С. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет учитывает всю совокупность установленных и описанных выше обстоятельств, включая данные о личности и профессиональной деятельности С., в том числе его возраст и профессио-

нальный стаж, и считает необходимым установить этот срок в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение:

– требований подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 3 и 4 Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. (Протокол № 18), выразившемся во включении в Соглашение от 8 августа 2025 г. № … об оказании юридической помощи И. по уголовному делу условия, содержащегося в п. 4.3, согласно которому «в случае несвоевременной оплаты, если такая оплата должна быть произведена, исполнение обязательств исполнителем приостанавливается на время неоплаты»; в неуказании в Соглашении сроков оплаты вознаграждения и процедуры уведомления доверителя о приостановлении оказания ему юридической помощи; а также в сознательном оставлении доверителя И. 2 октября 2025 года без квалифицированной юридической помощи ввиду неоплаты доверителем вознаграждения за оказание ему юридической помощи, известив доверителя об этом за 10 минут до начала судебного заседания;

– требований подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 21, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в указании во вводной части упомянутого соглашения об оказании юридической помощи И. в качестве стороны соглашения адвокатского кабинета адвоката С. в лице его руководителя адвоката С., а не адвоката С., и в указании в заключительной части Соглашения, содержащей сведения о его сторонах и их реквизитах, в качестве «Исполнителя» – адвокатского кабинета адвоката С. и его юридического адреса, в то время как адвокатский кабинет не является юридическим лицом и не имеет юридического адреса;

– требований подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы № 6 по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», утвержденными Советом Адвокатской палаты города Москвы 30 мая 2013 г., выразившемся в заключении с доверителем И. упомянутого соглашения, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде г. Москвы по уголовному делу только в течение шести месяцев, а не на всей стадии уголовного судопроизводства в суде первой инстанции;

– требований подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адво-

ката, выразившемся во включении в Соглашение, предусматривающее защиту И. в Тимирязевском районном суде города Москвы по уголовному делу, носящих неопределенный и неконкретный характер условий об увеличении размера вознаграждения адвоката на 50% «в случае расхождения позиций доверителя и исполнителя» (п. 4.2), о том, что доверитель ознакомлен с «ценами на оказание юридических услуг» (п. 5.10), а также указании в п. 5.7 Соглашения о «расценках на оказание юридической помощи» и «ставках», «установленных в Кабинете адвоката», при отсутствии в Соглашении расценок и минимальных ставок на оказание юридической помощи;

– требований подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в Соглашение, заключенное с И., носящего дискриминационный, неопределенный и неконкретный характер условия, содержащегося в п. 3.4 Соглашения, о том, что доверитель обязан «осуществлять юридически значимые действия по предмету договора, в том числе: контакты с любыми лицами, касающиеся предмета настоящего договора, скреплять своей подписью юридически значимые документы, могущие повлиять на ход движения дела,» «только с согласия Исполнителя, причем согласием в последнем случае считается визирование подписи Доверителя Исполнителем на документе или устно с последующей фиксацией в тексте договора в Приложении № 1»;

– требований ч. 7 ст. 49 УПК РФ, подп. 6 п. 4 ст. 6, подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, во взаимосвязи с п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., выразившемся во включении в упомянутое соглашение, предусматривающее защиту И. в Т. районном суде г. Москвы по уголовному делу, недопустимых условий, содержащихся в пп. 2.3 и 5.4 Соглашения, предоставляющих адвокату право одностороннего отказа от исполнения обязательства по защите подсудимого;

– требований подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 г., выразившемся во включении в пп. 5.5, 5.6, 5.7, 5.8 Соглашения, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде г. Москвы по уголовному делу, условий о невозврате (удержании) адвокатом вознаграждения при расторжении соглашения по инициативе доверителя и о праве адвоката определять «уважительность причины» такого решения доверителя;

– требований подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 г., выразившемся в неподтверждении факта получения доверителем И. экземпляра Соглашения

подписью на экземпляре соглашения адвоката С.;

– требований подп. 1 п. 1 ст. 7, 8, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ст. 6, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в водную часть Соглашения, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде г. Москвы по уголовному делу, неясного определения «Доверителя», не соответствующего предмету соглашения и допускающего неопределенность в отношении стороны соглашения, а также определения адвокатской тайны, ставящего возможность ее разглашения в зависимость от воли адвоката С., а не доверителя.

Установить срок, по истечении которого С. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 2 (два) года.

2. Дисциплинарные производства, возбужденные по обращениям судей и Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве

2.1. Совет объявил адвокату предупреждение за срыв судебного заседания по отбору присяжных, указав, что неявка без уважительной причины и недостоверное объяснение суду причины неявки являются проявлением неуважения к суду. Совет подчеркнул, что подача ходатайства об отложении судебного заседания через ГАС «Правосудие» сама по себе не освобождает адвоката от контроля за его поступлением и разрешением судом, особенно если ходатайство было отклонено из-за дефекта электронной подписи.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката А. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи Московского городского суда Р. от 11 февраля 2026 г. в отношении адвоката А.

Квалификационная комиссия 8 апреля 2026 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом А. положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен… проявлять уважение к суду…»), выразившемся в том, что 9 февраля 2026 г. она без уважительных причин не явилась в судебное заседание Московского городского суда по уголовному делу, что привело к срыву судебного заседания и не позволило суду приступить к отбору коллегии присяжных заседателей, явившихся в суд в указанную дату;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по обращению судьи Р., в части обвинения в нарушении прав ее подзащитного К. и иных участников судебного процесса вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по обращению судьи Р. вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката А. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат А. 21 апреля 2026 г. представила письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии, в которых указывает, что предмет дисциплинарного обвинения не конкретизирован: судья Р. не указал, какое конкретно бездействие ей вменяется (неявка, несвоевременное уведомление или отсутствие контроля за ГАС «Правосудие»), а Квалификационной комиссией «произвольно выбрана» ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката без указания конкретного признака неуважения к суду. Полагает, что неявка в судебное заседание не является неуважением к суду, причина ее неявки является уважительной, сроки уведомления суда о невозможности явки не регламентированы, обращение судьи не может являться основанием дисциплинарной ответственности за неуважение к суду, в общеупотребительном значении под командировкой якобы понимается любая поездка, а срыва судебного заседания не было, поскольку оно состоялось и в нем обсуждались последствия ее неявки. При этом суд сам решил отложить судебное заседание, хотя мог бы его провести, назначив

защитника вместо нее. По этим причинам просит прекратить дисциплинарное производство.

В заседании Совета адвокат А. подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, полностью поддержала доводы своих возражений и дополнительно пояснила, что положения ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката она тоже не нарушила, поскольку заблаговременно, еще 5 февраля 2026 г., направила судье Р. через ГАС «Правосудие» ходатайство о проведении указанного судебного заседания в ее отсутствие, которому был присвоен статус «Принято». Отмечает, что ее ходатайство не было зарегистрировано в связи с техническим сбоем в работе ГАС «Правосудие», однако ответственность за бесперебойную работу каналов связи и серверного оборудования несет Управление Судебного департамента и оператор ГАС «Правосудие», а не адвокат. Также обращает внимание на то, что судья неэтично вел себя в отношении нее, старался унизить колкими высказываниями, повышал голос, а в ходе телефонного разговора, состоявшегося 9 февраля 2026 г., кричал. Просит признать причину ее неявки в судебное заседание уважительной.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката А., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

14 декабря 2025 г. М. городским судом зарегистрировано уголовное дело в отношении подсудимых К., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, пп. «а» и «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, и С.М., обвиняемой в совершении ряда преступлений. Защиту подсудимого К. на основании соглашения осуществляет адвокат А., представившая ордер от 29 декабря 2025 года. 20 января 2026 г. судебное заседание по делу отложено на 9 февраля 2026 г. В этот день адвокат А. в судебное заседание не явилась, в связи с чем оно было отложено на 13.00 час. 18 февраля 2026 г., а судьей Р. 9 февраля 2026 г. была инициирована заявка об обеспечении участия в уголовном деле защитника для осуществления защиты подсудимого К. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ.

В своем обращении судья Р. выдвинул в отношении адвоката А. дисциплинарные обвинения в том, что она, несмотря на надлежащее извещение о дате и времени судебного заседания, назначенного на 9 февраля 2026 г., в него не явилась, при этом заблаговременно не уведомила суд о невозможности явки в судебное заседание в этот день. При самостоятельном установлении судом причины ее неявки в судебное заседание адвокат А. в телефонном разговоре сообщила судье Р. информацию о том, что она находится в командировке в другом регионе, не назвав его и дату возвращения в г. Москву. По мнению судьи Р., неявка адвоката А. повлекла за собой срыв судебного заседания, суд не смог приступить к отбору коллегии присяжных заседателей, а также был вынужден назначить подсудимому К. адвоката в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ, что повлекло нарушение прав и законных интересов других участников уголовного судопроизводства.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат А. 9 февраля 2026 г. не явилась в судебное заседание, заблаговременно не сообщив суду о невозможности явки, и только около 11.00 час. того же дня отправила секретарю посредством мессенджера *WhatsApp* фотоизображение ходатайства о проведе-

нии судебного заседания без ее участия в связи с нахождением в командировке за пределами г. Москвы, Совет отмечает следующее.

Согласно ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен проявлять уважение к суду. Пункт 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для его проведения адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд.

Адвокатская деятельность является приоритетной для адвоката, что требует от него соответствующего профессионального поведения. Так, в Разъяснении № 01/18 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью» содержатся нормы, определяющие критерии надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей, в том числе и перед судом. В этих разъяснениях, в частности, указано: «При участии адвоката в мероприятиях, не связанных с профессиональной деятельностью, адвокат всегда должен отдавать приоритет участию в качестве защитника, представителя в уголовном, административном, гражданском и арбитражном процессе (пункт 4 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката)».

Факт неявки адвоката А. в судебное заседание 9 февраля 2026 г. достоверно установлен и ею не оспаривается. Согласно выписке из протокола судебного заседания от 20 января 2026 г. председательствующим судьей Р. в связи «с учетом сложности и трудоемкости процедуры отбора присяжных заседателей» было предложено согласовать день проведения следующего судебного заседания – 9 февраля 2026 г., с чем «защитники и государственный обвинитель выразили свое согласие». После этого судебное заседание было отложено. Из выписки от 9 февраля 2026 г. следует, что подсудимые К. и С.М. доставлены, защитник подсудимого К. – адвокат А. не явилась, защитник подсудимой С.М. – адвокат С.А. явилась, государственные обвинители Б. и М. явились, кандидаты в присяжные заседатели в количестве 25 человек явились. На вопросы председательствующего судьи подсудимый К. сообщил, что, насколько ему известно, у адвоката А. сейчас иное судебное заседание в другом городе. Узнав, что она надлежащим образом не уведомила судью о своем отсутствии, оценил действия адвоката А. как «хамство». Таким образом, именно неявка адвоката А., являвшейся единственным защитником подсудимого К., послужила причиной отложения судебного заседания, в котором должен был состояться отбор коллегии присяжных заседателей.

Адвокат А. свою неявку в судебное заседание объясняет ухудшением состояния здоровья дочери, наступившим 4 февраля 2026 г., в связи с чем она была вынуждена сопровождать дочь в поездке на прием к врачу в другом городе. Указывает, что правила профессиональной этики адвоката не устанавливают возрастных и иных ограничений для семейных обстоятельств, признаваемых уважительными причинами неявки в судебное заседание, а совершеннолетний возраст дочери не свидетельствует о ее способности самостоятельно добраться в другой город при остром расстройстве здоровья. В материалы дисциплинарного производства адвокат А. представила заключение гастроэнтеролога Ф., из

которого усматривается, что 9 февраля 2026 г. состоялся осмотр пациентки М. 2006 г.р. Каких-либо доказательств ее невозможности самостоятельно прибыть на прием к врачу и необходимости ее сопровождения не представлено. Кроме того, адвокат А. представила маршрутные квитанции электронных билетов, выданных ей и М., с указанием маршрута следования: 6 февраля 2026 г. Москва – Адлер, а 10 февраля 2026 г. Адлер – Москва. Согласно квитанции об оплате заказа заказ и оплата авиабилетов были произведены 30 января 2026 г., т.е. до того, как, согласно объяснениям адвоката А., ухудшилось состояние здоровья ее дочери М. (4 февраля 2026 г.).

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что у адвоката А., вопреки ее позиции, отсутствовали уважительные причины для неявки в судебное заседание, дата и время проведения которого были с ней заранее согласованы и организация которого представляла особую сложность в связи с вызовом большого количества участвующих лиц для отбора коллегии присяжных заседателей. Неявка адвоката А. без уважительных причин в судебное заседание, о дне и времени которого она была извещена надлежащим образом, является проявлением неуважения к суду. Поэтому Совет признает презумпцию добросовестности адвоката А. опровергнутой, а ее умышленную вину в неявке без уважительных причин 9 февраля 2026 г. в судебное заседание и проявлении тем самым неуважения к суду, т.е. в нарушении требований ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката установленной.

При этом Совет отмечает, что довод адвоката А. о внезапном ухудшении состояния здоровья ее дочери опровергается описанными выше обстоятельствами приобретения авиабилетов, которые установлены на основании доказательств, представленных самой адвокатом А. Помимо этого, в своем ходатайстве от 5 февраля 2026 г. адвокат А. объясняет суду невозможность явиться в судебное заседание нахождением в командировке за пределами г. Москвы, а уже в телефонном разговоре с судьей 9 февраля 2026 г. и в настоящем дисциплинарном производстве называет причиной своей неявки описанные семейные обстоятельства. Такое расхождение в показаниях адвоката А., равно как и ее откровенно демагогическое заявление о том, что в общеупотребительном значении под командировкой якобы понимается любая поездка, свидетельствуют о ее недобросовестности и введении ею суда в заблуждение, что дополнительно подтверждает неуважение к суду с ее стороны. Являясь адвокатом с длительным профессиональным стажем, адвокат А. не может не осознавать как общепринятое в профессиональной среде значение понятия «командировка», так и важность и необходимость точного, достоверного и непротиворечивого указания суду причин неявки в судебное заседание.

Рассматривая довод адвоката А. о том, что она заблаговременно уведомила суд о своей неявке в судебное заседание и не несет ответственность за сбои в работе каналов связи, Совет отмечает следующее. Адвокатом А. представлена информация с сайта ГАС «Правосудие», из которой усматривается, что ее ходатайство поступило в Московский городской суд 5 февраля 2026 г., однако уже 6 февраля 2026 г. данное ходатайство было отклонено в связи с дефектом электронной подписи. Согласно справке главного специалиста отдела обеспечения судопроизводства по уголовным делам первой инстанции Московского городского суда К.Д. по состоянию на 9 февраля 2026 г. в адрес Московского

городского суда посредством электронной почты, а также на электронный портал ГАС «Правосудие» от адвоката А. ходатайств процессуального характера не поступало. В этой связи Совет, во-первых, вновь подчеркивает, что у адвоката А. не имелось уважительных причин неявки в судебное заседание, а ее ходатайство содержало недостоверную информацию о причине неявки, что во всех случаях не позволяет считать такое ходатайство надлежащим уведомлением суда. Во-вторых, Совет отмечает демагогический характер ссылки адвоката А. на то, что за бесперебойную работу каналов связи и серверного оборудования несет ответственность Управление Судебного департамента и оператор ГАС «Правосудие», а ей было достаточно просто подать ходатайство на сайте ГАС «Правосудие», не отслеживая в дальнейшем его поступление по назначению. Совет полагает необходимым указать адвокату А. на то, что основная профессиональная обязанность адвоката действовать добросовестно в интересах доверителя, предусмотренная ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, безусловно, предполагает необходимость отслеживания движения и своевременного поступления по назначению поданных ходатайств и иных процессуальных документов вне зависимости от способа их подачи. Такое отслеживание необходимо, поскольку оно позволяет избежать пропуска процессуальных сроков, утраты важных документов и иных нарушений прав и интересов доверителя.

Отклоняя как явно несостоятельные, противоречащие требованиям закона и профессиональной этики изложенные выше доводы адвоката А. о том, что судебное заседание не было сорвано, поскольку в нем обсуждались последствия ее неявки, и о том, что суд мог провести это заседание без ее участия, назначив «защитника-дублера», Совет отмечает, что выдвижение этих доводов свидетельствует о непонимании или сознательном игнорировании адвокатом А. как основополагающих обязанностей адвоката-защитника при осуществлении защиты в стадии судебного разбирательства, так и требований, содержащихся в решениях органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции. Довод адвоката А. об отсутствии у судьи права инициировать привлечение адвоката к дисциплинарной ответственности за неуважение к суду Советом также отклоняется как противоречащий подп. 4 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката. Вопреки утверждению адвоката А., дисциплинарное обвинение в нарушении ею требований ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката сформулировано в Заключении Квалификационной комиссии исчерпывающе ясно и правильно квалифицировано.

В отношении дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом А. прав подзащитного К. и иных участников судебного процесса Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу об отсутствии допустимого повода для дисциплинарного разбирательства в данной части, поскольку защита К. осуществлялась адвокатом А. по соглашению. При этом жалоб на ее действия или на качество оказываемой ею юридической помощи от К., являющегося ее получателем, в Адвокатскую палату города Москвы не поступало, как не поступало жалоб и от других участников судебного разбирательства по указанному делу. Суд же не наделен полномочием по выдвижению в отношении адвоката, осуществляющего защиту по соглашению, дисциплинарных обвинений в ин-

тересах подсудимого и иных участников судопроизводства (кроме суда).

Совет также не усматривает обстоятельств, указывающих на принятие адвокатом А. поручений на оказание юридической помощи в количестве заведомо большем, чем она в состоянии выполнить, а также поручения, исполнение которого препятствует осуществлению защиты подсудимого К. в Московском городском суде. В связи с этим дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката А. за допущенное нарушение, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом А. обязательных требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и профессиональной этики и сопряженный со срывом судебного заседания с большим количеством участников. Совет также отмечает использование адвокатом А. недобросовестных методов коммуникации с судом, а также ее демонстративное нежелание объективно оценить свои действия по критериям, установленным для членов адвокатского сообщества. Такое профессиональное поведение адвоката А. Совет признает недопустимым. Одновременно с этим Совет учитывает, что адвокат А., имеющая длительный профессиональный стаж, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась. При даных обстоятельствах Совет предоставляет адвокату А. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет также считает необходимым указать адвокату А. на необходимость неукоснительного исполнения следующих законодательно установленных обязанностей адвоката: а) исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката); б) постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату А. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен… проявлять уважение к суду…»), выразившееся в том, что 9 февраля 2026 г. она без уважительных причин не явилась в судебное заседание Московского городского суда по уголовному делу, что привело к срыву судебного заседания и не позволило суду приступить к отбору коллегии присяжных заседателей, явившихся в суд.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по обращению судьи Московского городского суда Р. от 11 февраля 2026 г.:

в части дисциплинарного обвинения в нарушении прав ее подзащитного К. и иных участников судебного процесса вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения,

в оставшейся части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката А. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.2. Совет прекратил статус адвоката за оказание юридической помощи с приостановленным статусом, подчеркнув императивный характер законодательного запрета таких действий и санкции за его нарушение. Довод адвоката об исполнении трудовой функции в университете отклонен Советом как несостоятельный, поскольку адвокат при оказании юридической помощи выступала в качестве представителя доверителя, а не организации-работодателя.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Б. и представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 29 октября 2025 г. о прекращении статуса адвоката Б.

Квалификационная комиссия 18 февраля 2026 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом Б., статус которой приостановлен …мая 2023 г. и до настоящего времени не возобновлен, взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7, п. 3.1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 3.1 Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу о праве адвоката, статус которого приостановлен, вступать в трудовые отношения в качестве работника, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 25 января 2022 г. (Протокол № 7), что выразилось в оказании временному управляющему ООО «…» М.М. юридических услуг (правовой помощи), а именно: в подаче 31 июля 2025 г. в … арбитражный апелляционный суд отзыва на апелляционную жалобу ООО «…» на определение Арбитражного суда А. области от 5 мая 2025 г. по делу № … а затем 8 августа 2025 г. – ходатайства об участии в судебном заседании по данному делу посредством использования системы веб-конференции, подписанных Б. в качестве представителя временного управляющего ООО «…» М.М. на основании выданной последним доверенности на бланке от 31 января 2023 г., удостоверенной нотариусом г. Москвы М.Н.

Адвокат Б. в заседании Совета сообщила, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлена и не согласна, поддержала свои письменные доводы от 15 апреля 2026 г., в которых утверждает, что оказывала юридическую помощь арбитражному управляющему М.М. как работник Автономной некоммерческой организации высшего образования «…» (далее – Университет) в соответствии с внутренними нормативными актами и положением о Юридической клинике Университета. По ее мнению, это соответствует абз. 2 и 3 ст. 1 Федерального

закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также п. 3.2 Разъяснения Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросу о праве адвоката, статус которого приостановлен, вступать в трудовые отношения в качестве работника, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 25 января 2022 г. (Протокол № 7). Полагает, что ее действия по подаче процессуальных документов в …арбитражный апелляционный суд были совершены в рамках трудовых отношений с Университетом и не образуют нарушения п. 3.1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Вместе с тем указала, что если Совет усмотрит в ее действиях нарушение, то она просит признать его формальным и малозначительным и с учетом отсутствия дисциплинарных взысканий с 2009 г., вреда и умысла на совершение нарушения не применять к ней крайнюю меру дисциплинарного воздействия в виде прекращения статуса адвоката.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. сообщила, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлена, с выводами Комиссии полностью согласна.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела, и дисциплинарное обвинение нашло полное подтверждение.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат Б. является членом Адвокатской палаты г. Москвы с 2009 г. Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 мая 2023 г. статус адвоката Б. приостановлен на основании подп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (неспособность адвоката более шести месяцев исполнять свои профессиональные обязанности).

С 12 августа 2024 г. в производстве Арбитражного суда А. области находится дело по заявлению УФНС России по А. области о признании несостоятельным (банкротом) ООО «…». Определением суда от 5 мая 2025 г. в отношении ООО «…» введена процедура наблюдения, временным управляющим должника утвержден арбитражный управляющий М.С.

3 февраля 2025 г. адвокат Б. принята на работу в Университет на должность начальника юридической службы, что подтверждается приказом Университета о приеме на работу от 3 февраля 2025 г., а также сведениями о состоянии индивидуального лицевого счета застрахованного лица Б. по состоянию на 1 октября 2025 г.

4 июня 2025 г. ООО «…» подало апелляционную жалобу на определение Арбитражного суда А. области от 5 мая 2025 г. по указанному выше делу, а 31 июля 2025 г. в …арбитражный апелляционный суд через сервис электронной подачи документов в арбитражные суды «Мой Арбитр» от Б. поступил отзыв на эту апелляционную жалобу ООО «…». Данный отзыв на апелляционную жалобу был подписан представителем временного управляющего ООО «…» М.М. – Б. с приложением копии доверенности от 31 января 2023 г., удостоверенной нотариусом г. Москвы М.Н. Этой доверенностью М.М. уполномочил Б. представлять его интересы во всех судебных, административных и правоохранительных органах, органах дознания, прокурату-

ре и иных правоохранительных органах, в том числе во всех судах судебной системы Российской Федерации. В данной доверенности указаны паспортные данные, адрес регистрации Б. по месту жительства, сведения о наличии у Б. статуса адвоката в доверенности отсутствуют. Доверенность выдана сроком на три года.

8 августа 2025 г. в …арбитражный апелляционный суд через сервис электронной подачи документов в арбитражные суды «Мой Арбитр» от Б. поступило подписанное ею ходатайство от 30 июля 2025 г. об участии в судебном заседании по рассмотрению апелляционной жалобы по делу № … посредством веб-конференции. К данному ходатайству приложена копия той же доверенности.

17 октября 2025 г. определением Арбитражного суда А. области должник ООО «…» признан несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство сроком на шесть месяцев, по 17 апреля 2026 г., конкурсным управляющим утвержден К.

11 февраля 2026 г. постановлением …арбитражного апелляционного суда производство по апелляционной жалобе ООО «…» на указанное определение Арбитражного суда А. области в части введения в отношении ООО «…» процедуры наблюдения прекращено, в остальной части обжалуемое определение оставлено без изменения, апелляционная жалоба – без удовлетворения.

Заявителем выдвинуто дисциплинарное обвинение в отношении адвоката Б., статус которой приостановлен, в оказании юридических услуг (правовой помощи) временному управляющему ООО «…» М.М. при описанных обстоятельствах.

Адвокат Б., возражая против выдвинутого дисциплинарного обвинения, указала, что с 3 февраля 2025 г. является начальником юридической службы Университета, которое 1 июля 2025 г. заключило с арбитражным управляющим М.М. договор об оказании услуг, в соответствии с которым Университет обязался оказать заказчику М.М. консультационные и юридические услуги, в том числе в рамках рассмотрения упомянутого дела. Она подала в арбитражный суд процессуальные документы от имени арбитражного управляющего М.М. во исполнение указанного договора.

В подтверждение своих доводов адвокат Б. представила в материалы дисциплинарного производства договор на оказание юридических и консультационных услуг, заключенный 1 июля 2025 г. между Университетом (Исполнитель) и арбитражным управляющим М.М. (Заказчик), дополнительное соглашение к нему от 1 июля 2025 г., в соответствии с которым стоимость услуг составляет …руб., а также акт сдачи-приемки оказанных услуг от 15 октября 2025 г., счет на оплату от 19 ноября 2025 г., платежный документ об оплате оказанных по договору услуг, согласно которому 19 ноября 2025 г. М.М. со своего банковского счета физического лица в Сбербанке оплатил Университету …руб.

В силу п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатом является лицо, получившее в установленном данным федеральным законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность. Адвокат не вправе вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности.

Согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональ-

ной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном указанным федеральным законом, физическим и юридическим лицам (доверителям) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию. При этом в соответствии с п. 2 ст. 1 указанного закона адвокатская деятельность не является предпринимательской.

Согласно п. 3 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не является адвокатской деятельностью юридическая помощь, оказываемая участниками и работниками организаций, оказывающих юридические услуги, а также индивидуальными предпринимателями.

Пунктом 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката предусмотрено, что адвокат не вправе вне рамок адвокатской деятельности оказывать юридические услуги (правовую помощь), за исключением деятельности по урегулированию споров, в том числе в качестве медиатора, третейского судьи, участия в благотворительных проектах других институтов гражданского общества, предусматривающих оказание юридической помощи на безвозмездной основе, а также иной деятельности в случаях, предусмотренных законодательством.

В соответствии с п. 3.1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» лицо, статус адвоката которого приостановлен, не вправе осуществлять адвокатскую деятельность, а также занимать выборные должности в органах адвокатской палаты или Федеральной палаты адвокатов.

В силу подп. 2 и 4 п. 2 ст. 2 указанного федерального закона, оказывая юридическую помощь, адвокат составляет заявления, жалобы, ходатайства и другие документы правового характера; участвует в качестве представителя доверителя в гражданском судопроизводстве.

Согласно ст. 41, 62, 262 АПК РФ представитель лица, участвующего в деле, вправе совершать от имени представляемого им лица все процессуальные действия, в том числе заявлять ходатайства, подписывать и подавать отзыв на апелляционную жалобу.

Таким образом, адвокат, статус которого приостановлен, не вправе участвовать в качестве представителя доверителя в гражданском судопроизводстве, в том числе не вправе заявлять ходатайства, подписывать и подавать отзыв на апелляционную жалобу. Нарушение данного требования влечет за собой прекращение статуса адвоката в силу прямого указания подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

В Разъяснении Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу осуществления судебного представительства лицом, статус адвоката которого приостановлен, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 17 февраля 2017 г. № 04/17 (см.: Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 1 (56). С. 48–50), признано допустимым оказание юридической помощи адвокатом, статус которого приостановлен, близким родственникам либо близким лицам, круг которых определен законом, однако только на безвозмездной основе.

В Разъяснениях Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу о праве адвоката, статус которого приостановлен, вступать в трудовые отношения в качестве работника, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 25 января 2022 г. (Протокол № 7)

(см.: Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2022. № 2 (78). С. 89–91) указано:

«3.1. Адвокат, статус которого приостановлен, вправе самостоятельно на основании своих личных предпочтений избирать сферу осуществления трудовой деятельности в качестве работника.

При этом необходимо учитывать, что указанное лицо не вправе осуществлять адвокатскую деятельность (пункт 3.1 статьи 16 Федерального закона ‘‘Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации’’).

Равным образом указанное лицо в силу абзаца 1 пункта 3 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката не вправе оказывать юридические услуги (правовую помощь), за исключением:

1) деятельности по урегулированию споров, в том числе в качестве медиатора, третейского судьи;

2) участия в благотворительных проектах других институтов гражданского общества, предусматривающих оказание юридической помощи на безвозмездной основе;

3) иной деятельности в случаях, предусмотренных законодательством.

Комиссия исходит из того, что содержащаяся в диспозиции приведенной нормы формулировка ‘‘юридические услуги (правовая помощь)’’распространяется как на деятельность на основании гражданско-правового договора (например, возмездное оказание услуг по смыслу Гражданского кодекса Российской Федерации), так и на работу по трудовому договору (например, оказание юридической помощи работниками юридических лиц, оказывающих юридические услуги, по смыслу пункта 3 статьи 1 Федерального закона ‘‘Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации’’).

Таким образом, Кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает общее правило о том, что адвокат, статус которого приостановлен, не вправе оказывать юридические услуги (правовую помощь) как по гражданско-правовому договору, так и в качестве работника.

Вместе с тем норма абзаца 1 пункта 3 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката предполагает возможность иного регулирования в случаях, предусмотренных законодательством.

3.2. Иное регулирование предусмотрено абзацами 2 и 3 пункта 3 статьи 1 Федерального закона ‘‘Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации’’, в силу которых не является адвокатской деятельностью юридическая помощь, оказываемая работниками юридических служб юридических лиц, органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также юридических лиц, оказывающих юридические услуги.

Следовательно, адвокат, статус которого приостановлен, вправе на основе трудового договора оказывать юридическую помощь исключительно в качестве работника юридической службы юридического лица (например, в должностях ‘‘юрисконсульт’’, ‘‘старший юрисконсульт’’), работника органа государственной власти или органа местного самоуправления (например, в должностях ‘‘ведущий специалист юридического отдела’’, ‘‘главный специалист юридического отдела’’), а также работника юридического лица, оказывающего юридические услуги (например, в должностях ‘‘юрист’’, ‘‘старший юрист’’). Данный вывод не умаляет возможности оказания адвокатом, статус которого приостановлен, исключительно на безвозмездной основе юридической помощи близким родственникам и близким лицам, круг которых определен законом, в соответствии с Разъяснением Комиссии от 17 февраля 2017 года № 04/17 по вопросу осуществления судебного пред-

ставительства лицом, статус адвоката которого приостановлен».

Приостановление статуса адвоката – это мера, временно лишающая адвоката специальной правосубъектности в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», целью которой является исключение возможности осуществлять таким лицом именно адвокатскую деятельность (оказывать квалифицированную юридическую помощь физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечивать доступ к правосудию) на период действия особых обстоятельств (избрание в орган власти, неспособность более шести месяцев исполнять свои профессиональные обязанности, призыв на военную службу и т.д.).

Деятельность адвоката, чей статус приостановлен, в качестве работника юридической службы организации принципиально отличается по своей природе от адвокатской деятельности. Работник юридической службы организации оказывает правовую помощь своему работодателю – юридическому лицу, с которым состоит в трудовых отношениях, его функция заключается в обеспечении правовой помощи, касающейся деятельности организации.

В то же время адвокатская деятельность носит публичный характер, сопряжена с особыми гарантиями и корпоративными обязанностями, которые адвокат обязан неукоснительно соблюдать.

Подход к регулированию деятельности адвоката, статус которого приостановлен, является не формальным, а содержательным. Это регулирование направлено на предотвращение обхода установленного законом запрета на оказание юридической помощи адвокатом, статус которого приостановлен, и на защиту целостности адвокатского сообщества, соблюдение принципов адвокатуры, традиций и ценностей профессии, а также на защиту интересов физических и юридических лиц, получающих юридическую помощь, от недобросовестной и незаконной деятельности, маскирующейся под адвокатскую.

Как указано выше, адвокат Б. с 3 февраля 2025 г. является начальником юридической службы Университета. Как следует из содержания устава Университета, Положения о юридической службе и должностной инструкции начальника юридической службы, деятельность начальника юридической службы по правовому обеспечению направлена исключительно на сопровождение собственной деятельности образовательного учреждения, защиту его интересов, интересов его администрации, преподавателей и обучающихся.

Подготовка и подача адвокатом Б. процессуальных документов в арбитражный суд в интересах М.М. никак не связаны с выполнением трудовой функции начальника юридической службы Университета. Кроме того, доказательств наличия у Университета какой-либо заинтересованности в исходе дела о банкротстве ООО «…» либо в оказании поддержки именно временному управляющему М.М. материалы дисциплинарного производства не содержат.

Довод адвоката Б. о том, что действия по представлению интересов М.М., в том числе подача в арбитражный суд отзыва на апелляционную жалобу от имени арбитражного управляющего М.М., были совершены ею во исполнение договора об оказании услуг, заключенного между ее работодателем – Университетом и М.М., Совет отклоняет как несостоятельные в силу следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что М.М., заключив с Университетом указанный

договор от 1 июля 2025 г., не выдал Университету доверенность на представление его интересов в суде, необходимую для исполнения указанного договора. Это обстоятельство, лишающее Университет возможности реально приступить к исполнению обязательств перед М.М. по заключенному между ними договору, свидетельствует о его формальном характере. Кроме того, Университет не выдал адвокату Б. ни доверенность для представления интересов М.М. в арбитражном суде на основании указанного договора, ни письменное поручение на оказание юридической помощи М.М. Таким образом, в материалах дела отсутствуют доказательства возникновения у адвоката Б. полномочий на представление интересов М.М. именно в качестве сотрудника Университета и во исполнение упомянутого договора.

При таких обстоятельствах Совет, согласившись с Квалификационной комиссией, пришел к выводу, что заключение Университетом договора от 1 июля 2025 г. с временным управляющим М.М. носило исключительно формальный характер и имело целью создание условий для обхода адвокатом Б. законодательного запрета на оказание юридической помощи адвокатом, статус которого приостановлен. На это дополнительно указывают следующие факты:

– согласно объяснениям адвоката Б. Университет не заключал иных договоров об оказании юридических услуг, кроме указанного договора с временным управляющим М.М.;

– пп. 1.2, 1.3 упомянутого договора определен большой объем юридических и консультационных услуг, в то время как срок действия договора установлен сторонами до 15 октября 2025 г., т.е. он был заключен лишь на три с половиной месяца;

– акт сдачи-приемки оказанных услуг по данному договору был подписан лишь 15 октября 2025 г., в то время как процессуальные действия в интересах М.М. были совершены 31 июля и 8 августа 2025 г. При этом в акте не приведен перечень конкретных услуг, оказанных по договору;

– счет на оплату услуг по договору был выставлен Университетом лишь 19 ноября 2025 г., т.е. более чем через месяц после подписания акта сдачи-приемки оказанных услуг и после поступления 6 ноября 2025 г. в Адвокатскую палату города Москвы представления Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 29 октября 2025 г. в отношении адвоката Б.;

– оплата денежных средств по договору была произведена М.М. 19 ноября 2025 г. – после возбуждения 17 ноября 2025 г. настоящего дисциплинарного производства;

– адвокат Б., подавая документы в суд в качестве представителя временного управляющего М.М., действовала на основании доверенности от 31 января 2023 г., выданной ей М.М. Указанная доверенность была выдана адвокату Б. в тот период, когда ее статус адвоката еще не был приостановлен. Совет в этой связи отмечает, что, вопреки мнению адвоката Б., отсутствие в доверенности указания на ее статус адвоката не свидетельствует о том, что она могла действовать на основании этой доверенности в каком-либо ином качестве в силу прямого запрета адвокату оказывать юридическую помощь вне рамок адвокатской деятельности, установленного п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката;

– руководитель Юридической клиники Университета Е., давая объяснения в заседании Квалификационной комиссии, пояснил, что юридическую помощь М.М. оказывала именно адвокат Б., а оформление договора об оказании

юридической помощи М.М. через Университет потребовалось, чтобы «как-то провести эту помощь».

Не подтвердился в результате дисциплинарного разбирательства и довод адвоката Б. об оказании М.М. юридической помощи силами иных лиц, участвующих в Юридической клинике при Университете.

В Положении о Юридической клинике Университета четко закреплено, что она создана в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», который, в свою очередь, регулирует отношения, связанные с оказанием только бесплатной юридической помощи. Кроме того, Положение о Юридической клинике Университета не предусматривает возможность оказания платной юридической помощи. Нормы п. 2.6 указанного положения закрепляют возможность в исключительных случаях оказания юридической помощи иной категории лиц на основании договора, заключаемого Университетом, но лишь в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. При этом в п. 2.6 Положения, как и в других его пунктах, отсутствуют условия, предусматривающие оказание юридической помощи на платной основе.

Таким образом, поскольку М.М. в соответствии с договором от 1 июля 2025 г. на оказание юридических и консультационных услуг оказывалась платная юридическая помощь, она не могла оказываться ему силами Юридической клиники Университета, которая создана в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» и уполномочена оказывать только бесплатную юридическую помощь (в первую очередь студентами Университета) и лишь категориям граждан, имеющим право на получение бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, указанным в ст. 20 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», к числу которых временный управляющий М.М. не относится.

Таким образом, в результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлено, что подготовка и подача адвокатом Б. процессуальных документов в арбитражный суд по делу в интересах М.М. при описанных обстоятельствах являются самостоятельным оказанием ею юридической помощи временному управляющему М.М. на основании ранее (в период, когда ее статус адвоката был действующим) выданной ей доверенности. Эти действия адвоката Б. не были связаны с выполнением трудовой функции начальника юридической службы Университета. Они также не могут быть признаны ни действиями работника юридического лица, оказывающего юридические услуги, ни действиями работника органа государственной власти или органа местного самоуправления, ни оказанием на безвозмездной основе юридической помощи близким родственникам и близким лицам. Следовательно, вопреки утверждениям адвоката Б., эти ее действия не могут быть отнесены ни к одному из видов исключений из запрета на оказание юридической помощи адвокатом, статус которого приостановлен, предусмотренных п. 3.2 Разъяснений Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 25 января 2022 г. (Протокол № 7), и свидетельствуют об умышленном нарушении ею указанного законодательного запрета.

При таких обстоятельствах Совет признает доводы представления Глав-

ного управления Министерства юстиции Российской Федерации обоснованными, а презумпцию добросовестности адвоката Б. опровергнутой.

Избирая в соответствии с требованиями ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Б. за совершенное нарушение, Совет руководствуется подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому статус адвоката прекращается в случае нарушения адвокатом п. 3.1 ст. 16 указанного федерального закона. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о применении к адвокату Б. меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. В силу императивного характера требований подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Совет признает невозможным ни признание допущенного адвокатом Б. нарушения малозначительным, ни применение к ней более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Б. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, учитывая все установленные по настоящему дисциплинарному делу обстоятельства, в том числе данные о личности и профессиональной деятельности Б., отсутствие у нее дисциплинарных взысканий с момента приобретения статуса адвоката в 2009 г., считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 1 (один) год.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 6 п. 1 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1, 4, 7 ст. 18, подп. 1 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Б., статус которой приостановлен 30 мая 2023 г. и до настоящего времени не возобновлен, меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7, п. 3.1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 3.1 Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу о праве адвоката, статус которого приостановлен, вступать в трудовые отношения в качестве работника, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 25 января 2022 г. (Протокол № 7), что выразилось в оказании временному управляющему ООО «…» М.М. юридических услуг (правовой помощи), а именно: в подаче 31 июля 2025 г. в … арбитражный апелляционный суд отзыва на апелляционную жалобу ООО «…» на определение Арбитражного суда А. области от 5 мая 2025 г. по делу № … а затем 8 августа 2025 г. – ходатайства об участии в судебном заседании по данному делу посредством использования системы веб-конференции, подписанных Б. в качестве представителя временного управляющего ООО «…» М.М. на основании выданной последним доверенности на бланке от 31 января 2023 г., удостоверенной нотариусом г. Москвы М.Н.

Установить в отношении Б. срок, по истечении которого она может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 1 (один) год.

2.3. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку выдвинутое судьей обвинение адвоката в некорректных высказываниях было неконкретным, а критика адвокатом действий стороны обвинения расценена Советом как правомерная реализация позиции защиты по вопросу допустимости доказательств. Совет подчеркнул, что при осуществлении защиты адвокат вправе давать оценку действиям процессуальных оппонентов, активно и настойчиво обращать внимание суда на признаки фальсификации доказательств и заявлять ходатайство об их исключении.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи П. городского суда П-ой области М. от 21 марта 2025 г. в отношении адвоката Л.

Квалификационная комиссия 4 марта 2026 г. вынесла Заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по обращению судьи М. от 21 марта 2025 г., в части доводов об умалении адвокатом в ходе рассмотрения судом уголовного дела чести и достоинства государственного обвинителя, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по обращению судьи М., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Л., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, 20 апреля 2026 г. письменно уведомила Совет о получении Заключения Квалификационной комиссии, ознакомлении и согласии с ним, просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие. Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившейся адвоката Л.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией и соглашается с ее выводами.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

С 15 августа 2023 г. в производстве П. городского суда П-ой области находилось уголовное дело по обвинению Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ. С 24 августа 2023 г. защиту подсудимого Ж. по указанному уголовному делу на основании соглашения осуществляет адвокат Л., предъявившая суду ордер от 24 августа 2023 г. Приговором упомянутого суда от 21 марта 2025 г. Ж. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 8 лет 10 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Из протокола судебного заседания усматривается, что адвокат Л., заявляя ходатайство об исключении ряда доказательств, в числе прочего заявила следующее: *«В соответствии ст. 88 УПК РФ прокурор в ходе судебного раз-*

бирательства уголовного дела по собственной инициативе вправе признать доказательство недопустимым и исключить его из обвинительного заключения. Однако, прокурор в настоящем судебном разбирательстве, получив те же самые сведения о незаконности и недопустимости как вещественных доказательств, так и производных от этих доказательств протоколов следственных действий и процессуальных решений следователя, о которых сторона защиты высказалась в настоящем ходатайстве, решений о признании данных и доказательств недопустимыми не принял и не исключил таковые из обвинительного заключения. Более того, прокурор, закончив представлять суду доказательства обвинения, продолжает настаивать на вышеуказанных доказательствах, как подтверждающих виновность и причастность Ж. к совершению преступления, осознавая при этом, что такие доказательства являются не просто недопустимыми, а фальсифицированными, зная о том, что за фальсификацию доказательств по уголовному делу об особо тяжком преступлении предусмотрена уголовная ответственности по ч. 3 ст. 303 УК РФ. Причем уголовную ответственность несут не только должностные лица, которые сфальсифицировали доказательства, но должностное лицо, которое предъявило эти доказательства суду. В этой связи следует заявить о том, что прокурор, продолжая представлять суду доказательства с фальсифицированными сведениями, уже совершил должностное преступление, подпадающее под квалификацию ч. 3 ст. 303 УК РФ. Кроме этого, такими действиями прокурор фактически подстрекает суд постановить в отношении Ж. заведомо неправосудный обвинительный приговор на основании фальсифицированных доказательств. И такие действия прокурора также уголовно-наказуемы, поскольку подпадают под квалификацию ч. 4 ст. 33, ст. 305 УК РФ. Сказанное позволяет стороне защите утверждать, что прокурор в настоящем судебном процессе не выполняет возложенные на него ч. 3 ст. 37, ст. 246 УПК РФ полномочия, согласно которым прокурор в ходе судебного производства по уголовному делу, поддерживая государственное обвинение, должен обеспечить его законность и обоснованность. Такая позиция стороны защиты по настоящему делу находится в тесном переплетении с решениями по данному вопросу Конституционного Суда РФ. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П по делу "О проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ" было высказано следующее: "Осуществляя от имени государства уголовное преследование по уголовным делам публичного обвинения, прокурор, выступающий на стороне обвинения должен подчиняться предусмотренному УПК РФ порядку уголовного судопроизводства (часть вторая статьи 1), следуя назначению и принципам уголовного судопроизводства, закрепленным данным Кодексом"»[16].

После вопроса председательствующего, адресованного адвокату Л., «В отношении кого мы рассматриваем уголовное дело?» последняя продолжила заявлять ходатайство, сказав следующее: *«Он обязан всеми имеющимися в его распоряжении средствами обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (статья 11), исходить в своей профессиональной деятельности из презумпции невиновности (статья 14), обеспечивать подозреваемому и обвиняемому право на защиту (статья 16), принимать решения в соот-*

[16] Здесь и далее орфография и пунктуация протокола сохранены (*прим. ред.*)

ветствии с требованиями законности, обоснованности и мотивированности (статья 7), в силу которых обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения. Каких-либо положений, допускающих освобождение прокурора от выполнения этих обязанностей, УПК РФ не содержит. В связи с тем, что прокурор в настоящем судебном процессе должным образом не исполняет возложенные на него законом полномочия, с ходатайством к суду о признании доказательств обвинения недопустимыми обращается сторона защиты. В силу ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса. Такие недопустимые доказательства по настоящему уголовному делу имеются. На основании изложенного прошу признать недопустимыми доказательствами…» (адвокат Л. перечислила те доказательства, которые просила признать недопустимыми).

Далее в протоколе судебного заседания указано следующее:

«На вопросы председательствующего – защитник:

– Каким образом суду расценивать Ваше обвинение в совершении государственным обвинителем должностного преступления?

– В ходатайстве все изложено, уже ничего не добавишь.

– Суду необходимо каким-либо образом на обвинение государственного обвинителя отреагировать?

– Отдельного ходатайства суду не заявлено, заявлено ходатайство в том составе, в котором оно заявлено. Мы даем оценку, говорим о том, что святая обязанность государственного обвинителя – блюсти закон. В этом судебном процессе он надзирает за законностью. У нас приведено ходатайство на 20 листах, все подробно описано. Это очевидно для прокурора, сейчас прокурор будет говорить какой-то отзыв по поводу ходатайства, оглашаться с ним. Возможно, прокурор встанет и скажет наконец-то: поддерживаю.

– Как суду рассматривать ходатайство, как одно или как два ходатайства?

– У нас одно ходатайство и просительная часть об исключении доказательств в связи с их недопустимостью.

– Каким образом суду расценивать Ваше обвинение в совершении государственным обвинителем должностного преступления?

– На усмотрение суда, отдельное ходатайства по этому поводу не заявляется. Мы в каком формате изложили сведения, в таком они и есть.

– Правильно ли я понимаю, что суду необходимо это воспринимать, как Вашу позицию по делу?

– Да, как позицию, как несогласие.

– Вопросов нет».

Из обращения заявителя – судьи П. городского суда П-ой области М. следует, что в отношении адвоката Л. выдвигаются дисциплинарные обвинения в том, что она, выступая в судебных прениях, «проявляя неуважение к государственному обвинителю Г., также допустила неоднократные некорректные высказывания в ее адрес, обвиняя прокурора в совершении должностных преступлений и оценивая ее профессиональную пригодность», а кроме того, допустила ряд некорректных высказываний, заявляя ходатайство об исключении ряда доказательств.

Адвокат Л., не соглашаясь с выдвинутыми дисциплинарными обвинениями, указывала, что она активно отстаивала права своего доверителя, что, безусловно, раздражало суд. Заявитель ранее уже обращалась в Адвокатскую палату города Москвы в отношении адвоката Л. в связи с рассмотрением этого уголовного дела. Каких-либо высказываний, умаляющих честь и достоинство участников судопроизводства, она не допускала.

Давая оценку выдвинутым дисциплинарным обвинениям, Совет руководствуется положениями подп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым жалоба, представление, обращение в отношении адвоката должны, помимо прочего, содержать указание на конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, а также обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, представлением, обращением, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.

Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу адвоката.

Вместе с тем выдвинутые в отношении адвоката Л. дисциплинарные обвинения в том, что она, выступая в судебных прениях, «проявляя неуважение к государственному обвинителю Г., также допустила неоднократные некорректные высказывания в ее адрес, обвиняя прокурора в совершении должностных преступлений и оценивая ее профессиональную пригодность», сформулированы заявителем исключительно в общем виде, т.е. не содержат никаких указаний на то, какие именно высказывания, нарушающие, по мнению заявителя, Кодекс профессиональной этики адвоката, допускались адвокатом Л. при выступлении в прениях. Речь адвоката Л. в прениях содержится на 98 листах, а в представленном заявителем протоколе судебного заседания не выделены места, отражающие, по мнению заявителя, недопустимые высказывания адвоката Л. Совет подобных высказываний также не усматривает.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката Л. в данной части не опровергнута.

Давая оценку высказываниям адвоката Л., сделанным в ходе заявления ею ходатайства об исключении доказательств в судебном заседании указанного суда 5 сентября 2024 г., Совет отмечает, что положения о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») применительно к участию в качестве защитника в уголовном судопроизводстве означают активную с момента вступления в дело реализацию адвокатом полномочий защитника, предусмотренных ст. 53 УПК РФ, в частности, на заявление ходатайств.

При отстаивании интересов доверителя адвокат может проявлять не всегда устраивающую суд активность:

заявлять многочисленные ходатайства, возражения на действия председательствующего и так далее. Однако это не может свидетельствовать о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку такие способы реализации адвокатом процессуальных прав предусмотрены процессуальным законодательством (см., например, п. 1 Обзора дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за первое полугодие 2022 года по вопросам, связанным с публичным (в том числе протестным) поведением адвоката при осуществлении профессиональной деятельности, а также в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», опубликованного для всеобщего сведения на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы <https://www.advokatymoscow.ru/>, а также Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 192–193).

Согласно п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии).

При этом формирование тактики и стратегии обоснования защитительной позиции во всех случаях относится к исключительной компетенции самого адвоката, который по своему статусу, закрепленному законодательно (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. Тактика отстаивания интересов доверителя определяется адвокатом с учетом конкретных обстоятельств дела и собранных доказательств. Самостоятельное и независимое толкование закона также является неотъемлемым правом адвоката как независимого советника по правовым вопросам.

Критической оценке со стороны органов адвокатского самоуправления в процедуре дисциплинарного производства могут быть подвергнуты только такие нарушения адвокатом норм законодательства, которые свидетельствуют о неисполнении им профессиональных обязанностей или о наступлении негативных публично-правовых последствий.

В соответствии с ч. 2 ст. 88 УПК РФ в случаях, указанных в ч. 2 ст. 75 УПК РФ, суд, прокурор, следователь, дознаватель признает доказательство недопустимым. Согласно ч. 1 ст. 235 УПК РФ стороны вправе заявить ходатайство об исключении из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве, любого доказательства.

При рассмотрении ходатайства об исключении доказательства, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований данного кодекса, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре. В остальных случаях бремя доказывания лежит на стороне, заявившей ходатайство (ч. 4 ст. 235 УПК РФ).

В силу чч. 3 и 4 ст. 37 УПК РФ в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. Прокурор вправе в порядке и по основаниям, которые установлены данным кодексом,

отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения. Согласно ч. 5 ст. 246 УПК РФ государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания.

Адвокат Л. в ходе дисциплинарного производства ссылалась на то, что, по ее мнению, имелись явные признаки фальсификации доказательств обвинения по уголовному делу, но прокурор, обязанный соблюдать законность, продолжил их представление в подтверждение виновности ее доверителя. Именно на это адвокат Л. пыталась обратить внимание суда, отмечая, что не обращается с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении государственного обвинителя. Это была оценка действий прокурора «в контексте анализа доказательств по уголовному делу».

При таких обстоятельствах Совет признает, что адвокат Л., безусловно, имела право обращать внимание суда и стороны обвинения на совершенную, по ее мнению, лицами, производившими предварительное расследование, фальсификацию доказательств по данному уголовному делу, а также заявить ходатайство об исключении этих доказательств как полученных с нарушением требований уголовно-процессуального закона. Адвокат Л. также была вправе рассчитывать на соответствующую реакцию на ее заявление о фальсификации доказательств со стороны государственного обвинителя, на которого уголовно-процессуальным законом возложена обязанность по обеспечению законности и обоснованности предъявленного обвинения. Поэтому обращение адвокатом Л. внимания на неисполнение им этой обязанности также являлось допустимым и уместным. При этом соответствующие высказывания сделаны адвокатом Л. в корректной форме с соблюдением норм и правил делового общения.

Таким образом, ни факт заявления адвокатом Л. 5 сентября 2024 г. в судебном заседании ходатайства об исключении ряда доказательств, ни содержание этого ходатайства не были направлены на дезорганизацию судебного разбирательства, не нарушали требований уголовно-процессуального закона, а также профессиональной этики и не свидетельствовали о проявлении неуважения к суду.

Кроме того, Совет отмечает, что дисциплинарные обвинения в совершении адвокатом действий, свидетельствующих об умалении чести и достоинства государственного обвинителя, вправе выдвигать только это лицо. Обвинение в умалении чести и достоинства иных (кроме суда) участников судебного разбирательства направлено на защиту прав и достоинства именно этих иных участников, а не суда. Таким образом, суд (судья) не является надлежащим заявителем по данному основанию. При этом каких-либо жалоб в Адвокатскую палату города Москвы от государственного обвинителя по указанному уголовному делу не поступало, в связи с чем дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении ад-

воката Л. по обращению (частному постановлению) судьи П. городского суда П-ой области М. от 21 марта 2025 г.:

в части доводов об умалении адвокатом чести и достоинства государственного обвинителя вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.4. Совет прекратил дисциплинарное производство, указав, что неявка адвоката в судебное заседание из-за непредвиденной, вопреки договоренности с председательствующим судьёй, задержки окончания другого процесса не образует проступка, поскольку адвокат заранее принял меры к исключению конфликта судебных заседаний. Совет отметил, что адвокат заблаговременно сообщил другому суду о занятости, получил подтверждение судьи о времени завершения заседания, а при его задержке незамедлительно уведомил другой суд, и в сложившейся ситуации в его действиях отсутствует умысел или грубая неосторожность. Гипотетическая возможность задержек судебных заседаний сама по себе не означает, что адвокат не вправе планировать участие в двух заседаниях в один день, действуя разумно и добросовестно.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Т. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи П. районного суда г. Москвы М. от 25 декабря 2025 г. в отношении адвоката Т.

Квалификационная комиссия 4 марта 2026 г. вынесла Заключение:

– о нарушении адвокатом Т. положений п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката (при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для его проведения адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд), выразившемся в том, что адвокат Т. не известил П. районный суд г. Москвы о невозможности явки 24 декабря 2025 г. в судебное заседание указанного суда по уголовному делу в связи с участием в эту дату в судебном заседании Х. районного суда г. Москвы по другому уголовному делу и не ходатайствовал об отложении судебного заседания П. районного суда г. Москвы на иную дату;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т. по обращению судьи М., в части обвинения в проявлении неуважения к подзащитному М.А. и иным лицам, участвующим в деле, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т. по обращению судьи М., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Т. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Т. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и сообщил, что считает его необосно-

ванным в части доводов о наличии в его действиях состава дисциплинарного проступка. Он не смог принять участие в заседании П. районного суда г. Москвы в связи с неожиданно возникшими объективными обстоятельствами, а именно из-за непредвиденного продления судебного заседания Х. районного суда г. Москвы после 13.00 час. вопреки заранее достигнутой им с председательствующим судьей договоренности. При этом он сразу уведомил П. районный суд о возникшей задержке в другом судебном заседании. Выразил сожаление о том, что судебное заседание П. районного суда не состоялось. Он принес за это извинения суду, однако полагает, что это произошло по независящим от него причинам.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав доводы адвоката Т., Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами частично не соглашается и считает, что дисциплинарное производство подлежит прекращению в полном объеме в силу следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что по уголовному делу, находящемуся в производстве П. районного суда г. Москвы, в котором защиту подсудимого М.А. осуществлял адвокат Т., судебное заседание было отложено на 14.00 час. 24 декабря 2025 г. Несмотря на надлежащее извещение о дате и времени этого судебного заседания адвокат Т. в него не явился и по состоянию на 25 декабря 2025 г. не представил документы, подтверждающие уважительность причины неявки, в результате которой судебное заседание было отложено.

При этом по другому уголовному делу, находящемуся в производстве Х. районного суда г. Москвы, защиту подсудимого Б. по которому также осуществлял адвокат Т., рассмотрение было отложено на 10.30 час. 24 декабря 2025 г. Адвокат Т. ходатайствовал перед Х. районным судом о назначении судебного заседания с учетом иной профессиональной занятости в указанную дату в 14.00 час. В подтверждение этого адвокат Т. представил справку судьи Х. районного суда Ф. от 26 декабря 2025 г., в которой указано, что 17 декабря 2025 г. адвокат Т. обращался с ходатайством о назначении следующего судебного заседания Х. районного суда по уголовному делу в отношении подсудимого Б. с учетом занятости 24 декабря 2025 г. в 14.00 час. в судебном заседании П. районного суда. Той же справкой судьи Х. районного суда Ф. подтверждается, что окончание судебного заседания по уголовному делу планировалось с учетом занятости защитника к 13.00 час., однако в связи с необходимостью окончания судебных прений судебное заседание было продолжено. К справке судьи приложено ходатайство адвоката от 17 декабря 2025 г. о назначении судебного заседания с учетом занятости адвоката в П. районном суде.

При таких обстоятельствах Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что в действиях адвоката Т. содержится состав дисциплинарного проступка, выразившегося в том, что он не известил П. районный суд о невозможности явки 24 декабря 2025 г. в судебное заседание по указанному уголовному делу и не ходатайствовал об отложении судебного заседания этого суда на иную дату.

Комиссия мотивировала этот вывод тем, что при проведении судебных заседаний задержки могут происходить ввиду множества причин, не зависящих от адвоката. Между тем в соответствии со ст. 18 Кодекса профессиональной этики

адвоката применение мер дисциплинарной ответственности влечет лишь нарушение требований законодательства или профессиональной этики, совершенное умышленно или по грубой неосторожности. Однако Совет не усматривает в профессиональном поведении адвоката Т. в данной части ни умысла, ни грубой неосторожности.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и описано выше, адвокат Т. не только имел уважительную причину неявки в судебное заседание П. районного суда, поскольку участвовал в заседании Х. районного суда, но и принял все доступные ему меры, направленные на исключение конфликта времени проведения двух судебных заседаний с его участием: заявил ходатайство о завершении судебного заседания Х. районного суда до 13.00 час. и получил подтверждение этого от председательствующего судьи. В таких условиях у адвоката Т. не было оснований сомневаться, что он сможет принять участие также и в заседании П. районного суда. Соответственно, не было у него и необходимости заблаговременно уведомлять этот суд о невозможности своей явки. Однако, как только выяснилось, что судебное заседание Х. районного суда не закончилось в согласованное время, он незамедлительно уведомил об этом П. районный суд через другого защитника, что в условиях его участия в судебном заседании Совет признает допустимым способом уведомления.

Сама по себе гипотетическая возможность задержек судебных заседаний, на которую указала Квалификационная комиссия, не означает заведомую невозможность участия адвоката более чем в одном судебном заседании в течение дня и не свидетельствует о совершении адвокатом дисциплинарного проступка, если он принял необходимые меры, направленные на исключение конфликта времени проведения судебных заседаний с его участием.

По этим причинам Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в толковании Кодекса профессиональной этики адвоката и правовой оценке деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части обвинения адвоката Т. в том, что он не известил П. районный суд о невозможности явки 24 декабря 2025 г. в судебное заседание указанного суда по упомянутому выше уголовному делу в связи с участием в судебном заседании Х. районного суда по другому уголовному делу и не ходатайствовал об отложении судебного заседания П. районного суда на иную дату, вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и профессиональной этики.

Обращение заявителя датировано 25 декабря 2025 г. – следующим днем после неявки адвоката Т. в судебное заседание. Совет в связи с этим отмечает, что на момент подачи обращения адвокат Т. не имел возможности исполнить обязанность, предусмотренную Разъяснением № 3 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О неявках в судебное заседание», а именно представить суду документы, подтверждающие уважительность причины неявки в судебное заседание. Как уже неоднократно указывал Совет, эта обязанность должна быть исполнена адвокатом в разумный срок – не позднее следующего судебного заседания по делу. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с выводом Квалификационной комиссии, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Т. проявил неуважение к подзащитному М.А. и иным лицам, участвующим в деле, не подлежит рассмотрению по существу в связи с отсутствием допустимого повода, так как во всех случаях, когда адвокат-защитник приглашается получателем юридической помощи или по его поручению (с согласия) иными лицами, только доверитель адвоката, являющийся получателем его юридической помощи, вправе выдвигать в отношении него дисциплинарные обвинения, связанные с ненадлежащим оказанием им юридической помощи. Суд же не наделен полномочиями по выдвижению дисциплинарных обвинений в интересах иных (кроме суда) участников судопроизводства. При этом ни доверитель адвоката Т., ни иные участники дисциплинарного производства не обращались в Адвокатскую палату города Москвы с жалобами на него.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 и 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи П. районного суда г. Москвы от 25 декабря 2025 г. в отношении адвоката Т.:

– в части обвинения в проявлении неуважения к подзащитному М.А. и иным лицам, участвующим в деле вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения;

– в оставшейся части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Т. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.5. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвокатов, которых обвиняли в неявке в судебные заседания, нарушении прав подсудимого и иных участников процесса. Совет признал, что адвокаты заблаговременно уведомляли суд о занятости в других процессах, а разумный срок представления подтверждающих документов об уважительности причин неявки еще не истек. Кроме того, суд не наделен полномочием по выдвижению дисциплинарных обвинений в нарушении адвокатом – защитником по соглашению прав подсудимого и других участников процесса, а самими этими лицами жалобы не подавались.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи С. районного суда г. Красноярска К. от 12 февраля 2026 г. в отношении адвокатов А. и Ч.

Квалификационная комиссия 15 апреля 2026 г. вынесла Заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвокатов Ч. и А. по обращению судьи К., в части дисциплинарных обвинений в том, что, не явившись 29 сентября 2025 г. и 11 февраля 2026 г. в судебное заседание С. районного суда г. Красноярска по рассмотрению уголовного дела, адвокаты Ч. и А. нарушили права подсудимого Н. и иных участников судебного разбирательства, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвокатов Ч. и А. по обращению судьи К., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокаты А. и Ч., извещенные надлежащим образом и своевременно получившие Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явились, просили о рассмотрении дисциплинарного производства в их отсутствие. Принимая во внимание указанные обстоятельства, а также с учетом положений п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся адвокатов А. и Ч.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве судьи С. районного суда г. Красноярска К. находится уголовное дело в отношении Н., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 201, ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 201, ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 201 УК РФ. Защиту подсудимого Н. осуществляют на основании соглашения адвокаты А. и Ч. По делу состоялись многочисленные судебные заседания. При этом в судебные заседания, назначенные на 29 сентября 2025 г. и 11 февраля 2026 г., адвокаты А. и Ч. не явились.

В частном постановлении судьи против адвокатов А. и Ч. выдвигаются дисциплинарные обвинения в неявках в указанные судебные заседания, что повлекло их отложение. По мнению судьи, этими неявками также были нарушены права подсудимого Н. и других участников судебного процесса. Кроме того, в частном постановлении указано, что адвокаты А. и Ч. не представили ходатайства об отложении судебного заседания, назначенного на 11 февраля 2026 г., а также документы об уважительности причин неявки в это же судебное заседание.

Адвокаты А. и Ч., не соглашаясь с дисциплинарными обвинениями, указали, что 29 сентября 2025 г. были заняты в других процессах: Ч. защищал М.А. в М. районном суде г. Москвы по его уголовному делу, А. – в К. районном суде г. Москвы представлял интересы ООО «…» по иску к Н.А., Н.В. по гражданскому делу. 22 сентября 2025 г. при обсуждении следующей даты судебного заседания адвокат Ч. сообщил суду, что 29 сентября 2025 г. ни он, ни адвокат А. не смогут явиться в судебное заседание ввиду занятости в других процессах. Несмотря на это, судебное заседание 22 сентября 2025 г. было отложено на 14:00 час. 29 сентября 2025 г. При этом, по утверждению адвоката Ч., судья не объявила дату следующего заседания в открытом судебном заседании, а впоследствии разместила ее лишь на сайте суда. В связи с этим оба адвоката направили судье К. ходатайства об отложении заседания.

По поводу неявки 11 февраля 2026 г. адвокаты пояснили, что в заседании 10 февраля 2026 г. адвокат Ч. сообщил суду о своей занятости в указанную дату в П. районном суде г. Москвы по делу, в котором он осуществлял защиту Е.,

а также напомнил о профессиональной занятости адвоката А. в тот же день в … арбитражном апелляционном суде по другому делу. Вместе с тем адвокат А. указал, что еще 27 января 2026 г. извещал суд о своей профессиональной занятости 11 февраля 2026 г. Однако судья К. проигнорировала занятость обоих защитников и назначила судебное заседание на 11 февраля 2026 г.

Объяснения адвокатов А. и Ч. ничем не опровергнуты.

Согласно ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле. В развитие данного предписания п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для его проведения адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд.

Согласно Разъяснению № 01/18 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью» (утверждено Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 16 февраля 2018 г., Протокол № 1) «имея в производстве несколько дел от доверителей, адвокат, не дожидаясь официального уведомления суда о назначении судебного заседания, обязан следить за их движением и по возможности согласовывать (заблаговременно) с судом даты судебных заседаний в целях исключения назначения их на одну дату. При отложении судом разбирательства дела и решении вопроса о назначении судебного заседания на новую дату адвокат обязан по возможности сообщить суду о своей занятости в судебных заседаниях по иным делам, назначенным к рассмотрению. В том случае, если, несмотря на предпринятые адвокатом меры, дела, которые ведет адвокат, назначены к рассмотрению в разных судах на одну дату, адвокат, отдавая приоритет своего участия по одному из них, должен учитывать следующие обстоятельства:

– отложение разбирательства дела в связи с невозможностью явки адвоката в судебное заседание может повлечь для его доверителя, в том числе подзащитного, наступление неблагоприятных последствий, нарушение разумных сроков рассмотрения дела судом, в том числе и по причине неоднократного отложения разбирательства дела в связи с неявкой адвоката в судебное заседание, а также нарушение прав иных участников процесса;

– тяжесть предъявленного подзащитному обвинения;

– длительность содержания обвиняемого под стражей;

– сложность административного, гражданского дела и т. п.

С момента, когда адвокату стало известно о совпадении дат рассмотрения дел, он обязан при возможности заблаговременно уведомить суд о невозможности своей явки в судебное заседание по уважительной причине, а также сообщить об этом адвокатам, участвующим в данном деле (статья 14 Кодекса профессиональной этики адвоката). Одновременно адвокат должен сообщить суду информацию о назначенных с его участием делах с целью исключения отложения судом разбирательства дела на указанные адвокатом даты» (Вестник Федеральной палаты адвокатов

Российской Федерации. 2018. № 2 (61). С. 171–172).

Сопоставив приведенные правовые положения с установленными и описанными обстоятельствами, Совет приходит к выводу о том, что адвокаты А. и Ч. действовали в соответствии с ними.

Как описано выше, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокаты Ч. и А. не явились 29 сентября 2025 г. и 11 февраля 2026 г. в судебные заседания указанного суда по уважительной причине, при этом в каждом случае они заблаговременно известили суд о своей профессиональной занятости. Так, адвокаты А. (25 сентября 2025 г.) и Ч. (24 сентября 2025 г.) обратились в суд с письменными ходатайствами об отложении судебного заседания, назначенного на 29 сентября 2025 г., в связи с занятостью каждого из них в других судебных заседаниях. Из протокола судебного заседания от 29 сентября 2025 г. следует, что судом оглашены эти ходатайства адвокатов А. и Ч.: «…В судебное заседание не явились защитники – адвокаты Ч. и А., которые ‘‘*заявили ходатайство об отложении судебного заседания. …Оглашено ходатайство защитников – адвокатов А. и Ч. об отложении судебного заседания. Оглашено постановление С. районного суда города Красноярска о назначении подсудимому Н. защитника в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ”*». Суд постановил «*отложить судебное заседание на ранее согласованную с участниками процесса дату, принять меры реагирования за срыв судебного заседания*».

В материалах дисциплинарного производства также содержатся: судебная повестка М. районного суда г. Москвы по уголовному делу, подтверждающая участие 29 сентября 2025 г. адвоката Ч. в судебном заседании указанного суда, с отметкой «Находился в суде»; письменное ходатайство адвоката Ч. от 24 сентября 2025 г. о переносе на другую дату судебного заседания, назначенного на 29 сентября 2025 г., в связи профессиональной занятостью; протокол судебного заседания К. районного суда г. Москвы по гражданскому делу от 29 сентября 2025 г., подтверждающий участие адвоката А. в этом судебном заседании, а также его письменное ходатайство от 25 сентября 2025 г. о переносе судебного заседания, назначенного 29 сентября 2025 г., в связи профессиональной занятостью.

Согласно протоколу судебного заседания от 10 февраля 2026 г. адвокат А. в судебное заседание не явился. Адвокат Ч. проинформировал суд о своей профессиональной занятости и занятости адвоката А., просил отложить судебное заседание на 16 февраля 2026 г.: «*Просим отложить судебное заседание на 16 февраля 2026 года, поскольку у защитников на 11 февраля 2026 года занятость в другом процессе… Суд, с учетом мнения участников процесса, совещаясь на месте, постановил: в связи с истечением процессуального времени, отложить судебное заседание на ранее согласованную с участниками процесса дату, поскольку дата с участниками процесса ранее была согласована, судом направлены судебные извещения участникам процесса… Судебное заседание отложено на 14.00 час. 11 февраля 2026 года*».

В материалах дисциплинарного производства также содержатся: постановление судьи П. районного суда г. Москвы А.А. от 11 февраля 2026 г. по материалу, из которого усматривается, что в указанную дату адвокат Ч. осуществлял защиту обвиняемого Е. при рассмотрении судом ходатайства следственного органа о продлении срока домашнего ареста Е.; постановление судьи …арбитражного апелляционного суда Е.С. от 18 февраля 2026 г. по делу № …, из которого ус-

матривается, что адвокат А. 11 февраля 2026 г. участвовал в судебном заседании указанного суда, где представлял интересы Н.В.

Приведенная совокупность доказательств свидетельствует о надлежащем и своевременном уведомлении адвокатами А. и Ч. С. районного суда г. Красноярска о невозможности по уважительным причинам участвовать в судебных заседаниях 29 сентября 2025 г. и 11 февраля 2026 г. При таких обстоятельствах Совет признает причины неявки адвокатов А. и Ч. в указанные судебные заседания уважительными, их уведомления суда о невозможности явки по уважительной причине надлежащими и своевременными, а презумпцию добросовестности адвокатов неопровергнутой.

Кроме того, в соответствии с п. 3 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат, действовавший в соответствии с разъяснениями Совета относительно применения положений данного кодекса, не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности.

По этим причинам Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений в неуважении к суду, выразившемся в неявках в судебные заседания 29 сентября 2025 г. и 11 февраля 2026 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов А. и Ч. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокаты А. и Ч. не представили суду документы, подтверждающие уважительность причин их неявки в судебное заседание 11 февраля 2026 г., Совет отмечает, что в соответствии с Разъяснением № 3 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О неявках в судебные заседания», обязанность представить суду документы, подтверждающие уважительность причины неявки в судебное заседание, должна быть исполнена адвокатом не позднее следующего судебного заседания. Судебное заседание 11 февраля 2026 г. было отложено судом на 14.00 час. 16 февраля 2026 г., а уже 12 февраля 2026 г. судьей К. в отношении адвокатов Ч. и А. было вынесено частное постановление, послужившее поводом для возбуждения настоящего дисциплинарного производства. По этой причине на момент вынесения частного постановления не наступил срок исполнения адвокатами А. и Ч. обязанности представить суду документы, подтверждающие уважительность причины неявки в судебное заседание 11 февраля 2026 г.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов А. и Ч. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет также соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что дисциплинарные обвинения в нарушении прав подсудимого Н. и других участников судебного процесса не подлежат оценке по существу, поскольку суд не наделен полномочиями по выдвижению таких дисциплинарных обвинений в отношении адвокатов, осуществляющих защиту по соглашению. Каких-либо жалоб в отношении адвокатов А. и Ч. от их доверителя – Н. и иных участников судебного разбирательства в Адвокатскую палату города Москвы не поступало. Следовательно, в данной части отсут-

ствует допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвокатов А. и Ч. по обращению (частному постановлению) судьи С. районного суда г. Красноярска К. от 12 февраля 2026 г.:

– в части дисциплинарных обвинений в том, что, не явившись 29 сентября 2025 г. и 11 февраля 2026 г. в судебное заседание С. районного суда г. Красноярска по рассмотрению уголовного дела, они нарушили права подсудимого Н. и иных участников судебного разбирательства, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– в оставшейся части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвокатов А. и Ч. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.6. Дисциплинарное производство было прекращено, так как требование адвоката-защитника предоставить разумное время для подготовки к прениям после исследования судом новых доказательств и выступления государственного обвинителя Совет признал реализацией адвокатом профессиональной обязанности по квалифицированному оказанию юридической помощи, а не затягиванием процесса. Совет подчеркнул недопустимость профанации прений как итогового процессуального выступления защиты. Неявка адвоката в судебное заседание была вызвана подтвержденной профессиональной занятостью, о которой адвокат заранее письменно сообщил суду, а доказательств его надлежащего извещения о следующем заседании представлено не было. Таким образом, презумпция добросовестности адвоката не была опровергнута.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи Щ. районного суда г. Москвы Я. от 12 марта 2026 г. в отношении адвоката Л.

Квалификационная комиссия 13 мая 2026 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по обращению судьи Я., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Л. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Л., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, участие представителя не обеспечил, письменно уведомил Совет о согласии с Заключением и о невозможности своего участия в заседании, ходатайствовал о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие. При таких обстоятельствах и учитывая положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым неявка кого-либо из участников не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката Л.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве Щ. районного суда г. Москвы находилось уголовное дело по обвинению З. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 163, ч. 2 ст. 167, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 119, ст. 138.1, ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 137, ст. 138.1, ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 137, ст. 138.1, ч. 1 ст. 117 УК РФ. Защиту З. на основании заключенного соглашения осуществлял адвокат Л. По уголовному делу состоялись многочисленные судебные заседания, в том числе, 10, 11, 12, 20, 25 и 27 марта 2026 г.

10 марта 2026 г. судебное заседание было проведено с 15.10 час. по 22.15 час. В судебном заседании была допрошена свидетель, оглашались письменные материалы уголовного дела, стороной защиты был заявлен ряд ходатайств; по ходатайству государственного обвинителя были исследованы и приобщены к материалам уголовного дела письменные документы. В тот же день в прениях сторон выступили государственные обвинители и представитель потерпевшей, после чего адвокат Л. заявил ходатайство об объявлении перерыва для подготовки к выступлению в прениях. В 19.11 час в судебном заседании объявлен перерыв на 30 мин. После его окончания адвокат Л. вновь заявил о необходимости подготовки к прениям, в том числе о необходимости ознакомления с материалами дела, проведения анализа доказательств и подготовки письменных тезисов речи. Адвокат заявил о невозможности подготовиться к прениям за 30 мин. и просил объявить перерыв в судебном заседании до 17 марта 2026 г., а также просил суд приобщить к материалам уголовного дела его письменное ходатайство. Далее в судебном заседании был объявлен перерыв на 20 мин., после его окончания адвокат Л. вновь заявил о необходимости предоставления дополнительного времени для подготовки к прениям, обращая внимание суда на значительный объем уголовного дела. Судом снова был объявлен перерыв на 20 мин. Далее подсудимый заявил о необходимости предоставления ему медицинской помощи, и в судебном заседании был объявлен перерыв вначале на 15 мин., а затем до 14.00 час. 11 марта 2026 г. В это судебное заседание адвокат Л. не явился, в связи с чем оно было отложено на 12 марта 2026 года, однако адвокат Л. не явился и в него. Следующее судебное заседание состоялось 20 марта 2026 г., и в нем адвокат Л. выступил с речью в прениях.

Заявителем выдвинуты в отношении адвоката Л. дисциплинарные обвинения в отказе от выступления в прениях, неявке в судебное заседание 11 и 12 марта 2026 г., затягивании судебного разбирательства и нарушении требований ст. 6.1 УПК РФ о его разумном сроке.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что в действиях адвоката Л. отсутствуют признаки злоупотребления правом, а также какие-либо нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и профессиональной этики в силу следующего. Адвокат Л. в силу конституционного принципа состязательности и в соответствии с процессуальными полномочиями защитника, надлежащая реализация которых одновременно является его профессиональной обязанностью, был не только вправе, но и обязан настаивать на предоставлении ему разумно достаточного времени для подготовки к выступлению в прениях сторон. При этом, как указано выше, в судебном

заседании 10 марта 2026 г. судом были приобщены к делу и исследованы новые письменные доказательства, допрошен свидетель, что вызывало необходимость анализа новых доказательств и их сопоставления с другими многочисленными материалами уголовного дела. Кроме того, для надлежащей подготовки к выступлению в прениях сторон защитнику требовалось знать результат разрешения судом заявленных стороной защиты ходатайств и провести анализ содержания позиций стороны обвинения, изложенной в выступлениях в прениях. Все это, безусловно, требовало разумного времени для подготовки защитника к выступлению в прениях, которое представляет собой итоговую позицию защиты с учетом результатов завершившегося судебного следствия и позиции процессуальных оппонентов. При таких обстоятельствах описанное профессиональное поведение адвоката Л., вопреки позиции заявителя, не может рассматриваться ни как отказ от выступления в прениях (о котором он не только не заявлял, но, напротив, в каждом заявлении ссылался на необходимость надлежащей подготовки к этому выступлению), ни как действия, направленные на затягивание и дезорганизацию судопроизводства. Совет в этой связи подчеркивает недопустимость профанации такого важнейшего процессуального действия, как прения сторон.

Кроме того, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что после объявления 10 марта 2026 г. перерыва в судебном заседании до 14.00 час. 11 марта 2026 г. адвокат Л. в расписке, выданной суду, указал, что он извещен о судебном заседании, назначенном на 14.00 час. 11 марта 2026 г., однако уведомляет суд, что не сможет в нем участвовать, так как на 11 марта 2026 г. ранее назначены три судебных заседания с его участием в Т. районном суде г. Москвы, и просил назначить заседание на иную дату. Участие адвоката Л. в судебных заседаниях Т. районного суда г. Москвы подтверждается материалами дисциплинарного производства.

Доказательства надлежащего извещения адвоката Л. о назначении судебного заседания на 14.00 час. 12 марта 2026 г. заявителем не представлены, а адвокат Л. получение такого извещения отрицает, поясняя при этом, что 12 марта 2026 г. также имел иную профессиональную занятость, препятствующую участию в судебном заседании Щ. районного суда г. Москвы. Адвокат Л. также пояснил, что председательствующая судья 20 марта 2026 г. отказалась приобщать к материалам дела документы, подтверждающие уважительность причин его неявки в судебные заседания 11 и 12 марта 2026 г. Эти доводы адвоката Л. не опровергнуты.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что адвокат Л. не явился 11 марта 2026 г. в судебное заседание по уважительной причине, о которой своевременно и письменно известил суд, а доказательства его надлежащего извещения о судебном заседании, назначенном на 14.00 час. 12 марта 2026 г., отсутствуют. В связи с этим и в данной части в профессиональном поведении адвоката Л. не усматривается каких-либо нарушений требований законодательства и профессиональной этики.

С учетом этого Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Л. неопровергнутой в отношении всех выдвинутых заявителем дисциплинарных обвинений, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению в полном объеме.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. по обращению судьи Щ. районного суда г. Москвы Я. от 12 марта 2026 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.7. Совет признал требование адвоката-защитника предоставить возможность конфиденциально согласовать с подзащитным позицию и надлежащим образом подготовить речь в прениях не отказом от участия в прениях, а надлежащим исполнением профессиональных обязанностей. Совет отметил, что защитник был не только вправе, но и обязан добиваться возможности надлежащей подготовки к прениям, а его стремление обеспечить реальное осуществление права доверителя на защиту нельзя квалифицировать как злоупотребление, затягивание дела или дезорганизацию процесса. Кроме того, Совет отметил, что суд не вправе выдвигать в отношении адвоката, осуществляющего защиту по соглашению, дисциплинарное обвинение в нарушении права его доверителя на защиту. Дисциплинарное производство прекращено.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи Щ. районного суда г. Москвы Т. от 18 марта 2026 г. в отношении адвоката М.А.

Квалификационная комиссия 13 мая 2026 года вынесла Заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М.А. по обращению судьи Т., в части обвинения в нарушении прав его подзащитного Е. вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М.А. по обращению судьи Т., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката М.А. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат М.А., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, участие представителя не обеспечил, письменно уведомил Совет о согласии с Заключением и о невозможности своего участия в заседании, ходатайствовал о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие. При таких обстоятельствах и учитывая положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым неявка кого-либо из участников не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката М.А.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве Щ. районного суда г. Москвы

находилось уголовное дело (судья Т.) по обвинению Е. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, защиту которого на основании соглашения осуществлял адвокат М.А. По уголовному делу состоялись многочисленные судебные заседания, в том числе 17 и 25 марта 2026 г.

17 марта 2026 г. адвокатом М.А. были заявлены отвод председательствующему, а также ходатайство об исследовании ряда доказательств, которые были отклонены судом. В этот же день было окончено судебное следствие, суд перешел к прениям сторон, в которых выступил государственный обвинитель. После этого подсудимый Е. заявил, что нуждается в консультации с защитником – адвокатом М.А., продолжительностью в 15–20 мин. В 15.36 час. в судебном заседании был объявлен перерыв, в 16.02 час. судебное заседание было продолжено, подсудимому Е. было предоставлено право выступить в судебных прениях, на что он заявил «мне нечего сказать». При предоставлении аналогичного права адвокату М.А. тот сообщил суду, сославшись на позицию подзащитного Е., о необходимости консультаций с ним в условиях конфиденциальности, т.е. в ФКУ СИЗО… ГУФСИН России по г. Москве, для согласования позиции защиты в прениях. Адвокат М.А. также пояснил суду, что осуществить такую консультацию в зале суда не представилось возможным по причине присутствия конвоя. Далее, в 16.05 час., в судебном заседании был вновь объявлен перерыв с удалением из зала председательствующего, государственного обвинителя, секретаря судебного заседания и слушателя. В 16.48 час. судебное заседание было продолжено, и адвокат М.А. вновь заявил суду о невозможности осуществления защиты при нарушении прав Е. на консультацию с защитником в условиях конфиденциальности. В судебном заседании был вновь объявлен перерыв, после которого председательствующий выступил с разъяснениями в адрес адвоката М.А. об обязательности участия в судебных прениях и вновь предоставил ему право выступить в них. Адвокат М.А. в ответ сообщил суду, что не отказывается от принятой защиты и от выступления в прениях, однако просит отложить судебное заседание на несколько дней для посещения Е. в следственном изоляторе, согласования с ним позиции и надлежащей подготовки к выступлению. Суд расценил позицию адвоката М.А. как отказ защитника от выступления в прениях сторон и в связи с этим постановил возобновить судебное следствие, предоставить Е. возможность заключить соглашение с иным защитником, отложить судебное заседание на 25 марта 2026 г. и назначить подсудимому Е. защитника в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ. 24 марта 2026 г., с 16.20 час. до 17.05 час., адвокат М.А. провел свидание с Е. в следственном изоляторе, а в судебном заседании 25 марта 2026 г. подсудимый Е. и его защитник – адвокат М.А. выступили в прениях сторон.

Заявителем выдвинуты в отношении адвоката М.А. дисциплинарные обвинения в отказе от выступления в прениях сторон, нарушении права Е. на защиту, злоупотреблении правом, дезорганизации судопроизводства и нарушении его разумного срока.

Совет, рассматривая указанные дисциплинарные обвинения и соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу об их необоснованности в силу следующего.

Адвокат М.А. в рассматриваемой ситуации был не только вправе, но и в целях реализации конституционного права своего доверителя Е. на защиту и, в частности, его права, предусмотренного п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ (иметь свидания с защитником наедине и в условиях

конфиденциальности без ограничения их числа и продолжительности), а также в целях надлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей защитника, предусмотренных подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, ст. 53 УПК РФ, был обязан принять все не запрещенные законом меры, направленные на проведение по просьбе его подзащитного конфиденциальной консультации с ним и надлежащей подготовки к выступлению в прениях.

Совет в этой связи подчеркивает недопустимость профанации судебных прений, в которых сторона защиты представляет суду итоговую позицию по делу, сформированную на основе результатов завершившегося судебного следствия и с учетом позиции процессуальных оппонентов.

При этом в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат М.А. не только не отказывался от участия в судебных прениях, но и прямо заявлял суду о необходимости тщательной подготовки к выступлению в них, для чего ему необходимо было в том числе согласовать позицию с подзащитным в условиях конфиденциальности. Каких-либо нарушений порядка в судебном заседании, его регламента, распоряжений председательствующего адвокат М.А. не допустил, и, как указано выше, в следующем судебном заседании, после надлежащей подготовки, он и его подзащитный выступили в прениях.

При таких обстоятельствах описанное профессиональное поведение адвоката М.А., вопреки позиции заявителя, не может расцениваться ни как отказ от выступления в прениях, ни как злоупотребление правом с целью затягивания срока рассмотрения уголовного дела и дезорганизации судопроизводства. Таким образом, в действиях адвоката М.А. отсутствует нарушение требований законодательства и профессиональной этики, в связи с чем Совет признает презумпцию его добросовестности неопровергнутой, а дисциплинарное производство в соответствующей части подлежащим прекращению.

Кроме того, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства и в части дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом М.А. права Е. на защиту, поскольку суд не наделен полномочием по выдвижению такого дисциплинарного обвинения в отношении адвоката, осуществляющего защиту по соглашению. Его вправе выдвигать исключительно подзащитный, однако Е. ни с какими жалобами в отношении адвоката М.А. не обращался. В связи с этим дисциплинарное производство в этой части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М.А. по обращению судьи Щ. районного суда г. Москвы Т. от 18 марта 2026 г.:

– в части дисциплинарного обвинения в нарушении прав его подзащитного Е. вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения;

– в оставшейся части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката М.А. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.8. Адвокат получил предупреждение за использование адвокатского запроса не только для получения характеристики на процессуального оппонента, но и для сообщения его работодателю порочащих сведений о нем. Совет признал сам запрос характеристики допустимым тактическим решением, однако подчеркнул, что адвокатский запрос не может служить способом распространения негативных сведений, включая утверждение о совершении преступления в отсутствие вступившего в силу приговора.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. и адвоката М. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 15 января 2026 г. в отношении адвоката М.

Квалификационная комиссия 13 мая 2026 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом М. подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 2 ст. 8, п. 5 ст. 9, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. (Протокол № 5) «О допустимых способах реализации адвокатом права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения и иные организации с запросом о предоставлении документов и фактических сведений» и Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 8 июля 2021 г. «Об адвокатском запросе», выразившемся в направлении в Министерство обороны РФ адвокатского запроса от 10 сентября 2025 г. о предоставлении характеристики с места работы на Т., в котором адвокат М. в утвердительной форме сообщил о совершении Т. преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, при отсутствии вступившего в законную силу приговора суда, чем нарушил право Т. на презумпцию невиновности, умалил его честь и достоинство, нанес ущерб авторитету адвокатуры и подорвал доверие к ней, нарушил запрет на включение в адвокатский запрос информации, умаляющей честь и достоинство других участников уголовного процесса, а также запрет на направление адвокатского запроса не исключительно с целью получения информации, носящей строго доказательственный характер, направив указанный адвокатский запрос для сообщения получателю адвокатского запроса информации, отрицательно характеризующей Т., включая утверждения о совершении им преступления, чем подорвал доверие к адвокатуре.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной Комиссии, с выводами Комиссии согласилась, просила прекратить статус адвоката М. в связи с грубым и умышленным характером нарушения.

Адвокат М. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, согласился с ним, подтвердил доводы своих письменных пояснений, в которых признает некорректность формулировок своего адвокатского запроса, однако отрицает, что имел намерение очернить Т. в глазах работодателя, а так-

же подорвать доверие к адвокатуре и ее авторитет.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, признает, что Квалификационной комиссией правильно и полно установлены фактические обстоятельствах дела, однако с ее выводами соглашается частично и полагает необходимым уточнить формулировку дисциплинарного нарушения, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат М. оказывал юридическую помощь А. на основании соглашений об оказании юридической помощи от 24 декабря 2024 г. и от 13 января 2025 года. 4 августа 2025 г. по заявлению А. было возбуждено уголовное дело в отношении Т. по признакам преступления, предусмотренного пп. «д», «е», «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ. В указанном уголовном деле А. имел процессуальный статус потерпевшего, а его интересы представлял адвокат М. на основании ордера от 8 августа 2025 г.

2 сентября 2025 г. по уголовному делу была проведена очная ставка между потерпевшим А. и свидетелем Т. с участием адвоката М.

5 сентября 2025 г. между адвокатом М. и А. было заключено дополнительное соглашение к соглашению от 13 января 2025 г. В соглашении предусматривались подготовка и подача заявления о привлечении Т. и Ч. к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ, а также представление интересов А. при рассмотрении данного заявления.

10 сентября 2025 г. адвокат М. направил в Министерство обороны РФ адвокатский запрос о предоставлении характеристики с места работы на Т., приложив к нему ордер от 10 сентября 2025 г. Обосновывая необходимость получения характеристики, адвокат М. включил в текст адвокатского запроса следующие утверждения: «*У А. состоялось 2 очные ставки со свидетелями, сидевшими в машине Т.А., а именно, Т. (сыном Т.А.) и Ч. (другом Т.А.). Оба свидетеля сообщили ложные сведения при допросе и очной ставке. В частности, сообщили, что со стороны А. была применена физическая сила в отношении Т.А., когда А. подошел к машине Т.А. В данном случае свидетели занимаются покрывательством Т.А., чем совершили преступление, предусмотренное ст. 307 УК РФ (дали заведомо ложные свидетельские показания)*».

11 сентября 2025 г. адвокат М. подал в ГУ МВД России по г. Москве заявление о совершении Т. и Ч. преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ.

Приговором В. городского суда Московской области от 26 декабря 2025 г. Т.А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. «д», «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ. В указанном приговоре суд критически оценил показания свидетелей Т. и Ч. о нанесении потерпевшим А. удара Т.А., признав их в этой части ложными. Апелляционным определением Московского областного суда от 21 апреля 2026 г. приговор оставлен без изменения.

Вместе с тем на момент направления адвокатом М. адвокатского запроса от 10 сентября 2025 г. отсутствовал вступивший в законную силу приговор суда, которым была бы установлена виновность Т. в совершении преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ. Отсутствует такой приговор и на момент рассмотрения настоящего дисциплинарного производства.

В представлении Главного управления Министерства юстиции по Москве поставлен вопрос о дисциплинарной ответственности адвоката М. за ненадлежащее обращение с адвокатским запросом. Основанием для внесения

представления послужило включение адвокатом М. в указанный адвокатский запрос утверждений обвинительного характера в отношении Т. при отсутствии вступившего в законную силу судебного акта, устанавливающего его виновность в совершении преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, что нарушило права Т., умалило его честь и достоинство, а также отрицательно сказалось на авторитете адвокатуры и доверии к ней.

Оценивая профессиональное поведение адвоката М. применительно к выдвинутому против него дисциплинарному обвинению, Совет, прежде всего, отмечает, что само по себе обращение адвоката М. с адвокатским запросом к работодателю Т. о предоставлении его характеристики не может рассматриваться как использование адвокатского запроса в ненадлежащих целях. На момент направления адвокатского запроса Т. являлся свидетелем по уголовному делу, показания которого имели важное доказательственное значение и при этом оспаривались доверителем адвоката М. как заведомо ложные. В связи с этим адвокатом М. в интересах доверителя подготавливались заявление о совершении преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, а также позиция по оценке показаний Т. непосредственно в уголовном деле, по которому они были даны.

При таких обстоятельствах получение сведений, характеризующих личность Т., вне разумных сомнений могло иметь доказательственное значение, в том числе и в силу прямого предписания п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, а также для оценки добросовестности Т. в качестве свидетеля при даче показаний о конфликте с участием его отца Т.А. По этой причине Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что запрос характеристики Т. не может рассматриваться как доказательственная деятельность адвоката. Вопреки этому выводу Квалификационной комиссии Совет расценивает сам факт направления адвокатом М. адвокатского запроса о предоставлении характеристики Т. как допустимое тактическое решение адвоката и допустимую форму собирания сведений, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи доверителю. В связи с этим Совет полагает необходимым уточнить формулировку дисциплинарного нарушения, приведенную в Заключении Квалификационной комиссии, в части утверждения о том, что адвокатский запрос был подан адвокатом М. только с недопустимой целью сообщения получателю адвокатского запроса информации, отрицательно характеризующей Т. Совет полагает необходимым указать, что запрос был подан адвокатом М. не исключительно с целью собирания доказательств, а также и с этой недопустимой целью.

Вместе с тем допустимая доказательственная цель обращения с адвокатским запросом не освобождала адвоката М. от обязанности соблюдать требования закона и профессиональной этики к содержанию такого запроса.

Адвокатский запрос является профессиональным инструментом получения документов и фактических сведений и не может являться способом доведения до адресата утверждений обвинительного и иного негативного характера в отношении каких-либо лиц. Так, в соответствии с пп. 1, 3 ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат вправе направлять в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, официальное обращение по входящим в компетенцию указанных органов и организаций вопросам о предоставлении справок, характеристик

и иных документов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи (далее – адвокатский запрос). Направление адвокатского запроса (адвокатских запросов) не может являться самостоятельным предметом соглашения об оказании юридической помощи.

Требования к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса определяются федеральным органом юстиции по согласованию с заинтересованными органами государственной власти.

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Однако реализация адвокатом этих профессиональных полномочий не должна приводить к нарушению прав иных лиц, а также к умалению авторитета адвокатуры и подрыву доверия к ней.

Согласно п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.

В силу п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению.

Согласно п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения.

Согласно ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении.

Согласно п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с п. 3 Стандарта подготовки и направления адвокатских запросов, утвержденного XI Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2023 г., адвокат не должен направлять адвокатский запрос с иными целями, кроме получения информации, необходимой для оказания квалифицированной юридической помощи (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standart-podgotovki-i-napravleniya-advokatskikh-zaprosov/>).

Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. (Протокол № 5) «О допустимых способах реализации адвокатом права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения и иные организации с запросом о предоставлении докумен-

тов и фактических сведений» прямо предусмотрено, что «являясь по своей правовой природе публичным полномочием, гарантированным государственно-властным принуждением – публичной ответственностью за неисполнение, адвокатский запрос выступает материальным механизмом, обеспечивающим реализацию конституционно значимой функции по оказанию юридической помощи. Данное полномочие предоставлено лицам, имеющим статус адвоката, исключительно с целью получения информации, носящей строго доказательственный характер – то есть сбора уже имеющихся у адресата адвокатского запроса конкретно определенных сведений, совокупность которых позволит обосновать позицию в интересах доверителя, по вопросам, входящим в компетенцию адресата. С учетом этого использование адвокатского запроса не в связи с оказанием квалифицированной юридической помощи конкретному доверителю или в не предусмотренных законом целях (не для сбора доказательств) недопустимо, так же как недопустим сбор информации следователем или судом вне расследования или рассмотрения конкретного уголовного или гражданского дела…» (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-decision-of-the-council-of-the-federal-chamber-of-lawyers-of-the-russian-federation-on-acceptabl/>).

Аналогичные разъяснения содержатся в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 8 июля 2021 г. «Об адвокатском запросе» (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/reshenie-soveta-federalnoy-palaty-advokatov-rossiyskoy-federatsii-ob-advokatskom-zaprose/>).

Сопоставляя описанное выше содержание запроса адвоката М. от 10 сентября 2025 г., поданного им в Министерство обороны РФ, с перечисленными обязательными требованиями законодательства и профессиональной этики Совет признает, что адвокатом М. эти требования грубо нарушены.

Запрос подан М. именно как адвокатом, действующим в защиту прав и интересов доверителя А., с приложением ордера адвоката. При этом адвокат М. включил в текст запроса утверждение о том, что Т. и Ч. сообщили ложные сведения при допросе и очной ставке, покрывая Т.А., и тем самым совершили преступление, предусмотренное ст. 307 УК РФ. Вопреки пояснениям адвоката М. об отсутствии у него цели опорочить Т. своим запросом, Совет признает, что эти сведения не являлись необходимыми для запроса характеристики Т. и при этом могли быть включены в запрос с единственной целью – довести до работодателя последнего негативные сведения о нем, включая утверждение о совершении им умышленного преступления. При этом адвокат М., являясь профессиональным советником по правовым вопросам, не мог не знать, что в соответствии со ст. 49 Конституции Российской Федерации, ст. 14 УПК РФ каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Совет отклоняет как несостоятельный и надуманный довод адвоката М. о том, что приведенные выше формулировки его запроса не являлись утверждением, а были оценочными суждениями, сформулированными в некорректной форме. По своему буквальному содержанию, не вызывающему никаких разумных сомнений, эти формулировки являются именно утверждением о совершении Т. и Ч. конкретного умышленного преступления в отсутствие вступившего в законную

силу приговора суда, которым была бы установлена их виновность в его совершении. Одновременно они свидетельствуют о том, что рассматриваемый запрос был подан адвокатом М. не только с целью получения доказательственной информации – характеристики Т., но и с недопустимой целью опорочить последнего перед его работодателем – Министерством обороны РФ, т.е. причинить вред его чести, достоинству и деловой репутации.

Ссылки адвоката М. на приговор В. городского суда Московской области от 26 декабря 2025 г. не опровергают факт совершения им данного дисциплинарного нарушения, поскольку указанный приговор, во-первых, был постановлен после подачи им адвокатского запроса, а во-вторых, не содержит и не может содержать вывода о признании Т. либо Ч. виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ. Критическая оценка судом части показаний свидетелей не равнозначна признанию этих свидетелей виновными в совершении преступления. Всего этого адвокат М., являясь профессиональным советником по правовым вопросам, не мог не осознавать.

Таким образом, подобное использование адвокатом М. адвокатского запроса не соответствует его назначению, определенному ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также требованиям, содержащимся в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. «О допустимых способах реализации адвокатом права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения и иные организации с запросом о предоставлении документов и фактических сведений» и в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 8 июля 2021 г. «Об адвокатском запросе».

Указанные действия адвоката М. также не соответствуют требованиям честного, разумного и добросовестного осуществления адвокатской деятельности, свидетельствуют о неисполнении им обязанности адвоката уважать права, честь и достоинство других лиц, умаляют честь и достоинство Т., а также наносят ущерб авторитету адвокатуры и способствуют подрыву доверия к ней.

С учетом изложенного Совет признает презумпцию добросовестности адвоката М. опровергнутой, а его умышленную вину в совершении описанного дисциплинарного нарушения установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката М., Совет учитывает умышленный и злостный характер совершенного им нарушения, свидетельствующий об игнорировании основополагающих профессиональных требований и сопряженный с причинением вреда как чести, достоинству и деловой репутации третьих лиц, так и авторитету адвокатуры. Такое профессиональное поведение Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что нарушение совершено адвокатом М. впервые, по существу признано им (хотя и с несостоятельными оговорками). С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет предоставляет адвокату М. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Совет также указывает адвокату М. на необходимость неукоснительного соблюдения законодательно установ-

ленных профессиональных обязанностей постоянно совершенствовать свои знания, повышать профессиональный уровень и соблюдать решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (подп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 2 ст. 8, п. 5 ст. 9, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. (Протокол № 5) «О допустимых способах реализации адвокатом права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения и иные организации с запросом о предоставлении документов и фактических сведений» и Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 8 июля 2021 г. «Об адвокатском запросе», выразившееся в обращении в Министерство обороны РФ с адвокатским запросом от 10 сентября 2025 г. о предоставлении характеристики Т. с места работы, в котором он в утвердительной форме сообщил о совершении Т. преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, при отсутствии вступившего в законную силу приговора суда, чем нарушил презумпцию невиновности Т., умалил его честь и достоинство, нанес ущерб авторитету адвокатуры и способствовал подрыву доверия к ней, нарушил запрет на включение в адвокатский запрос информации, умаляющей честь и достоинство других участников уголовного процесса, а также запрет на направление адвокатского запроса не исключительно с целью получения информации, носящей строго доказательственный характер, поскольку указанный адвокатский запрос был подан им также для сообщения его адресату информации, отрицательно характеризующей Т., включая утверждения о совершении им преступления.

2.9. Дисциплинарное производство прекращено за малозначительностью проступка. При этом Совет указал адвокату на то, что ему следует избегать использования в публичном выступлении просторечных и жаргонных выражений, относящихся к сниженному стандарту лексики, поскольку их употребление не вполне соответствует требованиям профессионального поведения адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Ф. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи Н. городского суда О. области У. от 3 апреля 2026 г. в отношении адвоката Ф.

Квалификационная комиссия 20 мая 2026 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Ф. подп. 2 п. 1 ст. 8 («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей,

коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению»), чч. 1, 2 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен … проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле. Возражая против действий (бездействия) судей и лиц, участвующих в деле, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом»), выразившемся в том, что:

– участвуя 2 апреля 2026 г. в судебном заседании Н. городского суда О. области в качестве защитника А. при рассмотрении уголовного дела, адвокат Ф. допустил следующее высказывание: *«Мы будем читать вот ту лажу ошибочную, о которой я говорил»*;

– участвуя 2 апреля 2026 г. в судебном заседании указанного суда в качестве защитника А. при рассмотрении упомянутого уголовного дела, адвокат Ф. допустил следующее высказывание в адрес председательствующего судьи У.: *«Вы не учительница и не воспитательница моя, а я не ученик. Прекрати, пожалуйста, вот эти оскорбительные высказывания "за пререкание с судьей". Вы не Бог. Слушай, какое пререкание, вы незаконно не принимаете тех решений, которые должны принимать, там незаконно вещественные доказательства проткнули и так далее, у них это вещественные доказательства»*;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ф. по обращению судьи У., в части обвинения в неуважении к лицам, участвующим в деле, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ф. по обращению судьи У., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Ф. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Ф. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии согласился частично. Не соглашаясь с выводом о допущенном обращении к председательствующему на «ты», он указал, что такого обращения в судебном заседании никогда не допускал. Считает своим упущением то, что не ознакомился протоколом судебного заседания и не принес на него замечания в этой части. Причину недостоверной записи в протоколе об обращении к председательствующей судье на «ты» объяснить затрудняется, но отмечает, что дело рассматривалось в крайне конфликтной обстановке, неоднократно по его инициативе возвращалось прокурору.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Заключение Квалификационной комиссии, выслушав адвоката Ф., Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами частично не соглашается и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства по следующим основаниям.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве Н. городского суда О. области с 29 июля 2025 г. находится уголовное дело по обвинению А. и еще девяти лиц в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. 2 апреля 2026 г. по делу состоялось очередное су-

дебное заседание, в котором адвокат Ф. принимал участие в качестве защитника подсудимого А. по соглашению на основании ордера от 12 апреля 2022 г.

В обращении (частном постановлении) заявителя против адвоката Ф. выдвигаются дисциплинарные обвинения в том, что в этом судебном заседании при обсуждении вопроса об исследовании письменных доказательств он, недобросовестно пользуясь процессуальными правами, допустил непозволительные высказывания в адрес суда:

– назвал материалы уголовного дела «лажей», заявив: «*Мы будем читать вот ту лажу ошибочную, о которой я говорил*»;

– после замечания председательствующего выразил несогласие с его действиями, вступил с ним в пререкание, обращался к судье на «ты» и в присутствии участников судебного заседания на повышенных тонах, в частности, произнес: «*Вы не учительница и не воспитательница моя, а я не ученик. Прекрати, пожалуйста, вот эти оскорбительные высказывания "за пререкание с судьей". Вы не Бог. Слушай, какое пререкание, вы незаконно не принимаете тех решений, которые должны принимать, там незаконно вещественные доказательства проткнули и так далее, у них это вещественные доказательства*»;

– продолжая выступление, на повышенных тонах обратился к председательствующему со словами: *«Что вы так смотрите на меня, вот до чего доходит, представляете, процедуру соблюдать надо»*.

По мнению заявителя, указанное поведение свидетельствует о проявлении адвокатом неуважения к суду и другим участникам уголовного судопроизводства, нарушает требования ст. 257 УПК РФ, а также положения Кодекса профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в обращении адвоката Ф. к председательствующему на «ты», Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о его обоснованности. Квалификационная комиссия, признав отсутствие в протоколе судебного заседания указаний на употребление адвокатом Ф. местоимения «ты» в адрес председательствующей судьи при наличии в нем неоднократных обращений адвоката Ф. «Ваша честь», «Вы», вместе с тем расценила отраженные в протоколе его высказывания «слушай» и «прекрати» как обращение к председательствующей судье на «ты». Однако Совет полагает, что этот вывод Комиссии не основан на достаточной для опровержения презумпции добросовестности адвоката совокупности доказательств.

Как указано выше, из содержания протокола судебного заседания следует, что в одном и том же высказывании адвокат неоднократно обращается к председательствующей судье на «Вы»: «Вы не учительница и не воспитательница моя», «Вы не Бог», «вы незаконно не принимаете тех решений, которые должны принимать». Аналогичная форма обращения содержится и в последующих репликах адвоката: «Что вы так смотрите на меня», «Вы представляете доказательства суду», «Вы понимаете, что это моим целям и задачам противоречит».

Таким образом, вывод Квалификационной комиссии об обращении адвоката Ф. к председательствующей судье на «ты» основан не на буквальном содержании протокола судебного заседания, а на его лингвистическом толковании. При этом сам адвокат Ф., не отрицая употребления в судебном заседании слова «лажа», категорически отрицает, что допускал в какой-либо форме обращение к председательствующей судье на «ты».

При таких обстоятельствах и в отсутствие аудиозаписи судебного заседания материалы дисциплинарного производства не позволяют устранить сомнение в обоснованности рассматриваемого дисциплинарного обвинения, в том числе с учетом конфликтной ситуации, создавшейся в судебном заседании, и того, что указание в протоколе слов «слушай» и «прекрати» могло иметь различные причины, например: нечеткость произнесения адвокатом окончаний слов, ошибка лица, составившего протокол, в их восприятии. По этой причине Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката, признает презумпцию добросовестности адвоката Ф. в данной части неопровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению вследствие отсутствия в действиях адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что дисциплинарное обвинение в высказывании адвоката Ф. на повышенных тонах своего подтверждения не нашло. Протокол судебного заседания подобных сведений не содержит, а аудиозапись судебного заседания заявителем не представлена.

Употребление адвокатом Ф. выражений: «Что вы так смотрите на меня, вот до чего доходит, представляете, процедуру соблюдать надо…»; «Вы не учительница и не воспитательница моя, а я не ученик», «вы не бог» Совет также признает не нарушающими деловую манеру общения. Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, указанные реплики были произнесены им в ходе процессуальной дискуссии относительно порядка исследования доказательств. Совет в этой связи отмечает, что адвокат вправе самостоятельно определять тактику защиты, отстаивать свою правовую позицию и обращать внимание суда (в том числе и в форме возражений против действий председательствующего) на обстоятельства, которые, по его мнению, имеют значение для правильного рассмотрения уголовного дела. Сами по себе эти реплики не содержат оскорбительных либо уничижительных выражений в адрес суда или председательствующей судьи и не свидетельствуют о проявлении неуважения к суду.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что дисциплинарное производство в части обвинения адвоката Ф. в проявлении неуважения к лицам, участвующим в деле, подлежит прекращению вследствие отсутствия допустимого повода для его возбуждения. Суд (судья) не наделен правом выдвижения дисциплинарных обвинений в отношении адвоката в защиту третьих лиц. При этом каких-либо жалоб на адвоката Ф. от иных участников производства по делу в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

В части употребления адвокатом Ф. в судебном заседании выражения «Мы будем читать вот ту лажу ошибочную, о которой я говорил» Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что адвокату следует избегать использования в публичном выступлении подобных просторечных и жаргонных выражений, относящихся к сниженному стандарту лексики, поскольку их употребление не вполне соответствует требованиям профессионального поведения адвоката, предусмотренным п. 2 ст. 8 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката. Высокий общественный статус адвокатской профессии предполагает повышенные требования к культуре профессиональной речи адвоката.

Вместе с тем Совет полагает необходимым для объективной оценки профессионального поведения адвоката Ф. учесть контекст, в котором это выражение было им употреблено. Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, указанная реплика была произнесена им в ходе возникшей между адвокатом и председательствующей судьей процессуальной дискуссии относительно порядка исследования доказательств. Из протокола судебного заседания следует, что адвокат Ф. последовательно возражал против исследования документов, признанных вещественными доказательствами, как письменных материалов уголовного дела, полагая, что они подлежат исследованию в порядке, предусмотренном ст. 284 УПК РФ. Председательствующая судья, в свою очередь, разъясняла, что суд не вправе предписывать стороне обвинения порядок представления доказательств.

Совет в этой связи отмечает, что адвокат, защищая доверителя и реализуя свои процессуальные права, вправе и обязан принципиально и последовательно отстаивать свою правовую позицию, при наличии оснований критиковать процессуальные решения суда или следователя, возражать против действий председательствующего и иных участников процесса. Однако делать это он обязан в корректной форме, используя профессиональную, а не просторечную (сниженную, жаргонную) лексику. Употребив в судебном заседании слово «лажа», адвокат Ф. отступил от указанного профессионального стандарта. Однако это слово не является нецензурным и не относится к обсценной лексике, его употребление не может рассматриваться как проявление неуважения к суду.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что данное нарушение со стороны адвоката Ф. носило единичный и формальный характер, было допущено в ходе устной конфликтной процессуальной дискуссии, его употребление не порочит честь и достоинство адвоката, не умаляет авторитет адвокатуры и не причинило существенного вреда доверителю или адвокатской палате. При таких обстоятельствах Совет, руководствуясь п. 2 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, признает данное нарушение, допущенное адвокатом Ф., малозначительным и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части по этому основанию с указанием адвокату на допущенное нарушение.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 18, подп. 2, 7 и 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ф. по обращению судьи Н. городского суда О. области У. от 3 апреля 2026 г.:

в части дисциплинарного обвинения, связанного с высказыванием *«Мы будем читать вот ту лажу ошибочную, о которой я говорил»*, вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка. Указать адвокату Ф. на допущенное нарушение;

в части дисциплинарного обвинения в неуважении к лицам, участвующим в деле, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.10. Адвокат получил замечание за то, что заблаговременно не уведомил суд о невозможности явки в судебное заседание. Совет также указал адвокату на недопустимость деления судебных заседаний на «формальные» и «неформальные» («сущностные»). Вместе с тем Совет признал необоснованным дисциплинарное обвинение в непредставлении адвокатом документов, подтверждающих реализацию права на отдых.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи Т. районного суда г. Москвы К. от 18 мая 2026 г. в отношении адвоката П.

Квалификационная комиссия 17 июня 2026 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом П. положений п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката («При невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании… адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд»), выразившемся в том, что адвокат П. не уведомил судью Т. районного суда г. Москвы К. о невозможности своей явки 18 мая 2026 г. по уважительной причине в судебное заседание по уголовному делу и не представил суду одновременно с указанным уведомлением документы, подтверждающие его убытие в отпуск;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по обращению судьи К., в части обвинения в нарушении прав его подзащитной С. и иных участников судебного процесса вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по обращению судьи К., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката П. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат П., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, просил о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие. Принимая во внимание указанные обстоятельства, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката П.

Совет, рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Заключение Квалификационной комиссии, признает фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым скорректировать объем дисциплинарного обвинения в силу следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что с 29 марта 2024 г. в производстве судьи Т. районного суда г. Москвы К. находится уголовное дело в отношении С., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210, п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ, и еще 11 подсудимых, обвиняемых в совершении ряда преступлений. Защиту подсудимой С. осуществлял защитник по соглашению – адвокат П. По указанному уголовному делу состоялись многочисленные судебные заседания, в том числе 18 мая 2026 г., в которое адвокат П. не явился.

Заявителем против адвоката П. выдвигаются дисциплинарные обвинения в его неявке в указанное судебное заседание, что повлекло его отложение, в неуведомлении суда заблаговременно о причинах неявки, а также в нарушении указанной неявкой прав подсудимой С. и других участников судебного процесса, затягивании срока судебного разбирательства.

Адвокат П., не соглашаясь с дисциплинарными обвинениями, указал, что не явился в указанное судебное заседание в связи с тем, что с 11 по 21 мая 2026 г. у него был запланирован очередной ежегодный отпуск, о чем он устно уведомил судью К. после судебного заседания, состоявшегося 6 мая 2026 г. У него была достигнута договоренность о явке в указанное судебное заседание адвоката Д. для защиты С. Поскольку адвокат Д. заболел, утром 18 мая адвокат П. через мессенджер *Telegram* уведомил сотрудника аппарата судьи, а затем по ее просьбе направил в суд письменное заявление с информацией об отпуске и просьбой назначить С. защитника в порядке ст. 51 УПК РФ. По его мнению, в судебном заседании 18 мая 2026 г. требовалось лишь формальное участие адвоката, так как прения сторон состоялись 4 и 6 мая 2026 г., и его неявка была согласована с его подзащитной С.

Согласно ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле. В развитие данного предписания п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для его проведения, адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд.

Из протокола судебного заседания от 18 мая 2026 г. следует, что адвокат П. известил суд о своей неявке: «В адрес суда 18 мая 2026 года поступило заявление от защитника – адвоката П., согласно которому он находится в отпуске с 11 мая 2026 года по 21 мая 2026 года, явиться в судебное заседание он не может, в связи с чем просит назначить подсудимой С. защитника на основании ст. 51 УПК РФ. Данная позиция с подсудимой С. согласована. Судом, с учетом времени поступления данного заявления в адрес суда, были приняты меры по назначению защитника на основании ст. 51 УПК РФ, направлена заявка. Однако в связи с незаблаговременным уведомлением суда данная заявка, несмотря на ее приоритетный статус, рассмотрена не была, какой-либо защитник данную заявку на сегодняшнее заседание на 14.00 час. не взял… Суд на месте постановил: отложить судебное заседание в связи с неявкой защитника подсудимой С. – адвоката П.».

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает причину неявки адвоката П. в судебное заседание 18 мая 2026 г. уважительной – реализация права на отдых и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в неуведомлении адвокатом П. суда о причинах неявки в судебное заседание 18 мая 2026 г. по данному уголовному делу, Совет отмечает следующее. Адвокату П. было заблаговременно известно как о судебном заседании, назначенном на 14.00 часов 18 мая 2026 г., так и о своем убытии в отпуск 11 мая 2026 г., однако он о своей неявке в указанное судебное заседание проинформировал суд лишь утром в день заседания. Такое

извещение не может быть признано заблаговременным и надлежащим.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката П. в указанной части опровергнутой и, частично соглашаясь с Квалификационной комиссией, квалифицирует эти действия адвоката П. как нарушение требований п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что он заблаговременно не уведомил судью К. о невозможности своей явки 18 мая 2026 г. по уважительной причине в судебное заседание по уголовному делу.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката П. о том, что в указанное судебное заседание вместо него должен был явиться другой защитник С. – адвокат Д., поскольку этот довод ничем не подтвержден. Кроме того, это обстоятельство в любом случае не препятствовало адвокату П. заблаговременно уведомить суд о своей неявке и не освобождало его от данной обязанности. Помимо этого, Совет считает необходимым указать адвокату П. на недопустимость деления участия в судебных заседаниях на «формальное» и «неформальное». Совет отмечает, что такое деление не обеспечивает должное исполнение адвокатом профессиональной обязанности по надлежащей защите прав и интересов доверителя, предусмотренной подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, тем более что адвокат не может достоверно знать заранее, какая ситуация может возникнуть в предстоящем судебном заседании и, соответственно, какая юридическая помощь может потребоваться в нем его доверителю.

В то же время указание в формулировке дисциплинарного обвинения, содержащейся в резолютивной части Заключения Квалификационной комиссии, на то, что адвокат П. не представил суду документы, подтверждающие его убытие в отпуск, является избыточным и исключается Советом по следующим причинам. В соответствии с Разъяснениями № 3 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О неявках в судебное заседание» обязанность представить суду документы, подтверждающие уважительность причины неявки в судебное заседание, должна быть исполнена адвокатом не позднее следующего судебного заседания. Судебное заседание 18 мая 2026 г. было отложено судом на 14.00 час. 20 мая 2026 г., а уже 18 мая 2026 г. судьей К. было направлено обращение в отношении адвоката П., послужившее поводом для возбуждения настоящего дисциплинарного производства. Таким образом, на момент направления заявителем обращения не наступил срок исполнения адвокатом П. обязанности представить суду документы, подтверждающие уважительность причины неявки в судебное заседание 18 мая 2026 г. Помимо этого, адвокат может и не иметь никаких документов, подтверждающих его убытие в отпуск, поскольку не состоит в трудовых отношениях и использует свой отпуск (реализует право на отдых) самостоятельно, а не на основании приказа работодателя, который у него отсутствует.

Совет также соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом П. прав подсудимой С. и иных участников судебного разбирательства его неявкой в суд вследствие отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства. Суд не наделен полномочиями по выдвижению такого дисциплинарного обвинения в отношении адвоката, осуществляющего защиту по соглашению. При этом от С. и иных участников судебного разбирательства

жалоб в отношении адвоката П. в Адвокатскую палату города Москвы не поступало. Напротив, в материалах дисциплинарного производства имеется письмо С. от 25 мая 2026 г. с положительной оценкой его работы.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката П. за допущенное нарушение, Совет учитывает негативные последствия нарушения, выразившиеся в срыве судебного заседания. Одновременно с этим Совет принимает во внимание, что адвокат П. имеет длительный стаж адвокатской деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение требований п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката («При невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании… адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд»), выразившееся в том, что он заблаговременно не уведомил судью Т. районного суда г. Москвы К. о невозможности своей явки 18 мая 2026 г. по уважительной причине в судебное заседание по уголовному делу.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. по обращению судьи К.:

в части дисциплинарных обвинений, касающихся нарушения прав его подзащитной С. и иных участников судебного процесса, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения;

в оставшейся части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.11. Совет направил дисциплинарное производство Квалификационной комиссии для нового разбирательства, поскольку ею не была дана надлежащая оценка дисциплинарных обвинений в размещении адвокатом на своём сайте недопустимой информации, а также в неуважительном высказывании в отношении коллеги, адресованном доверителю. При этом Совет подчеркнул, что состав соответствующего дисциплинарного нарушения образует сам факт распространения адвокатом информации, относящейся к его профессиональной деятельности и не соответствующей критериям ее допустимости, установленным корпоративными нормами, вне зависимости от того, был ли кто-либо введен этой информацией в заблуждение и в какой именно части.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-

связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 8 апреля 2026 г. в отношении адвоката С.П.

Квалификационная комиссия 10 июня 2026 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом С.П. взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, принятых на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 г., что выразилось в невыдаче доверителю Б.Е. второго экземпляра Соглашения об оказании юридической помощи от 30 января 2026 г.;

2) о нарушении адвокатом С.П. положений подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что, получив от доверителя Б.Е. 30 января 2026 г. денежные средства в общей сумме …руб. в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи по упомянутому соглашению, адвокат С.П. в период действия данного соглашения не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю Б.Е. финансовый документ по проведению операции с ее денежными средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С.П. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 8 апреля 2026 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С.П., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, подал письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии, в которых указал на несогласие с выводом Комиссии о нарушении им норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, устанавливающих правила формализации отношений с доверителем. Полагает, что материалы дисциплинарного производства не подтверждают наличия в его действиях доказанного виновного дисциплинарного проступка. Указал, что Комиссия фактически отождествила отсутствие отдельной отметки о получении либо отказе от получения Соглашения с самой «невыдачей» соглашения, хотя это, по его мнению, разные обстоятельства. При этом считает, что имеющаяся в материалах дисциплинарного дела аудиозапись подтверждает, что соглашение было изготовлено, подписано сторонами, его текст заранее направлялся доверителю, а впоследствии он передал доверителю Соглашение при личной встрече. К возражениям приложено нотариально заверенное заявление свидетеля о передаче Б.Е. экземпляра соглашения. Кроме того, указывает, что вся сумма вознаграждения в размере …руб. была перечислена 4 февраля 2026 г. на расчетный счет КАГМ «…» с прямым указанием номера Соглашения и доверителя, и на тот момент продолжалось фактическое ис-

полнение поручения, доверитель передавала документы и просила учитывать работу «до сегодняшнего дня включительно». Факт и момент бесспорного прекращения Соглашения до совершения платежа Комиссией не установлен. Утверждает, что не отказывался предоставить доверителю финансовые документы: их передача обсуждалась, была согласована личная встреча, документы имелись в адвокатском производстве, а их неполучение доверителем связано с тем, что она предложенным способом получения не воспользовалась. Полагает, что общая последовательность его поведения исключает вывод о пренебрежении профессиональными обязанностями, совершенном умышленно либо по грубой неосторожности, и поясняет, что поручение им реально исполнялось: была подготовлена апелляционная жалоба, вознаграждение полностью оприходовано, документы сохранялись в адвокатском производстве, доверителю предлагались встречи и возможность их получения, а возникший впоследствии конфликт развивался преимущественно вокруг размера возвращаемого вознаграждения, причем сама перспектива обращения с дисциплинарной жалобой была поставлена Б.Е. в зависимость от возврата ей …руб.

К возражениям адвоката С.П. также приложено письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие. Учитывая изложенные обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката С.П.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии заявителем получено, с выводами Комиссии согласилась. При этом те дисциплинарные обвинения, в отношении которых Комиссией вынесено Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, заявитель не отзывает, поскольку не считает их необоснованными.

Совет, выслушав представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е., рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, приходит к выводу о невозможности его разрешения по существу и полагает необходимым направить его Квалификационной комиссии для нового разбирательства, исходя из следующего.

Рассматривая содержащееся в представлении дисциплинарное обвинение в размещении на сайте адвоката С.П. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведений, содержащих утверждения о благополучном исходе «разрешения им уголовно-правовых ситуаций», что вызвало у Б.Е. безосновательные надежды о том, что Б.И. не будет избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, Квалификационная комиссия установила, что на указанном сайте размещена следующая информация:

«*РЕЗУЛЬТАТ, КОТОРЫЙ ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ, ОБРАТИВШИСЬ КО МНЕ:*

Уголовное дело не будет возбуждено

На этапе доследственной проверки я помогу Вам выработать позицию и способ защиты, чтобы добиться вынесения адекватного и законного решения вплоть до отказа в возбуждении уголовного дела.

Будет избрана более мягкая мера пресечения

У меня есть наработанная практика, которая позволяет на стадии избрания меры пресечения избежать заключения

под стражу, заменив ее более мягкими мерами – залогом, запретом определенных действий, домашним арестом, подпиской о невыезде и надлежащем поведении.

Будет уменьшен объем обвинения

Я занимаю активную позицию в сборе доказательств защиты для разработки позиции, которая позволяет минимизировать размер причиненного ущерба, извлеченного дохода, исключить двойную квалификацию.

Уголовное дело будет прекращено

У меня есть опыт осуществления эффективной тактики защиты, которая позволила моим доверителям добиться прекращения уголовного дела как на этапе следствия, так и в судебном порядке: за примирением сторон, в связи с истечением срока давности, назначением судебного штрафа.

Будет назначено более мягкое наказание

Сбор дополнительной доказательной базы, учет всех смягчающих обстоятельств позволяет назначить наказание, не связанное с реальным лишением свободы или существенно уменьшить срок».

Давая оценку этой информации, Квалификационная комиссия посчитала, что формулировки декларируемых на сайте результатов оказания адвокатом С.П. юридической помощи неразрывно связаны с вводным словом «можете», которое, по мнению Комиссии, придает им вероятностный, а не императивный характер. Это, по мнению Комиссии, исключает восприятие информации как безусловной гарантии или обещания конкретного исхода дела. По этим причинам Комиссия не усмотрела в размещении адвокатом С.П. на своем сайте указанной информации дисциплинарного нарушения.

Совет считает, что такой вывод сделан Квалификационной комиссией преждевременно.

В русском языке слово «может» обычно выполняет две функции: форма глагола «мочь» со значением «иметь возможность, быть в состоянии, иметь достаточно сил сделать что-либо» или вводное слово с семантикой «возможно, вероятно, может быть».

Данному обстоятельству Квалификационная комиссия оценки в Заключении не дала. Между тем, если исходить из того, что на сайте адвоката С.П. слово «можете» было использовано в качестве глагола (сказуемого), то необходимо оценить, не является ли в рассматриваемом контексте описанная формулировка со словом «можете» адресованным потенциальным доверителям намеком: «Если обратитесь ко мне, то получите соответствующий результат». Если же исходить из того, что слово «можете» было использовано адвокатом С.П. во втором, вероятностном, значении, то необходимо дать оценку тому обстоятельству, не содержит ли приведенная выше информация такие заявления, намеки и двусмысленности, способные ввести в заблуждение потенциальных доверителей или вызывать у них безосновательные надежды, которые прямо запрещены подп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Таким образом, Квалификационная комиссия, установив факт размещения адвокатом С.П. на его сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<www.advokatsamarkin.ru>) указанной информации, не дала надлежащей оценки соответствия профессионального поведения адвоката С.П. в данной части требованиям ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснениям Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской

Федерации от 17 апреля 2019 г. (Протокол № 7) (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/interpretation-no-01–19/>), которыми предусмотрено:

«Недопустимой является информация, вводящая потенциальных доверителей в заблуждение относительно характеристик адвоката и оказываемой им юридической помощи путем ложных заявлений, обещаний, искажения фактов. Недопустимо размещение в сети "Интернет" не соответствующих действительности сведений о количестве оправдательных приговоров, постановленных в отношении доверителей адвоката, о проценте "выигранных" дел.

Размещение в сети "Интернет" не соответствующих действительности сведений влечет подрыв доверия как непосредственно к адвокату, распространившему недостоверную информацию о себе, так и к адвокатуре в целом.

Такие действия являются прямым нарушением запрета привлечения потенциальных доверителей обещанием благополучного разрешения дела, установленного подпунктом 6 пункта 1 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, и нарушением требований к информации об адвокате, содержащихся в пункте 1 статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката».

Совет уже неоднократно разъяснял (в том числе в решениях по дисциплинарным производствам) и вновь подчеркивает, что состав соответствующего дисциплинарного нарушения образует сам факт распространения адвокатом информации, относящейся к его профессиональной деятельности и не соответствующей критериям ее допустимости, установленным корпоративными нормами, вне зависимости от того, был ли кто-либо введен этой информацией в заблуждение и в какой именно части.

Рассматривая содержащееся в представлении дисциплинарное обвинение в проявлении адвокатом С.П. неуважения и несоблюдении им норм профессиональной этики в отношении адвоката М., Квалификационная комиссия установила, что адвокат С.П. на просьбу доверителя передать копии материалов уголовного дела адвокату М. письменно ответил доверителю следующее: «*Это который месяц как стал адвокатом: М., реестровый № … Избранная форма адв. образования: Адвокатское бюро "…" Статус получен …2025*».

Комиссия, оценивая указанное сообщение, пришла к выводу, что оно представляет собой перечень сведений об адвокате М., взятых из открытых источников, а в тексте сообщения адвоката С.П. отсутствуют какие-либо негативные характеристики, оценочные суждения, сравнения или намеки на профессиональную некомпетентность адвоката М. Сама фраза «*Это который месяц как стал адвокатом*» носит, по мнению Комиссии, «вопросительно-утвердительный» характер и констатирует факт непродолжительности стажа, однако не содержит эпитетов, указывающих на недостаточность квалификации адвоката.

Совет полагает, что указанный вывод также сделан Квалификационной комиссией преждевременно. Квалификационная комиссия не дала оценки тому обстоятельству, достаточно ли было для идентификации адвоката М. указания на его фамилию, имя и отчество, «реестровый № » (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) и наименование адвокатского образования, или же эта совокупность персональных сведений в отсутствие фразы «*Это который месяц как стал адвокатом*» была недостаточной для идентификации адвоката. Не оценив достаточности для

идентификации адвоката М. приведения адвокатом С.П. в направленном доверителю сообщении указания на его фамилию, имя и отчество, «реестровый № » и наименование адвокатского образования, Квалификационная комиссия преждевременно сделала вывод о том, что в анализируемом контексте фраза *«Это который месяц как стал адвокатом»* только констатирует факт непродолжительности стажа адвоката М., однако не содержит эпитетов, указывающих на недостаточность квалификации этого адвоката, которому доверитель Б.Е. попросила адвоката С.П. передать копии материалов уголовного дела в отношении Б.И.

При таких обстоятельствах и учитывая, что соответствующие дисциплинарные обвинения содержатся в представлении заявителя и он от них не отказался, Совет полагает необходимой оценку в ходе дисциплинарного производства профессионального поведения адвоката С.П. как на предмет его соответствия критериям допустимости содержания информации об адвокате и адвокатском образовании, предусмотренным п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и на предмет соответствия требованиям п. 2 ст. 8 и подп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению; адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката либо авторитет адвокатуры).

Такая оценка может быть дана только Квалификационной комиссией при новом разбирательстве.

Помимо этого, при новом разбирательстве подлежат проверке и оценке иные доводы, содержащиеся в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве, равно как и соответствующие доводы адвоката С.П., изложенные в его письменных возражениях на Заключение Квалификационной комиссии.

Надлежащие установление и оценка описанных обстоятельств имеют существенное значение для правильного разрешения данного дисциплинарного производства, и это может быть сделано только Квалификационной комиссией, поскольку Совет в соответствии с п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката не вправе считать установленными не установленные Квалификационной комиссией фактические обстоятельства и выходить за пределы ее заключения.

При новом разбирательстве Квалификационной комиссии следует с учетом результатов проверки всех изложенных обстоятельств, а также с учетом всех иных установленных обстоятельств дать надлежащую оценку профессиональному поведению адвоката С.П., обеспечив в полной мере исполнение требований, предусмотренных п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 5 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

направить дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 8 апреля 2026 года в отношении адвоката С.П. на новое разбирательство в Квалификационную комиссию.

2.12. Дисциплинарное производство прекращено, поскольку Совет признал правомерным покидание адвокатом зала судебного заседания в связи с отказом суда обеспечить её доверителю возможность надлежащей подготовки к участию в судебном заседании.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи М. городского суда О. от 7 мая 2026 г. в отношении адвоката С.

Квалификационная комиссия 17 июня 2026 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С. по обращению судьи М. городского суда О., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката С. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, просила о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие. Принимая во внимание указанные обстоятельства, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившейся адвоката С.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в апелляционном производстве М. городского суда находилось уголовное дело по апелляционным жалобам обвиняемых Т.М., Н.А., К.Н., защитников – адвокатов Р.М., Ш.А., Л.Д. на определение Х. районного суда г. Москвы от 24 декабря 2025 г., которым уголовное дело в части обвинения К.Н., Н.А., Т.М., С.А., А.А., Б.А., З.Н., Р.О., З.И., К.В., С.О. – каждого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, ч. 1 ст. 210 УК РФ в отношении потерпевшего Д.А., в соответствии со ст. 237 УПК РФ было возвращено прокурору… г. Москвы для устранения препятствий рассмотрения его судом. Дело поступило в суд 14 апреля 2026 г., судебные заседания состоялись 21 и 28 апреля, 5 и 7 мая 2026 г.

В судебном заседании 5 мая 2026 г. в связи с неявкой по болезни защитника К.Н. по назначению – адвоката Н. рассмотрение дела было отложено до 09.00 час. 7 мая 2026 г.

В тот же день, в 14.26 час., судья О. разместила в АИС АПМ заявку об обеспечении участия защитника К.Н. в апелляционном производстве в порядке, предусмотренном ст. 50, 51 УПК РФ. Заявка была распределена адвокату С., которая вступила в дело, представив ордер от 5 мая 2026 г.

7 мая 2026 г. адвокат С. покинула судебное заседание при обстоятельствах, описанных ниже, после чего оно было отложено до 13.00 час. того же дня. Через отдел делопроизводства суда адвокат С. также подала письменное ходатайство судье О., в котором просила вручить К.Н. копию определения Х. районного суда г. Москвы от 24 декабря 2025 г. о возвращении дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ и отложить судебное заседание

в целях реализации К.Н. права на защиту в суде апелляционной инстанции.

После этого судья О. по собственной инициативе произвела замену защитника и в 13.16 час. разместила в АИС АПМ другую заявку об осуществлении защиты К.Н. в порядке ст. 50, 51 УПК РФ. В 13.28 час. указанная заявка была распределена адвокату Ф.

В тот же день судом было вынесено апелляционное постановление по уголовному делу, согласно которому защиту К.Н. осуществляла адвокат Ф.

В обращении заявителя против адвоката С. выдвигаются дисциплинарные обвинения в оставлении ею 7 мая 2026 г. зала судебного заседания, отказе от защиты К.Н., нарушении права последней на рассмотрение уголовного дела в разумный срок и срыве судебного заседания.

Оценивая указанные дисциплинарные обвинения, Совет приходит к следующим выводам.

В силу подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

В соответствии с п. 18 ч. 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе обжаловать приговор, определение и постановление суда и получать копии обжалуемых решений. Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», право обвиняемого на защиту включает возможность защищаться лично всеми не запрещенными законом способами и средствами, а его процессуальные права не могут быть ограничены в связи с участием в деле защитника.

Как следует из протокола судебного заседания, К.Н. сообщила суду о неполучении копии обжалуемого определения и указала, что по этой причине отказывается от участия в судебном заседании, поскольку не может мотивировать свою позицию. Поддерживая свою подзащитную, адвокат С. просила суд отложить рассмотрение дела, вручить К.Н. копию обжалуемого судебного акта и предоставить ей возможность подготовиться к дальнейшему участию в судебном заседании.

Председательствующая судья сообщила о наличии в материалах уголовного дела расписки К.Н. о вручении ей копии судебного решения. Вместе с тем из материалов дисциплинарного производства не следует, что данный документ был предъявлен защитнику – адвокату С. либо ей были известны дата и обстоятельства его составления. Сведения, позволяющие установить факт и время получения обвиняемой К.Н. копии обжалуемого определения, также не представлены. Адвокат С., в свою очередь, пояснила, что при предварительном ознакомлении с уголовным делом этой расписки К.Н. не обнаружила.

При таких обстоятельствах отсутствуют основания для вывода о том, что адвокат С. настаивала на отложении рассмотрения дела, располагая достоверной информацией, опровергавшей заявление ее доверителя К.Н. о неполучении копии обжалуемого судебного решения.

После отказа суда в удовлетворении ходатайства об отложении судебного заседания и во вручении К.Н. копии обжалуемого постановления адвокат С. просила суд освободить ее от дальнейшего участия в деле и покинула зал суда, вновь подав письменное ходатайство о том же. Эти ее действия подлежат оценке в системной взаимосвязи с обстоятель-

ствами, которыми они были обусловлены.

Как указано выше, до покидания зала судебного заседания адвокат С. как защитник К.Н., заявившей о неполучении копии обжалуемого постановления и отказавшейся в связи с этим от участия в судебном заседании, последовательно поддерживала позицию подзащитной и настаивала на обеспечении ее права на защиту, а именно на необходимости вручения ей копии обжалуемого определения и предоставления возможности подготовить свою позицию. Для этого адвокат С. просила отложить судебное заседание. С этой же целью ею 7 мая 2026 г. было подано письменное ходатайство о том же.

При таких обстоятельствах отсутствуют основания для вывода о намерении адвоката С. отказаться от оказания К.Н. юридической помощи либо уклониться от исполнения иных профессиональных обязанностей перед доверителем. Ее поведение, в том числе и в его протестной части, связанной с покиданием судебного заседания, было обусловлено правомерной целью обеспечения прав подзащитной, которые адвокат обоснованно считала нарушенными. Такое профессиональное поведение адвоката является не только правомерным, но и обязательным в силу требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Не нашли подтверждения и дисциплинарные обвинения в нарушении права К.Н. на рассмотрение уголовного дела в разумный срок и срыве судебного заседания. После замены защитника апелляционное рассмотрение было продолжено с участием адвоката Ф. и завершено в тот же день. При этом адвокат С. не допустила неуважения к суду, поскольку действовала в пределах полномочий защитника и не допускала неуважительных высказываний в адрес суда.

По указанным причинам Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката С. неопровергнутой и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по обращению судьи М. городского суда О. от 7 мая 2026 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

3. Дисциплинарные производства иных категорий

3.1. Статус адвоката прекращен за умышленное сокрытие от доверителя факта собственного банкротства. Совет подчеркнул обязанность адвоката, в отношении которого введена процедура банкротства, уведомить об этом доверителя и получить его письменное согласие на прекращение действия адвокатской тайны в необходимом для процедуры банкротства объеме. Публичность сведений о банкротстве не заменяет такого персонального уведомления и не освобождает адвоката от исполнения этой обязанности.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя Ф. и ее представителя М. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам Ф. от 15 мая и 3 июня 2026 г. в отношении адвоката Р.

Квалификационная комиссия 8 июля 2026 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 3 Разъяснения Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросу банкротства гражданина, обладающего статусом адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 4 декабря 2017 г. (Протокол № 8), исполнении адвокатом Р. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ф. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции; при намерении адвоката продолжать оказание юридической помощи после введения в отношении него процедуры банкротства адвокат обязан уведомить доверителей о введении в отношении него соответствующих процедур, а также получить согласие в письменной форме на прекращение действия адвокатской тайны в объеме, необходимом для выполнения адвокатом обязанностей, предусмотренных § 1.1 гл. X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»), выразившемся в том, что при заключении с доверителем Ф. Договора об оказании юридической помощи от 21 апреля 2025 г. №… (с Приложением № 1 к нему) и при получении авансом от доверителя Ф. 21 апреля 2025 г. на основании данного договора вознаграждения в размере … руб., перечисленного ею на расчетный счет Московской коллегии адвокатов «…», адвокат Р. с целью сокрытия от доверителя Ф. своего финансового положения как должника, признанного несостоятельным (банкротом), не сообщил указанному доверителю о том, что решением Арбитражного суда г. Москвы от 4 апреля 2025 г. он признан несостоятельным (банкротом) и в отношении него введена процедура реализации имущества должника сроком на шесть месяцев, а также не получил от доверителя Ф. согласия в письменной форме на прекращение действия адвокатской тайны в объеме, необходимом для выполнения адвокатом им обязанностей, предусмотренных § 1.1 гл. X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Р. по жалобам Ф., в части доводов заявителя Ф. об уклонении адвоката Р. от возврата неотработанной части полученного авансом вознаграждения в размере …руб. и о совершении им противоправных действий – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, поскольку установление противоправных действий и разрешение имущественных споров не относится к компетенции органов адвокатского самоуправления;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Р. по жалобам Ф., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Р., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, участие представителя не обеспечил, отношения к Заключению Комиссии не выразил. По имеющимся сведениям, содержится под стражей. Представитель адвоката Р. – адвокат У. письменно уведомила о невозможности участия в заседании Совета. При таких обстоятельствах и учитывая положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым неявка кого-либо из участников не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Заявитель Ф. и ее представитель М. в заседании Совета подтвердили своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, с которым согласились частично, поддержав поданные заявителем письменные возражения, где та указала на несогласие с выводом Комиссии о необходимости частичного прекращения производства, указывала на бездействие адвоката Р., невыполнение им обязательств по соглашению. Просили применить к адвокату Р. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав заявителя и ее представителя, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Заявитель Ф. выдвинула в отношении адвоката Р. дисциплинарные обвинения:

– в сокрытии от нее факта своего банкротства;

– в ненадлежащем оказании ей юридической помощи, бездействии при исполнении принятого поручения;

– в отказе возвратить неотработанное вознаграждение и его присвоении.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что решением Арбитражного суда г. Москвы от 4 апреля 2025 г. по делу по заявлению ООО «…Банк» о признании Р. несостоятельным (банкротом) Р. признан несостоятельным (банкротом) и в отношении него введена процедура реализации имущества должника сроком на шесть месяцев, до 1 октября 2025 г. Этим же решением финансовым управляющим должника утвержден М.И. Сообщение о признании должника Р. банкротом и введении процедуры реализации имущества должника опубликовано в газете «…» от 12 апреля 2025 г.

21 апреля 2025 г. адвокат Р. и доверитель Ф. заключили договор об оказании юридической помощи, согласно п. 2.1 ко-

торого адвокат Р. обязался осуществлять защиту интересов Ф. по имущественному спору с бывшим супругом – К. в отношении недвижимости, неправомерно отчужденной третьим лицам, а именно двух квартир, адреса которых приведены в Договоре.

В соответствии с п. 4.1 указанного договора сторонами согласовано вознаграждение адвоката Р. в размере, указанном в Приложении № 1, являющемся неотъемлемой частью этого договора. Пунктом 1 Приложения № 1 к Договору установлена обязанность доверителя Ф. в течение трех дней с даты подписания Договора выплатить адвокату Р. вознаграждение в размере …руб. Согласно п. 2 того же приложения «при достижении результата в виде истребования в пользу доверителя или обращения взыскания на указанное в Договоре имущество либо взыскания денежных средств, подлежащих выплате Доверителю в рамках инициированного Адвокатом гражданского судопроизводства, Доверитель обязуется выплатить Адвокату дополнительное вознаграждение в размере 20 (Двадцать) процентов от стоимости имущества или суммы, присужденной судом Доверителю, в срок не позднее 20-ти дней с момента вступления судебного акта в законную силу».

21 апреля 2025 г. Ф. выплатила адвокату Р. авансовую часть вознаграждения, перечислив на расчетный счет Московской коллегии адвокатов города Москвы «…» денежные средства в размере …руб., что подтверждается платежным поручением от 21 апреля 2025 г.

Таким образом, на дату заключения Договора от 21 апреля 2025 г. с доверителем Ф. и получения от нее авансом вознаграждения в размере …руб. адвокат Р. был признан банкротом и в отношении него была введена одна из предусмотренных ст. 213.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» процедур – реализация имущества гражданина, срок которой неоднократно продлевался, в том числе на основании определения Арбитражного суда г. Москвы от 16 апреля 2026 г. На дату заключения Договора от 21 апреля 2025 г. производство по делу о банкротстве должника Р. не было завершено.

При этом адвокат Р., достоверно зная о принятии в отношении него указанных судебных решений, не исполнил предусмотренные п. 3 Разъяснения Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросу банкротства гражданина, обладающего статусом адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 4 декабря 2017 г. (Протокол № 8) обязанности как по уведомлению доверителя Ф. о введении в отношении него соответствующей процедуры, так и по получению от нее в письменной форме согласия на прекращение действия адвокатской тайны в объеме, необходимом для выполнения адвокатом обязанностей, предусмотренных § 1.1 гл. X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Доводы адвоката Р. о причинах неисполнения этих обязанностей, выдвинутые им при разбирательстве в Квалификационной комиссии и изложенные в ее Заключении, Совет, соглашаясь с Комиссией, отклоняет как несостоятельные, поскольку они относятся к обстоятельствам урегулирования его задолженности в процедуре банкротства и не влияют на оценку его профессионального поведения. В Заключении Квалификационной комиссии приведены исчерпывающие обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Довод адвоката Р. о якобы осведомленности Ф. о его банкротстве и об общедоступности сведений о банкротстве Советом также отклоняется как не под-

твержденный какими-либо доказательствами. При этом факт опубликования сообщения о банкротстве адвоката сам по себе не свидетельствует о фактической осведомленности доверителя и во всех случаях не освобождает адвоката от исполнения соответствующих обязанностей.

Совет подчеркивает, что приведенные выше требования к адвокату относительно действий при признании его банкротом являются императивными и обязательными для всех адвокатов в силу подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката. При этом ни один из доводов адвоката Р. не свидетельствует о наличии у него каких-либо объективных препятствий для исполнения этих обязанностей.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о неисполнении адвокатом Р. указанной обязанности по уведомлению заявителя Ф. о введении в отношении него процедуры банкротства и по получению от нее в письменной форме согласия на прекращение действия адвокатской тайны в объеме, необходимом для выполнения адвокатом обязанностей, предусмотренных § 1.1 гл. X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Р. опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Вместе с тем Совет соглашается и с выводами Квалификационной комиссии о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства.

Так, доводы Ф. о том, что юридическая помощь ей адвокатом Р. в целом не была оказана надлежащим образом и адвокат Р. бездействовал в отношении исполнения принятого поручения об оказании юридической помощи, являются неконкретными и не подтверждены доказательствами. Ссылки Ф. на то, что за весь период действия Договора об оказании юридической помощи от 21 апреля 2025 г. состоялись лишь две ее личные встречи с адвокатом Р. и им не были представлены план действий и сроки их реализации, сами по себе не являются достаточными доказательствами ненадлежащего качества юридической помощи. При этом представителем адвоката Р. – адвокатом У. даны документальные подтверждения оказания адвокатом Р. доверителю Ф. юридической помощи, в том числе светокопия составленного им документа под названием «Фактические обстоятельства» и отчет о выполненных работах, в котором перечислены конкретные юридически значимые действия, произведенные адвокатом Р. в интересах доверителя Ф. Совершение этих действий заявителем не опровергнуто.

Дисциплинарное обвинение Ф. в том, что адвокат Р. перепоручил исполнение поручения по участию в судебных заседаниях 13 мая, 20 августа и 9 декабря 2025 г., а также 29 января 2026 г. помощникам В. и К., не меняет этого вывода в силу того, что участие адвоката Р. в соответствующих судебных заседаниях не охватывалось предметом соглашения об оказании юридической помощи.

Претензия Ф. в причинении вреда ее интересам тем, что адвокат Р. якобы убедил ее не подавать иск о пересмотре решения суда по алиментам на ее несовершеннолетнего ребенка по вновь открывшимся обстоятельствам, ссылаясь на то, что это якобы помешает его стратегии, и тем самым спровоцировал пропуск процессуальных сроков, также не подтверждена доказательствами и в то же время не относится к предмету

принятого адвокатом Р. поручения, предусмотренного соглашением об оказании юридической помощи.

Дисциплинарное обвинение в непредставлении адвокатом Р. актов выполненных работ также является необоснованным, поскольку ни соглашением об оказании юридической помощи, ни законодательством об адвокатской деятельности и правилами профессиональной этики такая обязанность адвоката не предусмотрена.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части вышеуказанных обвинений в связи с отсутствием в действиях (бездействии) адвоката Р. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Требование заявителя Ф. о возвращении адвокатом Р. неотработанной части вознаграждения и об оказании ей содействия в этом, а также ее утверждение о совершении адвокатом Р. уголовно наказуемого деяния, не могут быть рассмотрены по существу в дисциплинарном производстве, поскольку их рассмотрение находится вне пределов компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления. Имущественные споры между доверителем и адвокатом, в том числе и о размере вознаграждения, подлежат разрешению путем переговоров либо судом в порядке гражданского судопроизводства, а решение о наличии или об отсутствии в действиях адвоката (как и любого лица) признаков уголовно наказуемого деяния может быть принято только уполномоченными на это органами в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством. В связи с этим дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Р. за совершенное нарушение, Совет учитывает его грубый и умышленный характер, сопряженный с игнорированием адвокатом обязательных требований законодательства и профессиональной этики и проявлением недобросовестности в отношениях с доверителем, что повлекло наступление негативных имущественных последствий и причинило вред авторитету адвокатуры. Такое профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым. При этом ранее адвокат Р. уже привлекался к дисциплинарной ответственности за совершение дисциплинарного нарушения, за которое Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от … 2025 г. к нему была применена мера дисциплинарной ответственности в виде замечания. Помимо этого, Решением Совета от … 2026 г. в отношении него применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за совершение дисциплинарного нарушения в отношении заявителя К.О., аналогичного дисциплинарному нарушению, совершенному в отношении заявителя по данному дисциплинарному производству Ф., и в тот же период. Таким образом, подобное недопустимое и недобросовестное поведение адвоката Р. носит систематический характер, свидетельствующий о том, что он, несмотря на длительный профессиональный стаж, не обладает необходимыми для адвоката профессиональными и личными качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности руководствуется мотивами, чуждыми назначению и сущности адвокатской профессии. Учитывая приведен-

ную совокупность обстоятельств, Совет признает дальнейшее нахождение адвоката Р. в составе адвокатского сообщества невозможным и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не находит оснований для применения к адвокату Р. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку это не соответствовало бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также создало бы ложную видимость совместимости подобного профессионального поведения со статусом адвоката. Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных нарушений.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Р. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, учитывая все установленные по настоящему дисциплинарному делу обстоятельства, в том числе данные о личности и профессиональной деятельности Р., считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1, 2 и 3 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 8 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Р. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 3 Разъяснения Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросу банкротства гражданина, обладающего статусом адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 4 декабря 2017 года (Протокол № 8), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ф. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной

палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции; при намерении адвоката продолжать оказание юридической помощи после введения в отношении него процедуры банкротства адвокат обязан уведомить доверителей о введении в отношении него соответствующих процедур, а также получить согласие в письменной форме на прекращение действия адвокатской тайны в объеме, необходимом для выполнения адвокатом обязанностей, предусмотренных § 1.1 гл. X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»), выразившееся в том, что при заключении с доверителем Ф. Договора об оказании юридической помощи от 21 апреля 2025 г. с Приложением № 1 к нему и при получении авансом от доверителя Ф. 21 апреля 2025 г. на основании данного договора вознаграждения в размере …руб., перечисленного Ф. на расчетный счет Московской коллегии адвокатов «…», адвокат Р. с целью сокрытия от доверителя Ф. своего финансового положения как должника, признанного несостоятельным (банкротом), не сообщил ей о том, что решением Арбитражного суда г. Москвы от 4 апреля 2025 г. он признан несостоятельным (банкротом) и в отношении него введена процедура реализации имущества должника сроком на шесть месяцев, а также не получил от доверителя Ф. согласия в письменной форме на прекращение действия адвокатской тайны в объеме, необходимом для выполнения им обязанностей, предусмотренных § 1.1 гл. X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Установить в отношении Р. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р. по жалобам Ф.:

– в части доводов заявителя Ф. об уклонении адвоката Р. от возврата неотработанной части полученного авансом вознаграждения в размере …руб. и о совершении им уголовно наказуемых деяний вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– в оставшейся части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОДПИСКА

Оформить подписку
на электронную версию
можно на сайте
newtech.legal

SCAN ME
SCAN ME
SCAN ME
SCAN ME

- Как только номер журнала готов, он сразу доступен в вашем личном кабинете.
- Есть поиск по рубрикам, номерам, авторам статей и ключевым словам.
- Вам доступен архив выпусков на весь период подписки.
- Можно управлять подписками, сохранять важные статьи, оценивать материалы и знакомиться со свежими выпусками в личном кабинете.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

@CRIMINALMAGRU

@UGPRAVO

CRIMINALMAG.RU

Содержание

Документы Адвокатской палаты города Москвы 2

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 119 от 28 мая 2026 года «Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» 2

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 120 от 28 мая 2026 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» 6

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 121 от 28 мая 2026 года «О награждении адвокатов» 9

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 147 от 30 июня 2026 года «Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (извлечение) 11

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 148 от 30 июня 2026 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» 15

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 150 от 30 июня 2026 года «О награждении адвокатов» 18

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 151 от 30 июня 2026 года Об утверждении Положения об организации и осуществлении Адвокатской палатой города Москвы контроля в отношении адвокатов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения 19

ПОЛОЖЕНИЕ об организации и осуществлении Адвокатской палатой города Москвы контроля в отношении адвокатов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения 20

ПРИЛОЖЕНИЯ к Положению об организации и осуществлении Адвокатской палатой города Москвы контроля в отношении адвокатов в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ 29

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 177 от 28 июля 2026 года «Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (извлечение) 36

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 178 от 28 июля 2026 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» 40

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 179 от 28 июля 2026 года «О награждении адвокатов» 43

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 180 от 28 июля 2026 года «Вопросы Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов» 44

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 204 от 18 августа 2026 года «Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (извлечение) 47

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 205 от 18 августа 2026 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» 50

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 206 от 18 августа 2026 года «О награждении адвокатов» 53

ПАМЯТКА «О критериях допустимости размещаемой информации об адвокате и адвокатском образовании и минимизации профессиональных рисков в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”» 54

Адвокатское сообщество 62

Обзор дисциплинарной практики 63

В помощь адвокату 438

Вестник Адвокатской палаты города Москвы
Выпуск № 2 (170) 2026

Учредитель
Адвокатская палата города Москвы
119002 Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43
+7 (499) 241–2020
www.advokatymoscow.ru
info@advokatymoscow.ru

Редакционный совет
С.Б. Зубков (председатель),
Н.М. Кипнис, В.В. Клювгант,
И.А. Поляков, Г.М. Резник

Ответственные за выпуск
Н.М. Кипнис, В.В. Клювгант

Дата подписания в печать
27.10.2026

Редакция и издатель
ООО «Развитие правовых систем»
129226 г. Москва, ул. Вильгельма Пика,
д. 11. пом. 1211, +7 (499) 350–0015
www.rpspress.ru, info@rpspress.ru

Отпечатано в типографии
«OneBook.ru» ООО «Сам Полиграфист»,
109316 г. Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru

Формат 70 × 108 / 16. Гарнитура Times.
Усл.-печ. л. 27,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 75235

© Адвокатская палата
города Москвы, 2026

© ООО «Развитие правовых систем»
(подготовка, оформление), 2026